

ISSN 2619-0656

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ГОРОДА МОСКВЫ

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы

«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)

Институт гуманитарных наук

Институт иностранных языков

Вроцлавский университет

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

Сборник научных трудов по филологии

Выпуск XV

Москва
2021

УДК 80
ББК 81 + 82.3(2) + 84.3я43
Р88

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета ГАОУ ВО МГПУ

Редакционный совет:
Е.Н. Геворкян (Москва), *О.М. Романов* (Гродно),
М. Сарновски (Вроцлав), *В.В. Кириллов* (Москва)

Главный редактор:
С.А. Васильев (Москва)

Редакционная коллегия:
Т.Е. Автухович (Гродно), *Е.В. Бирюкова* (Москва), *И.А. Бубнова* (Москва),
С.В. Власова (заместитель главного редактора, Вильнюс), *Е.Ю. Геймбух* (Москва),
В.З. Демьянков (Москва), *М.Р. Желтухина* (Волгоград), *М.В. Захарова* (заместитель
главного редактора, Москва) *В.И. Карасик* (Москва), *Ж. Колевинскене* (Вильнюс),
Е.Ю. Колышева (заместитель главного редактора, Москва), *В.Л. Коровин* (Москва),
В.А. Коханова (Москва), *Г. Кундротас* (Вильнюс), *М.Ч. Ларионова* (Ростов-на-Дону),
А. Молнар (Дебрецен), *И.Н. Райкова* (Москва), *М. Сагаэ* (Токио), *А.И. Смирнова*
(Москва), *В.И. Тюпа* (Москва), *О.А. Сулейманова* (заместитель главного редактора,
Москва), *Э. Тышковска-Каспиак* (Вроцлав), *В. Шлекене* (Вильнюс), *Е.С. Ярыгина*
(Москва)

Р88 **Русистика и компаративистика:** Сб. науч. трудов по филологии / Гл.
ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. — 336 с. (Научное
издание.)

ISBN 978-5-9659-0241-5

«Русистика и компаративистика» — сериальный ежегодный международный сбор-
ник научных трудов по филологии, посвященный широкой тематике, связанной с фи-
лологическим изучением русской культуры — языка, фольклора, литературы — в ком-
паративном аспекте.

Сборник состоит из двух основных разделов: «Сравнительное литературоведение»
(отв. ред. Е.Ю. Колышева) и «Сравнительное языкознание» (отв. ред. М.В. Захарова
и О.А. Сулейманова).

Для специалистов-филологов, преподавателей, студентов, учителей.

ISBN 978-5-9659-0241-5

© Коллектив авторов, 2021
© Книгодел, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	7
ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	7
<i>Джанумов С.А., Джанумов А.С.</i> Пушкинский миф и анекдотические ситуации в повести Сергея Довлатова «Заповедник»	7
<i>Дубинина Т.Г.</i> Иванов — Гамлет или Дон Кихот? К вопросу о художественной антропологии И.С. Тургенева и А.П. Чехова.....	30
РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ.....	39
<i>Смирнов А.С.</i> Н.В. Гоголь и Ж.П. Сартр в поисках человека: антропология экзистенциализма в повести «Нос» и в романе «Тошнота»	39
<i>Бурмистрова Ю.Д.</i> Отражение темы первой любви в творчестве И.С. Тургенева и С. Беккета	56
<i>Бортновски А.</i> Образ города в «Белой гвардии» Михаила Булгакова и в «Городе» Валерьяна Пидмогильного	72
<i>Кондратьева В.В., Молнар А.</i> Порядок трудовых лагерей («Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и «Без судьбы» Имре Кертеса)	92
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	110
РУССКИЙ ЯЗЫК: НАЦИОНАЛЬНАЯ НОРМА, ДИАЛЕКТ, ГОВОР.....	110
<i>Сироткина Т.А.</i> Русский язык в зеркале регионального текста (на материале языкового пространства ХМАО-Югры)	110
<i>Якушевич И.В., Ивашина Н.С.</i> Типология и символические значения номинаций домового в русских народных говорах.....	122
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА.....	145
<i>Бортновска П.</i> Речения в структуре словарной статьи как средство отражения общественно-культурных перемен (на примере слова «нравственность»)	145
<i>Власова С.В.</i> Нейтрализация семантики определенности и ее связь с историей форм прилагательного в русском и литовском языках	163

<i>Вяльсова А.П.</i> Текстовые функции нечленных форм действительных причастий и современного русского деепричастия в сопоставительном аспекте	182
КОМПАРАТИВИСТИКА: СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	197
<i>Викулова Л.Г., Рянская Э.М., Герасимова С.А.</i> Прагматика дискурсивных жанров <i>предисловие</i> и <i>введение</i> к французскому и русскому философским словарям: сравнительный анализ.....	197
<i>Карасик В.И.</i> Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском языковом сознании.....	219
<i>Тивьяева И.В.</i> Мемориализация пандемии коронавируса в сетевых дневниках русскоязычных и англоязычных участников интернет-коммуникации	236
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ.....	262
<i>Борисова Е.Г.</i> Грамматика слушающего: прогнозирование понимания связного текста и способы его коррекции	262
<i>Шабанова Т.Д., Юсупова Ю.Р.</i> Стандартные языковые процессы как метод сопоставления микросистем.....	278
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	297
<i>Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С.</i> Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе	297
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ	316
<i>Степанова Н.А., Амелина И.О.</i> Репрезентация концепта «дом» в паремиологическом фонде различных лингвокультур (на материале пословиц на русском, английском и испанском языках): к вопросу о формировании коммуникативной компетенции при изучении русского языка как иностранного	316

ОТ РЕДАКТОРА

Вниманию читателей предлагается 15-й выпуск «Русистики и компаративистики». Концепция издания при подготовке очередного номера ежегодного сборника научных статей по филологии была существенно уточнена. Материалы принимаются теперь исключительно по сравнительному литературоведению и лингвистической компаративистике. Редакционная коллегия ушла от расширительного понимания термина «русистика», которое было ориентировано прежде всего на зарубежных коллег, занимающихся изучением русского языка, фольклора, литературы, культуры. Их работы и ранее носили преимущественно компаративный характер. На сравнении языков и литератур, причем в каждом конкретном случае в качестве объекта сравнения должны фигурировать русский язык (в синхроническом или диахроническом аспектах) или русский фольклор, литература, теперь сделан обязательный акцент и отечественными учеными.

Общелингвистическая проблематика, реализуемая на основе сравнительного метода, — еще одно (кроме материала по русскому языку или литературе в каждой статье) отличие нашего издания от смежных сериальных сборников, посвященных целиком или по преимуществу вопросам литературоведения (например, сериальный сборник «Художественный перевод и сравнительное литературоведение», выходящий под редакцией Д.Н. Жаткина¹, сборники ИМЛИ РАН² и др.) или языкознания. Содержательный сериальный сборник Жешувского университета (Польша) близкой тематики — «Русистика и современность. Литературоведение. Языкознание. Лингводидактика»³ в целом представляет собой взгляд на проблематику русистики (включая и статьи с компаративным анализом) западнославянских коллег, при этом среди авторов — значительный процент ученых из России. Специфика выбранного подхода выражается, в частности, в особом внимании к вопросам преподавания русского языка как иностранного за рубежом и современному социокультурному контексту, который, к слову сказать, подчас совсем не радует. Актуальность данного направления сравнительных филологических исследований подчеркивает и деятельность открытой весной 2021 года Научной лаборатории сравнительного литературоведения и художественной антропологии Московского государственного лингвистического университета.

¹ Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XI: Сборник научных трудов / Под ред. Д.Н. Жаткина. М.: Флинта, 2019. 656 с.

² Встреча Востока и Запада. Взаимодействие литератур и традиций / Отв. ред. А.С. Балаховская, М.Р. Ненарокова, Н.В. Захарова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 335 с.

³ Русистика и современность. Литературоведение. Языкознание. Лингводидактика. Вып. 6. Жешув: Издательство Жешувского университета, 2021. 336 с.

Редакционная коллегия сохраняет русский язык в качестве единственного языка сборника, при наличии развернутых метаданных на английском языке в соответствии с современными требованиями. Публикация переводов всех или части материалов или включение в издание иноязычных статей, вероятно, усилили бы позиции проекта при его рассмотрении на предмет включения в международные базы реферативных данных, однако это почти неминуемо привело бы к принципиальному смещению и потерям в объекте и предмете исследования, его методологии, содержании, а также негативно повлияло бы на восприятие сборника читателями, желающими узнавать о научном изучении русского языка и и литературы на родном языке.

Издание текущего года состоит из двух основных частей: сравнительного литературоведения и сравнительного языкознания с подробной рубрикацией. Авторами сборника анализируются как эволюционные аспекты русской литературы, так и ее типологические сближения и связи генетического характера с литературой зарубежной. Изучение русского языка ведется как на материале его диалектов и диахронии, так и в сопоставлении с литовским, английским, французским, испанским языками. Даже злободневная тема коронавируса в ее лингвистическом аспекте нашла отражение на страницах «Русистики и компаративистики».

Приятного и полезного чтения!

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.01>

ПУШКИНСКИЙ МИФ И АНЕКДОТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ В ПОВЕСТИ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»

Сейран Акопович Джанумов¹, Ашот Сейранович Джанумов²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ DjanumovSA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0847-5484>

² DzhanumovAS@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1697-0370>

Аннотация. В статье речь идет о художественной функции анекдота в повести Сергея Довлатова «Заповедник» (1983) и об отношении автора произведения к официальному пушкинскому мифу. В статье проводится мысль, что довлатовская деконструкция пушкинского мифа является в какой-то степени ироническим ответом на советскую канонизацию образа А.С. Пушкина и потому носит несколько сниженный, порой уничижительный, анекдотический характер, что не отменяет искренней не-притворной любви автора повести к великому русскому поэту.

В «Заповеднике» черты мифологизации Пушкина проявляются почти везде и всюду. Один из таких мифов, имеющих отношение к культу поэта в Пушкинском музее-заповеднике, — мотив подмены настоящих вещей и раритетов, когда-то принадлежавших поэту, позднейшими подделками, копиями, как сейчас принято говорить, «новоделами». Рассказчика возмущает, что в заповеднике пушкинский колорит воссоздается только за счет внешних (и не всегда аутентичных) атрибутов и примет.

В процессе анализа рассматриваются интертекстуальные связи повести «Заповедник» с произведениями русской классической литературы XIX в. Отмечается также, что в повести ощутимо присутствие автора не только как рассказчика, повествователя, но и как основного персонажа, что придает достоверность, правдивость изображаемым событиям и характерам.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, музей-заповедник, миф, анекдот, подмена.

Для цитирования: Джанумов С.А., Джанумов А.С. Пушкинский миф и анекдотические ситуации в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 7–29. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.01>.

COMPARATIVE LITERATURE STUDIES

EVOLUTION OF RUSSIAN LITERATURE

Original article

THE MYTH ABOUT PUSHKIN AND ANECDOTAL SITUATION IN SERGEY DOVLATOV'S STORY “THE RESERVE”

Seyran Akopovich Dzhanumov¹, Ashot Seyranovich Dzhanumov²

^{1,2} Moscow City University, Moscow, Russia

¹ DjanumovSA@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0847-5484>

² DzhanumovAS@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1697-0370>

Abstract. The article deals with the artistic function of the anecdote in the story “Reserve” (1983) by Sergei Dovlatov and the attitude of the author of the work to the official myth about Pushkin. The article suggests that Dovlatov’s deconstruction of the myth about Pushkin is to some extent an ironic response to the Soviet canonization of the image of A.S. Pushkin and therefore bears a somewhat reduced, sometimes derogatory, anecdotal character, which does not negate the author’s sincere unfeigned love to the great Russian poet.

Throughout his relatively short life, S. Dovlatov repeatedly turned to the works of Pushkin, to his judgments about literature. Dovlatov’s understanding

of the goal and purpose of literature is often in solidarity with Pushkin's. So, in the story "Reserve" Dovlatov notes: "His (Pushkin. — *S. D., A. D.*) literature is higher than morality. It conquers morality and even replaces it. His literature is akin to prayer, nature ..." [Dovlatov 2019: II, 237].

Dovlatov was also attracted by Pushkin's idea that "the goal of poetry is poetry". Thus, in a letter dated May 31, 1968, Komarovo to the prose writer, journalist L. Ya. Shtern Dovlatov categorically asserts: "As for auto-declarations about my stories, remember once and for all: *literature has no purpose* (Dovlatov's italics. — *S. D., A. D.*). <...> For me, literature is an expression of decency, conscience, freedom and pain of soul" [Little-known Dovlatov: 294].

In the "Reserve", the features of mythologization of Pushkin are manifested almost everywhere. One of these myths related to the cult of the poet in the Pushkin Museum-Reserve is the motive of replacing real things and rarities that once belonged to the poet, later forgeries, copies, as they say now, "remakes". The narrator is outraged that in the reserve, the Pushkin flavour is recreated only due to external (and not always authentic) attributes and features.

At the same time, the autobiographical hero cannot or does not want to oppose anything to this cult of Pushkin in the museum-reserve. And hence the mockery and grumbling of the author of the story, an addiction to individual (albeit memorable) anecdotal situations and episodes that do not form a coherent and detailed plot.

In the course of the analysis, the intertextual links between the story "Reserve" and the works of Russian classical literature of the 19th century are considered. It is also noted that the author's presence is tangible in the story not only as a narrator, but also as the main character, which gives credibility and veracity to the depicted events and characters.

Key words: A.S. Pushkin, museum-reserve, myth, anecdote, replacing.

For citation: Dzhanumov S.A., Dzhanumov A.S. The myth about Pushkin and anecdotal situation in Sergey Dovlatov's story "The Reserve". *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. = Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 7–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.01>.

© Джанумов С.А., Джанумов А.С., 2021

Введение. Цель статьи — выявление художественной функции анекдота в повести С. Довлатова «Заповедник» и отношения автора произведения к официозному пушкинскому мифу. В статье проводится мысль, что довлатовская деконструкция пушкинского мифа является в какой-то степени ироническим ответом на советскую канонизацию образа А.С. Пушкина и потому носит несколько сниженный, порой уничижительный, анекдотический характер, что не отменяет искренней, непритворной любви

автора повести к великому русскому поэту. В статье также рассматриваются интертекстуальные связи повести «Заповедник» с произведениями русской классической литературы первой трети XIX в.

Методология исследования. Специфика изучаемого материала и многоаспектность его рассмотрения предопределили сочетание в статье историко-культурного, стилистического методов анализа с элементами биографического метода, при котором контекст жизненного опыта писателя и его личность рассматриваются как основополагающий фактор творчества. Связь между личностью писателя и его произведениями в свете биографического метода оказывается определяющей. Методология исследования опирается на системный подход к изучению текста художественного произведения, исходящий из органической связи всех сторон изучаемого явления.

Методологическую основу статьи составляют положения, выдвинутые в работах И.Н. Сухих, Г.А. Доброзраковой, Т.Г. Шеметовой, И.З. Вейсман, Ю.Е. Власовой и других исследователей творчества С. Довлатова.

Основная часть

Место С.Д. Довлатова в литературном процессе последней трети XX в. и последующего времени

Сергей Донатович Довлатов (1941–1990) оказался одним из наиболее влиятельных и репрезентативных писателей за последнее десятилетие XX — первые два десятилетия XXI в. Литературное наследие этого автора невелико по объему — оно представлено пятью томами прозы, что не мешает книгам С. Довлатова оставаться в числе не только самых читаемых, но и неоднозначно воспринимаемых читательской аудиторией произведений. Прозаик творчески сложился в Ленинграде 1960-х — 1970-х гг. и реализовал себя как художник в Нью-Йорке 1980-х гг. В США Довлатов регулярно печатался в таких престижных изданиях, как «Ньюйоркер», «Партизан ревью», «Гранд Стрит» и др. За 12 лет жизни в Нью-Йорке он выпустил 12 книг на русском и несколько на английском языках, переводился на основные европейские и японский языки. О прозе Довлатова исключительно лестно отзывались ведущие писатели России и США: Виктор Некрасов, Фазиль Искандер, Георгий Владимов, Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Джозеф Хеллер, Курт Воннегут и др. По его книгам поставлены фильмы, они инсценированы, спектакли идут повсюду — от МХАТа до студенческих театров. Внезапная смерть Довлатова в августе 1990 г. в Нью-Йорке повлекла за собой новую волну публикаций о его творчестве, что существенно помогло оценить истинный масштаб его таланта. Ни о каком другом русском писателе последней трети XX в. не пишется сегодня столько монографий, статей, диссертаций — не только в России, но и в США, Канаде, Англии, Германии, Японии и других странах. Различными исследователями (в том числе друзьями и знакомыми Довлатова)

проведена большая работа по разысканию, датировке и комментированию его произведений и писем.

В отечественном литературоведении существуют разные, порой даже диаметрально противоположные точки зрения о месте писателя в литературном процессе последней трети XX — первых десятилетий XXI в. Одни настаивают на принадлежности творчества С. Довлатова к классике, другие относят его книги к разряду хорошей массовой литературы. Такая разнородность мнений связана с тем, что, как отмечал Е.Я. Курганов в статье «Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе» (1999), «у Довлатова нарушена, смещена грань между литературой и нелитературой. Его рассказы претендуют не просто на правдоподобие, но и на то, что они есть часть жизни, на то, что они находятся внутри ее, а не вовне» [Курганов: 211].

Говоря о месте магистрального героя Довлатова в триаде «автор-герой-читатель» И.В. Савельзон в статье «“Третий путь” Сергея Довлатова» (2020) замечает: «Принцип третьего пути <...> предопределяет всю архитектуру довлатовских писаний — в том числе и характер связей между автором, героем и читателем. Стоящий на третьем пути герой двойствен, он выполняет функцию посредника между творцом и реципиентом: автор наделяет героя деталями своей биографии и чертами своей личности, физическими и психологическими, читатель же узнает в этом двухстороннем зеркале себя — человека (пост)советской эпохи, уставшего от всеобщей лжи и фальши» [Савельзон: 239].

Довлатов о творчестве А. С. Пушкина

На протяжении всей своей сравнительно недолгой жизни С. Довлатов неоднократно обращался к творчеству Пушкина, к его суждениям о литературе. В лекции, прочитанной на русском языке 19 марта 1982 г. в Университете Северной Каролины (США) «Блеск и нищета русской литературы» (сам лектор отмечает, что в названии он «<...> использовал заглавие одного из романов Оноре де Бальзака “Блеск и нищета куртизанок”» [Довлатов 2019: V, 228]), Довлатов так определяет место и значение Пушкина в истории русской литературы и в современной советской жизни (следует иметь в виду, что лекция Довлатова была, по-видимому, адресована американским студентам, которые, наверное, не очень хорошо представляли себе, почему Пушкин для России — это «наше всё», по выражению Аполлона Григорьева): «<...> чрезвычайно показательна фигура Александра Сергеевича Пушкина, величайшего русского поэта и прозаика, олицетворяющего собой все лучшее и наиболее полноценное в русской литературе. Сейчас в Советском Союзе личность и творчество Пушкина канонизированы абсолютно, его именем названы сотни гуманитарных учреждений, его сочинения тщательнейшим образом изучаются в школах и университетах...» [Довлатов 2019: V, 231].

Вместе с тем Довлатов обращает внимание американской аудитории, что «так было далеко не всегда»: «Современники обвиняли Пушкина в легкомыслии и пустословии (в чём-чём, а в “пустословии” поэта при жизни никто не обвинял. — С. Д., А. Д.), сочиняли на него язвительные пародии, требовали и ждали от него произведений более четкого общественно-политического звучания» [Довлатов 2019: V, 231]. В этой связи Довлатов вспоминает «<...> одну выразительную цитату из переписки Пушкина с его близким другом князем Вяземским. Вяземский в своем письме к Пушкину говорит: “Задача каждого писателя есть согреть любовью к добродетели и возбуждать ненавистью к пороку...” На что Пушкин уверенно и резко отвечает: “Вовсе нет. Поэзия выше нравственности. Или во всяком случае — совсем иное дело”» [Довлатов 2019: V, 231].

Тут Довлатов, по-видимому, цитируя ответ Пушкина, не совсем точен. Эту мысль Пушкина мы находим не в его переписке с Вяземским, а в одной из его заметок на полях статьи П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова»: «Ничуть. Поэзия выше нравственности — или по крайней мере совсем иное дело» [Пушкин 1949: XII, 229]. Да и суждение Вяземского приведено не совсем корректно и вне контекста с соответствующим фрагментом его статьи. У Вяземского читаем: «Но трагик не есть уголовный судья» (на что Пушкин откликается на полях одним, но выразительным словом: “Прекрасно!”). — С. А., А. Д.). Обязанность его и всякого писателя есть согреть любовью к добродетели и воспалить ненавистью к пороку, а не заботиться о жребии и приговоре провидения» [Пушкин 1949: XII, 228–229].

Довлатов неслучайно останавливается на этом полемическом диалоге Пушкина с Вяземским. Для него приведенная выше декларация Пушкина имеет особое значение. Да и сам он подчеркивает в своей лекции после процитированных выше строк двух друзей-поэтов: «В этом заявлении Пушкина особенно важна последняя часть. Судить о том, что выше, поэзия или нравственность, так же трудно, как выяснить — кто сильнее, слон или кит, и трудно именно потому, что это совершенно разные вещи» [Довлатов 2019: V, 231].

И ранее, в повести «Заповедник» (1983), Довлатов проецирует это суждение Пушкина на его творчество: «Его (Пушкина. — С. А., А. Д.) литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее. Его литература сродни молитве, природе...» [Довлатов 2019: II, 237]. В связи с этой переключкой Довлатова с Пушкиным современный литературовед А.С. Карпов в статье «Свой среди своих: О прозе Сергея Довлатова» (1996) замечает: «Довлатов не морализирует, не учит жить. А вместе с тем каждый из его рассказов (существуя самостоятельно, они нередко объединялись в рамках повести, книги), по словам самого писателя, нес нравственный смысл, заставлял читателя задуматься о собственной

жизни, в которой так часто истинное подменено нагромождением нелепостей» [Карпов: 43].

Довлатовское понимание цели и назначения литературы солидаризуется с пушкинским. Как известно, в письме к В.А. Жуковскому из Михайловского (20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Пушкин, отвечая на вопрос Жуковского, прозвучавший в одном из его писем того же года («Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения?») [Цит. по: Пушкин 1937: XIII, 165]), замечал: «Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё не в попад» (сохранена орфография Пушкина. — С. Д., А. Д.) [Пушкин 1937: XIII, 167].

Как отмечал Н.Л. Степанов в своей книге «Лирика Пушкина. Очерки и этюды» (М., 1974), «в этом отзыве сказалось <...> понимание Пушкиным поэзии как художественного творчества, обладающего своими специфическими качествами и возможностями» [Степанов: 71]. Подхватил и развил эту мысль Пушкина, но уже применительно к другому классическому произведению русской литературы первой трети XIX в., В.Г. Белинский в статье «Горе от ума. Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова» (1840): «Но поэзия не имеет цели вне себя — она сама себе цель; следовательно, поэтический образ не есть что-нибудь внешнее для поэта, или второстепенное, не есть средство, но есть цель...» [Белинский: 431]. И ниже, уже почти в конце статьи, Белинский еще раз повторит это суждение и даже будет порицать за «внешнюю цель» комедию Грибоедова: «Художественное произведение есть само себе цель и вне себя не имеет цели, а автор “Горя от ума” ясно имел внешнюю цель — осмеять современное общество в злой сатире, и комедию избрал для этого средством» [Белинский: 484].

Показательно, что еще в самом начале своего литературного пути Довлатов в одном из писем почти слово в слово повторяет, слегка перефразируя, приведенное выше суждение Пушкина. Так, в письме от 31 мая <1968 г., Комарово> к прозаику, журналисту Людмиле Яковлевне Штерн, с которой его связывали дружеские отношения на протяжении более чем двадцати лет, Довлатов категорически утверждает: «Что касается автодеклараций по поводу моих рассказов, то запомни раз и навсегда: *литература цели не имеет* (курсив Довлатова. — С. Д., А. Д.). <...> Для меня литература выражение порядочности, совести, свободы и душевной боли» [Малоизвестный Довлатов: 294].

Пушкинский миф и поэтика анекдота в повести «Заповедник»

О.С. Муравьева в статье «Образ Пушкина: исторические метаморфозы» (1995) отмечает: «Черты мифологизации Пушкина присутствуют во всяком знании о нем, имеющем свою традицию. История русской критики предложит нам свой миф о Пушкине, история русской литературы — свой.

Существует и обыденное восприятие, массовое сознание, в котором рождаются свои мифы» [Муравьева: 113].

Действительно, за два столетия возникло много мифов и легенд о великом русском поэте, особенно связанных с его биографией и творчеством, с его дружеским окружением, с его «утаенной любовью» и семейными отношениями. Эти мифы нашли свое проявление как в обывательском, так и в профессионально-писательском сознании, даже в фольклоре. Показательна концовка указанной выше статьи О.С. Муравьевой: «Миф о Пушкине развивается вместе с обществом, выражая в опосредованной форме его явные или скрытые идеалы. Поэтому невозможно сказать, каким будет Пушкин XXI в. — это зависит от того, какими будем мы» [Муравьева: 133].

В кандидатской диссертации Г.А. Доброзраковой «Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова» (Самара, 2007) проводится мысль, что «развенчивая официальный пушкинский миф, Довлатов создает свою мифологию, где Пушкин является и вдохновенной творческой личностью, чей художественный опыт и эстетическая позиция заслуживают особого внимания, и грешным смертным человеком» [Доброзракова 2007: 11].

Один из таких мифов, имеющих отношение к культу поэта в Пушкинском музее-заповеднике, — мотив подмены настоящих вещей и раритетов, когда-то принадлежавших поэту, позднейшими подделками, копиями, как сейчас принято говорить, «новоделами». Показателен в «Заповеднике» диалог между Алихановым (Довлатовым) и хранительницей музея Викторией Альбертовной:

«— Можно задать один вопрос? Какие экспонаты музея — подлинные?

— Разве это важно?

— Мне кажется, да. Ведь музей — не театр.

— Здесь всё подлинное. Река, холмы, деревья — сверстники Пушкина.

Его собеседники и друзья. Вся удивительная природа здешних мест...

— Речь об экспонатах музея, — перебил я <...>.

— Что конкретно вас интересует? Что бы вы хотели увидеть?

— Ну, личные вещи... Если таковые имеются... <...>.

— Но мы воссоздаем колорит, атмосферу, — сказала хранительница.

— Понятно. Этажерка — настоящая?

— По крайней мере — той эпохи.

— А портрет Байрона?

— Настоящий, — обрадовалась Виктория Альбертовна, — подарен Вульфам... Там имеется надпись... Какой вы, однако привередливый. Личные вещи, личные вещи... А по-моему, это нездоровый интерес...

Я ощутил себя грабителем, застигнутым в чужой квартире» [Довлатов 2019: II, 219].

Этот диалог анекдотичен от начала до конца. Причем у каждого из собеседников — своя правда, своя логика. Хранительница музея делает упор на том, что природа пушкинских мест подлинная, сохранилась в непри-

косновенности. Что касается личных вещей Пушкина, то, по мнению хранительницы заповедника, нелепо было бы ожидать в музее подлинных вещей Пушкина: «Музей создавался через десятки лет после его гибели...» [Довлатов 2019: II, 219].

По поводу этого диалога И.З. Серман в статье «Театр Сергея Довлатова» (1985) делает тонкое наблюдение: «<...> смысл “поэтического” ответа, который получил Довлатов на свой вопрос, в другом. В том, что мы — служители культа, что пушкинские места — это святилище, храм, и какие бы то ни было сомнения в этом — кощунственны... Как и всякий культ, этот сопровождается экзальтированными чувствами, которые вряд ли объяснимы только преклонением и любовью: “Тут местная одна работает — Лариса. Каждый день рыдает у могилы Пушкина. Увидит могилу и в слезы...”» [Серман: 298].

В этом плане хранительница музея солидаризуется с директором пушкинского заповедника — С.С. Гейченко, который писал в многократно переиздававшейся книге (фотоальбоме) «Приют, сияньем муз одетый» (М., 1982): «Без вещей Пушкина, без природы пушкинских мест трудно понять до конца его жизнь и творчество. <...> Каждый день деревья, кусты, луга и поляны Михайловского проявляют свой характер по-новому. Каждое утро природа заменяет показанную вчера картину другой и как бы говорит нам: “Всё это видел и любил Пушкин. Посмотрите и вы. Станете лучше”» [Приют, сияньем муз одетый: 21–22].

Но и Алиханов (Довлатов) по-своему прав, когда акцентирует внимание на том, что иногда в музее-заповеднике подлинные вещи, например, портреты, заменяют подменами. Анекдотически звучит в «Заповеднике» история с так называемым портретом прадеда Пушкина, арапом Петра Великого Ганнибалом. «Пышная блондинка» из экскурсионного бюро Галина Александровна с раздражением рассказывает Алиханову, что из-за замечания какого-то привередливого «деятеля» им пришлось снять портрет генерала И.И. Закомельского, которого выдавали за портрет Ганнибала: «Ордена, видите ли, не соответствуют. Якобы это генерал Закомельский». «Кто же это на самом деле?» — наивно спрашивает будущий экскурсовод Алиханов. «— И на самом деле — Закомельский. — Почему же он такой черный? — С азиатами воевал, на юге. Там жара. Вот он и загорел. Да и краски темнеют от времени. — Значит, правильно, что сняли? — Да какая разница — Ганнибал, Закомельский... Туристы желают видеть Ганнибала. Они за это деньги платят. На фига им Закомельский?! Вот наш директор и повесил Ганнибала... Точнее, Закомельского под видом Ганнибала» [Довлатов 2019: II, 199–200].

Как видим, в своем стремлении угождать любопытствующим и, как правило, невежественным туристам экскурсоводы беззастенчиво идут на явную ложь, на подмену, и при этом не чувствуют никакой неловкости. В связи с этим в своей монографии «Довлатов: время, место, судьба»

(М., 2019) И.Н. Сухих замечает: «Тот же мотив подмены, всеобщей липы становится одним из главных в довлатовской повести. Любимые блюда и стаканы, портреты и липовые аллеи оказываются симулякрами, “новоеделами”, театральными декорациями, выдумками, выдающими себя за правду (так в «Заповеднике» продолжается тема “Компромисса”» [Сухих: 141].

Та же подмена и с так называемой «аллеей Керн». Экскурсанты благоговейно ходят по этой аллее, воображают, что именно здесь Пушкин встречался с Анной Петровной Керн и, наверное, даже читал ей свое знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», не подозревая, что «<...> аллея Керн — это выдумка Гейченко. То есть аллея, конечно, имеется. Обыкновенная липовая аллея. А Керн тут ни при чем. Может, она и близко к этой аллее не подходила» [Довлатов 2019: II, 266]. В этой анекдотически звучащей истории, в этой «липе» с «липовой аллеей» ярко и зримо проявляется один из любимых приемов Довлатова — каламбур, игра словами. Действительно, в довольно обширных и в общем-то достоверных воспоминаниях и дневниках Керн ни слова не говорится о прогулках с Пушкиным по аллеям Михайловского или Тригорского, хотя и упоминается о «поэтическом подарке» Пушкина перед ее отъездом в Ригу — о стихотворении «Я помню чудное мгновенье...», которое она нашла «в неразрезанных листках» второй главы «Евгения Онегина» [Керн: 34].

И так желаемое выдается за действительное в «Заповеднике» везде и во всем. Привычку мало сведущих посетителей музея-заповедника почтиительно внимать и верить каждому слову экскурсовода Довлатов описывает с убийственной иронией в эпизоде повести, когда в комнате Арины Родионовны он, забывшись, как говорится, «на автопилоте», вместо стихов Пушкина, обращенных к няне, читает стихотворение Сергея Есенина «Письмо к матери»: «Тут я на секунду забылся. И вздрогнул, услышав собственный голос:

Ты еще жива, моя старушка,
Жив и я, привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой...

Я обмер. Сейчас кто-нибудь выкрикнет: “Безумец и невежда! Это же Есенин — “Письмо к матери”...”. <...> Я продолжал декламировать. Где-то в конце угрожающе сиял финский нож... “Тра-та-тита-там в кабацкой драке, тра-та-там под сердце финский нож...”. В сантиметре от этого грозно поблескивающего лезвия мне удалось затормозить. В наступившей тишине я ждал бури. Все молчали. Лица были взволнованны и строги. Лишь один пожилой турист со значением выговорил: — Да, были люди...» [Довлатов 2019: II, 226].

Весь этот эпизод выстроен как бы по канонам анекдота. И подмена одного стихотворения другим, подмена, которую никто из целой группы туристов не замечает, и юмористически звучащий в прозаическом пересказе мотив «финского ножа» — «грозно поблескивающего лезвия», и, наконец, еще один обязательный смеховой аспект анекдота — неожиданный пуант — многозначительная и несуразная реплика «пожилого туриста», подсознательно вспомнившего знакомую ему с детства строку из стихотворения еще одного поэта (и это усиливает абсурдность ситуации), не имеющую никакого отношения ни к няне Пушкина, ни к «Письму к матери» Есенина — строку из «Бородино» М.Ю. Лермонтова: «Да, были люди в наше время...» Но самое комичное в этой ситуации опять подмена — одной «старушки» на другую. Ведь в подсознании экскурсовода Алиханова, наверное, так и не прозвучавшая перед группой туристов цитата, реминисценция из стихотворения Пушкина «Зимний вечер»: «Что ж ты моя старушка / Приумолкла у окна?»

В этом же ключе и анекдотически звучащие вопросы экскурсантов к Алиханову: «Из-за чего была дуэль Пушкина с Лермонтовым?» [Довлатов 2019: II, 224], «Какое отчество было у сыновей Александра Сергеевича?» [Довлатов 2019: II, 259].

Размышляя о мифологеме заповедника в повести Довлатова, Т.Г. Шеметова в своей докторской диссертации «Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов» (М., 2011) замечает: «Одной из важнейших мифологем, конструирующих пушкинский миф, является мифологема музея-заповедника» [Шеметова: 23]. А ниже Т.Г. Шеметова делает еще одно важное наблюдение: «Довлатов является представителем «поэтики чудовищного» (термин А. Эткинды) (имеется в виду А.М. Эткинд, историк и литературовед, профессор Европейского университетского института во Флоренции. — С. Д., А. Д.), поскольку его персонаж Борис Алиханов, общий рассказчик повестей “Зона” и “Заповедник”, рисует уродливые формы функционирования официозного пушкинского культа как извода тоталитарного культа личности» [Шеметова: 41].

Одной из таких «уродливых форм функционирования официозного пушкинского культа» в повести «Заповедник» является эпизод, когда рассказчик (Борис Алиханов) должен был вести экскурсию в присутствии и под бдительным оком хранительницы музея Виктории Альбертовны: «Группа попалась требовательная. Активисты ДОСААФ из Торжка. Без конца задавали вопросы. <...> Перешли в кабинет. Демонстрирую портрет Байрона, трость, этажерку... Перехожу к творчеству... “Интенсивный период... Статьи... Проект журнала...”, “Годунов”, “Цыганы”... Библиотека... “Я скоро весь умру, но тень мою любя...” И так далее. Вдруг слышу: — Пистолеты настоящие? — Подлинный дуэльный комплект си-

стемы Лепажа. Тот же голос: — Лепажа? А я думал — Пушкина» [Довлатов 2019: II, 235].

Таких анекдотических сюжетов очень много в повести «Заповедник». Но особенно раздражает рассказчика усердно насаждаемый экскурсоводами культ Пушкина: «Все служители пушкинского культа были на удивление ревнивы. Пушкин был их коллективной собственностью, их обожаемым возлюбленным, их нежно лелеемым детищем. Всякое посягательство на эту личную святыню их раздражало» [Довлатов 2019: II, 218]. По незыблемому убеждению хранителей музея-заповедника, каждый человек, а тем более посетитель Михайловского, обязан любить Пушкина. Показателен диалог между Борисом Алихановым, только что приехавшим в заповедник, и методистом Марианной Петровной, «некрасивой женщиной лет тридцати: «— Вы любите Пушкина? Я испытал глухое раздражение. — Люблю. Так, думаю, и разлюбить недолго. — А можно спросить — за что? Я поймал на себе иронический взгляд. Очевидно, любовь к Пушкину была здесь самой ходовой валютой. А вдруг, мол, я — фальшивомонетчик...» [Довлатов 2019: II, 209].

В конце концов, доведенный до белого каления этими глупыми вопросами Алиханов кричит в исступлении: «— Любить публично — скотство! — заорал я. — Есть особый термин в сексопатологии... Дрожащей рукой она протянула мне стакан воды. Я отодвинул его. — Вы-то сами любили кого-нибудь? Когда-нибудь?! Не стоило этого говорить. Сейчас она зарыдает и крикнет: “Мне тридцать четыре года, и я — одинокая девушка!..” — Пушкин — наша гордость! — выговорила она. — Это не только великий поэт, но и великий гражданин...» [Довлатов 2019: II, 210–211].

Такая концовка диалога не случайна. Экскурсоводы заповедника настолько привыкли к заученным еще со школы штампам, готовым клише, что даже не замечают этого. Комичность ситуации дополняется и тем, что методист Марианна Петровна бессознательно и произвольно перифразирует известные слова Н.А. Некрасова, ставшие крылатыми: «Поэтом можешь ты не быть / Но гражданином быть обязан» (из стихотворения «Поэт и гражданин», 1856 г.).

И Марианна Петровна, как мы убеждаемся, читая повесть «Заповедник», в этом плане не является исключением. Тот же вопрос задает Алиханову и экскурсовод Галина Александровна сразу же после знакомства с ним: «Гая заперла дверь экскурсионного бюро. Мы направились через лес в сторону поселка. — Вы любите Пушкина? — неожиданно спросила она. Что-то во мне дрогнуло, но я ответил: — Люблю... “Медного всадника”, прозу... — А стихи? — Поздние стихи очень люблю. — А ранние? — Ранние тоже люблю, — сдался я. — Тут всё живет и дышит Пушкиным, — сказала Галя, — буквально каждая веточка, каждая травинка. Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота... Цилиндр, крылатка, знакомый профиль...» [Довлатов 2019: II, 201] (этот иронический пассаж

явно навеян одним из рассказов директора музея-заповедника С.С. Гейченко: «Когда будете в Михайловском, обязательно пойдите как-нибудь вечером на околицу усадьбы, станьте лицом к маленькому озеру и крикните громко: “Александр Сергеевич!” Уверю вас, он обязательно ответит: “А-у-у! Иду-у”» [Приют, сияньем муз одетый: 22]).

Но и этот эпизод из «Заповедника», в полном соответствии с канонами анекдота, кончается пуантом. После слов «Так и ждешь, что он (Пушкин. — С. Д., А. Д.) выйдет сейчас из-за поворота» и последующей фразы Гали вдруг следует почти ненормативная лексика, резко снижающая излишне пафосную и несколько экзальтированную тональность процитированного выше фрагмента: «Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач. — Борька, хрен моржовый, — дико заорал он, — ты ли это?!» [Довлатов 2019: II, 201]. Такие неожиданные стилистические переходы, смены регистров вполне характерны для Довлатова-рассказчика.

История с Гурьяновым находит свое продолжение, когда автор повести вспоминает, как «Леня-Стук» (за доноительство так называли этого персонажа в Ленинградском университете) проявил свое полное невежество, сдавая экзамен по русской литературе одному из хорошо известных в академической и преподавательской среде литературоведов XX в. — профессору Г.А. Бялому (Г.А. Бялый упоминается также в «Записных книжках» Довлатова [Довлатов 2019: V, 60] и в рассказе «Виноград Изабелла» [Довлатов 2019: IV, 431]. — С. Д., А. Д.): «Достались Гурьянову “Повести Белкина” (кстати, любимое пушкинское произведение Довлатова, по его собственному признанию. — С. Д., А. Д.). Леня попытался уйти в более широкую тему. Заговорил о царском режиме. Но экзаменатор спросил: — Вы читали “Повести Белкина”? — Как-то не довелось, — ответил Леня. — Вы рекомендуете? — Да, сдержался Бялый, — я вам настоятельно рекомендую прочесть эту книгу... Леня явился к Бялому через месяц и говорит: — Прочел. Спасибо. Многое понравилось. — Что же вам понравилось? — заинтересовался Бялый. Леня напрягся, вспомнил и ответил: — Повесть “Домбровский”...» [Довлатов 2019: II, 294]. Как говорится в таких случаях, комментарии излишни. Налицо все признаки анекдота, включая обязательный пуант.

Но, как показывает Довлатов, ненамного лучше и, казалось бы, более просвещенные экскурсоводы музея-заповедника. Даже наедине друг с другом, когда их не слышат туристы и посетители заповедника, экскурсоводы то и дело, не к месту вспоминают ходячие и заезженные цитаты: «Миновал час пик. Бюро опустело. — С каждым летом наплыв туристов увеличивается, — пояснила Галина. И затем, немного возвысив голос: — Исполнилось пророчество: “Не зарастет священная тропа!..” (здесь даже “эрудированный” экскурсовод искажает поэта. У Пушкина, как известно, — “народная тропа”. — С. Д., А. Д.). Не зарастет, думаю. Где уж

ей, бедной, зарасти. Ее давно вытоптали эскадроны туристов...» И сразу же вдруг опять-таки неожиданный «слом», резкое снижение возвышенного стиля экскурсовода, удивляющее даже «простодушного» рассказчика: «— По утрам здесь жуткий бардак, — сказала Галина. Я снова подивился неожиданному разнообразию ее лексики» [Довлатов 2019: II, 208–209].

Вместе с тем Алиханов, изо дня в день общаясь с такими экскурсоводами, проводя экскурсии для охочих до всяких легенд и мифов о Пушкине турист, стал замечать за собой механическое воспроизведение и повторение одних и тех же текстов, имитацию «свободной манеры изложения»: «Хотя дней через пять я заучил текст экскурсии наизусть, мне ловко удавалось симулировать взволнованную импровизацию. Я искусственно заикался, как бы подыскивая формулировки, оговаривался, жестикулировал, украшая свои тщательно разработанные экспромты афоризмами Гукковского и Щеголева. Чем лучше я узнавал Пушкина, тем меньше хотелось рассуждать о нём. Да еще на таком постыдном уровне. Я механически исполнял свою роль, получая за это неплохое вознаграждение. (Полная экскурсия стоила около восьми рублей.)» [Довлатов 2019: II, 236–237].

Да и сам Алиханов (Довлатов) в конце концов осознает: то, чем он занимается в заповеднике, — «это не работа. Это халтура...» [Довлатов 2019: II, 257].

Вот как об этом пишет в своей монографии «Довлатов: время, место, судьба» И.Н. Сухих: «Но ведь и сам Алиханов не только вклеивает в экскурсию есенинские стихи, но и соглашается (опять компромисс!) играть по предложенным в этом “заповедном” пространстве правилам. <...> И он, как те одинокие дамы, приезжает к Пушкину решать свои проблемы» [Сухих: 144].

А таких «одиноких дам», которые посещают Пушкинские Горы вовсе не из любви к поэту и даже не для отдыха, в «Заповеднике» немало. Анекдотически звучит подслушанный Алихановым разговор одной из посетительниц музея-заповедника со своей подругой по междугороднему телефону: «Блондинка с толстыми ногами, жестикулируя, выкрикивала: — Татуся, слышишь?! Ехать не советую... Погода на четыре с минусом... А главное, тут абсолютно нету мужиков... Але! Ты слышишь?! Многие девушки уезжают, так и не отдохнув...» [Довлатов 2019: II, 293].

И вот в результате общения с такими «целенаправленными» посетителями Пушкинских Гор в Алиханове постепенно накапливается раздражение. И оно направлено не только на случайно попавших сюда туристов: «Туристы приехали отдыхать. Местком навязал им дешевые путевки. К поэзии эти люди, в общем-то, равнодушны. Пушкин для них — это символ культуры. Им важно ощущение — я здесь был. Необходимо поставить галочку в сознании. Расписаться в книге духовности...» [Довлатов 2019: II, 237]. Таких горе-туристов можно как-то понять и простить.

Хотя другие экскурсоводы не прощают «невежественным», по их мнению, туристам ничего, даже незнания отечественной истории и исторических лиц: «Мы (экскурсоводы. — С. Д., А. Д.) сидели в бюро, ожидая клиентов. Разговоры велись о Пушкине и о туристах. Чаще о туристах. Об их вопиющем невежестве. “Представляете, он меня спрашивает, кто такой Борис Годунов?...”» [Довлатов 2019: II, 237]; «У ограды (могилы Пушкина. — С. Д., А. Д.) фотографировались туристы. Их улыбающиеся лица показались мне отвратительными» [Довлатов 2019: II, 220].

Еще больше автобиографического героя повести раздражают, как он говорит жене, «затеи» директора музея-заповедника, который из самых лучших побуждений пытается предметно воссоздать атмосферу и колорит пушкинских произведений, например, цепь на дерево из знаменитого «Пролога» к поэме «Руслан и Людмила»: «Когда мы огибали декоративный валун на развилке, я зло сказал: “— Не обращайтесь внимания. Это так, для красоты... И чуть потише — жене: Дурацкие затеи товарища Гейченко. Хочет создать грандиозный парк культуры и отдыха. Цепь на дерево повесил из соображений колорита. Говорят, ее украли тартуские студенты. И утопили в озере. Молодцы, структуралисты!...”» [Довлатов 2019: II, 258].

Конечно, в своем неприятии «затей» директора заповедника и его деятельности, направленной на воссоздание «достоверного» колорита пушкинских мест, Алиханов (Довлатов) не совсем прав, судит предвзято и несправедливо. Семен Степанович Гейченко (1903–1993), вернувшийся в заповедник после войны односторонним инвалидом, приложил огромные усилия, чтобы вернуть к жизни почти полностью разрушенное фашистами Михайловское. Из «сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» от августа 1944 г.: «Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение Пушкинской усадьбы. Дом-музей, выстроенный на фундаменте дома, в котором жил Пушкин, немцы сожгли, и от него осталась только груда развалин. <...> Территория Пушкинского заповедника сильно заминирована...» [Приют, сиянием муз одетый: 15]. Всё, что было разрушено фашистами в период оккупации Пушкинского музея-заповедника, во многом силами С.С. Гейченко и сотрудников музея было восстановлено после войны.

Но вернемся к повести Довлатова и к пушкинскому мифу. Как отмечает в указанной выше докторской диссертации Т.Г. Шеметова, «русская литература советского и постсоветского периодов легитимирует пушкинский миф, доставшийся ей в наследство от прежних эпох, и, обновляя его собственными средствами, создает художественные феномены, призванные осовременить его устаревшую форму» [Шеметова: 9]. Но на пути «осовременивания» пушкинского мифа неизбежны и естественны некото-

рые издержки и потери, порой даже травестирование, в какой-то степени пародирование этого мифа.

Желая показать свою эрудицию и произвести положительное впечатление на методиста Марианну Петровну, Алиханов предлагает свою концепцию пушкинского мифа и значения пушкинского творчества в контексте всемирной литературы: «Пушкин — наш запоздалый Ренессанс. Как для Веймара — Гёте. Они приняли на себя то, что Запад усвоил в XV–XVII веках. <...> — При чем тут Гёте? — спросила Марианна. — И при чем тут Ренессанс? — Ни при чем! — окончательно взбесился я. — Гёте совершенно ни при чем! А Ренессансом звали лошадь Дон Кихота. Который тоже ни при чем! И я тут, очевидно, ни при чем!.. — Успокойтесь, — прошептала Марианна, — какой вы нервный... Я только спросила: “За что вы любите Пушкина?..”» [Довлатов 2019: II, 210].

Начавшийся серьезно разговор, где Алиханов «доступно» излагает свои, как ему кажется оригинальные и нетривиальные мысли о Пушкине, заканчивается, как обычно в «Заповеднике» на анекдотической ноте. И дело не только в подразумеваемом подспудно каламбуре «Ренессанс — Росинант» (как звали клячу Дон Кихота. См. об этом более подробно: [Довлатов 2019: II, 442]). Диалог о любви к Пушкину вполне ожидаемо для стиля Довлатова снижается до бытового уровня, до иронической концовки: «— И еще, — Марианна понизила голос, — вы спросили о любви... — Это вы спросили о любви. — Нет, это вы спросили о любви... Насколько я понимаю, вас интересует, замужем ли я? Так вот, я — замужем! — Вы лишили меня последней надежды, — сказал я, уходя» [Довлатов 2019: II, 211].

Последнее *bon mot* в этом диалоге остается за Алихановым. Но что касается его тезиса о том, что «Пушкин — это наш запоздалый Ренессанс», то он не нов в пушкиноведении. Похожие мысли до Довлатова высказывали Г.П. Макогоненко, Д.Д. Благой. Так, Д.Д. Благой в книге «Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина» (М., 1979), в которой собраны некоторые его предыдущие работы о поэте, возможно, известные Довлатову, в главе «Шагами великана (*Пушкин в развитии мировой литературы*)» замечает: «Явить русскому народу его национального поэта, как явлен был Италии Данте, Англии — Шекспир, Германии — Гёте, <...> — такова исторически назревшая, стоявшая перед Пушкиным и им осознанная задача, достойная поэтов-титанов Ренессанса, но еще более сложная и трудная» [Благой: 12].

Алиханова возмущает, что в заповеднике пушкинский колорит воссоздается только за счет внешних (и не всегда подходящих) атрибутов и примет: «У подножия холма темнел очередной валун. Его украшала славянская каллиграфия очередной цитаты. Туристы окружили камень и начали его жадно фотографировать» [Довлатов 2019: II, 258]; «На каждом шагу

я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью “Огнеопасно!”. Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно» [Довлатов 2019: II, 207]. Даже рестораны в Пушкинских Горах ожидаемо называются «Витязь» и «Лукоморье».

Любопытно, но на те же внешние приметы Пушкина и на некоторые другие черты в расхожем обывательском мифе о поэте обращает внимание и А.Д. Синявский (Абрам Терц) в начале своей книги «Прогулки с Пушкиным» (написана в 1966–1968 гг. в *Дубровлаге*), которая произвела в свое время эффект разорвавшейся бомбы как в Советском Союзе, так и за рубежом (где она и была впервые напечатана, в Лондоне, в 1975 г.), и споры о которой не утихают до сих пор: «Итак, что останется от расхожих анекдотов о Пушкине, если их немного почистить, освободив от скабрёзного хлама? Останутся всё те же неистребимые *бакенбарды* (здесь и далее курсив наш. — С. Д., А. Д.) (от них ему уже никогда не отделаться), тросточка, шляпа, развевающиеся фалды, общительность, легкомыслие, способность попадать в переплеты и не лезть за словом в карман, парировать направо-налево с проворством фокусника — в частом, по-киношному, мелькании *бакенбард*, тросточки, фрака...» [Абрам Терц: 341–342].

Но вернемся к повести «Заповедник». Как ни странно, но кроме ерничанья и брюзжания по поводу так называемых пушкинских атрибутов в музее-заповеднике и охочих до фотографирования себя «на фоне Пушкина» туристов, Алиханов (Довлатов) ничего этому пушкинскому мифу противопоставить не может. А отсюда пристрастие к анекдотическим ситуациям и микросюжетам, не слагающимся в цельный и развернутый сюжет. Это отмечали уже наиболее проницательные современники Довлатова. Так, в одном из интервью на радио, в передаче, посвященной творчеству Довлатова, Владимир Герасимов (изображенный в «Заповеднике» в виде Володи Митрофанова) подчеркнул, что «Заповедник» — «это повесть, но повесть, которая рассыпается на множество анекдотов».

И.З. Вейсман в кандидатской диссертации «Ленинградский текст Сергея Довлатова» (Саратов, 2005), говоря о стремлении автора «Заповедника» заменить «ложный миф» о Пушкине настоящим, отмечает, что «Довлатову важно вывести имя Пушкина из “автоматизма восприятия”». Довлатов в карикатурном виде демонстрирует абсурдность бытования советского пушкинского мифа, разыгрывает его, обживает по законам театра» [Вейсман: 14]. И чуть ниже: «Стремлением вернуть живого Пушкина можно объяснить многократную и разнообразную цитацию пушкинских текстов (на лексическом и сюжетном уровне) в неподходящем контекстном окружении или в искаженном виде...» [Вейсман: 15].

В автореферате автор диссертации не приводит в подтверждение ни одного примера, но их в изобилии можно найти в «Заповеднике», скажем,

скрытые цитаты или реминисценции из «маленькой трагедии» Пушкина «Каменный гость», на что уже обращали внимание другие исследователи творчества С. Довлатова. Так, кокетничающая с Алихановым экскурсовод Натэлла говорит ему: «А вы человек опасный» [Довлатов 2019: II, 212], — буквально повторяя реплику Доны Анны из третьей сцены «Каменного гостя». В повести появление будущего шурина Алиханова и сцена знакомства с ним пародирует встречу Дон Гуана с Командором: «Над утесами плеч возвышалось бурое кирпичное лицо. <...> Лепные своды ушей терялись в полумраке. <...> Бездонный рот, как щель в скале, таил угрозу. <...> Я чуть не застонал, когда железные тиски сжали мою ладонь» [Довлатов 2019: II, 253] (ср. финальную сцену маленькой трагедии Пушкина: «С т а т у я. Дай руку. Д о н Г у а н. Вот она... о, тяжело / Пожатье каменной его десницы!» [Пушкин 2009: 164].

Правда, первую из реминисценций мы встречаем не только в «Каменном госте» Пушкина, но и в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова, в повести «Княжна Мери»: «Вы опасный человек, — сказала она (княжна Мери. — С. Д., А. Д.) мне...» [Лермонтов: 267].

Концовка же эпизода с Натэллой с некоторым налетом эротики — не что иное, как скрытая и несколько перефразированная цитата из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Натэлла, флиртуя, говорит Алиханову: «Полюбить такого, как вы, — опасно. И Натэлла почти болезненно толкнула меня коленом...» [Довлатов 2019: II, 212] (ср. в главе I «Мертвых душ», тоже с эротической подоплекой, что в общем-то не свойственно Гоголю: «Даже сам Собакевич, <...> приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худошавой жены своей, сказал ей: “Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицмейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!” На что супруга отвечала: “Гм!” и толкнула его ногою» [Гоголь: 19]).

Интертекстуальные связи с поэмой Гоголя выявляются и в реплике Натэллы в том же диалоге с Алихановым: «В заповеднике — толчея. Экскурсоводы и методисты — психи. Туристы — *свиньи* (здесь и далее курсив наш. — С. Д., А. Д.) и невежды. <...> Единственный порядочный человек — Марков... — Кто такой Марков? — Фотограф. Законченный пропойца» [Довлатов 2019: II, 212] (ср. характеристику прокурора, данную Собакевичем Чичикову в главе V «Мертвых душ»: «Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья» [Гоголь: 92]. Даже знаменитое лирическое отступление Гоголя о Руси в главе XI «Мертвых душ» и риторический вопрос автора поэмы в конце этой главы («Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа» [Гоголь: 232]) переводится Довлатовым, которому надоели хуже горькой редьки все эти нудные всхлипы и нарочитые восторги писателей-«деревенщиков», в ирони-

ческий регистр: «Голову ломают: “Где ты, Русь?! Куда девалась?! Кто тебя обезобразил?!” Кто, кто... Известно кто... И нечего тут голову ломать...» [Довлатов 2019: II, 238].

В связи с такими реминисценциями и цитатами Г.А. Доброзракова в докторской диссертации «Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской классической литературы XIX–XX веков» (М., 2012) замечает: «А в повести Довлатова “Заповедник” переворачивание “с ног на голову” пушкинских произведений соседствует с неподдельным восхищением творчеством Пушкина, что выражено в использовании автором приемов повествования, ориентированных на пушкинскую поэтику и стилистику» [Доброзракова 2012: 25].

Строгость и лапидарность, простота и ясность довлатовского стиля, установка на лишенную «украшений» фразу, использование оксюморонов и каламбуров тоже восходят к Пушкину. Вспомним широко известные пушкинские критерии прозы: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» [Пушкин 1949: XI, 19].

Выводы. Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод, что в «Заповеднике» ощутимо присутствие автора не только как рассказчика, повествователя, но и как основного персонажа, что также придает достоверность, правдивость изображаемым событиям и характерам. Автобиографический герой повести зорко подмечает все несуразности, курьезы, парадоксальные и анекдотические ситуации в музее-заповеднике. Как отмечает в своей кандидатской диссертации «Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова» (М., 2001) Ю.Е. Власова, «специфической чертой довлатовского рассказа является использование писателем анекдота в качестве сюжетообразующей основы произведения: благодаря этому жизненная история обретает неожиданно яркую форму. На пересечении свойственной анекдоту заостренности, парадоксальности развития фабулы и сугубой достоверности происходящего в рассказе и возникает художественный эффект. Анекдот у Довлатова, входя в текст, сообщает ему динамичность, подвижность, мобильность, авторская идея при этом выражается особенно резко и — емко» [Власова: 10].

Источники

Абрам Терц (А.Д. Синявский). Собрание сочинений: В 2 т. М.: СП «Старт», 1992. Т. 1. 672 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3. 684 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7, книга 1. 807 с.

Довлатов С. Собрание сочинений: В 5 т. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. Т. 2. 480 с.; Т. 4. 544 с.; Т. 5. 416 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Ленинград: Наука, 1981. Т. 4. 592 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. 588 с.; Т. 12. 576 с.; Т. 13. 1937. 652 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Наука, 2009. Т. 7. 1070 с.

Литература

Благой Д.Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. М.: Советский писатель, 1979. 624 с.

Вейсман И.З. Ленинградский текст Сергея Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2005. 21 с.

Власова Ю.Е. Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2001. 24 с.

Доброзракова Г.А. Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2012. 50 с.

Доброзракова Г.А. Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Сам. гос. пед. ун-т. Самара, 2007. 22 с.

Карпов А. Свой среди своих: О прозе Сергея Довлатова // Русская словесность. 1996. № 2. С. 41–45.

Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост., вступ. ст. и прим. А.М. Гордина. М.: Правда, 1989. 480 с.

Курганов Ефим. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / Издание составил и подготовил А.Ю. Арьев. СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. С. 208–223.

Малоизвестный Довлатов: Сборник / Издание составил и подготовил А.Ю. Арьев. СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1999. 512 с.

Муравьева О.С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине: Сборник статей / Под редакцией М.Н. Виролайнен (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 113–133.

Приют, сияньем муз одетый. Изд. второе / Фотолитературная композиция Е. Кассина и Г. Расторгуева; Рассказы о А.С. Пушкине и Государственном Пушкинском музее-заповеднике С. Гейченко. М.: Планета, 1982. 368 с.

Савельзон И.В. «Третий путь» Сергея Довлатова // Вопросы литературы. 2020. № 6. С. 221–248.

Серман И.З. Театр Сергея Довлатова // Серман И.З. Свободные размышления: Воспоминания, статьи / Предисловие М. Сермана. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 287–322.

Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. Очерки и этюды. Изд. второе. М.: Художественная литература, 1974. 368 с.

Сухих И.Н. Довлатов: время, место, судьба. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2019. 286 с.

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2011. 47 с.

References

Istochniki

Abram Terts (A.D. Sinyavskiy). *Sobr. soch.: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols.]. Moscow: SP “Start”, 1992. Vol. 1. 672 p. (In Russ.)

Belinskiy V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t.* [Complete works: In 13 vols.]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953. Vol. 3. 684 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 23 t.* [Complete works: In 23 vols.]. Moscow: Nauka, 2012. Vol. 3, Book 1. 807 s. (In Russ.)

Dovlatov S. *Sobraniye sochineniy: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.] Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. Vol. 2. 480 p.; Vol. 4. 544 p.; Vol. 5. 416 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 16 t.* [Complete works: In 16 vols.]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949. Vol. 11. 588 p.; Vol. 12. 576 p.; Vol. 13. 1937. 652 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 20 t.* [Complete works: In 20 vols.]. Saint Petersburg: Nauka, 2009. Vol. 7. 1070 p. (In Russ.)

Literatura

Blagoy D.D. (1979). *Dusha v zavetnoy lire: Ocherki zhizni i tvorchestva Pushkina* [Soul in the cherished lyre: Essays on the life and work of Pushkin]. Moscow: Sovetskii pisatel'. 624 p. (In Russ.)

Veysman I.Z. (2001). *Leningradskiy tekst Sergeya Dovlatova* [Leningrad text by Sergei Dovlatov]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov. 21 p. (In Russ.)

Vlasova Yu.Ye. (2001). *Zhanrovoye svoyeobrazie prozy S. Dovlatova* [Genre originality of S. Dovlatov's prose]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 24 p. (In Russ.)

Dobrozrakova G.A. (2012). *Poetika S.D. Dovlatova v kontekste traditsiy russkoy literatury XIX–XX vekov* [S.D. Dovlatov Poetics in the context of the Russian literature traditions of the XX–XX centuries]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moscow. 50 p. (In Russ.)

Dobrozrakova G.A. (2007). *Pushkinskiy mif v tvorchestve Sergeya Dovlatova* [The Pushkin Myth in the Works of Sergei Dovlatov]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara. 22 p. (In Russ.)

Karpov A. (1996). Svoy sredi svoikh: O proze Sergeya Dovlatova [One among his own: On the prose of Sergey Dovlatov]. *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature]. № 2. Pp. 41–45. (In Russ.)

Kern (Markova-Vinogradskaya) A.P. (1989). *Vospominaniya. Dnevniki. Perepiska* [Memories. Diaries. Letters.] (Sost., vstup. st. i prim. A.M. Gordina). Moscow: Pravda. 480 p. (In Russ.)

Kurganov Yefim. (1999). Sergey Dovlatov i liniya anekdota v russkoy proze [Sergey Dovlatov and a joke line in the Russian prose]. *Sergey Dovlatov: tvorchestvo, lichnost', sud'ba* [Sergey Dovlatov: creation, personality, fate.]. (Izdaniye sostavil i podgotovil A. Yu. Ar'yev). Saint Petersburg: AOZT «Zhurnal “Zvezda”». Pp. 208–223. (In Russ.)

Lermontov M.Yu. *Sobraniye sochineniy: V 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Leningrad: Nauka, 1981. Vol. 4. 592 p. (In Russ.)

Maloizvestnyy Dovlatov: Sbornik [Little-known Dovlatov: digest]. (Izdaniye sostavil i podgotovil A. Yu. Ar'yev). Saint Petersburg: AOZT «Zhurnal “Zvezda”», 1999. 512 p. (In Russ.)

Murav'yeva O.S. (1995). *Obraz Pushkina: istoricheskiye metamorfozy* [The Image of Pushkin: Historical Metamorphoses]. *Legendy i mify o Pushkine: Sbornik statey* [Legends and Myths about Pushkin: Digest of Articles]. (Pod redaktsiyey M.N. Virolaynen (Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN.) Saint Petersburg: Gumanitarnoye agentstvo “Akademicheskii proyekt”. Pp. 113–133. (In Russ.)

Priyut, siyan'yem muz odetyy. Izd. vtoroye (Fotoliteraturnaya kompozitsiya Ye. Kassina i G. Rastorguyeva; Rasskazy o A.S. Pushkine i Gosudarstvennom Pushkinskom muzeye-zapovednike S. Geychenko) [Asylum muse's shining dressed of (Photoliterary composition of E. Kassin and G. Rastorguev; Stories about A. S. Pushkin and the State Pushkin Museum-Reserve of S. Geychenko)]. Moscow: Planeta, 1982. 368 p. (In Russ.)

Savelzon I.V. (2020). “A third way” of Sergey Dovlatov. *Russian Studies in Literature*. (6): 221–248. doi: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2020-6-221-248>. (In Russ.)

Serman I.Z. (2013). *Teatr Sergeya Dovlatova* [The Theatre of Sergey Dovlatov]. *Svobodnye razmyshleniya: Vospominaniya, stat'i* [Free Reflections: Memories, Articles]. Predisloviye M. Sermana. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. Pp. 287–322. (In Russ.)

Stepanov N.L. (1974). *Lirika Pushkina. Ocherki i etyudy. Izd. Vtoroye* [Lyrics of Pushkin. Essays and studies. Second Edition]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 368 p. (In Russ.)

Sukhikh I.N. (2019). *Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba*. [Dovlatov: Time, Place, Fate.]. Moscow: Gruppya Kompaniy "RIPOL klassik", "Pal'mira". 286 p. (In Russ.)

Shemetova T.G. (2011). *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoy literature sovetskogo i postsovetskogo periodov* [Biographical Myth about Pushkin in Russian Literature of the Soviet and Post-Soviet Periods]: Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva. 47 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 24.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторах

Сейран Акопович Джанумов — доктор филологических наук; профессор; Московский городской педагогический университет; профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук; сфера научных интересов: история русской литературы XVIII–XIX вв., фольклористика, литературно-фольклорные связи.

Ашот Сейранович Джанумов — магистр филологического образования; Московский городской педагогический университет; сфера научных интересов: русская литература, литературоведение.

Information about the authors

Seyran Akopovich Dzanumov — Doctor of Philology; Professor; Moscow City University; Professor at the Russian Literature Department of the Institute of Humanities; research interests: history of Russian literature of the 18–19th centuries, folkloristics, connections between literary and folklore.

Ashot Seyranovich Dzhannumov — Master of Philological Education; Moscow City University; research interests: Russian literature, literary studies.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 30–38
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 30–38

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.02>

ИВАНОВ — ГАМЛЕТ ИЛИ ДОН КИХОТ? К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ И.С. ТУРГЕНЕВА И А.П. ЧЕХОВА

Татьяна Геннадьевна Дубинина

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-0164>

Аннотация. В работе на материале эссе «Гамлет и Дон Кихот» и драмы «Иванов» ставится проблема схожести взглядов писателей на человеческую природу в принципе. Привлечение философского текста Тургенева позволяет выявить общие черты в художественной антропологии писателей. Автор подчеркивает, что для Тургенева принципиально важной была мысль о присутствии в человеке и гамлетовского, и донкихотского начал. В главном герое драмы Чехова эти начала оказываются органично слиты, образуя оригинальный характер.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, А.П. Чехов, «Гамлет и Дон Кихот», «Иванов», художественная антропология.

Для цитирования: Дубинина Т.Г. Иванов — Гамлет или Дон Кихот? К вопросу о художественной антропологии И.С. Тургенева и А.П. Чехова // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 30–38. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.02>.

Original article

IVANOV — HAMLET OR DON QUIXOTE? TO THE QUESTION OF ARTISTIC ANTHROPOLOGY I.S. TURGENEV AND A.P. CHEKHOV

Tatiana Gennad'evna Dubinina

Moscow City university, Moscow, Russia, dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-0164>

Abstract. The article deals with the question of the Turgenev context in the play “Ivanov” by A.P. Chekhov. Chekhov’s interest in the work of his predecessor remains in the center of research attention today. Scientists devote their works to the study of the typological connection of the characters of writers, female images, and consider the problems of literary criticism. For all its fruitfulness and importance, this approach is not sufficient. In this work, based on the material of the essay “Hamlet and Don Quixote” and the drama “Ivanov”, the question of the similarity of the writers’ views on human nature in principle is raised. The main scientific method of research becomes comparative. The use of Turgenev’s philosophical text, rather than an artistic one, makes it possible to identify common features in the writers’ artistic anthropology. The author insists that Hamlet and Don Quixote in the image of Turgenev are not only literary types, but the embodiment of one of the facets of human nature, and one without the other is lifeless and does not exist. The traits of Hamlet and Don Quixote are inherent in all people. Setting himself the task of depicting a full-fledged character, a person in all its complexity, Chekhov follows Turgenev’s artistic anthropology. Consistently analyzing the type of Hamlet as described by Turgenev, and comparing the texts of the essay and the play, the author of the article comes to the conclusion that Ivanov fully possesses Hamlet features — egoism, reflection, inability to love. But for Chekhov, the idea that Hamlet is a suffering egoist is no less important, and his suffering is genuine. The hero has no evil will, and by doing bad things, he does not want to hurt others. It is these character traits that lead the hero to suicide. No less important in the hero is the presence of don Quixotic principles—faith, enthusiasm, passion and fervent imagination. These features are inherent in Ivanov in the past and are given rather as a background, but nevertheless they are necessary for the correct reading of the image. The author comes to the conclusion about the extraordinary value of Turgenev’s artistic anthropology for the correct understanding of the drama “Ivanov”.

Key words. I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, “Hamlet and Don Quixote”, “Ivanov”, artistic anthropology.

For citation: Dubinina T.G. Ivanov — Hamlet or Don Quixote? To the question of artistic anthropology I.S. Turgenev and A.P. Chekhov. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil’ev*. Vyp. XV. = *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 30–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.02>.

© Дубинина Т.Г., 2021

Введение. Творчество А.П. Чехова долгие годы остается в центре исследовательского внимания — назовем актуальные работы С.А. Васильева [Васильев], В.Б. Катаева [Катаев: 2010], Л.Е. Бушканец [Бушканец].

Тема «Тургенев — Чехов» также не нова в отечественной науке о литературе. О присутствии гамлетовского сюжета в пьесе Чехова писал В.Б. Катаев [Катаев: 1989]. Ученый утверждает, что в трагедии Шекспира Чехова интересует прежде всего принцип построения конфликта. Л.С. Артемьева [Артемьева] соотносит «Иванова» и «Гамлета» на уровне памяти жанра. Нельзя не отметить, что и Иванов (персонаж), и сам Чехов от сопоставления с шекспировским героем отказываются¹. Иванов бежит звания «старого Гамлета».

И все же гамлетовское начало в герое очевидно присутствует. Мы имеем в виду не столько героя Шекспира, сколько Гамлета, как его понимал Тургенев. О влиянии эссе «Гамлет и Дон-Кихот» на драматургию Чехова писала Н.А. Муратова, утверждая, в что в своих пьесах героям-«Гамлетам» Чехов обязательно противопоставляет героев-«Дон Кихотов» [Муратова]. М.Ю. Степина совершенно справедливо указала на типологическую близость чеховских персонажей к тургеневским «гамлетам» и «лишним людям», к сожалению, подробно на этом вопросе не останавливаясь [Степина].

Методология исследования. Однако изучение историко-литературного контекста, реминисценций, типологических черт персонажей при очевидной важности оказывается недостаточным. А.В. Кубасов справедливо указал на чрезвычайную многогранность форм освоения и переработки тургеневских текстов в произведениях Чехова [Кубасов]. Увлечение Чехова текстами предшественника объясняется, думается, схожестью взглядов на коренные черты человеческой природы — вслед за И.А. Беляевой назовем это художественной антропологией [Беляева] и попробуем показать на материале эссе «Гамлет и Дон Кихот» и пьесы «Иванов».

Основная часть. В эссе «Гамлет и Дон Кихот» писатель вполне определенно высказал свой взгляд не только на образы, созданные Шекспиром и Сервантесом, но и на природу человека в целом. Каждому человеку присущи и гамлетовское, и донкихотское. Одно без другого не существует. Отметим, что принадлежность отдельной личности тому или иному типу вовсе не окончательна — в разные периоды жизни человек оказывается то Гамлетом, то Дон Кихотом. Отметим еще раз исключительно важную мысль — гамлетовское и донкихотское есть в каждом, самом обычном человеке, и одно без другого не существует.

Об ординарности Иванова писал сам Чехов: «Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный <...>» [Чехов: III, 109].

¹ В письме А.В. Суворину от 30 декабря 1888 г. Чехов пишет об Иванове: «Попав в такое положение, узкие недобросовестные люди обыкновенно <...> записываются в штат лишних людей и гамлетов и на том успокаиваются, Иванов же, человек открытый и прямой, честно заявляет доктору и публике, что он себя не понимает...» [Чехов: III, 110].

Поэтому Чехова возмущало, что многие современники увидели в его герое «лишнего человека в тургеневском вкусе» [Чехов: III, 109]. Его не устраивало подстраивание Иванова под литературные шаблоны. Он как писатель изображал не *тип*, но *характер*.

И тем не менее в Иванове и современники, и потомки увидели «русского гамлета» и «лишнего человека». Заметим в скобках, что в тексте произведения Иванов говорит молодому доктору Львову о шаблонах: «Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше» [Чехов: XII, 17]. Автором статьи этот совет читается как чеховская ирония и по отношению к недалекому Львову, и по отношению к читателю. Нам представляется, что необходимо ставить вопрос о характерологической связи чеховского персонажа и модели, описанной Тургеневым, ведь Иванов — и Гамлет, и Дон Кихот одновременно. Тургеневский взгляд на природу человека оказывается для Чехова основополагающим.

Обратимся к тексту эссе. Важно отметить, что Чехов остается верен композиции тургеневского текста — Тургенев начинает с Дон Кихота. Аллюзия на роман Сервантеса появляется в первом акте «Иванова»: «Голубчик, не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены...» [Чехов: XII, 16]. Напомним, герой совсем недавно был полон жизни и энтузиазма: он вел рациональное хозяйство, строил школы, больницы. Иванов безоглядно верил в возможность построения новой, счастливой жизни: «Я веровал, в будущее глядел как в глаза родной матери...» [Чехов: XII, 53]. По тургеневской концепции, Дон Кихот воплощает «веру прежде всего» [Тургенев: 332]. Он верит в истину, находящуюся вне человека, — в Бога, добро, правду. Она требует самоотверженности и даже жертв, но непременно достижима. Энтузиазм — ключевая черта Дон Кихота. И этим энтузиазмом всего год назад Иванов обладал сполна. Резкая перемена, произошедшая в герое, подчеркивает двойственность героя — он и Гамлет, и Дон Кихот одновременно. Другое дело, что донкихотские черты героя в сюжете не проявляются. Но Чехову очевидно важно было ввести эти черты в образ Иванова. Таким образом писатель показывал характер в развитии, раскрывая всю полноту и сложность человеческой натуры.

Обратимся к исследованию гамлетического в чеховском персонаже. По мысли Тургенева, Гамлет воплощает в себе центростремительную силу природы, «по которой все живущее считает себя центром творения и на все остальное взирает как на существующее только для него <...>» [Тургенев: 341]. Основной чертой Гамлетов писатель называет эгоизм. Вкупе с анализом он порождает безверье. Гамлеты изъедены рефлексией. По словам Тургенева, они постоянно заняты «не своей обязанностью, а своим положением» [Тургенев: 333]. Они ищут истину внутри себя — и не находят ее. Оттого у них нет почвы под ногами, они не знают пути. Поэтому

при всей силе характера Гамлеты не способны никого повести за собой. Они обречены на одиночество.

Все эти черты характерны и для Иванова. Он умный, образованный и порядочный человек, пытавшийся перестроить жизнь на новых основаниях. Однако скоро его воодушевление уступает место апатии. Читатель знакомится с ним, когда герой находится в почти катастрофическом материальном положении. Но Иванов как будто не стремится его поправить. Героя не трогают даже отвратительные и нелепые сплетни на его счет. Он — сама рефлексия, обращенная внутрь себя. Апатия Иванова не связана с внешними обстоятельствами — для него «это все пустяки» [Чехов: XII, 51]. Эгоизм, исключительная сосредоточенность на самом себе и разрушительная рефлексия — вот основополагающие черты его характера. Обратим внимание на слова Чехова об Иванове: «Он ищет причин (произошедшей с ним перемены. — *Т. Д.*) вне и не находит; начинает искать внутри себя — и находит одно только неопределенное чувство вины» [Чехов: III, 110]. Как и Гамлет, Иванов резко ощущает свое одиночество — все люди вокруг представляются ему «лишними», их разговоры — пустыми, а жизнь — бесцельной. А между тем он никак не стремится это исправить.

Отметим, что эгоизм Гамлета — эгоизм страдающего человека. Тургенев пишет: «Сомневаясь во всем, Гамлет, разумеется, не щадит и самого себя, ум его слишком развит, чтобы удовлетворяться тем, что он в себе находит <...> отсюда проистекает его ирония...» [Тургенев: 333]. Гамлет, по словам Тургенева, «сам себя терзает», в руках его «обоюдоострый меч анализа» [Тургенев: 334]. Этим оружием владеет и Иванов: «Как я себя презираю, боже мой! Как глубоко ненавижу я свой голос, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли» [Чехов: XII, 52]. Герой остро чувствует свою вину перед самим собой, женой, окружающими, но в чем она состоит, окончательно сформулировать так и не может. Все это черты тургеневского Гамлета.

Отметим еще одно наблюдение писателя о Гамлете. Этот персонаж характеризуется умением нравиться всем и всегда, «в нем все <...> пленяет, всякому лестно прослыть Гамлетом» [Тургенев: 334]. Эти слова в полной мере относятся и к Иванovu. В него влюблены Анна Петровна и Саша, он пользуется искренней привязанностью Лебедева. Глубокая же антипатия доктора Львова к Иванову приобретает характер одержимости, почти страсти. Самые фантазмагорические слухи в округе рождаются именно об Иванове, что лишний раз доказывает привлекательность героя в глазах окружающих. Интересно лишь одно несоответствие — Иванову вовсе не лестно «прослыть Гамлетом», это сравнение возмущает его гордость — и тем не менее именно Иванова сравнивают с персонажем Шекспира. В финальной сцене он и сам прибегает к этому сравнению: «Поиграл

я Гамлета» [Чехов: XII, 70]. Рискнем напомнить, что горькая ирония по отношению к себе — по Тургеневу, черта как раз гамлетическая. Однако Иванов не хочет стать «Гамлетом» даже на пороге смерти.

В эссе Тургенев отдельно рассматривает отношение Гамлета и Дон Кихота к женщине, к любви. По его мысли, первый решительно не способен на это чувство. Шекспировского героя Тургенев называет сладострастником и видит в нем «глубокое сознание собственного болезненного бессилия — бессилия полюбить...» [Тургенев: 339]. В пьесе Чехова Иванов, казалось бы, влюбляется дважды — в Анну Петровну и в Сашу. Обратим внимание, что Анна Петровна упоминает именно о страсти супруга на заре их романа: «Я полюбила его с первого взгляда. <...> Взглянула — а меня мышеловка — хлоп! Он сказал: пойдем» [Чехов: XII, 22]. Но спустя небольшое время Иванов охладел к супруге. Ее любовь он искренне ценит — особенно жертву, принесенную женой. Напомним, ради замужества Анна Петровна оставила безбедную жизнь, сменила веру, порвала все связи с семьей. Но, увы, на страсть жены Иванову ответить нечем — он остыл к Анне Петровне. Искренне сожалея о болезни, скорой кончине, Иванов чувствует себя палачом жены, но скрывать равнодушие — выше его сил. Полюбив Сашу, Иванов, казалось бы, возрождается к жизни, но, увы, на очень короткий срок. Вскоре после страстного признания, оставшись один, Иванов говорит, что верит в их любовь, «как в домового» [Чехов: XII, 53], т. е. не верит совсем. А между тем признаться в этом возлюбленной у него недостает сил. Он болезненно, именно болезненно (вспомним характеристику Тургенева), пытается удержать то искреннее и светлое чувство, которое его связывает с Сашей, но, увы, безрезультатно. В силу его скепсиса и эгоизма любить он не может. Рискнем предположить, что корни его самоубийства кроются в том числе и здесь — сам Иванов признается, что такое решение подсказывает ему совесть — герой видит себя погибшим безвозвратно. Он не желает портить жизнь Саше: «Своим нытьем я отравил жене последний год ее жизни. Пока ты моя невеста, ты разучилась смеяться и постарела на пять лет» [Чехов: XII, 71]. Невеста не понимает героя, настаивает на свадьбе, и Иванов стреляется.

Проявленные героем сочувствие, сострадание, благородство, казалось бы, несовместимы со скепсисом, эгоизмом и неспособностью любить, описанными Тургеневым. Но автор эссе отмечает, что Гамлет — эгоист страдающий: отрицание его не есть зло, «оно само направлено противу зла» [Тургенев: 340]. При всей замкнутости на самом себе Гамлет неравнодушен к проблеме добра и зла: «Скептицизм Гамлета не есть также индифферентизм, и в этом состоит его значение и достоинство: добро и зло, истина и ложь, красота и безобразие не сливаются перед ним в одно случайное, немое, тупое нечто» [Тургенев: 340]. Подчеркнем еще раз — Иванов не является отрицательным героем, его поступки, часто дурные,

не продиктованы злой волей. Осознавая свою вину, свою душевную несостоятельность, он предпочитает жизни самоубийство.

Выводы. В Иванове действительно много «гамлетовского», но это, несомненно, инвариант модели, описанной Тургеневым. Гамлетизм как выражение некоторых основополагающих черт человечества — безверия, эгоизма, неспособности к любви, приводящих к гибели, — не мог не интересовать Чехова. Однако в Иванове обнаруживаются и черты Дон Кихота — вера в добро, пылкое воображение, энтузиазм. Таким образом, Чехов создает оригинальный характер, показывая человека во всей его полноте и сложности. Для понимания и прочтения чеховской пьесы художественная антропология Тургенева оказывается основополагающей.

Источники

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. 543 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983.

Литература

Артемяева Л.С. «Иванов» А.П. Чехова: Гамлет русский или Гамлет шекспировский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 7–13.

Беляева И.А. Еще раз о Гамлете и Дон Кихоте: к вопросу о художественной антропологии Тургенева // Спасский вестник. 2020. Вып. 27. С. 5–16.

Бушканец Л.Е. Базаров, базаровщина и Чехов // А.П. Чехов и И.С. Тургенев: Коллективная монография. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2019. С. 115–133.

Васильев С.А. «Роман» в раннем творчестве А.П. Чехова // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2010. № 2. С. 48–57.

Катаев В.Б. К пониманию Чехова: «ближний» и «дальний» контексты // Русская литература. СПб.: Наука, 2010. С. 39–44.

Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М.: Изд. МГУ, 1989. 261 с.

Кубасов А.В. Художественная рецепция И.С. Тургенева в прозе А.П. Чехова // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 125–131.

Муратова Н.А. Тургеневский контекст в реконструкции сюжета о Гамлете в драматургии А.П. Чехова // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Материалы третьих филологических чтений, 28–29 ноября 2002. Том II: Литературоведение. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004. С. 123–127.

Прозоров В.В. «Он очень хороший писатель! А как он про любовь писал!». Читатели-персонажи А.П. Чехова об И.С. Тургеневе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2019. Т. 19, вып. 1. С. 45–49.

Степина М.Ю. Тургенев – Полонский – Чехов: к вопросу о художественной преемственности // Спасский вестник. 2009. № 17. С. 153–163.

References

Istochniki

Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 5. 543 p. (In Russ.)

Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 vols.]. Moscow: Nauka, 1974–1983. (In Russ.)

Literatura

Artem'eva L.S. (2012). “Ivanov” A.P. Chekhova: Gamlet russkij ili Gamlet shekspirovskij [“Ivanov” A.P. Chekhov: Russian Hamlet or Shakespeare’s Hamlet]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. № 5 (3). Pp. 7–13. (In Russ.).

Belyaeva I.A. (2020). Eshche raz o Gamlete i Don Kihote: k voprosu o hudozhestvennoj antropologii Turgeneva [Once again about Hamlet and Don Quixote: on the question of Turgenev’s artistic anthropology]. In: *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. Rel. 27. Pp. 5–16. (In Russ.).

Bushkanec L.E. (2019). Bazarov, bazarovshchina i Chekhov [Bazarov, bazarovshchina and Chekhov. A.P. Chekhov i I.S. Turgenev. Kollektivnaya monografiya [A.P. Chekhov and I.S. Turgenev. Collective monograph]. Moscow: GCTM im. A.A. Bahrushina. Pp. 115–133 (In Russ.).

Vasil'ev S.A. (2010). “Roman” v rannem tvorchestve A.P. Chekhova. [“Novel” in the early works of A.P. Chekhov]. *Vestnik Literaturnogo instituta A.M. Gor'kogo* [Bulletin of the Literary Institute A.M. Gorky]. № 2. Pp. 48–57. (In Russ.).

Kataev V.B. (2010). K ponimaniyu Chekhova: “blizhnij” i “dal'nij” konteksty [To Chekhov’s Understanding: “Near” and “Far” Contexts]. *Russkaya literature* [Russian Literature]. Saint Petersburg: Nauka. Pp. 39–44. (In Russ.).

Kataev V.B. (1989). *Literaturnye svyazi* Chekhova [Chekhov’s literary connections]. Moscow: Izd. MGU. 261 p. (in Russ.).

Kubasov A.V. (2018). Artistic Reception by I.S. Turgenev in the Prose by A.P. Chekhov. In: *Philological class*. № 4 (54). Pp. 125–131. (in Russ.).

Muratova N.A. (2004). Turgenevskij kontekst v rekonstrukcii syuzheta o Gamlete v dramaturgii A.P. Chekhova [Turgenev’s context in the reconstruction

of the plot about Hamlet in the drama of A.P. Chekhov]. *Problemy interpretacii v lingvistike i literaturovedenii. Materialy tret'ih filologicheskikh chtenij*, 28–29 noyabrya 2002. *Tom II: Literaturovedenie* [Interpretation problems in linguistics and literary studies. Materials of the third philological readings, November 28–29, 2002. Vol. II. Literary studies]. Novosibirsk: Izd. NGPU. Pp. 123–127. (in Russ.).

Prozorov V.V. (2019). “He is a Very Good Writer! And How he Wrote About Love!” A.P. Chekhov’s Readers-Characters on I.S. Turgenev. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*. Vol. 19, iss. 1. Pp. 45–49. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-45-49>. (in Russ.).

Stepina M.Yu. (2009). Turgenev–Polonskij–Chekhov: k voprosu o hudozhestvennoj preemstvennosti [Turgenev–Polonsky–Chekhov: on the issue of artistic continuity]. *Spasskij vestnik*. № 17. S. 153–163.

Статья поступила в редакцию 17.05.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 17.05.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторе

Татьяна Геннадьевна Дубинина — кандидат филологических наук; Московский городской педагогический университет; доцент кафедры русской литературы института гуманитарных наук; сфера научных интересов: история русской литературы XIX века, компаративистика, творчество И.С. Тургенева и А.П. Чехова.

Information about the author

Tatiana Gennad'evna Dubinina — Candidate of Philology; Moscow City University; Associate Professor at the Russian Literature Department of the Institute of Humanities; research interests: history of Russian literature of the 19th century, comparative studies, works of I.S. Turgenev and A.P. Chekhov.

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ

Научная статья

УДК 82.091

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.03>

Н.В. ГОГОЛЬ И Ж.П. САРТР В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА: АНТРОПОЛОГИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ПОВЕСТИ «НОС» И В РОМАНЕ «ТОШНОТА»

Александр Семенович Смирнов

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь, smialex8@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7487-5892>

Аннотация. Статья посвящена антропологической проблематике экзистенциализма в художественной литературе. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» и роман Ж.П. Сартра «Тошнота» рассматриваются как развернутые высказывания в заочной дискуссии с религиозным философом Р. Гвардини о сущности человеческой личности и перспективах ее сохранения в изменяющемся мире. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа произведений демонстрируется сходство позиций каждого из их авторов в понимании человеческой личности, а также форм и способов их художественного воплощения.

Ключевые слова: экзистенциализм, лицо, личность, Гоголь, Сартр, Гвардини.

Для цитирования: Смирнов А.С. Н.В. Гоголь и Ж.П. Сартр в поисках человека: антропология экзистенциализма в повести «Нос» и в романе «Тошнота» // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 39–55. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.03>.

RUSSIAN AND FOREIGN LITERATURE: COMPARATIVE PLANS

Original article

N.V. GOGOL AND J.P. SARTRE IN SEARCH OF A HUMAN: ANTHROPOLOGY OF EXISTENTIALISM IN THE STORY “THE NOSE” AND IN THE NOVEL “NAUSEA”

Alexander Semenovitch Smirnov

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus, smialex8@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7487-5892>

Abstract. The article is dedicated to the study of the anthropological aspects of existentialism in fiction. “The Nose” by N. Gogol and “Nausea” by J.P. Sartre are viewed as opinions in the imaginary discussion with the German religious philosopher of the twentieth century R. Guardini on the human essence and the ways of preserving it in the changing world.

The comparative analysis of the works by Gogol and Sartre revealed similarities in the authors’ concepts of human personality and the forms and methods of their artistic embodiment.

Both writers talk about the human aspect, highlighting two interconnected elements. The first one is related to the definition of the foundations of human identity. Gogol’s method of searching for it consists of depriving his character of the nose, which supposedly is the focus of the human in the man. Sartre, who understands a person as pure consciousness (“nothing”), acts by analogous methods, throughout the novel, consistently freeing the consciousness of his hero from all possible influences of the objective world, in order to highlight his personality.

Gogol’s and Sartre’s analysis of the topic of the face made it possible to include Guardini in their discussion. Comparison of his point of view of a Catholic priest, set forth in the form of a theoretical treatise, and the concepts of Gogol and Sartre, expressed in the artistic form, made it possible to identify in literary works the second aspect of the personality problem associated with the destruction of human identity in conditions of social life. Gogol and Sartre find in social communications the mutual substitution of the interlocutors for each other’s true personalities with deindividualized images based on the perception of the Other solely as a representative of a certain social type or group.

A particular danger for the preservation of one's own identity is represented by a similar self-perception by a person and the construction of one's own personality in accordance with the predicted communicative attitudes of potential interlocutors.

The fairness and fundamental nature of the anthropological discoveries of Gogol and Sartre is confirmed by the traces of their influence, particularly, on the English writer J. Fowles, who belonged to the later period and another national culture.

Key words: existentialism, face, personality, Gogol, Sartre, Guardini.

For citation: Smirnov A.S. N.V. Gogol and J.P. Sartre in search of a man: anthropology of existentialism in the story "The Nose" and in the novel "Nausea". *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev*. Vyp. XV. = *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 39–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.03>.

© Смирнов А.С., 2021

Введение. Анализируя художественную концепцию личности, представленную в петербургских повестях Гоголя (в частности, в «Носе») в диалектике «вещественного, телесного, духовного и человечески-личностного, во-первых, и части и целого, во-вторых» [Бочаров 1985: 128], С.Г. Бочаров отмечал ее провидческий характер, проявивший себя более чем столетие спустя в размышлениях немецкого религиозного философа XX в. Р. Гвардини о лице («Это слово имеет почти стоический характер. Оно указывает <...> на ту единственность и неповторимость, которая происходит <...> от того, что этот человек призван Богом» [Гвардини: 145]) и необходимости его сохранения как о сверхзадаче каждого конкретного человека и человечества в целом.

Повторное обращение исследователя к той же теме и тому же предмету и материалу выявило новые аспекты гоголевской художественной антропологии, позволившие увидеть в ней вместе с унаследованными из прошлого традициями «святоотеческой аскетической литературы» в ориентированной в будущее «философской перспективе <...> учение К. Юнга об «истинной самости» (das Selbst). Различение Юнгом двух душевных инстанций: «маски» («персоны») — как того, «что человек, по сути дела, не есть, но за что он сам и другие люди принимают этого человека», и «самости» как глубинного «я» (и даже «сверх-я») — несомненно, имеет близкое отношение к тому внутреннему конфликту в человеческом образе, который был странным и уникальным способом выражен «Носом» Гоголя» [Бочаров 1999: 113].

С течением времени Гоголь все чаще помещается исследователями в контекст европейской философской проблематики XX в. Один из послед-

них примеров такого рода — книга А.К. Куликова, где центральной для нашего исследования проблеме «Гоголь и Сартр» посвящен ряд страниц. Сосредоточенность автора преимущественно на философском аспекте этой проблемы и некоторая декларативность и некритичность в оценках («Какую нелепую беспомощную гордыню источает каждая сентенция этой истерической философии! И какой контраст сартровский экзистенциализм составляет с гоголевским мифотворчеством: мир тошноты — с миром детского смеха и детских слез!» [Куликов: 168]) побуждают более детально рассмотреть вопрос о переключках между Гоголем и Сартром.

Указания С.Г. Бочарова на предвосхищение русским писателем первой половины XIX в. актуальной по наши дни проблематики европейской философии XX в. определяют перспективную область дальнейшего исследования и обозначают его конкретные направления. Представленная выше парадигма заочных последователей Гоголя (близких русскому писателю по антропологическим воззрениям, но философствующих, по всей видимости, без его непосредственного влияния) не включает представителей изящной словесности (литературное творчество Сартра в книге Куликова почти не затронуто), что и обусловило **цель нашего исследования** — анализ художественной «гоголевской картины человека» в контексте антропологической проблематики XX в., в частности, переключек повести Н.В. Гоголя «Нос» и романа Ж.П. Сартра «Тошнота», которые составляют **материал исследования**.

Методология исследования определяется его целью и включает в себя культурно-исторический, структурно-семиотический, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы.

Основная часть. Типологически синонимичные произведения/тексты Гоголя, Гвардини и Сартра предлагают дискурсивно по-разному оформленные ответы на один и тот же вопрос о сущности человека, рассматриваемый с несовпадающих позиций. В этих идеологических кольцах Борромео каждая пара мыслителей, произвольно объединенных на основании какого-либо общего формального признака, объективно противопоставляется третьему, что, с одной стороны, представляет освещаемый ими предмет в разных, взаимно дополняющих друг друга аспектах и, с другой — специфицирует каждую позицию в их взаимном отражении. Так, Гоголь и Сартр как создатели художественных концепций личности могут быть противопоставлены Гвардини, излагающему свои воззрения в виде теоретического трактата. В свою очередь, Гвардини и Сартр противоположны Гоголю как представители западноевропейского XX в. представителю русского XIX в., а Гоголь и Гвардини — Сартру как носители религиозного сознания атеисту.

Рассматривая предпринятый Р. Гвардини философский анализ категории лица как своего рода развитие поднятой Гоголем темы, С.Г. Бочаров

объясняет сходство их антропологических представлений сходством обусловивших эти представления общественно-исторических ситуаций. Русская литература гоголевского времени «уже имела дело с человеком в таком последнем унижении и оскудении, какое для западного мира и искусства станет столь ощутимой реальностью и актуальной темой уже в результате испытаний XX века. <...> Этот существенно прогнозировавший будущее цивилизации опыт русская литература приобретала в 30–40-е годы, в эпоху николаевского царствования» [Бочаров 1985: 139–140]. Однако присоединение к диалогу Сартра как автора «Тошноты», совершенно умалчивающего о «последнем унижении и оскудении», резко снижает релевантность общественно-исторического фактора и, следовательно, побуждает искать иные, более фундаментальные, объяснения. В работе немецкого католического богослова 1950 г. легко обнаружить воздействие трагического опыта обеих мировых войн, развязанных и проигранных Германией, породивших актуальную вплоть до наших дней проблему пресловутого «непреодоленного прошлого» и вполне способных пошатнуть религиозную веру. Применительно к «Тошноте» (1938) говорить о трагическом мироощущении живущих в иную эпоху и индифферентных к религии героя или автора и тем более об эсхатологизме романа не приходится. Тем не менее антропологическая проблема и способ ее художественного решения Сартром позволяют говорить о гоголевской повести как своеобразном прообразе программного романа французского экзистенциализма.

Антропология «Носа»

В повести «Нос» Гоголь в художественной форме поставил два взаимосвязанных вопроса философии человека, ответами на которые можно считать выступления Сартра и Гвардини.

Первый из них — что делает человека человеком, составляет существо его самости? И гоголевский же ответ на этот вопрос дается в повести в форме простейшей математической аналогии. Если отсутствие носа разрушает личностное самосознание героя («без носа человек — черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин» [Гоголь: 54]), разрушает его биологические («птица не птица»), социальные («гражданин не гражданин») и даже космические («черт знает что») связи, значит, нос и является искомой квинтэссенцией человеческого в человеке, что смутно, но осознается героем повести: «я вам не о пуделе делаю объявление, а о собственном моем носе: стало быть, почти то же, что о самом себе» [Гоголь: 51] (ср. замечание С.Г. Бочарова: «Утрата носа приравнивается к утрате всего, какого-то основного достоинства, утрате лица» [Бочаров 1985: 142])).

Отсюда вполне закономерен и естествен наблюдаемый в повести переход к антропоморфизации носа с обретением им собственного лица: «Нос спрятал совершенно *лицо* свое в большой стоячий воротник и с *выражением* величайшей набожности молился» [Гоголь: 45], «нос *посмотрел*

на майора» [Гоголь: 46], «из собственных ответов носа уже можно было видеть, что для этого *человека* <...>» (курсив мой. — А. С.) [Гоголь: 48].

Очеловечившийся нос получает от автора место в иерархической чиновной вертикали, где оказывается тремя классами выше бывшего владельца, что порождает колебания Ковалева: звать ли к совести носа — *равного* себе или обращаться к нему как к *старшему* по чину. Несовпадение «вертикального» почтения к чину и «горизонтального» уважения к личности (затронутое вместе с темой носа также в «Записках сумасшедшего»: «Что ж из того, что он камер-юнкер. <...> Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого» [Гоголь: 169]) прямо вводит «Нос» в контекст дискуссий XXI в. об источниках человеческого достоинства и, косвенным образом, человеческого «я». «Для социальной чести типичны два измерения: честь вертикальная — почет, оказываемый занимающим более высокое положение; и горизонтальная — почет, оказываемый равным. У моральной же чести есть только одно измерение — горизонтальное. <...> Стоящая перед гуманистами проблема заключается в поиске <...> такой человеческой черты, которая делала бы абсолютно всех людей достойными уважения. Сам факт принадлежности к человеческому роду обычно не признается достаточной причиной для уважения. <...> Вопреки этой распространенной точке зрения я утверждаю: все, чем мы можем оправдать уважение к людям, — это сама принадлежность к человеческому роду или, вернее, способность любого человеческого существа служить образом всего остального человечества» [Маргалит].

Появившееся у носа лицо сопоставлено Гоголем (устами персонажа) с почти утраченным лицом самого Ковалева: «я сам принял его сначала за господина. Но, к счастью, были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос. <...> Если вы станете передо мною, то я вижу только, что у вас лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замечу» [Гоголь: 55–56].

«Маленький человек» в осмыслении Гоголя и Гвардини

Вопросом о природе человеческой личности задается и Гвардини. «В чем состоит прежде всего человеческое в человеке? В том, чтобы быть лицом, быть призванным Богом; <...> в том <...>, что каждый, будучи однажды поставлен Богом в самом себе, не может быть ни замещен, ни подменен, ни вытеснен» [Гвардини: 146].

Еще одна точка пересечения позиций Гоголя и Гвардини обнаруживается, если изменить глубину фокуса при рассмотрении русского писателя, перейдя от повести «Нос» в более широкий контекст петербургских повестей в целом, в «безнадежно “средних” (или даже ничтожных) героях» которых «Гоголь обнаруживает освященное романтической традицией высокое содержание <...>. Однако <...> вовсе не стремится возвеличить обыкновенное» [Маркович: 84, 88]. «В петербургских повестях <...> чело-

век воспринимается как частица и дробная величина <...>; как бы меньше целого числа, каким является суверенная личность» [Бочаров 1985: 138].

Именно в этом отношении Гоголю близок Гвардини. Его «Конец нового времени» находится в одном проблемном поле с такими книгами, как «Психология толп» Г. Лебона и «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета, радикально отличаясь от них положительной оценкой грядущего массового человека, традиционно противопоставляемого творческой личности.

Если гоголевские персонажи обнаруживают высокое романтическое начало, только лишь будучи особым образом показанными автором, и сами спокойно существуют, даже не догадываясь об этой стороне своей собственной личности (поручик Пирогов «имел особенное искусство пускать из трубки дым кольцами» [Гоголь: 30]), то Гвардини идет гораздо дальше, представляя оппозицию «человек массы (бывший гофмановский филистер) — художник» как радикальную альтернативу. «Слова “Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, но потеряет душу свою?” (Мф. 16, 26) — разъясняют нам здесь нечто очень важное. “Приобретение мира” включает все возможные человечески-культурные ценности: полноту жизненных сил, богатство личности, искусство и науку во всех их проявлениях. Всему этому противопоставлена гибель или спасение “души” — личное решение, ответ человека на призыв Божий, делающий его лицом. Перед таким выбором исчезает “весь мир”. Так имеем ли мы право ополчаться против массового общества из-за того, что оно, развиваясь, неизбежно нанесет ущерб всем ценностям личности и культуры? <...> Шанс стать лицом — разве не есть это нечто безусловно хорошее, перед чем должны отступить все другие соображения? <...> С отказом от богатой и свободной полноты личностной культуры то, что составляет в собственном смысле “лицо”, <...> выступит на первый план с такой духовной решимостью, какая прежде была невозможна» [Гвардини: 146].

«Вычисление» личности у Гоголя и Сартра

Проблема личности — центральная для романа Сартра. В постановке этой проблемы, в ее декомпозиции и в методах ее разрешения Сартр необычайно близок Гоголю.

Философская основа «Тошноты» базируется на развиваемой французским мыслителем концепции его учителя Э. Гуссерля об интенциональности сознания, направленного на объект своего сознавания и нуждающегося в этом объекте для сознавания собственного бытия. «Всякое сознание, как показал Гуссерль, есть сознание какой-нибудь вещи. Это означает, что нет сознания, которое не *полагало* бы (курсив Сартра. — А. С.) трансцендентного объекта, или, если предпочитают другое выражение, у сознания нет “содержания”. <...> Всякое сознание полагает, когда выходит из себя, чтобы достичь объекта, и оно *исчерпывает* (курсив мой. — А. С.) себя в этом полагании» [Сартр 2020: 42–43]. Такое понимание сознания,

с одной стороны, противопоставляло его создаваемой вещи, но с другой — ставило в прямую зависимость от нее. Философской задачей «Тошноты» стал анализ этого противоречия с поиском возможностей его преодоления: определение формы бытования личности — человеческого сознания, «свободного» от необходимости сознавать «вещи» в самом широком понимании этого слова.

Гоголь заставляет читателя задуматься об истинном «носителе человечности» в человеке, пародийно-издевательски «отминусовав» (в качестве такового) нос с лица своего героя. Сартр поступает аналогичным способом, последовательно, одно за другим «вычитая» из сознания Рокантена всё порожденное разнообразными субъект-объектными и социальными связями героя и расщепляя его сознание на субъект и предмет познания («необходимым и достаточным условием познания познающим сознанием своего объекта и есть то, что оно должно быть сознанием себя самого именно в качестве познающего» [Сартр 2020: 43]) для устранения последнего, чтобы выявить сухой остаток — сознание в чистом, беспримесном виде.

Дихотомизируя сознание своего героя, который выступает как субъект и объект самоанализа, Сартр показывает, что чистое «я» наблюдающего за собой Рокантена ничуть не свободно, будучи вынужденным для поддержания собственного существования перманентно, в режиме реального времени побуждать себя к мыслительной деятельности. «Моя мысль — это я, вот почему я не могу перестать мыслить. <...> Даже в эту минуту <...> я существую потому, что меня приводит в ужас, что я существую. <...> Моя ненависть, мое отвращение к существованию — это все разные способы *принудить меня* существовать, ввергнуть меня в существование» (курсив Сартра. — А. С.) [Сартр 2000: 123].

«Человек» и «вещь» в «Носе» и «Тошноте»

Герой Сартра обнаруживает власть вещей над своим сознанием и в страхе отказывается от привычки подбирать с земли бумажки и избегает смотреть на пивную кружку, подчиняющую его внимание. «Предметы не должны нас беспокоить. <...> А меня они беспокоят, и это невыносимо. Я боюсь вступать с ними в контакт, как если бы они были живыми существами!» [Сартр 2000: 18].

Но и окружающие Рокантена люди — такие же «сознания», как и сам герой, — воспринимаются им как «вещи», обладающие и почти исчерпывающиеся двумя-тремя внешними признаками. Даже незначительные изменения наружности прежних знакомых вызывают у героя трудности с их идентификацией, значимые для выявления философской идеи романа. «Мадлена <...> зачесала волосы назад и надела серьги — я ее не узнавал» [Сартр 2000: 27]; «как поверить, что эта распаленная плоть, это пылающее горем лицо?.. и, однако, я узнаю платок, пальто и большую бор-

довую родинку на правой руке. Это она, это Люси, наша уборщица» [Сартр 2000: 37]. У Гоголя визит доктора к Ковалеву завершается подобными характеристиками: «Ковалев не заметил даже лица его и в глубокой бесчувственности видел только выглядывавшие из рукавов его черного фрака рукавички белой и чистой, как снег, рубашки» [Гоголь: 59] — почти «отсутствующее» лицо показательно затмевается почти индивидуализированными «рукавичками» (а не, например, стилистически нейтральными «рукавами»).

Пугающая Рокантена близость человека и вещи красной нитью проходит через всю гоголевскую повесть. Во-первых, сам нос представлен у Гоголя в необыкновенно широкой и разнообразной парадигме физических состояний (от вещного до антропоморфного), отражающих ступени своеобразной эволюционной цепочки: аморфное («что-то белевшееся <...>, “плотное”» [Гоголь: 40]); неопределимое («хлеб — дело печеное, а нос совсем не то» [Гоголь: 41]); вещь («нос был как деревянный и падал на стол с таким странным звуком, как будто бы пробка» [Гоголь: 57]); часть лица майора Ковалева; человек с собственным лицом; и даже чиновник «в ранге статского советника» [Гоголь: 45].

Во-вторых, в «Носе» не только вещь может выступать в роли человека, но и, напротив, люди, как и у Сартра, могут либо уравниваться с вещами (среди газетных объявлений «дворовая девка девятнадцати лет» соседствует с прочными дрожками и молодой горячей лошастью семнадцати лет от роду [Гоголь: 49]), либо даже совершенно обнулять свою человечность: «к счастью, в кондитерской никого не было; мальчишки мели комнаты <...>. “Ну, слава Богу, никого нет”» [Гоголь: 44].

Выделяющаяся черта внешности, по Сартру, способна даже затмить (почти заместить) своего обладателя: «Горца я больше не вижу — вижу только огромное молочного цвета пятно на месте вытекшего глаза. Впрочем, его ли это глаз? Врач <...> в Баку <...> тоже был кривым, и когда я пытаюсь вспомнить его лицо, передо мной возникает такой же беловатый шар. У этих двоих, как у Норн, один общий глаз, и они то и дело им обмениваются» [Сартр 2000: 43]. Не напоминает ли этот глаз, обособившийся в воспоминаниях Рокантена от своих владельцев, сбежавший от своего обладателя нос?

Нечто напоминающее ситуацию майора Ковалева также можно увидеть в эксперименте Рокантена с разрезаемой им ладонью. Вытекшая из раны кровь, только что бывшая частью тела героя, образует лужицу «которая наконец-то уже не я» [Сартр 2000: 124].

Сартр в отличие от Гоголя, от противного утверждающего сакральные смыслы лица, прямо отрицает всякую связь между внешним обликом человека и его сознающей себя личностью. Не только чужие, но и свое собственное лицо предстает для героя «Тошноты» случайным набором

теряющих четкие очертания деталей, не способных сложиться в единый и целостный облик человека. Все они подчеркнuto лишены устойчивых субстанциальных признаков и уподобляются либо бездушным геологическим образованиям («горсть земли или кусок скалы», «рельефная карта горных пород» [Сартр 2000: 25, 26]), либо аморфным субстанциям: «это *не-что* на грани растительного мира, на уровне полипов, <...> *какие-то* легкие подергивания. <...> В особенности отвратительны глаза. *Нечто* стеклянистое, податливое, слепое» (курсив мой. — А. С.) [Сартр 2000: 25]. Переключки в описании лиц Рокантена и Ковалева (см. выше) очевидны.

«Я» и «Другой» у Гоголя и Сартра

Но, пожалуй, самое главное, что объединяет Сартра и Гоголя в оппозицию немецкому мыслителю, это второй вопрос философии человека, поставленный русским писателем в «Носе», развернутый французским экзистенциалистом в «Тошноте» и проигнорированный Гвардини. Вопрос этот заключается в анализе влияния Другого на сознание (самосознание) личности.

Возможно, невнимание к этой центральной для экзистенциализма проблеме у немецкого философа обусловлено влиянием его «профессиональной» деятельности католического богослова, которой объясняются и идеологическая позиция, и монологическая бинарная (высказывающийся автор — внимающий слушатель) форма (повествовательный дискурс кафедральной проповеди) ее изложения.

Гоголь и Сартр как создатели литературных произведений находятся в принципиально ином — художественном — дискурсе с его тернарной (автор — герой — читатель) конструкцией, где диалогические отношения взаимного влияния являются конститутивным свойством. «Выбор каждого предметного значения, структура каждого образа и каждый интонативно-ритмический тон обусловлен и проникнут обоими (героя и автора. — А. С.) взаимодействующими ценностными контекстами» [Бахтин 2003: 88].

Б.М. Эйхенбаум, характеризуя гротескный мир гоголевской «Шинели», отмечал, что в нем «всякая мелочь может вырасти до колоссальных размеров» [Эйхенбаум: 322]. Эти слова вполне приложимы к носу, сделавшему в другой петербургской повести необыкновенную карьеру. При всей широте общекультурного и собственно гоголевского спектров сакральных ассоциаций носа Гоголь в повести тем не менее неоднократно подчеркивает его незначительность и даже физиологическую необязательность. Например, доктор, убеждая Ковалева не возвращать медикаментозными способами нос на место, дважды аргументирует свой совет тем, что с носом будет хуже, чем без него: «вы, не имея носа, будете так же здоровы, как если бы имели его» [Гоголь: 58]. Даже сам Ковалев обнаруживает пропажу носа не потому, что лишается обоняния, а желая взглянуть на прыщик. Приниженный таким образом нос встраивается Гоголем в систему

общественных отношений и фактом своего присутствия или отсутствия на лице героя оказывается существенным регулятором места Ковалева в социальной иерархии («я майор. Мне ходить без носа <...> неприлично. Какой-нибудь торговке <...> можно сидеть без носа» [Гоголь: 46]).

Отсутствие носа грозит разрушением служебных и эротических устремлений майора, примечательно, однако, что ампутация социальных перспектив происходит лишь в сознании ограничивающего себя героя, предугадывающего возможные чужие реакции и загодя подстраивающегося под них. Конструктивно его поведение как бы предвосхищает речевое поведение Макара Девушкина. «В речь как бы вклинивается чужая реплика, которая фактически, правда, отсутствует, но действие которой производит резкое акцентное и синтаксическое перестроение речи. Чужой реплики нет, но на речи лежит ее тень, ее след, и эта тень, этот след реальных» [Бахтин 2002: 232]. «Ковалев <...> обратил внимание на легонькую даму <...>. Но вдруг он <...> вспомнил, что у него вместо носа совершенно нет ничего» [Гоголь: 47]; «он опустил глаза в низ газеты, где было извещение о спектаклях; уже лицо его было готово улыбнуться, встретив имя актрисы, хорошенькой собою <...> — но мысль о носе все испортила» [Гоголь: 52]; «я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; <...> мне теперь к ним нельзя явиться» [Гоголь: 50–51].

Аналогичным образом и возвращение носа на место должно быть санкционировано Другим даже после того, как было подтверждено собственными органами чувств Ковалева («взглянув в зеркало, видит он: нос! — хватя рукою — точно нос!» [Гоголь: 61]). «Нос, как и вообще внешность, — это именно достояние окружающих <...>. Сначала Ковалёв должен увидеть свой нос в зеркале (как бы глазами других), а затем — в живом зеркале публичных мест: кондитерская, канцелярия, Невский проспект, театр и т. д. Временная утрата героя выявляет внешнюю сторону его существования как главную» [Фуксон: 79].

Сходный эпизод с прогнозированием поведения Другого в «Тошноте» встречается, например, при описании обеда Рокантена в компании с Самоучкой, которому хочется получить угодить знакомого. Рокантен безошибочно определяет блюдо, которое тот для него закажет, т. к. дружеское расположение в этой ситуации не может выразиться иначе, чем в виде заказа блюда, единственным достоинством которого является высокая цена. Нарочитость и искусственность поведения обоих участников подчеркивается тем, что угощающему это блюдо не по карману, а угощаемому — не по вкусу.

«Я-для-себя» и «Я-для-других»: Гоголь, Сартр, Фаулз

В «Носе» точно намечен еще один важный аспект искажения и ограничения личности в социальных контактах — трактовка человека только лишь как представителя определенной социальной группы с абсолютным

игнорированием его индивидуальных личностных характеристик, не совпадающих с типовыми. Частный пристав «сказал, <...> что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам» [Гоголь: 53]. Обиженный на это замечание Ковалев мыслит тем не менее в идентичных категориях, совершенно искренне подчиняя даже свое собственное личностное «я» коллективному образу носителей своего звания: «Он мог простить все, что ни говорили о нем самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию» [Гоголь: 53]. А повествователь доводит эту индивидуальную черту до общенационального масштаба, распространяя ее по географической горизонтали и чиновной вертикали: «Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумеи и о всех званиях и чинах» [Гоголь: 43].

То, что в гоголевской повести оппозицией личностному началу в человеке выступает российская сословно-бюрократическая система первой половины XIX в. с ее «электричеством чина» (Ю.М. Лотман), не скрывает и не отменяет вневременной и наднациональный характер конфликта. Идейними двойниками и наследниками пристава и Ковалева в иную эпоху и на другой национальной почве в романе Сартра выступают, среди прочих, доктор Роже и один из его пациентов мсье Ахилл. Этой парой персонажей Сартр олицетворяет общую схему межличностных контактов, каковые на деле являются коммуникациями между сознающим «я» и образом Другого, сконструированным этим «я» на основе своих представлений о какой-либо социальной группе, к которой принадлежит (в которую мысленно зачисляется) собеседник. «Доктор смеется, он бросает на меня призывный взгляд сообщника; <...> Я не смеюсь и не отвечаю на его заигрывание, тогда <...> он обдумывает, к какому разряду меня отнести. К разряду психов? Или к разряду проходимцев?» [Сартр 2000: 84]. Изначально навешенный ярлык полностью исчерпывает и замещает для доктора подлинную личность человека: «“Старый псих” — и доктор Роже смутно вспоминает других старых психов, не помня ни одного из них в отдельности. Что бы ни выкинул мсье Ахилл, мы не должны удивляться: все понятно — старый псих!» [Сартр 2000: 87]. (О том, что перед читателем не индивидуальная особенность персонажа, а общечеловеческое (с точки зрения Сартра) свойство, свидетельствуют аналогичные заявления главного героя: в «кафе все всегда в порядке <...> благодаря хозяину мсье Фаскелю, на лице которого с успокоительной определенностью написано: “прохвост”» [Сартр 2000: 12–13].)

Сам мсье Ахилл, подобно Ковалеву, страшась собственной сложно определимой самости, жертвует ею, предпочитая ей завершающее слово о себе Другого, пусть и не слишком комплиментарное («старый псих»),

но включающее персонажа в ряд однородных явлений. «Еще недавно мсье Ахилл чувствовал себя странным, ему казалось, что он одинок; а теперь он знает: таких, как он, много, очень много, доктор Роже встречал этих людей <...>. Мсье Ахилл всего-навсего казус, частный случай, который легко сводится к некоторым общим понятиям» [Сартр 2000: 85].

Вопрос, заданный Гоголем в небольшой повести и спустя столетие всесторонне исследованный Сартром в его романе, осмысливается как одна из центральных проблем современности, например, Джоном Фаулзом, писавшим в предисловии к «Аристосу»: «Моей главной заботой было сохранение свободы личности в условиях неотвратимой угрозы нашего века — принуждения к конформизму. Одна из форм такого принуждения <...>, это — ярлык, который приклеивается человеку <...>, то есть стремление большинства людей использовать этого человека *в одном определенном качестве*. Называя человека водопроводчиком, мы высвечиваем лишь одну его сторону, в то же время погружая во тьму все остальные. Я — писатель; я не желаю быть заточенным в какие-то иные стены, кроме тех, которые создаю сам, пытаюсь выразить себя в печатном слове. Так что первой из личных причин, побудивших меня опубликовать эту книгу, было желание заявить, что я никогда не имел намерения войти в клетку с табличкой “Романист”» (курсив Дж. Фаулза. — А. С.) [Фаулз: 5–6].

Искусство как способ сохранения аутентичности по Гоголю и Сартру

Сартр, за четверть века до своего английского коллеги и единомышленника Фаулза, отстаивавшего неисчерпаемость личности, за десятилетие до Гвардини с его призывом отказаться от науки и художественного творчества ради сохранения лица каждого человека, предлагает свое решение этой проблемы, снова сближаясь с Гоголем в его убежденности в живительном потенциале искусства (см. письмо-статью позднего Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» в «Выбранных местах из переписки с друзьями»).

Последовательно очищая глубинное «я» Рокантена от напластований, порожденных контактами с внешним миром или внутренними ментальными процессами, Сартр, казалось бы, приходит к трагически понимаемой исходной гуссерлианской посылке о невозможности экзистенции сознания, избавленного от всякого рода «не-я», а следовательно, лишенного какой-либо интенциональности. Однако истинной целью Сартра является никак не смирение перед ней, а ее опровержение и катарсическое указание герою (и читателю) романа на способ «изгнать из себя существование» [Сартр 2000: 213]. И этим способом, по мнению философа, является художественное творчество. Покидая город и слушая в последний раз пластинку с записью незамысловатой песенки, Рокантен вдруг открывает, что певице и композитору (нисколько не подозревавшим не только о своей философской победе, но даже о том, что они

вообще участвовали в «сражении») удалось преодолеть «грех существования», войти с Рокантеом как со слушателем в чисто духовный контакт, не отягощенный никакими материальными (в широком смысле слова) обстоятельствами.

Выводы. Проведенное сравнительное исследование антропологической проблематики повести Н.В. Гоголя «Нос» и романа Ж.П. Сартра «Тошнота» в контексте размышлений Р. Гвардини выявило сходство концепций человеческой личности у русского и французского писателей, а также совпадение форм и способов их художественного воплощения, что позволяет говорить об определенном гоголевском приоритете в постановке тех фундаментальных проблем человеческой личности, которые окажутся в центре внимания европейской философии в середине XX в., в частности, во французском экзистенциализме в лице Сартра.

Художественная антропология Гоголя и Сартра концентрируется на двух взаимосвязанных аспектах проблемы человека. Первый из них связан с определением глубинных основ человеческой личности и заключается у Гоголя в поисках квинтэссенции человечности, которой в повести иронически объявляется нос героя, а у Сартра — в последовательном «очищении» «я» персонажа от ментальных напластований, вызванных контактами с внешним миром.

Второй аспект связан с проблемой сохранения человеком своей аутентичности в условиях социального бытия. Оба писателя обнаруживают в социальных коммуникациях взаимную подмену собеседниками подлинных личностей друг друга деиндивидуализированными образами, основанными на восприятии Другого единственно как представителя определенного социального типа или группы. Особую опасность, по мнению Гоголя и Сартра, представляет аналогичное восприятие человеком самого себя, влекущее утрату аутентичности и конструирование собственной личности в соответствии с прогнозируемыми коммуникативными установками и ожиданиями потенциальных собеседников.

Одним из способов для человека сохранить собственную идентичность и избежать нивелирования своей личности в условиях социального бытия Сартр, вслед за Гоголем как автором «Выбранных мест из переписки с друзьями», видит в художественном творчестве.

Источники

Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. Т. 3: Повести. Т. 4: Комедии. 682 с.

Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М.: Издательство АСТ, 2020. 1072 с.

Сартр Ж.П. Тошнота // Сартр Ж.П. Тошнота: Роман; Стена: Новеллы. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 7–216.

Фаулз Дж. Аристос. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 347 с.

Литература

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Издательство «Русские словари». Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–263.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинение: В 7 т. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 6–300.

Бочаров С.Г. Вокруг «Носа» // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 98–120.

Бочаров С.Г. Загадка «Носа» и тайна лица // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. С. 124–160.

Куликов А.К. Мифологические мотивы в творчестве Н.В. Гоголя. Философский анализ. СПб.: Алетейя, 2020. 294 с.

Маргалит А. Человеческое достоинство между китчем и обожествлением // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (151). С. 13–26. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19747/; Режим доступа: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85052052780&partnerID=40&md5=e9ad6e94e0646402552266320fce7a2>. Дата обращения: 29.09.2021.

Маркович В.М. Петербургские повести Н.В. Гоголя: Монография. Ленинград: Художественная литература, 1989. 208 с.

Фуксон Л.Ю. К столкновению повести «Нос» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 75–81. doi: <https://doi.org/10.17223/18137083/66/6>. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85065521597&doi=10.17223%2f18137083%2f66%2f6&partnerID=40&md5=e9ad6e94e0646402552266320fce7a2>. Дата обращения: 29.09.2021.

Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Ленинград: Художественная литература, 1969. С. 306–326.

References

Istochniki

Gvardini R. (1990). Konec novogo vremeni [End of New Time]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. № 4. Pp. 127–163. (In Russ.).

Gogol' N.V. (2009). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 17 t.* [Complete works and letters: In 17 volumes.]. Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchate. Vol. 3: Stories; Vol. 4: Comedies. 682 p. (In Russ.).

Satr Zh.P. (2020) *Bytie i nichto* [Being and nothing]. Moscow: Publishing house AST. 1072 p. (In Russ.).

Satr Zh.P. (2000). Toshnota [Nausea]. *Sartre J.P. Nausea: A Novel; Wall: Novels*. Kharkov: Folio; Moscow: Publishing house AST. Pp. 7–216. (In Russ.).

Faulz Dzh. (2008). *Aristos*. Moscow: AST: AST MOSCOW. 347 p. (In Russ.).

Literatura

Bakhtin M.M. Avtor i geroj v e'stetcheskoy deyatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. *Collected works: In 7 volumes*. Moscow: Publishing house "Russkie slovari". Yazyki slavyanskoj kul'tury. Vol. 1. 2003. Pp. 69–263. (In Russ.).

Bakhtin M.M. Problemy poe'tiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. *Collected works: In 7 volumes*. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoj kul'tury. Vol. 6. 2002. Pp. 6–300. (In Russ.).

Bocharov S.G. (1999) Vokrug "Nosa" [Around the "Nose"]. *Syuzhety russkoj literatury* [Plots of Russian literature]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. Pp. 98–120. (In Russ.).

Bocharov S.G. Zagadka "Nosa" i tajna lica [The "Nose" Riddle and the Mystery of the Face]. *O xudozhestvennyx mirax* [About the worlds of art]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1985. Pp. 124–160. (In Russ.).

Kulikov A.K. (2020). *Mifologicheskie motivy v tvorchestve N.V. Gogolya. Filosofskij analiz*. [Mythological motives in the work of N.V. Gogol. Philosophical analysis]. Saint-Petersburg: Aletejya. 294 p. (In Russ.).

Margalit A. (2018). Chelovecheskoe dostoinstvo mezhdru kitchem i obozhestvleniem [Human dignity between kitsch and deification]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. № 3 (151). Pp. 13–26. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19747/ URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85052052780&partnerID=40&md5=e9ad6e94e0646402552266320fce7a2>. Accessed: 29.09.2021. (In Russ.).

Markovich V.M. (1989). *Peterburgskie povesti N.V. Gogolya: Monografiya*. [Petersburg Tales of N.V. Gogol: Monograph]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 208 p. (In Russ.).

Fukson L.Yu. (2019). K istolkovaniiyu povesti "Nos" [To the interpretation of the story "The Nose"]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian journal of philology]. № 1. Pp. 75–81. doi: <https://doi.org/10.17223/18137083/66/6>. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85065521597&doi=10.17223%2f18137083%2f66%2f6&partnerID=40&md5=> Accessed: 29.09.2021. (In Russ.).

E'jkenbaum B.M. (1969). Kak sdelana "Shinel" Gogolya [How Gogol's "Overcoat" was made]. *O proze*. [On prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1969. Pp. 306–326. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 08.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторе

Александр Семенович Смирнов — кандидат филологических наук; доцент; Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; доцент кафедры русской филологии; сфера научных интересов: антропологическая проблематика художественной литературы, русская и зарубежная литература XIX—XX вв.

Information about the author

Alexander Semenovich Smirnov — Candidate of Philology; Associate Professor; Yanka Kupala State University of Grodno; Associate Professor of the Department of Russian Philology; research interests: anthropological problems of fiction, Russian and foreign literature of the 19th—20th centuries.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 56–71
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 56–71

Научная статья

УДК 82.09

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.04>

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И С. БЕККЕТА

Юлия Дмитриевна Бурмистрова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
j.d.burmistrova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0397-6469>

Аннотация. Русская литература получила широкое признание в мировом культурном пространстве только в конце XIX в. В этом вопросе примечательна роль И.С. Тургенева, который, в отличие от других русских писателей, был известен в Европе с 50-х гг. XIX в. и рассматривался иностранными авторами как близкий им литературный деятель, который русскую оригинальность изложения сочетал с доступным для понимания иноязычным читателям содержанием. В настоящем исследовании речь пойдет о реминисценциях из Тургенева в творчестве С. Беккета и, в частности, в его рассказе «Первая любовь», который во многом, полагаем, создавался в контексте одноименной тургеневской повести. Тема взаимоотношений Тургенева и ирландского писателя ранее не поднималась в исследовательской литературе, однако литературные связи двух авторов, которые удастся проследить по письмам и библиотеке Беккета, позволяют нам говорить о знакомстве последнего с текстами русского писателя.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Первая любовь», С. Беккет, реминисценции.

Для цитирования: Бурмистрова Ю.Д. Отражение темы первой любви в творчестве И.С. Тургенева и С. Беккета // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 56–71. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.04>.

Original article

THE FIRST LOVE THEME IN I.S. TURGENEV AND S. BECKETT'S CREATIVE WORKS

Iulia Dmitrievna Burmistrova

Moscow City University, Moscow, Russia, j.d.burmistrova@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-0397-6469>

Abstract. Russian literature acquires wide-spread acknowledgement in the world cultural environment only in the late years of the 19th century. After that the creative works of such Russian writers as F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy or A.P. Chekhov become the source of allusions and reminiscencia for the foreign authors. E.M. de Vogue even claimed that in terms of the crisis of the national literature writers must address the Russian texts which offer new and original strategies for literature development. First and foremost, he spoke about I.S. Turgenev's figure. He was one of the few Russian writers known in Europe from the middle of the 19th century and sometimes appeared as an author uniting both the Russian original way of thinking and depicting world with understandable for foreign public plots and ideas. Turgenev's creative talent was known outside Russia and some foreign writers even considered themselves as his apprentices (like H. James). Our current research deals with the Turgenev's figure in S. Beckett's creative works who was quite familiar with Russian literature in general. By studying Beckett's letters and library it was discovered that he indeed had different Turgenev's works in his collection. There stand out two works — "The First Love" and "A Month in the Country" — where the first one was as we believe the plot forcing Beckett to address this topic in his eponymously-named short story. The both stories have a lot in common in the plot and character sections. First of all, the father figure appears in both books in relation to the first love thus creating love triangle: main character — father — lover. Moreover, both fathers appear distant to characters and at the same time close to their hearts. Female lover is also expressing some similarities namely in their scandalous behavior for their time. As for the main heroes, they both have romantic understanding of life which is largely travestied in Beckett's work. But the most significant part is connected to the definition of love in both books. Turgenev underlines the poisonous and destructive nature of love that just has tragic meaning and destroys people without hesitation or regret. Beckett, in his turn, focuses on abstract, senseless and plainly uncontrollable side of love which makes the whole process chaotic. His characters also pass the love trial which

is common for most of Turgenev's works demonstrating their vanity and loneliness in the universe.

Key words: I.S. Turgenev, S. Beckett, The First Love, reminiscencia.

For citation: Burmistrova Iu.D. The first love theme in I.S. Turgenev and S. Beckett's creative works. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. = Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 56–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.04>.

© Бурмистрова Ю.Д., 2021

Введение. Произведения И.С. Тургенева были одними из первых русских сочинений, с которыми смогли ознакомиться иностранные читатели в XIX в. В своей знаменательной книге «Русский роман», опубликованной в 1886 г., Э.-М. де Вогюэ, говоря о ключевых русских писателях, приводит их библиографию во Франции с пометой: «l'œuvre entière de Tourguénief a été traduite sous sa direction par Charrière, Mérimée, Viardot» [Vogüé: 468]¹. Для французской литературы XIX в. это явление феноменальное (для сравнения: Ф.М. Достоевский к этому времени был переведен только 3 раза, Л.Н. Толстой — 6, а Н.В. Гоголь — только 5 раз, причем большинство переводов осуществлялись самим Тургеневым [Vogüé: 468–470]), так что можно утверждать, что писатель был довольно известен французской публике, хотя, как замечал генерал Б. Фори в своих воспоминаниях о Тургеневе, «во Франции Тургенев был более известен, чем читаем, по крайней мере в широкой публике» [Тургенев: 283]. И эта известность в основном распространялась на виднейших европейских литературных деятелей XIX в.: писатель был близко знаком с Ж. Санд, П. Мериме, И. Тэном, Э. Золя, А. Доде, Э. Гонкуром и, конечно, с Г. Флобером, дружбу с которым пронес до самой его смерти. Будучи глубоко погруженным во французскую литературную среду, Тургенев оказал немалое влияние на ее дальнейшее развитие, и сегодня реминисценции из его творчества исследователи обнаруживают в различных иноязычных сочинениях.

Не исключением стал и С. Беккет, ирландский писатель и драматург, которому суждено было значительную часть своей жизни, как и Тургеневу ранее, провести в Париже. Фигура Беккета до сих пор во многом оказывается мало изучена. Однако публикация эпистолярного наследия автора (2009–2016) позволила исследователям глубже проникнуть в подтекст его сочинений и по-новому взглянуть на уже известные произведения. Так, в предисловии к биографии Беккета, изданной Дж. Ноулсон

¹ «Все сочинения И.С. Тургенева переведены на французский язык под его руководством Э. Шаррьером, П. Мериме, Л. Виардо» (здесь и далее перевод с фр. наш. — Ю. Д.).

с согласия автора, отмечается, что, хотя сам автор настаивал на отказе использовать факты своей личной жизни при анализе его произведений, в «ранних работах писателя очевидно прослеживается определяющее влияние личного опыта» [Чернышев: 101]. Кроме того, вносят ясность в понимание источников и смыслов текстов и немногочисленные исследования, посвященные беккетовскому кругу чтения, который был крайне обширен и включал, среди прочего, сочинения русских авторов, таких как Ф.М. Достоевский (особенно любимы писателем были романы «Братья Карамазовы» и «Бесы»), И.А. Гончаров (роман «Обломов») и А.П. Чехов [Knowlson]. В личной библиотеке Беккета нашлось место и нескольким тургеневским сочинениям, два из которых — «Первая любовь» и «Месяц в деревне», — оказываются особенно созвучны творчеству автора. Кроме того, Беккет упоминает роман Тургенева «Рудин» в одном из своих писем, надеясь увидеть адаптацию Барбары Брей для BBC в 1960 г. [Beckett 2014: III, 284, 342]. Таким образом, можно заключить, что Беккет был неплохо знаком с русской литературой и творчеством Тургенева в частности, хотя его отношение к русскому писателю, как и точные временные рамки обращения к тургеневским текстам, прямого выражения в письмах и воспоминаниях автора не нашли. Тем любопытнее представляется проследить возможную связь двух сочинений, обращенных к теме первой любви, в творчестве обоих писателей.

Цель работы: проследить особенности отражения темы «первой любви» в одноименных произведениях И.С. Тургенева и С. Беккета.

Материал исследования: повесть «Первая любовь» И.С. Тургенева и рассказ «Первая любовь» С. Беккета.

Методология исследования. В качестве общенаучного метода в исследовании используется описательный метод, связанный с попыткой представить научное описание текста Беккета, а также лингвокультурологический, обоснованный вниманием к лексической передаче смыслов. Ведущим литературоведческим методом выступает сравнительно-исторический, продиктованный особенностями исследуемого материала.

Основная часть. Повесть «Первая любовь» И.С. Тургенева — материал глубоко автобиографичный. Как признавался автор позднее, «одну только повесть я перечитываю с удовольствием. Это *Первая любовь*. Она, пожалуй, моё любимое произведение. В остальном — хотя немного, да выдуманно, в *Первой любви* же описано действительное происшествие без малейшей прикраски, и при перечитывании действующие лица встают как живые предо мною» [Половцев: 87]. Этот текст был впервые опубликован в «Библиотеке для чтения» в марте 1860 г. и рассказывал о первой любви в жизни Тургенева, где он был вынужден соперничать с родным отцом. В центре повествования, таким образом, выступают три фигуры: Зинаида Засекина — молодая княжна из разорившегося рода, Владимир Петро-

вич — рассказчик, повествующий о своем воспоминании первой любви, и его отец — окутанная тайной фигура, вынужденный жениться на матери рассказчика по причине отсутствия состояния; и три типа отношений: Зинаида — Вольдемар (где первая выступает повелителем, а второй — подчиненным), Зинаида — отец рассказчика (где представлена обратная ситуация) и, наконец, Вольдемар — отец (отношения, которые всегда оказываются как будто скрыты от глаз читателей, но вместе с тем определяют все происходящее).

Примечательно, что во Франции повесть была впервые опубликована в 1863 г. с небольшим прибавлением, в котором друзья рассказчика делились своим мнением по поводу только что услышанной истории, рефлексируя над ее «глубокой и тёмной» [Тургенев: 484] безнравственностью. С одной стороны, такое прибавление было призвано сместить акцент с малопонятных явлений русской ментальности, которые могли показаться европейским читателям дикими и безнравственными, а также установить своего рода границу между русским человеком и французом, дать возможность французской аудитории со стороны взглянуть на произведение. С другой стороны, характерен сам выбор автором слов в финальном диалоге между рассказчиком (Владимиром Петровичем) и его другом:

«— Мне кажется, в одной России...

— Такая история возможна! — перебил Владимир Петрович.

— Такой рассказ возможен» [Тургенев: 484].

Это лексическая фокусировка на «рассказе», а не на «истории», т. е. не на событии, а на его изложении, озвучении, позволяет дополнительно подчеркнуть те художественные аспекты этого сочинения, которые для Тургенева были принципиально важны и через которые он обращался к иноязычной публике, говоря не только о различиях, но и о сходстве двух народов: история могла повториться в разных странах, но чистосердечный, открытый и страданный рассказ о ней возможен был только в России.

Тем не менее даже это дополнение не помогло избежать многочисленных упреков в безнравственности повести со стороны как отечественной, так и европейской критики. В частности, Л. Виардо так писал по поводу публикации «Первой любви»: «Я весьма опасюсь, что он (Луи Виардо называл эту повесть “маленький роман”. — Ю. Б.), незаметно для вас самого, является тем, что справедливо называют нездоровой литературой. Все его персонажи приближаются к отвратительному: и старая княгиня с табаком, и девушка, которая кокетничает своей продажностью, и граф, и поляк, и поэт: никто из них не вызывает участия и не забавляет. Кого же она изберет среди своих обожателей, эта новая *Дама с камелиями*? Женатого мужчину. Снова адюльтер, всегда процветающий и прославляемый адюльтер! Этот мужчина женится на немолодой женщине по рас-

чёту, он растрчивает состояние этой женщины на то, чтобы приобретать молодых любовниц. Неважно! Это очаровательный, обаятельный, неотразимый человек. Почему, по крайней мере, не сделать его вдовцом? К чему жалкая и бесполезная фигура его жены? А кто же рассказывает эту скандальную историю? Его сын, о стыд! Его собственный сын, который не следует за детьми Ноя, прикрывшими опьянение и наготу своего отца, но который выставляет их на всеобщее обозрение. И не в шестнадцать лет он рассказывает об этом, но в сорок, когда волосы его седеют, и он не находит слова упрёка или сожаления по поводу прискорбного положения своих родителей. Чему же служит, после всего этого, талант, растрчиваемый на такой сюжет!» [Tourguénev: 115–116].

Тем примечательнее, что именно к этому «скандальному» и «нездоровому» сюжету обращается в своем творчестве и Беккет. Рассказ «Первая любовь» был написан автором в 1945 г., но опубликован намного позднее — в 1970 г. на французском языке и в авторском переводе на английский в 1973 г. В своей основе сочинение не является автобиографичным, хотя отдельные элементы жизни автора здесь и присутствуют: первая любовь Беккета была во многом платонической и случилась во время его обучения в колледже Тринити с Этной Маккарти. В своем рассказе автор от первого лица повествует о жизни молодого человека, который, лишившись отца, оказывается выставлен из собственного дома. Не понимая, куда ему идти дальше, он решается переночевать на скамейке у канала, где знакомится с Лулу, девушкой, зарабатывающей на жизнь проституцией. Определяя свое отношение к девушке как любовь, герой со временем переезжает к ней, но вновь покидает дом, пока на свет не является его ребенок.

Рассказ выстроен в технике «потока сознания», характерной для творчества Беккета в целом и определяемой как «прием повествовательной техники в литературно-художественном произведении, характеризующийся репродукцией объемных комплексов внутренней речи персонажа с целью психологической, социальной, морально-этической и других характеристик» [Кузько: 87]. Среди особенностей такого стиля в «Первой любви» можно отметить нелинейность размышлений героя (размышления о смерти отца сменяются воспоминаниями о запорах), обилие конструкций разговорной речи и экспрессивной лексики, отсутствие авторского плана, что работает на единение читателя и главного героя, отсутствие оформления прямой речи и диалогов в тексте, а также общая обрывистость повествования: герой приходит из ниоткуда и растворяется в неизвестности.

На первый взгляд, два сочинения не могут иметь много общего, кроме того факта, что они посвящены первой любви в жизни героев, хотя сам характер этой любви, кажется, принципиально разнится и не соответствует общепринятым идеям. Вместе с тем между ними можно обнаружить не-

мало схожих черт, которые указывают на внимательное прочтение Беккетом тургеневской повести.

Так, рассказ ирландского писателя открывается следующей фразой: *“J’associe, à tort ou à raison, mon mariage avec la mort de mon père, dans le temps”* [Beckett 1970: 7]¹. Таким образом, уже в первом предложении выступает этот треугольник взаимоотношений, который доминирует в обоих произведениях: герой — отец — возлюбленная. В тургеневском тексте образ отца является ключевым для понимания всего произведения: юношеская наивная любовь рассказчика оказывается противопоставлена всепоглощающей любви-страсти, которая захватывает героев и увлекает их в бездну. Тургенев подчеркивает трагическое значение чувства, его разрушительную сторону, невозможность вечной любви «в пределах земных границ» [Кузавова: 13], что в повестях писателя зачастую рассматривается как завершение жизни героев за счет доминирования их личного «я» в тексте.

В беккетовском произведении фигура отца не является непосредственным участником любовной ситуации, в то же время она служит мощным и главным импульсом ее развития в жизни главного героя. Именно смерть отца становится точкой отсчета для романтических отношений рассказчика, позволяет ему полюбить другого человека вообще: вынужденный покинуть дом, где ему не рады, он знакомится с Лулу и, не имея крыши над головой, идет к ней домой. Размышляя о красоте своей возлюбленной, он вновь обращается к образу своего отца, соотнося лицо Лулу и само понятие красоты с выражением отцовского лица в гробу. Наконец, даже покидая Лулу и слыша первые крики своего ребенка, он вспоминает о своем отце, замечая, что *“il m’en avait montré d’autres, mais seul et sans lui je n’ai jamais su retrouver que les chariots”* [Beckett 1970: 55]². Показанные отцом созвездия служат путеводной нитью для героя в его расстроенных чувствах, когда он пытается избежать свое настоящее. Таким образом, в финале рассказа актуализируется уже не романтическая, но родственная любовная тематика: не о конечности и силе романтической плотской любви жалеет герой, но о своем одиночестве в этом мире, вынужденный жить вне кровных и родственных уз, оторванный от родного «гнезда». Эта проблематика встречается и в более ранних сценах рассказа, например, наконец обосновавшись в доме Лулу, герой восклицает: *“Essayez maintenant de me mettre à la porte”* [Beckett 1970: 46]³, подчеркивая страх оказаться выброшенным и оставленным как доминирующий в сознании героя. Необходимо заме-

¹ «С временной точки зрения я связываю, по ошибке или справедливо, мой брак со смертью моего отца» (пер. с фр.).

² «Он показывал мне и другие, но в одиночестве и без него я никогда не мог найти других созвездий, кроме Колесницы» (пер. с фр.).

³ «Только попробуйте теперь выставить меня» (пер. с фр.).

тять, что этот новый акцент в произведении, думается, не в последнюю очередь продиктован личными потрясениями в жизни автора: во время Второй мировой войны писатель жил на территории оккупированной Франции и даже участвовал в движении Сопротивления. Постоянный страх за свою жизнь и вынужденное бегство на юг страны после расстреливания, и вследствие этого забытие и острое ощущение одиночества на долгие годы стали неотъемлемой частью жизни Беккета.

В данном ключе примечательно, что и сам герой, фактически став отцом в финале сочинения, решает бежать из дома Лулу, приведенный в ужас криками рождения, также оставляя собственного ребенка покинутым, как когда-то был оставлен и сам. Этот мотив преемственности поколений встречается, между прочим, и во французском тексте тургеневской «Первой любви», где в эпилоге приятель рассказчика замечает: «Но будем надеяться, что нашим детям не придётся так рассказывать свою молодость» [Тургенев: 484] (напомним, что иноязычным читателям тургеневский текст был известен только с эпилогом вплоть до 1974 г., когда вышло новое издание на французском Петера Бранга). Таким образом, если Тургенев наряду с элегическими интонациями, которые доминируют в заключительных строках повести, все-таки выражает надежду на будущую новую жизнь, которой, возможно, суждено преодолеть недостатки современности, Беккет в большей степени фокусируется на цикличности человеческого существования, признавая повторяемость и неизбежность проблемы любви и семейных взаимоотношений. Полагаем, это ощущение тревожности, как его характеризует Дж. Гурлей в своей статье, посвященной «Первой любви» [Gourley], также во многом есть следствие поствоенного сознания автора, вынужденного столкнуться лицом к лицу с ужасами войны.

Обнаруживаются и другие переключки между образами отца в обоих произведениях. В частности, особое состояние отчужденности и закрытости, которое характерно для обоих персонажей, и вместе с тем сильная внутренняя связь между отцом и сыном, которая с трепетом поддерживается младшим поколением. Подобно тому, как Владимир Петрович вспоминал о своем отце, что он «держался строго, холодно, отдалённо» и «обходил» с рассказчиком «равнодушно-ласково» [Тургенев: 304], «почти не занимаясь его воспитанием» [Тургенев: 323], беккетовский герой вспоминает о той дистанции, которая существовала между ними: “Et quand les restes de mon père y collaborèrent, aussi modestement que ce soit, il s’en faut de peu que je n’aie la larme à l’œil” [Beckett 1970: 9]¹. Желание преодолеть эту дистанцию, стать ближе, характеризует обоих героев в равной степени.

¹ «Когда же речь заходит об останках моего отца, сколь скромным ни был его вклад, я едва могу сдержать слёзы на глазах» (пер. с фр.).

Герой Беккета не снимая носит шляпу, подаренную ему отцом, в то время как Владимир Петрович ищет все возможные пути сближения с отцом, замечая, что даже общая любовь «как будто ещё возвысила его в моих глазах» [Тургенев: 356].

Определенные параллели можно обнаружить и в характерах возлюбленных. То, что у Тургенева было только намечено и во многом преувеличено критиками и современниками, у Беккета нашло свое непосредственное и грубое выражение. Красавица Зинаида, предмет восхищения и обожания многочисленных мужчин, получает бытовую и пошлую интерпретацию. Образ проститутки в качестве дамы сердца героя носит пародийный характер и продиктован, вероятно, желанием высмеять устоявшиеся каноны в изображении центрального женского персонажа в произведении. Он представляется во многом размытым и нечетким: читатель не знает наверняка имени, возраста или мотивов героини. Известно лишь, что она, вслед за тургеневской Зинаидой, смиренно и даже несколько отчужденно принимает все удары от своего возлюбленного, молчаливо жертвуя собой ради него. Однако эта жертвенность не оказывается окрашена в трагические или элегические тона, как это было у Тургенева, она лишь подчеркивает ничтожность чувств героев и мира вообще. Примечателен и конец обеих героинь: Зинаида умирает от родов, в то время как герой покидает Лулу в процессе родов, убегая от криков их новорожденного ребенка.

Сближается и мироощущение героев в двух произведениях. Так, по точному замечанию И.А. Беляевой, «Повесть в творчестве Тургенева актуализировала в характере героя гамлетовское начало. Это, конечно, не означает, что все герои тургеневских повестей типологически — Гамлеты. Но им довлеет гамлетовская доминанта. Они, даже при определенной степени открытости миру и людям, все же оказываются сосредоточены на себе, а их существование замкнуто во времени и пространстве» [Беляева: 92]. Здесь можно добавить, что недаром во французском переводе «Первой любви» в эпилоге Тургенев добавил цитату из Гамлета — «Есть что-то испорченное в Датском королевстве» — в уста приятеля рассказчика, вновь фокусируясь на гамлетовском начале своего героя. У Беккета можно наблюдать такую же позицию: его герой фактически оказывается полностью сфокусирован на себе, своем внутреннем мироощущении. Например, размышляя о Лулу, он восклицает: *“Ce que je connais le moins mal, ce sont mes douleurs. Je les pense toutes, tous les jours, c’est vite fait, la pensée va si vite, mais elles ne viennent pas toutes de la pensée”* [Beckett 1970: 24]¹. Смерть отца, возлюбленная и собственно время не играют для него значи-

¹ «Что я понимаю лучше всего, из множества мне непонятного, мои собственные страдания. Я обдумываю их со всех сторон, каждый день, быстро и неустанно, ведь мысль

тельной роли. Все это оказывается как бы на окраине его сознания, слугит лишь внешним выражением времени, которое оказывается хаотично в душе главного героя. Момент между приходом к Лулу и ее беременностью воспринимается героем как череда однообразных дней и ночей, между которыми был принесен гиацинт и был съеден пастернак.

Кроме того, оба автора наделяют романтическим сознанием своих героев. Тургеневский рассказчик зачитывался «Разбойниками» Шиллера, в то время как у Беккета герой любил прогуливаться по кладбищу. Особое место в пространстве тургеневской «Первой любви» занимает также Нескучный сад, традиционное место в литературе эпохи романтизма. Характерно, что и признания беккетовских героев звучат на скамейке на набережной. Подчеркивается эта романтическая тональность и в отношении к любви героев. Так, только приехав в деревню и не встретив еще Зинаиду, тургеневский рассказчик уже ощущает чувство предстоящей любви, предчувствует «что-то новое, несказанно сладкое, женское» [Тургенев: 306]. Случайно увидав Зинаиду через забор, Вольдемар в ту же секунду оказывается очарован ею, любовь в его душе соотносится с грозой, которая, казалось, отвечала «немым и тайным порывам, которые вспыхивали» в нем после встречи с молодой девушкой [Тургенев: 323]. Кроткие и мягкие звуки тронутой влюбленной души героя отвечают его аккуратным и нерешительным попыткам завладеть сердцем Зинаиды, которая не могла воспринимать его серьезно из-за юного возраста и увлеченностью его отцом.

В рассказе Беккета романтическое восприятие любви подвергается травестированию. Возвышенная любовь в стиле романтизма представляется вульгарной и низменной, одухотворенная и загадочная героиня оказывается проституткой, которая принимает клиентов в соседней с возлюбленным комнате, однако совершенно не испытывает чувство стыда или сожаления, как, впрочем, и сам герой. В отличие от романтических установок Тургенева, само определение дается Беккетом в ироническом значении: «Où, je l'aimais, c'est le nom que je donnais, que je donne hélas toujours, à ce que je faisais, à cette époque. Je n'avais pas de données là-dessus, n'ayant jamais aimé auparavant, mais j'avais entendu parler de la chose, naturellement, à la maison, à l'école, au bordel, à l'église, et j'avais lu des romans, en prose et en vers, sous la direction de mon tuteur, en anglais, en français, en italien, en allemande, où il en était fortement question. J'étais donc quand même en mesure de donner un nom à ce que je faisais, quand je me voyais tout d'un coup en train d'écrire le mot Lulu sur une vieille bousse de génisse, ou que couché sous la lune dans la boue j'essayais d'arracher les orties sans en casser

бывает резка, но сами страдания совсем не такие, по крайней мере, не все, и не всегда пребывают только в мыслях» (пер. с фр.).

la tige” [Beckett 1970: 27–28]¹. Гроза и трепет юношеского чувства из тургеневской «Первой любви» у ирландского писателя превращаются в низменное и глупое чувство, которое он в равной степени изучает в церкви и в борделе. Усиливает травестирование сюжета и указание на губернатора, с которым рассказчик читал о любви в книгах, подобно тургеневским героям, — Владимир Петрович только месяц как «расстался со своим французом» [Тургенев: 312].

Вместе с тем, само ощущение любви героями Тургенева во многом получает логическое развитие в тексте Беккета. Тургенев повествует о любви-страсти, которая приносит «счастье», но в то же время является «отравой» и несет разрушительную силу, как предостерегает отец героя. Эта любовь во многом оказывается у писателя противопоставлена сдержанному и возвышенному чувству уважения и близости, которое должно заменить отравляющую жизнь страсть. Таким образом, в перспективе Тургенев не лишает любовь положительного значения, хотя и полагает, что не каждая любовь способна благотворно влиять на человека.

В свою очередь, Беккет говорит о разрушительности любви вообще. Его герой пытается найти определение тому чувству, которое Лулу в нем возбуждает, — страстное, платоническое или рассудочное, — однако заключает, что “l’amour vous rend mauvais” [Beckett 1970: 29]². Автор подчеркивает иррациональность и пошлость любви — герой фактически влюбляется в первую встреченную им девушку, совершенно ничего не зная о ней; ее бездумность и низость — неоднократно любовь в его сознании соотносится со старой коровьей лепешкой, после которой он облизывает пальцы, мечтая о возлюбленной; тот хаос, который она приносит и в сердце героя, и в его жизнь. При этом несмотря на общую разрушительную силу этого чувства, которая, подобно крикам новорожденного в его голове, никогда не прекратит своего разрушающего воздействия, любовь, по мысли автора, нельзя контролировать: “Mais l’amour, cela ne se commande pas” [Beckett 1970: 56]³. Эта необузданность любви и является, на наш взгляд, ключевой характеристикой для Беккета: герой не может избежать ее, не может подчинить, даже сбежать от нее он не в силах. Любовь представляется

¹ «Да, я любил её, именно так я называл и, увы, продолжаю называть то, чем занимался в то время. Мне нечего было принимать за образец, я никогда не любил прежде, но я, конечно, слышал разговоры об этой штуке — дома, естественно, а также в школе, борделе и церкви, ещё я читал, под руководством моего гувернёра, романы, в стихах и прозе, на английском, французском, итальянском и немецком, где этот предмет был исследован обстоятельно. Следовательно, я всё-таки мог дать определение тому, что чувствовал, пока выписывал имя Лулу на старой коровьей лепёшке, лежал ничком в грязи при лунном свете или рвал с корнем острые кусты крапивы» (пер. с фр.).

² «Любовь выявляет в человеке всё самое худшее» (пер. с фр.).

³ «Но любовь, ей нельзя управлять» (пер. с фр.).

иррациональной, алогичной, неконтролируемой и бессмысленной. При этом, что характерно именно для текста Беккета, такое определение любви вполне распространяется и на родственную, неромантическую любовь, которая также оказывается забыта и ничтожна.

В центре конфликта беккетовского произведения оказывается человек в контексте любви, чье мироощущение претерпевает изменения при столкновении с чувством. Вслед за тургеневскими персонажами беккетовские герои также проходят испытание любовью, перед которой оказываются абсолютно ничтожными и незначимыми. Это в значительной степени можно объяснить общими особенностями поствоенной эпохи, когда тревожность и ощущение безнадежности бытия повсеместно охватывали современников.

В то же время, избрав тургеневский текст как основу своего рассказа, Беккет не ограничивается реминисценциями только из «Первой любви». Еще одним важным ключом для понимания этого произведения становятся сочинения другого русского автора — Достоевского, в частности, его «Записки из подполья». Беккет в целом очень высоко оценивал творчество Достоевского, особенно в ранние годы своей жизни до 1940-х гг., однажды даже предложив написать книгу о жизни русского писателя для издателя Чарльза Престина, который, однако, от этой идеи отказался [Beckett 2009: I, 82]. Достоевский активно присутствует в ранних письмах ирландского писателя, который демонстрирует хорошее знакомство с текстами русского автора, свободно используя отсылки к ним в корреспонденции со своими друзьями. С «Записками» рассказ соотносится прежде всего самым типом подпольного человека, коим является рассказчик (худшим событием в его жизни стала необходимость выбраться из привычных ему жизненных условий и покинуть дом), образом возлюбленной-блудницы и структурой монолога главного героя. Более того, поскольку к моменту публикации рассказа (1970 и 1973) имя Достоевского было широко распространено в Европе, можно предположить, что именно достоевский слой в большей мере выступал как первичный для иностранных читателей, в то время как реминисценции из Тургенева, даже несмотря на такую явную параллель в заглавии произведений, оказались вне поля зрения публики, во многом из-за того, что фигура писателя была заслонена другими русскими авторами в сознании европейцев (в частности, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, во многом благодаря книге Э.-М. де Вогюз [Vogüé]).

Однако, на наш взгляд, Беккет не пытался столкнуть двух авторов и не выстраивал привычной нам оппозиции «Тургенев — Достоевский» в своем рассказе, но органично соединял сюжет одного и образы другого русского писателя. Прежде всего, полагаем, беккетовский рассказ, который он, между прочим, никогда не планировал публиковать, задумывался

как пародия на прочитанное сочинение Тургенева, где герои Достоевского, более близкие Беккету по духу и проблематике, оказываются поставлены в тургеневскую ситуацию, которая особенно остро стояла перед иноязычным писателем в послевоенные годы.

Выводы. Таким образом, мы можем говорить, что в повести Тургенева «Первая любовь» и в одноименном рассказе Беккета обнаруживается немало сходных черт, вызванных, полагаем, пристальным чтением ирландским писателем тургеневских сочинений. В обоих произведениях представлен нехарактерный взгляд на первую любовь в жизни героев: шестнадцатилетнего юноши и двадцатипятилетнего молодого человека, которые наделены романтическим сознанием и личностным мироощущением. Значительную роль в произведениях играет и образ отца, который вмешивается в любовную историю и указывает направление ее развития: в тургеневском тексте непосредственно становясь настоящим возлюбленным Зинаиды, а у Беккета — своей смертью предопределив невозможность счастливого конца отношений героя и Лулу. Обращаясь к теме первой любви в своем произведении, Беккет во многом соглашается с Тургеневым в его интерпретации этой темы, одновременно расширяя ее до сознания невозможности и ничтожности всякой любви вообще. Даже если бы отец Владимира Петровича умер, а Зинаида ответила взаимностью, положительный исход любви был бы невозможен для героя, показывает Беккет. При этом если у Тургенева первая любовь оказывается растоптана ее разрушительной силой, страстью, то у Беккета — ее принципиальной невозможностью, продиктованной ее хаотичностью и необузданностью, а также общей ничтожностью человеческого земного бытия.

Источники

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / Под ред. М.П. Алексеева и др. М.: Наука, 1981. Т. 6. 495 с.

Beckett S. Le premier amour. Paris: Les Éditions de Minuit, 1970. 56 p.

Beckett S. The letters of Samuel Beckett: In 4 Vol. / Ed. and trans. by G. Craig, gen ed. by L.M. Overbeck. Cambridge: Cambridge university press, 2009–2016.

Tourguénev I. Nouvelle correspondance inédite: En II T. / Intr. et notes par A. Zviguilsky. Paris: Librairie des cinq continents, 1972. Т. 2. 167 p.

Литература

Беляева И.А. Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. М.: МГПУ, 2005. 249 с.

И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Под ред. В.Э. Вацуро и др., сост. и подг. текста С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд. М.: Худ. литература, 1983. Т. 2. 557 с.

Кузавова М.В. Любовно-философские повести И.С. Тургенева и проблема циклообразования в творчестве писателя 1850-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кузавова Мария Викторовна; Моск. гор. пед. ун-т. Москва, 2012. 24 с.

Кусько Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Львов: Изд-во Львовск. ун-та, 1980. 207 с.

Половцев А.В. Воспоминания об И.С. Тургеневе // Царь-колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь. М.: Изд-во И.Н. Кушнерова и Ко, 1887. С. 77–90.

Чернышев И.Н. Письма Беккета как источник научного комментирования // Практики и интерпретации, 2018. Т. 3 (4). С. 100–117.

Dermitzakis B. The first love by Ivan Turgenev and by the Greek writer John Condilakis // Primerjalna Knjizevnost, 2005. № 28 (1). Pp. 91–97.

Gourley J. The dialectic of Panic and Anxiety in Beckett's "First Love" // Samuel Beckett Today / Aujord'hui, 2017. № 29 (1). Pp. 150–161. <http://doi.org/10.1163/18757405-02901013>.

Knowlson J. Damned to fame: The life of Samuel Beckett. New York: Simon & Schuster Publ., 1996. 800 p.

Knowlson J. Looking back — but leaping forward // Samuel Beckett Today / Aujord'hui, 2001. Vol. 11. Pp. 31–36.

Nadel I. Modernism's Second Act. New York: Palgrave, 2013. 119 p.

Vogüé de E.-M. Le Roman Russe. Paris: Librairie Plon, 1886. 352 p.

References

Istochniki

Turgenev I.S. (1981). *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete of works and letters: In 30 vols.]. Moscow: Nauka. Vol. 6. 495 p. (In Russ.).

Beckett S. (1970). *Le premier amour*. Paris: Les Éditions de Minuit. 56 p.

Beckett S. *The letters of Samuel Beckett: In 4 Vols.* Cambridge: Cambridge university press, 2009–2016.

Tourguénev I. (1972). *Nouvelle correspondance inédite: En II T.* Paris: Librairie des cinq continents. T. 2. 167 p.

Literatura

Belyaeva I.A. (2005). *Sistema zhanrov v tvorchestve I.S. Turgeneva* [Systems of genres in I.S. Turgenev's creative works]. Moscow: MGPU. 249 p. (In Russ.).

I.S. Turgenev v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. [I.S. Turgenev in his contemporaries memoirs: In 2 vols.]. Moscow: Khud. literatura, 1983. Vol. 2. 557 p. (In Russ.).

Kuzavova M.V. (2012). *Lyubovno-filosofskie povesti I.S. Turgeneva i problema cikloobrazovaniya v tvorchestve pisatelya 1850s godov* [Amouros-philosophical stories by I.S. Turgenev and the cycle-forming issue in the writer's works of the 1850s]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Love and philosophical aspects on I.S. Turgenev's short stories of 1850s] Moscow. 24 p. (In Russ.).

Kus'ko E.Ya. (1980). *Problemy yazyka sovremennoj hudozhestvennoj literatury*. [The issue of the language of modern fictional literature] L'vov: L'vovsk. un-ta publ. 207 p. (In Russ.).

Polovcev A.V. (1887). *Vospominaniya ob I.S. Turgeneve* [Memoirs about I.S. Turgenev]. *Tsar'-kolokol. Illyustrirovannyj vseobshchij kalendar'* [The Tsar Bell. Illustrated widespread almanac]. Moscow. Pp. 77–90. (In Russ.).

Chernyshev I.N. (2018). Pis'ma Bekketa kak istochnik nauchnogo kommentirovaniya [Beckett's letters as the source for scientific commenting]. *Praktiki i interpretacii* [Practices and Interpretations]. T. 3 (4). Pp. 100–117. (In Russ.).

Dermitzakis B. (2005). The first love by Ivan Turgenev and by the Greek writer John Condilakis. *Primerjalna Knjizevnost*. No. 28 (1). Pp. 91–97.

Gourley J. (2017). The dialectic of Panic and Anxiety in Beckett's "First Love". *Samuel Beckett Today — Aujord'hui*. No. 29 (1). Pp. 150–161. doi: <http://doi.org/10.1163/18757405-02901013>.

Knowlson J. (1996). *Damned to fame: The life of Samuel Beckett*. New York: Simon & Schuster Publ. 800 p.

Knowlson J. (2001). Looking back — but leaping forward. *Samuel Beckett Today — Aujord'hui*. Vol. 11. Pp. 31–36.

Nadel I. (2013). *Modernism's Second Act*. NY: Palgrave. 119 p.

Vogüé de E.-M. (1886). *Le Roman Russe*. Paris: Librairie Plon. 352 p.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021; одобрена после рецензирования 24.06.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 12.05.2021; approved after reviewing 24.06.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторе

Юлия Дмитриевна Бурмистрова — кандидат филологических наук; Московский городской педагогический университет; старший преподаватель кафедры зарубежной филологии института гуманитарных наук; сфера научных интересов: русско-европейские литературные связи.

Information about the author

Iulia Dmitrievna Burmistrova — Candidate of Philology; Moscow City University; Lecturer at the Foreign Philology Department of the Institute of Humanities; research interests: Russian-European literary connections.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 72–91
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 72–91

Научная статья

УДК 821.161.1

УДК 821.161.2

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.05>

ОБРАЗ ГОРОДА В «БЕЛОЙ ГВАРДИИ» МИХАИЛА БУЛГАКОВА И В «ГОРОДЕ» ВАЛЕРЬЯНА ПИДМОГИЛЬНОГО

Антони Бортновски

Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша, a.bortnowski@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0002-9963-1798>

Аннотация. В статье сопоставлены образы Киева в романах Михаила Булгакова «Белая гвардия» и Валерьяна Пидмогильного «Город». Оба произведения были написаны в 1920-е гг. и отражают специфику киевской действительности в момент исторических перемен. Цель исследования — указание ключевых различий в изображении города русским и украинским писателями, которые обусловлены как национальным, так и социальным происхождением авторов. В статье также рассматривается вопрос, являются образы Киева в анализируемых романах комплементарными или взаимоисключающими.

Ключевые слова: «Белая гвардия», «Город» («Місто»), Михаил Булгаков, Валерьян Пидмогильный, образ города, Киев в художественной литературе.

Для цитирования: Бортновски А. Образ города в «Белой гвардии» Михаила Булгакова и в «Городе» Валерьяна Пидмогильного // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 72–91. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.05>.

Original article

THE IMAGE OF THE CITY IN “THE WHITE GUARD” BY MIKHAIL BULGAKOV AND IN “THE CITY” BY VALERYAN PIDMOGILNY

Antoni Bortnowski

Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland, a.bortnowski@amu.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-9963-1798>

Abstract. The article compares the images of the city in the novels of Mikhail Bulgakov “The White Guard” (1925) and Valerian Pidmogilny “The City” (1928). The aim of the study is to reveal the peculiarities of the perception of the Kiev space in the works written in the 1920s, and reflecting the specifics of their time. At the same time, the authors are representatives of Russian and Ukrainian cultures, which is reflected in their views on Kiev. The analysis of the Kiev space is carried out in a geopoetic key, aimed at revealing the deep meaning of individual elements of urban reality. In the context of the analysis of the literary image of Kiev as an ethnoculturally heterogeneous space, the comparative analysis of the “White Guard” and the “City” corresponds to the principles of internal comparative studies, comparing the perception of a given territory from the point of view of national environments coexisting in it. Images of the Kiev space and its components (urban nature, monuments, linguistic space, city residents, etc.) in the “White Guard” and “City” represent two perspectives — the view of the defenders of the fortified city from external forces threatening it and the position of people aspiring to conquer and rebuild the city of representatives of the new era. For both the former and the latter, the city is of key importance. The look from within determines the attitude towards the city in Bulgakov’s novel — this is a native space filled with positive emotions, which becomes dangerous only at the moment of invasion of hostile external forces. However, even then, the characters can find shelter among family and friends, behind the “cream curtains” of their home. In Pidmogilny’s novel, Kiev is initially a space alien to the protagonist, he conquers the city, but does not cease to feel the loneliness and hostility of the surrounding reality. Bulgakov’s city relies on the legacy of the past, which should help to withstand historical turmoil, while Pidmogilny’s Kiev rejects its history and traditions. This is due not only to the specifics of the Soviet era — the article provides arguments in favor of the assertion that the Ukrainian context of the novel “City” is by no means secondary. Therefore, Kiev at Pidmogilny’s novel should become not so much Soviet as Ukrainian, thereby ensuring the final conquest of the urban space by Ukrainian culture, previously traditionally associated with the life of the province. Thus, the “White Guard”

and “The City” present two national environments that for centuries played a dominant role in the formation of the specificity of the Kiev cultural space and perceived the importance of the city in different ways. Comparison of its images in the analyzed novels reveals the key differences in the perception of the city in the Russian and Ukrainian ethnocultural key, proving the importance of both angles for the holistic characterization of the image of Kiev in fictional writing.

Key words: “White Guard”, “The City” («Місто»), Mikhail Bulgakov, Valeryan Pidmogilny, the image of the city, Kiev in fictional writing.

For citation: Bortnowski A. The image of the city in “The White Guard” by Mikhail Bulgakov and in “The City” by Velrean Pidmogilny. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil’ev*. Vyp. XV. = *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 72–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.05>.

© Бортновски А., 2021

Введение. Образы Киева в художественной литературе первой половины XX в. появлялись довольно часто, хотя произведений, в которых этот город занимает центральную позицию, не так уж много. Среди романов, действие которых тесно связано с киевскими реалиями, следует, безусловно, назвать два произведения 20-х гг. — «Белую гвардию» (1925) Михаила Булгакова и «Город» («Місто», 1928) Валерьяна Пидмогильного. В обоих романах Киев занимает особое место — Булгаков списал с него свой не названный по имени священный *Город*, противостоящий хаосу революции, а Пидмогильный уже самым заглавием указал на значение метрополии, без покорения которой невозможно идти вперед, в будущее.

Романы Булгакова и Пидмогильного, представляя две национальные стихии — русскую и украинскую, формировавшие (часто в условиях конфронтации) киевскую действительность, являются, на наш взгляд, крайне интересным предметом сравнительного анализа. Тем более удивляет факт, что комплексного сопоставления данных произведений, написанных практически в одно и то же время, до сих пор не существует. Исключением, пожалуй, в данном случае кажется работа Ярослава Полищука, в которой дана характеристика изображения Киева в «Белой гвардии» и «Городе» в контексте более широкого вопроса киевской темы в литературе новейшего времени [Полищук: 29–31]. К сожалению, вопрос значения Киева для русской истории, культуры и литературы остается сегодня крайне политизированным, о чем свидетельствуют попытки сопоставлять анализируемых нами авторов в контексте современных российско-украинских отношений [Масенко].

В нашей статье мы попытаемся посредством сравнения образов города в «Белой гвардии» и «Городе» раскрыть специфику взгляда каждого из авторов, обусловленную как национальной, так и социальной составляющей. Булгаков и Пидмогильный показывают в своих романах один и тот же город, но с абсолютно разных позиций — в статье мы попытаемся указать специфику и истоки различий, а также ответить на вопрос, являются ли анализируемые образы киевского пространства комплементарными или взаимоисключающими.

Раскрывая образ города в романах, мы будем исходить из точки зрения Марии Веселовой, которая, поясняя различия между *обликом* и *образом*, указывает на то, что второе понятие — это «сложное, постоянно развивающееся образование, обусловленное рядом факторов: социально-культурной ситуацией, физическими качествами самого города, установками индивида, его представлением о мире в целом и его месте в этом мире» [Веселова: 97]. Данную точку зрения развивает в геопоэтическом ключе Юлия Горелова, предложившая в своей статье следующее толкование ключевого для нас понятия: «Образ города нами рассматривается как совокупность двух подсистем: визуально-воспринимаемой, существующей в объективной реальности, и складывающейся из особенностей предметно-пространственной среды (прежде всего архитектурной и природно-ландшафтной составляющих), и «мифической», предстающей как рефлексия личностей <...>, населяющих данное пространство. С этой точки зрения образ города задается совокупностью образов-символов, мифов, представляющих визуально воспринимаемый облик города, отраженный в сознании его жителей» [Горелова: 18]. Образ города в нашем случае становится тождественным понятию «души города», толкование которого предложил Николай Анциферов: «В каком смысле можно говорить о душе города? Исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан) и составляет душу города» [Анциферов: 48].

Важное значение для нашего анализа имеют также рассуждения Юрия Лотмана о семиотике города, являющего собой механизм, противостоящий времени, место столкновения естественного и искусственного [Лотман: 208–220], и работа Эльжбеты Рыбицкой, посвященная вопросам геопоэтики. Польская исследовательница подробно рассматривает в ней столь важные для нас вопросы геокритики, в частности, в контексте ее мультифокализации и компаративистского уклона [Rybecka: 70–72]. Анализ образов киевской действительности в романах Булгакова и Пидмогильного следует отнести к внутренней компаративистике, принципы которой определила в своей работе Квирына Земба [Ziemba: 72–82]. Главным выводом статьи можно считать утверждение, что раскрытие специфики

пространств с неоднородной культурной и национальной идентичностью не может быть полным без учета всех присутствующих в нем этнокультурных контекстов.

Методология исследования. Подытоживая вышесказанное, отметим, что основными методами, на которых строится наше исследование, стали: 1) сравнительно-исторический как наиболее подходящий для изучения международных литературных связей и сравнения литературных явлений в разных странах; 2) структурно-семиотический, актуальный для сопоставительного анализа значений отдельных городских образов-символов и формируемых с их помощью целостных и комплексных панорам киевской действительности; 3) геопоэтический, используемый для анализа взаимосвязей между художественным пространством романов и имажинальной географией киевского пространства.

Основная часть. В «Белой гвардии» и «Городе» больше общего, чем могло бы показаться на первый взгляд. Хотя романы относятся к разным национальным литературам, их объединяет отнюдь не только место действия. Как уже упоминалось, произведения были написаны с разницей в несколько лет и стали отражением сложных переломных времен в истории России и Украины. И в «Белой гвардии», и в «Городе» мы имеем дело с молодыми героями, которые оказались в новых, чуждых им условиях, были вынуждены искать свой путь в стремительно меняющейся действительности. В обоих романах персонажи должны определиться в вопросе отношений с прошлым и настоящим и, наконец, переосмыслить нормы морали, суть межчеловеческих отношений. Все эти процессы проходят в условиях большого города, ставшего сценой исторических перемен.

Интересно, что герои Булгакова и Пидмогильного неоднократно оказываются в одних и тех же местах, в романах появляются те же характерные элементы киевского пейзажа. Степан Радченко, главный герой «Города», направляется на Андреевский спуск, чтобы встретиться с живущей там Надишкой, отношения с которой олицетворяют потерянную связь главного героя с прошлым. Именно эта улица стала также прообразом Алексеевского спуска из «Белой гвардии», на котором проживала семья Турбиных. Еще более интересное совпадение — это появление в самом конце романа Пидмогильного улицы Малой Подвальной¹, той самой, с которой Булгаков ранее списал свою Мало-Провальную. В «Белой гвардии» с ней связаны судьбы и Николки Турбина, который находит там дом Най-Турсов, и его старшего брата Алексея, спасенного после ранения петлюровцами Юлией Рейсс. Именно на этой улице живут также родители Риты из «Го-

¹ Название, употребленное в романе, отличается от ее оригинального написания: «Мало-подвальная».

рода» (последняя пассива Степана Радченко), у которых она остановилась, приехав из Харькова.

Образ города-крепости

В обоих произведениях город играет ключевую роль, становится своего рода крепостью, приобретает символическое значение — его следует либо защищать и отстаивать, как делали это Турбины в «Белой гвардии», либо завоевывать и покорять, подобно Степану Радченко. И у Булгакова, и у Пидмогильного город не является лишь местом действия, он обладает своей внутренней силой, побуждающей героев к действию, влияющей на их поведение и мировосприятие. Метрополия является также в обоих романах центром притяжения: «Вся эта масса <...> держала свой путь на Город» [Булгаков: 68], — заявляет булгаковский повествователь, описывая людей, стремившихся укрыться от большевиков на берегах Днепра. У Пидмогильного гравитация уже советского Киева ощущается с не меньшей силой, хотя в новых социальных условиях объектом ее воздействия перестают быть буржуазные элиты: «І місто (Степан. — А. Б.) бачив, як могутній центр тяжіння, що круг нього крихітними планетами обертаються села <...>» [Підмогильний: 129]. Симптоматично, что и у Булгакова, и у Пидмогильного город обособлен от окружающих его украинских территорий. Тем самым Киев не может рассматриваться как часть описанной Натальей Беловой оппозиции, представляющей собой противопоставление столицы и провинции как разных полюсов национальной жизни [Белова: 90]. В «Белой гвардии» Город пытается противостоять внешним враждебным силам, живет своей собственной жизнью, на что указывает полная неосведомленность горожан о происходящем за пределами метрополии: «<...> Что делается кругом, в той настоящей Украине <...>, — этого не знал никто. Не знали, ничего не знали не только о местах отдаленных, но даже — смешно сказать — о деревнях, расположенных в пятидесяти верстах от самого Города» [Булгаков: 72]. Из слов повествователя ясно вытекает, что Город может только формально быть украинским, но к *настоящей* Украине он не относится, хоть и является ключом для ее покорения: «<...> Решительно все уже знали, что он (Петлюра. — А. Б.), таинственный и безликий, желает ее, Украину, завоевать, а для того, чтобы ее завоевать, он идет брать Город» [Булгаков: 89]. Как уже ранее упоминалось, необходимость покорения города осознает также главный герой романа Пидмогильного: «Не ненавидіти треба місто, а здобути» [Підмогильний: 28]. При этом Киевом не столько надо завладеть, сколько разрушить его и построить заново: «<...> Тисячі приходять до міста, <...> непомітно підточуючи його гнілі підвалини, щоб покласти нові й непохитні. Тисячі Левків, Степанів і Василів облягають ці непманські оселі, стискають їх і завалять» [Підмогильний: 28]. Необходимость уничтожения города и создания его заново перекликается со сформулированной Юрием Лотманом концепцией

идеального искусственного города, который «должен был быть лишен истории, поскольку разумность <...> означала отрицание исторически сложившихся структур. Это подразумевало строительство города на новом месте и, соответственно, разрушение всего “старого”, если оно здесь находилось» [Лотман: 212]. В образе Киева у Пидмогильного четко прослеживается стремление смотреть в будущее, отвергнуть историю, которая в новых условиях стала лишь грузом, тормозящим развитие. Один из героев «Города» определяет суть киевской действительности следующими словами: «Знаєте, що таке наше місто? Історична здохлятина. Віками тхне. Так і хочеться його провітрити» [Підмогильний: 92]. Восприятие героями Киева как чужеродного пространства приводит к ситуации, в которой у Пидмогильного, так же, как и у Булгакова, город нельзя отнести к «настоящей» Украине, хотя здесь, конечно, речь идет прежде всего о социальном измерении. Шире данный вопрос проанализировала в статье, посвященной проблематике *Города*, Лада Коломиец, отметив, что «місто ніколи не було українським органом нації, <...> в реальності було чуже селянству, цей ворожий простір “нависав” пасткою, “глушив” небезпекою» [Коломієць].

Национальное измерение городской действительности

Романы Булгакова и Пидмогильного представляют принципиально различающиеся подходы к национальному вопросу. В «Городе» Киев рассматривается исключительно в украинском ключе и, несмотря на упоминание в произведении процесса украинизации, прямо указывающей на неоднозначность языковой ситуации в городе, не предстает пространством сосуществования разных национальных начал. В данном случае Киев Пидмогильного кардинально отличается от Города Булгакова.

В «Белой гвардии» повсеместно ощущается присутствие русской культуры: кроме семьи Турбиных с их укладом жизни и традициями, это и изображающая Александра I картина в опустевшей Александровской гимназии, и цитаты из «Бородина» Лермонтова [Булгаков: 107], и даже «черные онегинские баки» [Булгаков: 248] в толпе на Софийской площади. В данном контексте следует согласиться с мнением Владзимежа Вильчинского, что Булгаков представил в своем романе чисто русский взгляд на киевские события 1918 г. [Wilczyński: 551–560]. У Пидмогильного ситуация кардинально отличается — советский Киев лишен не только своей русской составляющей, но и вообще перестает быть многонациональным городом. Это, конечно, отчасти может быть связано со спецификой советского времени, когда на первый план выдвинулись социальные вопросы. Вместе с тем Пидмогильный явно сосредоточен на украинской составляющей киевского пространства, что неоднократно подчеркивается на страницах романа. Это уже видно на примере языка произведения: если Булгаков многократно использует украинизмы или просто приводит высказывания

горожан на украинском, то текст «Города» остается последовательно моноязычным. Исключением в данном случае являются лишь слова одного из киевлян, которому не нравились «порядкі советські» [Підмогильний: 227] (а не *радянські*). При этом следует помнить, что Киев 20-х гг. оставался преимущественно русскоязычным (или даже русским, согласно переписи населения 1919 г.¹) городом, что в романе Пидмогильного отражается главным образом в упоминании проходящей с трудом украинизации. Степану, ставшему преподавателем украинского языка, приходилось просвещать потомственных служащих, которые «хотіли їсти, а не відміняти, й дуже мало могли бути свідомі тих високих обов'язків перед українською нацією, що лягли їм на плечі» [Підмогильний: 93]. Пидмогильный, отмечая сложности с внедрением украинского языка в Киеве, не стремится, в отличие об Булгакова, воссоздать языковые реалии города. Закономерным в данном контексте кажется также подбор фамилий героев: среди персонажей Пидмогильного только ненавистный протагонисту литературный критик носит русскую фамилию *Светозаров* — у всех остальных либо украинские (главный герой Радченко), либо польские фамилии (возлюбленная Степана Зоська Голубовская, его приятель — поэт Выгорский). В «Белой гвардии» также достаточно много фамилий польского происхождения (Мышлаевский, Шполянский, Студзинский), а вот типично украинскими Булгаков наделил лишь петлюровцев (казак Буценко, полковник Сосненко). При этом Город в «Белой гвардии» в более высокой степени, чем Киев Пидмогильного, многонационален. Кроме названных уже представителей основных культур — русской и украинской, в нем заметны также евреи, согласно вышеупомянутой переписи составлявшие в 1919 г. 21% киевлян [Перепись г. Киева 16 марта 1919 г.]. Это не только убитые петлюровцами подрядчик Фельдман и оставшийся лежать у входа на Цепной мост неизвестный, но и, например, зубной врач Берта Яковлевна Принц-Металл [Булгаков: 165], мелькнувшая лишь перед глазами Николки Турбина на киевской вывеске и ставшая одним из многочисленных мазков, создающих красочную панораму многонационального города. В романе Пидмогильного представителей других национальностей фактически нет — исключением является лишь играющий на одной из вечеринок «худой еврей-тапер» с «безразличными глазами профессионала» [Підмогильний: 194]. Отдельные элементы, отсылающие к русской культуре или советским реалиям того времени, — это лишь упоминание о литературных вкусах знакомых главного героя, которые читают Загоскина, и портреты Ленина в комнатах приехавших в город молодых украинцев. В первом случае одобрение творчества русского писателя первой

¹ Русскими в 1919 г. назвали себя 42,6% киевлян, что почти вдвое превышало долю украинцев — 23,6% [Перепись г. Киева 16 марта 1919 г.].

половины XIX столетия явно следует рассматривать как свидетельство отсталости и незрелости молодых читателей, второй пример — это, по всей вероятности, формальная дань духу того времени. Данное предположение подтверждает факт, что вождь революции либо появляется третьим (!) среди изображений украинских писателей («спокій почувались у стрункій лінії портретів на стіні, теж уквітчаних рушниками — Шевченко, Франко і Ленін» [Підмогильний: 21]), либо и вовсе висит рядом с иконой Николая Чудотворца [Підмогильний: 31]. Итак, нельзя сказать, что Підмогильний, подчиняясь тенденциям своего времени, сосредоточился лишь на классовом измерении городского социума и отодвинул на второй план национальный вопрос. Об этом свидетельствует уже тот факт, что «Город» — это история становления именно украинского, а не советского писателя. «Виходить, ти — український письменник?» [Підмогильний: 222] — в конце романа спрашивает главного героя его давний приятель.

Памятники как образы-символы киевского пространства

Различия во взглядах на город и его наследие в романах Булгакова и Підмогильного заметны также в способе представления появившихся в обоих произведениях значащих элементов киевского пространства. Итак, в «Белой гвардии» лейтмотивом, символизирующим вечные духовные ценности, становится памятник Святому Владимиру со сверкающим над Городом и Днепром крестом. «Летом, в черной мгле, в путаных заводах и изгибах старика-реки, <...> лодки видели его и находили по его свету водяной путь в Город, к его пристаням» [Булгаков: 67]. Именно водяной путь проделывает поздним летом Степан Радченко перед своей первой встречей с Киевом. Его, правда, не ведет уже сверкающий крест — фигура Святого Владимира в романе Підмогильного утрачивает свое сакральное значение, становится анахронизмом, ускользнувшим от глаз истории. Городские толпы не замечают памятника, «що зберіг у цьому закутку свій хрест, благословляючи ним тепер купання киян на пляжі» [Підмогильний: 37]. Становится очевидным, что этот крест не имеет уже ничего общего с булгаковским, который в конце «Белой гвардии» «с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь» [Булгаков: 284].

В обоих романах появляется также второй известный памятник, который пережил все исторические потрясения и является сегодня одним из символов Киева, — фигура Богдана Хмельницкого на Софийской площади. В каждом из произведений он в определенной степени может быть рассмотрен в контексте русско-украинских отношений, что не удивительно, учитывая историческую роль Хмельницкого. Итак, в «Белой гвардии» памятник гордо возвышается над толпой, собравшейся приветствовать занявшие Город петлюровские войска. «Богдан Хмельницкий с булавой, чернея на небе, указывал на северо-восток» [Булгаков: 245]. Фигура

гетмана в изображении Булгакова, как и памятник Святому Владимиру, становится олицетворением глубокого восприятия истории, несовместимого с суетой и хаосом гражданской войны. «Богдан яростно рвал коня со скалы, пытаясь улететь от тех, кто навис тяжестью на копытах. Лицо его <...> было яростно, и по-прежнему булавой он указывал в дали» [Булгаков: 246]. В «Белой гвардии» Хмельницкий, как видно, непоколебим в своем курсе и одновременно разъярен карабкающейся на постамент толпой, мешающей ему устремиться в небесные дали. Пидмогильный в своем романе также обращает внимание на стойкость фигуры Богдана Хмельницкого, который, в отличие от других дореволюционных памятников, остался на прежнем месте. «Тільки Богдан скакав незайманий на баскому коні й показував на північ булавою, чи то погрожуючи нею, чи збираючись її схилити» [Підмогильний: 40]. Оставляя открытым вопрос, с какой целью Хмельницкий поднял булаву в северном направлении, Пидмогильный словно указывает на неопределенное будущее русско-украинских отношений, одновременно намекая на относительно недавние события гражданской войны. Таким образом, уже изображение памятника Богдану Хмельницкому указывает на фундаментальные идейные расхождения в обоих романах. У Булгакова Город кажется интегральной частью общерусского культурного пространства, выделяющейся на фоне украинского окружения, а у Пидмогильного Киев, хоть и противопоставленный остальной Украине, лишь в ограниченной степени воспринимается в обшесоветском контексте.

Ассоциативное измерение городского пространства

Отличия между романами Булгакова и Пидмогильного касаются не только отдельных элементов городского пространства, но и городского пейзажа в целом. Он описан совершенно разными красками: в «Белой гвардии» преобладают светлые тона, картины, вызывающие положительные ассоциации (ситуацию меняет, правда, вторжение исторических потрясений), а у Пидмогильного Киев представляет собой контрастное сочетание мрачного, гнетущего пространства с ярким, резким светом и беспорядочным шумом улиц. Вопрос символики цвета в романе «Белая гвардия» подробно проанализирован в статье Валентины Высоцкой [Высоцкая: 92–104], мы приведем лишь несколько примеров, дополняя их звуковыми и ольфакторными ощущениями. Итак, Город в «Белой гвардии» «переливался, светился, и танцевал, и мерцал» [Булгаков: 67], просыпался «сияющий, как жемчужина в бирюзе» [Булгаков: 73]. «И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира» [Булгаков: 66]. «Днем с приятным ровным гудением бегали трамваи» [Булгаков: 66]; зимой приходил белый, мохнатый декабрь, «сверкающий снегом и счастьем» [Булгаков: 26], а весной пахло сиренью [Булгаков: 29]. Город сохраняет свой *аромат* даже в разгар гражданской войны, на что обратил внимание Алексей Турбин,

оказавшись в бывшем модном магазине: «У мадам Анжу еще до сих пор пахнет духами. Нежно и слабо, но пахнет» [Булгаков: 159].

Киевский пейзаж у Пидмогильного представлен в совершенно другом ключе: здесь нет гармонии человека и природы, нежных ощущений, умиротворяющих сочетаний запахов и звуков. Город становится примером предложенного Юрием Лотманом понятия *эксцентрического города*, в котором «актуализируется <...> оппозиция “естественное — искусственное”». Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой» [Лотман: 209]. Киев уже в самом начале «Города» представлен как противоречащая законам природы тюрьма — и для людей, которые словно заключенные спускались к Днепру [Підмогильний: 7], и для природы. Именно она в романе Пидмогильного разоблачает противоестественную суть города. «Ніщо не викриває так штучності міста, як саме весна, розтоплюючи й тут сніги, але оголюючи мертвий брук замість сподіваного зела» [Підмогильний: 85]. Вместо булгаковских «огромных пятен» садов «с аллеями, каштанами, оврагами, кленами и липами» [Булгаков: 66], главный герой Пидмогильного замечает лишь картину поработенной природы: «Навкруги він бачив страшенне погноблення природи, і дерева камінних вулиць та обгороджених садків, замкнені тут у клітки, як дивовижні тварини по звіринцях, журно простягали йому своє набрякле гілля» [Підмогильний: 85]. Зима также в романе Пидмогильного оказывается неприглядной, «скользкой» [Підмогильний: 124], когда в «безконечній сльоті люди здавались сірими, як і болото на вулиці» [Підмогильний: 84]. Мрачную картину киевской природы в романе «Город» дополнительно подчеркивают частые упоминания в ее контексте смерти. Итак, весной, традиционно ассоциируемой с возрождением природы, в Киеве появляются «смертные лужи зимы» [Підмогильний: 202], а осень, когда «кам'яні звуки міста глухіш бриніли в <...> передсмертній порожняві» [Підмогильний: 137], ничем не напоминает «теплую осень степей» [Підмогильний: 224], о которой страстно мечтал Степан. Безжизненной кажется главному герою не только природа и архитектура города, как, например, Евбаз, «що здається вночі кладовищем» [Підмогильний: 201], но и сами горожане: «Всі обличчя, що він побачив, були чужі... і якісь неживі! Так, ніби вони давно вже повмирали, давно вже напились отрути. І він раптом почув себе єдиним живим серед безмежного царства смерті» [Підмогильний: 210–211]. Симптоматично, что городской пейзаж мирного времени у героя Пидмогильного вызывает ассоциации со смертью, в то время как у Булгакова даже самые мрачные, казалось бы, образы напоминают о жизни. Примером в данном случае может стать «мертвый четырехъярусный корабль» гим-

назии [Булгаков: 103], вид которого заставляет вспомнить Алексея Турбина светлые годы юности. Таким образом, брошенное здание становится классическим примером «места памяти» в понимании Пьера Нора [Нора: 17–50], которое может, по утверждению Эльжбеты Рыбицкой, объединять фиктивные и автобиографические элементы [Rybicka: 220] и остановить процесс потери прошлого, «реанимировать» его в коллективной памяти [Rybicka: 315]. В романе Пидмогильного вопрос сохранения памяти о прошлом Киева, которому суждено стать *идеальным искусственным городом*, лишенным истории, по очевидным причинам становится неактуальным.

Киев Пидмогильного и Город-Дом Булгакова в контексте оппозиции «свое — чужое»

Образ Киева как искусственного, безжизненного пространства, «царства смерти», прямо противоположен картине уютного Города в «Белой гвардии», который даже зимним утром стоит «еще теплый со сна» [Булгаков: 132]. Однако это не значит, что в романе Булгакова городское пространство изображено в однозначно позитивном ключе — картину в корне меняет вторжение внешних сил. Как справедливо замечает в своей статье Наталья Кадырова, «Город-сад превращается в Город-ловушку, куда попадают горожане, ожидающие прихода Петлюры, Город-лабиринт, из которого с трудом выбираются братья Турбины» [Кадырова: 78]. Таким образом, булгаковское городское пространство становится ближе ощущениям главного героя Пидмогильного, который в какой-то момент стал воспринимать Киев как «безліч розкиданих у велетенському обводі похмурих осель, що з них кожна криє в собі несподіванку й загрозу; відчув плутану мережу вулиць, де можна блукати години й дні в тих самих прямокутних переходах, блукати до сліз і знемоги по оголеному каменю <...>» [Підмогильний: 138]. В итоге и для Степана Радченко, и для героев Булгакова город в какой-то момент предстает угрозой, ловушкой, лабиринтом. Однако ключевым отличием в данном случае становится вопрос дома и семьи, которых лишен главный герой «Города» и которые становятся источником сил и смыслом жизни Турбиных. В итоге образы городского пространства у Пидмогильного и Булгакова могут рассматриваться как очередное выражение универсальной оппозиции «свое — чужое». Как заметила в своей работе Мария Веселова, образ города и дома традиционно взаимосвязаны: «Для Альберти город — это большой дом, а дом — маленький город, а для испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета город — это “как бы сверхдом”» [Веселова: 100]. В романе Пидмогильного данная закономерность не получает своего отражения. Для Степана Радченко Киев так и не становится домом, на протяжении всего романа герой ощущает гнетущее одиночество даже в окружении многочисленных знакомых. «Мав десятки знайомих і жодного друга, ходив поруч, а почував

від усіх незмірну віддаль <...>. І часто, вертаючись із людних зборів, почував гнітющу самотність, пустку в думках і стому» [Підмогильний: 178]. Турбины тоже ощущают в опустевшем городе страх и одиночество, но тут же вспоминают о близких. После смерти Най-Турса Николка «сейчас же понял, что страшно от тоски и одиночества» [Булгаков: 166], после чего вскоре спросил себя «Что-то теперь с Еленой? А Алексей?» [Булгаков: 166]. Алексей Турбин, раненный во время побега от петлюровцев по пустынным киевским улицам, также вспоминает родных: «Еленка рыжая и Николка. Кончено» [Булгаков: 201]. Думает о них и в доме спасшей его незнакомой: «Что с Еленой? Боже, Боже... Николка. За что Николка погиб? Наверно, погиб...» [Булгаков: 205]. Герой Пидмогильного лишен такого рода утешения, даже любовные связи не помогают ему преодолеть одиночество, своего рода *бездомность*. Симптоматично, что со своей возлюбленной — Зоськой — Степан встречается в квартире незнакомой ему девушки. Они словно лишены корней, дома, семейного очага, столь важных в жизни героев «Белой гвардии». Герой Пидмогильного не может скрыться за ставшими лейтмотивом в романе Булгакова «кремовыми шторами», за которыми «израненные души ищут покоя» [Булгаков: 214] в жаркой семейной атмосфере дома, где на столе стоят цветы, «утверждающие красоту и прочность жизни» [Булгаков: 33]. Степану Радченко, прибывшему в Киев, сначала и вовсе приходится жить в хлеву, а потом, перебравшись в отдельную комнату, страдать от холода и одиночества. «Пилом припали його нужденні меблі, і на підлозі гидкими купками лежало незаметене сміття. Мокрий холод знадвору пролазив кризь незаліплене вікно, і пориви вітру деренчали шибкою, з якої обсипалась замазка. В кутку над пальмою, що похилила жовте гілля, зловісно ширилась вогка чорна пляма» [Підмогильний: 117]. Интересно, что оставшаяся в комнате от предыдущих хозяев чахлая пальма, в противоположность цветам у Турбиных, напоминает Степану не о прочности жизни, а «про сумну минуність на цьому світі» [Підмогильний: 99]. Дом Турбиных и место жительства Степана оказываются также на противоположных полюсах оппозиции *свет — тьма*. В отличие от горящих «сильно и весело» [Булгаков: 30] турбинских окон, освещающих окружающее городское пространство, жилище Степана погружено во мрак и противопоставлено залитому огнями городу — оно кажется главному герою темным после уличного блеска [Підмогильний: 167]. Следует отметить, что, даже разбогатев и переехав в престижный район города, герой Пидмогильного так и не почувствовал себя как дома: «Що більше Степан свою кімнату встатковував, то чужішою вона йому була» [Підмогильний: 216]. Новое жилище, так же, как и предыдущее, кажется ему мрачным и безжизненным, с окнами, напоминающими «огромные мертвые лица» [Підмогильний: 212].

Киев Пидмогильного предстает городом не только одиноких и потерянных людей, но и распадающихся семейных ценностей, что заметно на примере жизни семьи Гнидых, у которых Степен остановился по прибытии в метрополию. Супруги практически не общаются друг с другом, хозяйка становится любовницей главного героя, а единственный взрослый сын Гнидых отказывается от семейной жизни и спивается. Внезапно ожившее в конце романа жилище Гнидых напоминает Степану о прошлом, которое «разлагается, как труп» [Підмогильний: 232]. На фоне всеобщей безжизненности города в романе выделяется лишь Надийка, прибывшая вместе со Степаном в Киев. Имя девушки неслучайно — в конце романа главный герой находит бывшую возлюбленную, т. к. видит в ней последний шанс уехать из города. Отчаянная попытка вырваться из гравитационного поля Киева оказывается, однако, неудачной: увидев Надийку беременной, Степан понимает, что все кончено. Семейные ценности теряют значение и для других героев романа: Зоська не собирается обсуждать с родителями вопрос замужества [Підмогильний: 189], ее знакомые считают, что «батьки — це найнудніше в світі» [Підмогильний: 193]. Симптоматично, что внутри городских зданий, вместо семейного тепла и уюта, воплощенных у Булгакова, в частности, в картине купания ребенка («Во флигельке, в окошке, завернулась белянская шторка и видно было: Марья Петровна мыла Петьку» [Булгаков: 174]), у Пидмогильного допоздна трудятся служащие: «Це був час, коли пізно гаснуть вікна будинків і всередині коло столів, цих храмів нового поганства, сидять двоногі зосереджені сови, виношуючи, породжуючи й плекаючи адміністративні, господарські, мистецькі й наукові плани» [Підмогильний: 84].

Киев Пидмогильного, сверкающий и блестящий, если проникнуть глубже, обнажает свое гнилое развратное нутро, у Булгакова же может быть наоборот: в критический момент герои находят спасение и укрытие в недрах города. Показательными в данном случае являются истории двух незнакомых женщин, которые уводят героев вглубь городского пространства. Первая спасает Алексея Турбина и по бесконечным запутанным проходам («“Ишь лабиринт... словно нарочно”, — очень мутно подумал Турбин» [Булгаков: 202]) приводит в укрытие. Вторую незнакомую встречает на улице Степан Радченко и, желая найти искреннее общение, также отправляется за ней вглубь темных коридоров и проходов. «Нарешті в кінці затхлого півпідвального ходу вона забрязкотіла ключем і ввела хлопця в якусь просторість, що запахом своїм становила безпосереднє продовження того коридора» [Підмогильний: 218]. В итоге, однако, герой Пидмогильного, вместо женского тепла и заботы, сталкивается лишь с грубостью и бесчувственностью уже немолодой хозяйки-проститутки. Завершающиеся столь разными финалами истории с двумя незнакомыми женщинами могут быть в некоторой степени олицетворе-

нием души города и стать аргументом в пользу возможности обратиться в данном случае к концепции Владимира Топорова. Ученый предложил два образа — города-девы и города-блудницы. В первом случае «целомудрие девы и крепость города <...> не более чем два варианта общей идеи прочности, нетронутости, нерасколотости, гарантии от той нечистоты, которая исходит от захватчика, всегда — насильника» [Топоров: 126–127]. Второй тип города «не блюдет своей крепости и целости, идет навстречу своему падению, ища кому бы отдаться и не спрашивая кто его берет. Этот город-блудница “открыт” на все четыре стороны» [Топоров: 128]. Примером первого в нашем случае станет Город из «Белой гвардии», а второго — Киев в романе «Город». «Город-блудница ищет спасения (понятно, мнимого) в отдаче всем и любому, в превращении каждого “насильника” (с точки зрения города-девы) в своего покровителя» [Топоров: 128]. Исходя из такой трактовки, Степана Радченко следует рассматривать как одного из «насильников», которым предстоит стать новыми хозяевами Киева. Семейство Турбиных и их единомышленники тем временем становятся защитниками чести города-девы, которая отвечает им взаимностью. «Город охраняет, спасает, ограждает находящийся внутри него род, племя, народ, деу, имеющую стать матерью рода» [Топоров: 131].

Выводы. Обобщая сделанные ранее промежуточные выводы, следует сказать, что в романах Булгакова и Пидмогильного город представлен в разных перспективах. В «Белой гвардии» предложен взгляд изнутри — с точки зрения горожан, которые стали свидетелями и участниками трансформации знакомого им пространства. В «Городе» Киев показан как своего рода *terra incognita*, что обусловлено перспективой главного героя, прибывшего покорять чужое и неизвестное пространство. Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос о комплементарности или взаимоисключаемости образов киевского пространства в анализируемых романах, следует сказать, что они дополняют друг друга и показывают, насколько точка зрения может изменить картину одного и того же города. Различия в восприятии Киева вытекают из нескольких фундаментальных факторов. Первым из них является отношение писателей к городской среде. Как отмечает в своей работе Игорь Стась, при исследовании городских идентичностей на основании художественной литературы «не принципиально знать, кем является автор текста, важнее определить его принадлежность к той или иной культурной и социальной группе <...>» [Стась: 1816]. В случае с авторами анализируемых романов это имеет ключевое значение: восприятие города и отношение к нему не могло быть одинаковым у происходящего из киевской интеллигентской семьи Михаила Булгакова и у родившегося в бедной крестьянской семье Валерьяна Пидмогильного. Очевидным является факт, что для

первого писателя городская среда будет близкой и знакомой с детства, а второй, попавший в Киев в возрасте 20 лет, отнесется к ней без сентиментов и, скорее всего, настороженно.

Второй фактор, играющий существенную роль в восприятии Киева, — это факт, что авторы относятся к разным национальным литературам. За столетия, которые украинские земли находились в составе Российской империи, сложилась ситуация, в которой города были преимущественно русскоязычными или даже русскими, а окружающие их села оставались украинскими. В такой ситуации для киевлянина Булгакова логичной кажется позиция, защищающая русскую культурную идентичность родного города, а для украинца Пидмогильного, стремящегося укрепить украинскую литературу, подчеркнуть самобытность украинского языка, понятным становится стремление покорить, *отвоевать* столицу. Первый будет опираться на прошлое, традиции, второй — наоборот — устремится в будущее и отвергнет наследие чуждой ему метрополии. Эти тенденции четко просматриваются в обоих образах города, в частности в таких вопросах, как отношение к семье и дому.

Третье фундаментальное различие между образами киевского пространства в «Белой гвардии» и «Городе» напрямую вытекает из второго. В обоих романах присутствует ощущение конца определенной эпохи, начала нового времени. И у Булгакова, и у Пидмогильного герои понимают, что им не остановить хода истории, который, как известно, сильнее всего заметен именно в городах. С другой стороны, древние города, центры человеческой цивилизации естественным образом становятся территорией сохранения памяти о прошлом, наследия предыдущих поколений. В «Белой гвардии» и «Городе» представлены именно эти две противоположные и сдерживающие друг друга силы, формирующие образ города. Первая из них стремится сохранить самое ценное из старого порядка и не дает волне перемен смести все на своем пути, а вторая своим стремительным движением к переменам обеспечивает обновление города и тем самым развитие человеческой цивилизации.

Подытоживая вышесказанное, следует сказать, что сопоставление романов Булгакова и Пидмогильного показывает, насколько обоснованными являются утверждения сторонников внутренней компаративистики о сложности анализа литературного образа территорий с неоднородной культурной и национальной идентичностью. Образы городского пространства в «Белой гвардии» и «Городе» являются очередным доказательством того, насколько отличается восприятие Киева в русской и украинской культурах и насколько важно при раскрытии специфики литературного образа данного города, его души, не ограничиваться лишь одним этнокультурным ракурсом.

Источники

Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А. Избранные произведения: В 2 т. Киев: Дніпро, 1989. Т 1. С. 26–284.

Підмогильний В.П. Місто. Харків: Фоліо, 2014. 240 с.

Литература

Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». Ленинград: Лениздат, 1991. 333 с.

Белова Н.А. Концепт «Город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 87–91.

Веселова М.Н. Образ исторического города в русской культуре // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия Философия. 2008. № 1 (10). С. 96–109.

Высокая В.В. Символика цветковых сочетаний в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // Art. Logos (Искусство слова). 2019. № 3 (8). С. 92–104.

Горелова Ю.Р. Образ города и его отражение в художественных практиках творческой интеллигенции // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительный альманах / Отв. ред. И.И. Минин; сост. Д.Н. Замятин. Вып. 6. М.: Институт Наследия, 2010. С. 15–31.

Кадырова Н.С. Семантическое ядро концепта «Город» в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 64. № 6 (260). С. 77–79.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.

Нора П. Проблематика мест памяти. Перевод Д. Хапаева // П. Нора и др. Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

Перепись г. Киева 16 марта 1919 г. Ч. 1.: Население. Киев: Киевское губернское статистическое бюро, 1920. 48 с. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8745-perepis-g-kieva-16-marta-1919-g-ch-1-naselenie-kiev-1920>. Дата обращения: 29.09.2021.

Стась И.Н. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. № 5. С. 1807–1821.

Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста / Ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

Коломієць Л.В. «Місто» В. Підмогильного: проблематика та структурна організація // Слово і час. 1991. № 5. С. 64–70. Режим доступа: <https://>

md-eksperiment.org/post/20160719-misto-v-pidmogilnogo-problematika-ta-strukturna-organizaciya. Дата обращения: 29.09.2021.

Масенко Л. Т. Україна і Російська імперія. Постколоніальне прочитання творів Михайла Булгакова // Радіо Свобода. 2019. Режим доступа: <https://www.radiosvoboda.org/a/30288297.html>. Дата обращения: 29.09.2021.

Полищук Я. О. Імагологічний вимір Києва в художній літературі новітньої доби // Київ і кияни у соціокультурному просторі ХІХ–ХХІ століть: національний та європейський контекст: Матер. Всеукр. наук.-практ. конф. Київ: Університет ім. Б. Грінченка, 2012. С. 27–33.

Rybicka E. Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich. Kraków: Universitas, 2014. 474 p.

Wilczyński W. “Biała gwardia” Michała Bułhakowa: antyukraińska strategia retoryczna // *Slavia Orientalis*. Vol. 54. 2005. № 4. Pp. 551–560.

Ziemia K. Projekt komparatystyki wewnętrznej // *Teksty drugie*. 2005. № 1–2. Pp. 72–82.

References

Istochniki

Bulgakov M.A. Belaya gvardiya [The White Guard]. *Izbranny'e proizvedeniya: V 2 t.* [Selected Works: In 2 vols.] Kiev: Dnipro, 1989. Vol. 1. Pp. 26–284.

Pidmogil'nyy V.P. (2014). *Misto*. Xarkiv: Folio. 240 p.

Literatura

Anciferov N.P. (1991). “*Nepostizhimy'j gorod...*” [“The Inconceivable City”]. Leningrad: Lenizdat. 333 p. (In Russ.).

Belova N.A. (2012). Koncept “Gorod” v sovremennom literaturovedenii [The “City” Concept In Modern Literary Studies]. *Vestnik Yugorskogo universiteta* [Bulletin of Ugra University]. Rel. 1 (24). Xanty-Mansijsk: YuGU. Pp. 87–91. (In Russ.).

Veselova M.N. (2008). Obraz istoricheskogo goroda v russkoj kul'ture [The “Historical City” Image In Russian Culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya Filosofiya*. [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. Philosophy Series.] № 1 (10). Saint Petersburg: LGU. Pp. 96–109. (In Russ.).

Vysockaya V.V. (2019). Simvolika cvetovykh sochetanij v romane M. Bulgakova “Belaya gvardiya” [Symbolism of Color Combinations in the Novel “White Guard” by M. Bulgakov]. *Art. Logos*. № 3 (8). Saint Petersburg: LGU. Pp. 92–104. (In Russ.).

Gorelova Yu.P. (2010). Obraz goroda i ego otrazhenie v khudozhestvennykh praktikakh tvorcheskoj intelligencii [An Image of a City in Artistic Practices

of the Creative Intellectuals]. *Gumanitarnaya geografiya: nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'nyj al'manakh*. [Humanitarian Geography: Scientific and Cultural and Educational Almanac]. Otv. red. I.I. Minin. Sost. D.N. Zamyatin. Rel. 6. Moscow: Institut Naslediya. Pp. 15–31. (In Russ.).

Kadyrova N.S. (2012). Semanticheskoe yadro koncepta “Gorod” v romane M.A. Bulgakova “Belaya gvardiya” [Semantic Kernel of the Concept “City” in M.A. Bulgakov’s Novel “White Guard”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art Education.] Rel. 64. № 6 (260). Chelyabinsk: ChelGU. Pp. 77–79. (In Russ.).

Lotman Yu.M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 768 p. (In Russ.).

Nora P. (1999). Problematika mest pamyati. Perevod D. Khapaeva [The Memory-Places Issue. Translation by D. Khapaev]. *P. Nora i dr. Franciya-pamyat'* [P. Nora et al. France-Memory.]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pp. 17–50. (In Russ.).

Perepis' g. Kieva 16 marta 1919 g.: Ch. 1.: Naselenie. [Kiev census March 16, 1919: Part 1: Population.]. Kiev: Kievskoe gubernskoe statisticheskoe byuro, 1920. 48 s. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8745-perepis-g-kieva-16-marta-1919-g-ch-1-naselenie-kiev-1920>. Accessed: 29.09.2021. (In Russ.).

Stas' I.N. (2020). Issledovaniya gorodskikh identichnostej v istoricheskoy urbanistike Sibiri [Research of Urban Identity in Historical Urban Studies of Siberia]. *Quaestio Rossica*. Vol. 8. № 5. Pp. 1807–1821.

Toporov V.N. (1987). Tekst goroda-devy i goroda-bludnicy v mifologicheskom aspekte [The Text of the City-Virgin and the City-Harlot in the Mythological Aspect]. *Issledovaniya po strukture teksta* [Research on text structure]. Red. T.V. Civ'yan. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 121–132. (In Russ.).

Kolomeic' L.V. (1991). “Misto” V. Pidmogil'nogo: problematy'ka ta strukturna organizaciya. *Slovo i chas*. № 5. Pp. 64–70. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20160719-misto-v-pidmogilnogo-problematika-ta-strukturna-organizaciya>. Accessed: 29.09.2021.

Masenko L.T. (2019). Ukrajina i Rosijs'ka imperiya. Postkolonial'ne prochy-tannya tvoriv Mixajla Bulgakova. *Radio Svoboda*. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/30288297.html>. Accessed: 29.09.2021.

Polishhuk Ya.O. (2012). Imagologichnyj vymir Kyeva v khudozhnij literaturi novitn'oji doby. *Kyiv I kyyany u sociokul'turnomu prostori 19–21 stolit': nacional'nyj ta evropejskij kontekst: mater. Vseukr. nauk.-prakt. konf.* Kyiv: Universytet im. B. Grinchenka. Pp. 27–33.

Rybicka E. (2014). *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Kraków: Universitas. 474 p.

Wilczyński W. (2005). “Biała gwardia” Michała Bułhakowa: antyukraińska strategia retoryczna. *Slavia Orientalis*. Vol. 54. № 4. Pp. 551–560.

Ziomba K. (2005). Projekt komparatystyki wewnętrznej. *Teksty drugie*. № 1–2. Pp. 72–82.

Статья поступила в редакцию 27.04.2021; одобрена после рецензирования 03.07.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 27.04.2021; approved after reviewing 03.07.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторе

Антони Бортновски — доктор гуманитарных наук (PhD); Университет им. Адама Мицкевича; адъюнкт кафедры русской литературы института русской и украинской филологии; сфера научных интересов: образы Киева в русской (и мировой) литературе конца XIX — первой половины XX в., вопросы памяти, самоидентификации, национального сознания, мемуаристика, геопозитика.

Information about the author

Antoni Bortnowski — PhD in Philology; Adam Mickiewicz University; Assistant Professor at the Russian Literature Department of the Institute of Russian and Ukrainian Philology; research interests: images of Kiev in Russian (and world) literature of the late 19th — first half of the 20th century, problems of memory, self-identification, national consciousness, memoiristics, geopoetics.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 92–109
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 92–109

Научная статья

УДК 82.09

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.06>

ПОРЯДОК ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ («ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА И «БЕЗ СУДЬБЫ» ИМРЕ КЕРТЕСА)

Виктория Викторовна Кондратьева¹, Ангелика Молнар²

¹ Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал Ростовского государственного экономического университета), Таганрог, Россия, viktoriya_yk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2388-2088>

² Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия, manja@t-online.hu, <https://orcid.org/0000-0002-7896-1480>

Аннотация. Авторы настоящего сообщения рассматривают общие приемы создания лагерного мира, поэтических средств (фразеологизмов, метафор и сравнений) изображения работы заключенного в таких выдающихся произведениях лагерной прозы, как «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и «Без судьбы» Имре Кертеса. В фокусе анализа находится хаотический поток и уничтожающий человека порядок, каторжный труд и мирная жизнь. В ходе анализа внимание авторов статьи концентрируется на мотивах, образах и тропах, связанных с эпизодами работы в повести «Один день Ивана Денисовича». Отбираются те конструкции, которые в известной мере перекликаются с самым известным венгерским произведением лагерной литературы.

Ключевые слова: Солженицын, Кертес, «Один день Ивана Денисовича», «Без судьбы», порядок, работа

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23010.

Для цитирования: Кондратьева В.В., Молнар А. Порядок трудовых лагерей («Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и «Без судьбы» Имре Кертеса) // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 92–109. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.06>.

Original article

ORDERS IN CAMPS (ALEKSANDR SOLZHENITSYN'S "ONE DAY OF IVAN DENISOVICH" AND "FATELESSNESS" BY IMRE KERTESZ)

Viktoriya Viktorovna Kondrat'eva¹, Angelika Molnar²

¹ Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch of Rostov State University of Economics), viktoriya_vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2388-2088>

² University of Debrecen, Debrecen, Hungary, manja@t-online.hu, <https://orcid.org/0000-0002-7896-1480>

Abstract. The author of this paper examines the general methods of creating metaphors and similes for the manifestation of experience in the outstanding works of camp prose "One Day of Ivan Denisovich" by Aleksandr Solzhenitsyn and "Fatelessness" by Imre Kertész. The analysis focuses on such contrasting images of the presentation of campmen and guards, as the chaotic flow and murderous order, hard labor and peaceful life. Solzhenitsyn's frugal camp prose is balanced not only by the stylistic peculiarities of the narrator's speech, but also by the tropes that reinterpret traditional poetic means. In our analysis, the focus is on the tropes in the text of the novel "One Day of Ivan Denisovich." We selected the verbal constructions that echo the most famous work of Hungarian camp literature. Thus, metaphorization serves in modern literature also for intertextual tasks. But the Hungarian writer, on the other hand, faces the problem of how to tell his own story, which is shared by millions of people, without the clichés of the literary canon. "Staying in Hell" is how the character's days in the labor camp are described. The protagonist of "Fatelessness" by Imre Kertész, is Gyuri Köves, an adolescent, who must understand the purpose of his hard work in the camp. For this he first has to familiarize himself with the alien world and master the terms and reinvent them. This process is presented through similes and metaphors related to human actions.

It may seem strange to compare the works of two writers who have little in common: both Nobel laureates are writing about genocide, both writers experienced the horrors of concentration camp life. At first glance, the authors talk about different camps: Imre Kertész depicts the deportation of Hungarian Jews to fascist concentration camps ordered by the German occupiers, in Solzhenitsyn's story the place of action is one of the Gulag camps, in which there were political prisoners, "unreliable" people, condemned as enemies

of the Soviet people. However, with a seemingly obvious difference, the essence of the camps is the same: in both cases it is a mechanism of repression, a means of physical and moral destruction of a human being.

In the works of Russian and Hungarian writers, a common place is found — when depicting the life of prisoners, the authors pay a lot of attention to the description of the work. For Solzhenitsyn and Kertész, labor becomes a means of revealing the personality of the prisoner, it is in the situation of work that the philosophy of the hero, his attitude to the world and to others is revealed. Thus the typological similarity of the two authors lies in the fact that they show their characters in the circumstances of unfreedom and labor for them becomes the essence of being primarily human and, of course, social.

Key words: Solzhenitsyn, Kertész, “One Day of Ivan Denisovich”, “Fatelessness”, order, work.

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR and FRLC, project number № 20-512-23010.

For citation: Kondrat'eva V.V., Molnar A. Orders in camps (Aleksandr Solzhenitsyn's “One Day of Ivan Denisovich” and “Fatelessness” by Imre Kertész. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev*. Vyp. XV. *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 92–109 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.06>.

© Кондратьева В.В., Молнар А., 2021

Введение. Целью статьи является исследование некоторых схожих образов и мотивов в повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и романе Имре Кертес «Без судьбы», обнаружение, с одной стороны, типологической близости в изображении лагерной жизни и героев-заключенных, в выявлении констант в описании лагеря и его обитателей и, с другой стороны, установление специфики индивидуальной художественной манеры, степени ее обусловленности биографическими и историко-культурными обстоятельствами.

Материал исследования. Научная литература, посвященная повести А.И. Солженицына, делится в основном на историко-философские и идейно-критические статьи, а также труды, рассматривающие ее жанровый аспект. С целью более глубокого понимания проблем, поднятых в повести, стоит ознакомиться и с исследованиями, посвященными причинам, приведшим к явлению лагерей. Ли Конгдон описывает этот исторический фон жизненного пути Солженицына сквозь призму противоборства православной веры и атеистического социализма [Congdon]. В этой связи важные наблюдения содержатся и в книге Эммета Кеннеди, в которой рассматриваются доводы и контрдоводы секуляризации [Kennedy].

А. Латынина среди первых критиков размышляет над лагерной темой в творчестве писателя [Латынина]. В.Я. Лакшин подчеркивает, что выбор данного дня героя мотивирован тем, что этот день действительно был для него счастливым [Лакшин]. К тому же у Солженицына показаны не мучения, а именно жизнь лагерника. Согласно же известной книге Лукача, Солженицын довольно лаконично разоблачает сталинизм, и повесть как «новелла» фокусируется на рефлексии человека, на фактах внешнего мира, а также на роли деталей [Lukács]. П. Вайль и А. Генис также интерпретируют повесть Солженицына в рамках соцреализма, только без идеологии. По их мнению, для преодоления проповедничества писатель искал стилевую опору в литературе прошлого [Вайль-Генис].

В отдельных работах раскрываются отсылки к традициям лагерной и классической прозы. М.О. Лифшиц в мужественности героя замечает возрождение реализма [Лифшиц]. Как отмечает О. Мурашова, Иван Денисович скорее похож на простого русского мужика с христианскими ценностями, чем на «строителя коммунизма» [Мурашова]. Г.М. Фридендер выявляет в повести как особый прием повтора, так и родство принципов изображения писателя с новыми исканиями XIX в., такими как полифоничность и синтетичность [Фридендер]. Таким образом, не следует умалять значение стилистических и нарратологических исследований [Кузьмин; Седов]. А.И. Княжицкий изучает «создание речевого образа героя» [Княжицкий]. По наблюдениям А.Т. Гулака, текст субъективизируется в силу особого соотношения между повествователем и героем [Гулак]. Лейдерман видит эту особенность в том, что в повести доминируют точка зрения и слово героя [Лейдерман]. Эту особенность наррации у Солженицына с известной осторожностью можно сопоставить с ней же у Кертеса.

В венгерской критической литературе о романе Кертеса имеется консенсус о том, что нахождение дискурса об Освенциме, т. е. включение подростка как в психологическом, так и в языковом плане в текст, дало возможность пролить новый свет на Холокост [Szirák; Kalocsai]. По словам Калочаи, это результат того, что кризис личной идентичности и трагический исторический опыт как раз совпали. Согласно Фёльдени, безличное, «безсудебное» существование лагерников стало «катастрофой за абсурдом» [Földényi]. По этой причине и Кишантал противопоставляет методологический «релятивизм» Кертеса проблеме повествования о Холокосте: писатель опасался того, что из-за его трагического, даже травматического характера повествования канон превратит его роман в идеологический текст [Kisantal].

Методология исследования. В целях выявления особенностей поэтики А.И. Солженицына требуется детальное чтение текста. Именно такой метод становится базовым и для нашего исследования. Кроме этого, основой исследования повести и романа стало системное единство культурно-антропологического, структурно-описательного и мифопоэтического под-

ходов [Кондратьева]. Анализ поэтики образов, с одной стороны, и, с другой — повести и романа в целом является важной частью научной интерпретации произведения [Темпест]. Важным в методологическом подходе являются обобщающие наблюдения Р. Темпеста над тем, как Солженицын создает в замкнутом пространстве геометрической структуры лагеря модель всего человечества. В основе анализа венгерского романа лежит поиск компаративных тропов, а не только переключки, как в исследовании Бойтара, который обратил внимание на диалог И. Кертеса, в частности, с первым русским лагерным романом «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского и с произведениями А.И. Солженицына. Согласно литературоведу, ироничный комментарий о газовых камерах делает стиль Кертеса уникальным, а тема «без судьбы» вообще оригинальна в литературе [Bojtár].

На первый взгляд может показаться странным сопоставление произведений двух писателей, которых связывает только то, что они оба Нобелевские лауреаты, пишущие о геноциде, оба писателя пережили страшный опыт лагерной жизни. На первый взгляд, авторы ведут речь о разных лагерях: в романе И. Кертеса изображается депортация венгерских евреев по приказу немецких оккупантов в фашистские концентрационные лагеря, в повести же Солженицына местом действия становится один из лагерей ГУЛАГа, в котором находились политзаключенные, люди «неблагонадежные», осужденные как враги народа. Однако при, казалось бы, явном отличии суть лагерей одинакова: в обоих случаях — это механизм репрессии, средство физического и морального уничтожения человеческой личности.

В произведениях русского и венгерского писателей обнаруживается общее место — при изображении жизни заключенных авторы много внимания уделяют описанию работы. Для Солженицына и Кертеса труд становится средством раскрытия личности заключенного, именно в ситуации работы обнаруживается философия героя, его отношение к миру и к окружающим. На этом этапе исследования нам видится, что типологическое сходство двух авторов заключается в том, что они показывают своих героев в обстоятельствах несвободы и труд для них становится сущностью бытия прежде всего личного и, конечно, общественного.

Основная часть

Бригада — работа у Солженицына

В повести А.И. Солженицына подробно описываются работы, выполняемые бригадой, и здесь особо подчеркивается роль человеческого фактора. Бригадир представлен как опытный лагерный «волк», который дает своим подопечным, в первую очередь Шухову, советы по выживанию. Последний, в свою очередь, особо уважает Тюрина, т. к. от ловкости бригадира зависит пусть не долгосрочная, но судьба бригады. Иван Денисович

мыслит фольклорным языком и употребляет свой любимый оборот «диво дивное», когда замечает, как «время за работой идет», но срок не убавляется. Для того, чтобы укоротить время и отблагодарить за помощь бригадира, он сам и просит себе работу.

Бригадир наделяется признаками народного героя-защитника: он заботлив и разумен, «застойт» за своих, «грудь стальная» [Солженицын: 33]. По этой причине его нельзя обманывать, но надо ценить: «жизнь вторую даст» [Солженицын: 33]. Богатырство, сила, несломленность персонажа подчеркиваются всего лишь короткой портретной зарисовкой: «Бригадир в плечах здоров, да и образ у него широкий. Хмур стоит. <...> Лицо у бригадира в рябинах крупных, от оспы. Стоит против ветра — не поморщится, кожа на лице — как кора» [Солженицын: 33]. В характеристике героя метафоризируется забота Тюрина: он защищает свою бригаду и прежде всего это проявляется в том, что выводит «своих» людей на развод лишь в последнюю минуту и «по морозу зря не погонит» [Солженицын: 22]. Процентка и питание собригадников относятся в повести к «высокой думе» Андрея Прокофьевича. Он называется и «кормильцем» в силу того, что уговаривает старшего, угостив его салом, чтобы тот направил другую бригаду работать на равнину, ничем не защищенную от пронизывающего ледяного ветра. Бригадир «умно» решает не только с работой, но и с хорошими пайками для своих людей. В результате его стараний другая, 64-я, бригада выходит в этот день на Соцгородок вместо его, 104-й, и целый день тянет колючую проволоку. В «голом поле» им негде погреться, и работающие могут найти спасение от мороза лишь усердно работая. Важно отметить, что в связи с мотивом работы не только мороз определяется эпитетом «лютый», но и сам бригадир, который взамен своих стараний требует прилежное выполнение работы: «<...> шевельнет бровью или пальцем покажет — беги, делай» [Солженицын: 33]. Таким образом, природа и человек сопоставляются, подчеркивая суровость, обретенную человеком в жестоких жизненных обстоятельствах.

Мотивы холода и смерти развиваются параллельно мотиву жизни в разных его воплощениях. Такой композиционный прием отражает суть лагерной жизни, где жизнь и смерть идут рядом. Так, зона, в конце которой строится ТЭЦ, уподобляемая «серому скелету», покинута, однако бригада приносит в нее жизнь, и в результате она олицетворяется. Главное в ситуации нечеловеческого, смертельного холода — обогреть объект, где будет вестись работа. Первым делом поэтому защищаются от мороза и ветра, утепляя окна, а затем растапливая печь. «Для русского человека печь традиционно была важным элементом пространства дома и отражала для него особые культурные смыслы. Она символизировала сакральный центр дома и связывалась в сознании человека с продуцирующими функциями. Печь дарила тепло, уют, пищу» [Кондратьева: 39]. В ущербном мире лагеря

она не в полной мере выполняет свои функции. Однако заключенные стремятся быть к ней поближе. Это и физическая потребность в тепле, и благостное воздействие на душу. Каторжные разносят и сборные дома, доски разбирают, лишь бы чем-то растопить печку, однако вольные и продажные рабы все сторожат. Шухов трубу надежнее делает, потому что «печка эта — для себя» [Солженицын: 44]. Печь уподобляется бабе: «окружили ту печку, как бабу» [Солженицын: 49], все обнимать ее лезут. Детализируется также, как каторжники стараются насобирать щепки для теплоты. На шмоне, однако, охранники отбирают часть собранной для растопки щепы. В результате получается, что и конвоиры, и лагерники почти одинаково страдают от жестокой системы.

В повести Солженицына труд имеет двойную коннотацию. С одной стороны, непосильный труд выполняется лишь ради куска хлеба. Это выражается при помощи иносказательных фразеологизмов: «Битой собаке только плеть покажи» [Солженицын: 43], «Двести грамм жизнью правят. На двести граммах Беломорканал построен» [Солженицын: 43]. В эпизоде строительства ТЭЦ тяжелая работа подчеркивается тем, что подносчики шлакоблока и раствора сопоставляются с «лошадьми запышенными» [Солженицын: 68]. Сравнение развивается и дальше: кавторанг уподобляется доброму мерину, и в этой связи вспоминается, что у Шухова был подобный мерин, с которого чужие люди сняли шкуру. Факт из прошлой жизни Шухова может вызвать ассоциацию с еще одним фразеологизмом «Семь шкур драть», который отражает суть отношения к заключенным в мире лагерного ада.

С другой стороны, именно в сценах работы (строительство ТЭЦ) проявляется яркий народный характер главного героя, его мужицкий хозяйственный ум, который не может смириться с переводом материалов (раствор), небрежной кладкой (это строится для людей!) и расточительным обращением с инструментами. В прежней жизни Шухов строил только все деревянное, но здесь он стал каменщиком и в этом качестве и изучает погрешности стенки, проверяет качество работы. Герой может гордиться своей работой. Это выражается снова посредством фразеологизма: без работы Шухова «тюрьма плакать будет» и в работе он с бригадиром равняется.

Шухов справляется с работой по разумному принципу, чтобы не сильно истощиться и выжить: «для людей делаешь — качество дай, для начальника делаешь — дай показуху» [Солженицын: 14]. В этой фразе отражается философия героя, который разделяет для себя мир, в котором обитает, на систему (лагерное начальство) и людей, народ, частью которого он себя ощущает. Именно поэтому Иван Денисович работу на ТЭЦ выполняет усердно, «с огоньком».

В лагере, помимо основного труда, умелый Шухов успевает и подрабывать: или чехол шьет, или валенки подает, или по-другому оказывает услуги

тем, кто может ему дать что-нибудь полезное. Показательно и то, что герой бережно относится к своим инструментам. Особо ценен для него маленький складной ножичек, который заключенные называют «десять суток»: «Тоже вот и нож — заработок. За хранение его — ведь карцер. Это лишь у кого вовсе человеческой совести нет, тот может так: дай нам, мол, ножик, мы будем колбасу резать, а тебе хрен в рот» [Солженицын: 104]. Переименование вещей служит секретности, т. к. если найдут у лагерника даже инструмент для сапожной работы, все равно посадят в карцер. Почти эвфемистичного характера наименование содержит в себе ироничную окраску, подчеркивающую смелость, дерзость нарушения порядка, установленного системой. Маленький складной ножичек — это помощник, средство заработать, позволяющее выжить в адском мире, но также предмет, несущий смертельную опасность.

В описании работы героя опорными символическими мотивно-образными точками становятся образы «камня» (этот образ большое значение будет иметь в романе Кертеса; об этом подробнее будет сказано дальше) и «снега», выражающих препятствия, которые необходимо побороть. Шухов с румяным латышом — первые в бригаде мастера (плотник и каменщик), поэтому они и работают впереди других, подчиняя себе камень и одолевая холод. Образ камня получает в повести дальше прямое и опосредованное воплощение. Например, другая бригада ямки долбает, а земля и летом уподобляется камню по признаку твердости. Несмотря на зов конвоя, Шухов остается доделать работу, потому что получилось слишком много раствора, надо использовать его, иначе он окаменеет.

Символическое значение образ камня приобретает как особая деталь в портрете заключенного старика Ю-81: «Лицо его всё вымотано было, но не до слабости фитиля-инвалида, а до камня тёсаного, тёмного» [Солженицын: 98]. Мотив окаменения становится знаком обретенных стоичности и суровости. Этот герой в некоторой степени оттеняет образ бригадира Тюрина. Он воплощает следующую, более высокую, ступень в нравственном противостоянии лагерной системе. Все детали портрета старика (прямая спина, облысевшая голова, спокойные глаза, устремленные во что-то свое, беззубый рот, черные, потрескавшиеся от тяжелой работы руки) говорят о тяжелой доле, выпавшей ему, и одновременно о внутренней силе и человеческом достоинстве.

И все-таки процесс расчеловечивания в лагере происходит, и это также проявляется в ситуации работы. Так, бригады созданы с той целью, чтобы заключенные поощряли друг друга в каторжной работе. Бригады, однако, друг другу не помогают, а скорее все растаскивают себе. По этой причине и подъемник нельзя наладить: технику ломают, чтобы не работать. Согласно Шухову, в этом лагере все-таки спокойнее, царят не такие жестокие условия, чем в другом. 104-я бригада дружно работает, как семья, подго-

няют друг друга. И здесь иносказательно ценится уступчивость Алешки: «Смирный — в бригаде клад». Гопчик также наделяется положительными зоонимическими свойствами: «теленочек ласковый», «как белка» легкий, но вместе с тем при необходимости он плут и хитер. Отрицательная характеристика придается лишь стукачу и десятнику. Дэр же называется «сволочем», потому что гоняет своих «братьев» — товарищей по работе. А явление стукачей и расправы с ними определяются как новое в лагере. Известие о заживлении воскресенья ожидалось, однако все равно жалко лагернику, что надсадят, и они не могут спать даже в выходные после завтрака и отдохнуть после тяжелого труда.

С жизнью на свободе, за колючей проволокой заключенных соединяют письма. Однако строгий контроль за перепиской и блеклая надежда на ответ делают бессмысленными послания, что выражается особенными сближениями: «Писать теперь — что в омут дремучий камешки кидать» [Солженицын: 30], «Что упало, что кануло — тому отзывать нет» [Солженицын: 30]. Более того, заключенные и вольные уже не понимают друг друга несмотря на то, что их жизнь мало отличается: бригада и колхоз — везде надо выполнять норму. В лагере герой отвык думать о вольной жизни, о том, как семью прокормить. Разница между тем, кто находится в лагере, и тем, кто по ту сторону колючей проволоки, проявляется в понимании сути работы. Так, Шухов недоумевает, как люди работают на стороне, а не в своей деревне. Дело в том, что прямую дорогу на заработки загородили, люди идут в обход и так живут. Шухов не против «огневого» заработка, легких денег от крашения ковров, однако он лишен нахальства давать милиции, этому и в лагере не научился, он хочет своими руками, на верной работе заработать деньги. К тому же не известно, не получит ли еще десяти лет после истечения срока наказания.

Таким образом, в повести А.И. Солженицына мир лагеря показан как ад, но автор верит в человеческий ресурс и подчеркивает способность настоящих выживать в этом страшном мире, приспособляясь к нему, но не утрачивая человечности. Отсюда двойственность в изображении жизни заключенных.

Трудовой лагерь Кертеса

И. Кертес так же, как и А.И. Солженицын, прошел через концлагерь. Известно, что в 1944 г., будучи четырнадцатилетним мальчиком, венгерский писатель был увезен в Освенцим в числе тысяч других венгерских евреев, а оттуда он попал в Бухенвальд и, чудом выжив, в 1945 г. вернулся на родину. В романе «Без судьбы» главный герой — подросток попал в Освенцим, прошел через Бухенвальд и страшный трудовой лагерь. Но, как утверждает автор, в его романе мало автобиографического.

В произведении Кертеса можно обнаружить типологически схожую ситуацию с повестью Солженицына: место действия — лагерь, главный

герой — заключенный (но только здесь подросток, а не человек, имеющий за своими плечами солидный жизненный опыт), и, наконец, автор концентрирует внимание на эпизодах работы.

О бригаде как толпе измученных каторжников и их труде Кертес не пишет подробно. Яркие фигуры лагерной иерархии у него представлены лишь в общих штрихах, как например, наставник Дюри Кёвеш, Банди Цитром, похожий на солженицынского героя и его бригадира. В отличие от взрослых и более сильных каторжников, Кёвеш — молодой и слабый подросток, поэтому и быстро расклеивается, несмотря на то, что он представляет, будто сам, по собственному желанию направился на работу.

Герой-подросток объясняет детализацию первых впечатлений в лагере, ссылаясь на правдивость одной книги. А в другой книге он читал, что «можно привыкнуть и к каторге», однако по своему опыту он доказывает, что в концлагере «вряд ли для этого есть какие-то шансы», т. к. на это «не дают времени» [Кертес]. Герою же необходимо постепенно познать этот новый мир, в который он попадает, и он может это сделать лишь по своему книжному опыту.

Метафорическое описание завода в Цейце напоминает одновременно и место трудоустройства, и жандармерию в Будапеште, и лагерь смерти со своим лабиринтом, трубами и машинообразностью. Фабрика олицетворяется и производит впечатление не только оживленного города (как в тексте романа), но и металлического организма, истребляющего людей. Вспомним, с помощью каких тропов изображается место трудовой повинности еврейского мальчика еще на родине: «в голубоватой дымке хорошо видны были пузатые резервуары нефтеперегонного завода. За ними дымили фабричные трубы, еще дальше, уже смутно, маячил» купол церкви [Кертес]. Здесь Кёвеш вместе со своими ровесниками работает в поте лица, как выясняется, в качестве подсобного рабочего каменщиков, т. е. сюжетно раскрываются смыслы, этимологически заложенные в фамилии героя, означающего «каменистый».

Кроме того, шагая «сквозь раскрывающийся, потом замыкающийся, сливающийся в глазах, путающийся, перемешивающийся лабиринт новых проволочных заграждений и заборов» [Кертес] как заключенный, герой-подросток слышит странные звуки, напоминающие удары хлыстом, и еще не осознает, что это может означать. Однако новая жизнь, начатая в Освенциме, приносит именно то, что в жандармерии в конце концов и предполагалось. Жандармы же сопровождают строй «по лабиринту серых строений» к пункту сбора депортируемых. В описании бараков также осознается сходство с жандармским местом (конюшней, сараем), и первые названия, сделанные по домашнему опыту подростка, переименовуются: так, белые ролики подают электроток, не как на телеграфных столбах, а охотничья засада оказывается сторожевой вышкой для расстрела неповинных:

«на бетонных столбах укреплено множество белых фарфоровых роликов, как дома — на телеграфных столбах» [Кертес]. Итак, переименования проводятся в связи с артефактами: ток — телеграф, охотничья — охранный вышка, а также и вечно скрежещущий репродуктор. Заводская труба, обозначающая «полезную работу», также превращается в метафору смерти — крематория. Заводы являются не местами для работы, а для смерти: лабиринты. Этим лагерь Кертеса и отличается от солженицынского лагеря.

В романе «Без судьбы» Бухенвальд не случайно стал любимым местом подростка, т. к. оттуда его перевозят в трудовой лагерь, в котором испытания невыносимы. Герой попадает в Цейц по произволу судьбы, определенному месту имени героя в алфавитном порядке. Здесь ни равнина, ни дорога не производят такого впечатления на него, как Освенцим. Описание местности краткое, содержательное, и акцент делается только на ее однообразном, пыльном, захолустном характере, только вдали «маячит синеватая гряда» — горный хребет. Фабрика представляется как механизм, уничтожающий людей. Здесь развертываются сближения, приведенные выше: «гул, скрежет, бречание, тяжелые вздохи, трех-четырёхтактное прокашливание железных глоток: завод приветствует нас; с лабиринтом его улиц, переулков, перекрестков, с маячащими над ним подъемными кранами, дымовыми трубами, с грызущими землю машинами, с переплетением рельсов, вздымающимися в небо трубами, градириями, сетью трубопроводов завод этот — настоящий город» [Кертес]. Здесь уже все готово, но лагерникам надо его построить, как в Гулаге. Однако они переносят подобные мучения. Примечательно, что в романе Кертеса пространство лагеря уподобляется городу. Похожий мотив можно встретить в повести Солженицына: лагерь, в котором обитают заключенные, в будущем будет городом. В произведениях обоих авторов стирается грань между лагерем и обычной жизнью. Мир приходит к абсурдности.

В результате того, что Кёвеш испытывает и побои, и другие тяготы лагерной жизни, он приобретает хитрость, которая будет помогать ему выжить. Если повествователь и не мотивирует открыто поступки и мысли героя, то по описанию внешности становится ясно, какая ломка происходит в нем. Понятия «порядок, труд и честь» лишаются той положительной смысловой нагрузки, которую имели для подростка раньше, он ищет лазейку, чтобы избежать работы. В школе трудового лагеря помогает герою выжить взрослый, опытный человек, Банди Цитром. Интересно, что во внешней характеристике фигуры акцентируются сначала только «раскосые» глаза, которые «блестели, как пуговицы», и отсутствие костей (потом объясняется: нос и зубы выбиты). Подросток постоянно встречает новые реалии жизни и обретает опыт посредством освоения новых слов. В этом помогает ему Банди. Так он узнает, что такое «латрина», которая, будучи переполненной, может означать свободу в понимании Банди. Приводится

и другой пример реинтерпретации традиционных выражений: «огни Будапешта» уже не существуют, т. к. их отключают из-за новых правил следствия бомбардировок — войны.

Словосочетание «трудовой лагерь» также имеет совершенно иные коннотации до его реального испытания, когда окажется, что он ничем не отличается от лагеря смерти. Банди думает своими поучениями о прилежной работе помочь подростку выжить: «главное — не опускать руки» (вспомним: роль советчика, проводника и заступника в лагерьном мире Солженицына играет бригадир Тюрин). Если прилежно работать, то можно надеяться «избежать побоев». От Банди Кёвеш узнает, что они не рабочие, а заключенные, и нужны хитрости и знание распорядка жизни, примеры, которые «нигде не играют такой важной роли, как в заключении» [Кертес]. Герой, который в самом начале пути еще относился к возможности работать как «упорядоченности» мира и веселью, теперь, видя «порядок» — «условие жизни», в том числе и у немца-капо, с безупречной желтой повязкой, он разочаровывается и решает с Банди «перебраться в другую бригаду», когда надзиратель слишком нагружает и погоняет их на работе.

Следовательно, герой избегает непосильного и неблагородного труда. Работа же означает рабство, отсутствие свободы: «кому от этого польза?» — вопрос, заданный еще Экспертом немецкому офицеру в пункте сбора евреев. Теперь уже Кёвеш сознает, в чем состоит «огромная ошибка», мешающая работе: намек на похвалу воодушевил бы его. Банди, долго верующий в необходимость честного выполнения труда (сказал: «покажем им, на что способны пештские парни!»), старается поддерживать дух подростка, который расклеивается. Кёвешу после трудового дня уже ничего не хочется, он полностью истощен и в нем происходит перелом. От такой работы, надрывающей и взрослых людей, разумеется, отворачивается слабый, голодный и утомленный подросток. Впоследствии слова о порядке оказываются бессмысленными, т. к. герой никак не может избежать побоев, и из-за усталости и отсутствия поощрения он теряет желание жить. После того, как Кёвеш окончательно сломался, Банди уже не способен помочь ему, он отдает мальчика санитарам. Сам Банди, по всей вероятности, не выживает и не возвращается домой. Из романа известно только, что Дюри навещает его семью, которая не перестает ждать его.

Типологически сходным моментом между повестью Солженицына и романом Кертеса является то, что в произведении венгерского писателя тоже актуализуется мотив и образ камня. Как уже отмечалось, и фамилия, и работа Кёвеша также связаны с образом камня. До депортации он работает каменщиком, ликвидирует ущерб, нанесенный бомбардировками, а в лагере он таскает мешки с цементом на заводе. Таким образом, в акте действия (в виде труда) словно реализуется судьба героя, он словно транс-

фигурируется в обозначении своего имени: он — каменистый — работает каменищиком и ломается (каменос/лом): «во мне что-то непоправимо сломалось», он каждое утро думал, что это «последнее» [Кертес]. Окончательно герой ломается после того, как он случайно уронил мешок с цементом и был жестоко наказан за эту оплошность надзирателем, «одетым в желтую униформу» [Кертес].

Метафора камня реализуется и в связи с вещами. Осенние погодные условия (постоянные дожди) превращают одежду и обувь подростка во «врага»: ткань — в жесткую каминную «трубу», халат — в «обузу», а цементный мешок ощущается носителем, как еще один «камень» на теле. Подросток на работе уже не создает видимость, а при первом же ударе сыпается от усталости.

В этой связи напомним, что в отличие от Цейца, в Бухенвальде, куда после Освенцима прибывает герой, а затем возвращается при смерти после трудового лагеря, и следа нет от необозримой равнины, имеются жилые дома, разнообразие, зелень и красные крыши «радуют» глаза. Однако и здесь могла бы настораживать наблюдателя аккуратность. Кёвеш детально описывает статую, которая предзнаменует то, какая судьба ожидает людей, прибывших транспортом. Статуя вся белая и изображает заключенного, держащего камень. Герой, чье имя этимологически связано с «каменистый», пытается относиться к ней эстетически, по заученной традиции: «я смотрел на скульптуру — как нас учили еще в школе — незаинтересованно, видя в ней произведение искусства» [Кертес]. Однако, имея уже некоторый опыт, приобретенный в лагере смерти, он осознает, что школьное учение о произведениях искусства нельзя применять к настоящей жизни.

В отличие от литературного опыта, в действительности отсутствие времени привыкания к каторге также является причиной того, что герой испытывает в Цейце отвращение к труду. Ранний подъем на заре не дает человеку возможности восстановиться после длинного рабочего дня. Подчеркивается функция лагеря как места, в котором можно полностью понять некоторые вещи, в том числе и значение испытаний в сказках (7 дней равнозначны 7 годам). Этот пример наглядно показывает превращение мальчика за короткий срок в «дряхлого старика». Потеря желания жить вследствие холода и сырости (контрастно прибытию в Освенцим в летнюю жару) ведет словно к буквальной «окаменелости», механичности живого организма: он даже ест «механически, по привычке, так сказать» [Кертес].

Невозможность побега из этих условий демонстрируется тремя примерами: во-первых, попытка физического побега наказывается казнью; во-вторых, попытка поспать провоцирует избиение до смерти, как в случае с Невезучим. Каторжников же насильно будят на заре: убийственная

побудка не разбудит только того, кого уже нельзя разбудить. Отметим, что сначала описывается комок тряпья вместо лежащего Невезучего, потом отличительная деталь, а фраза «кто когда-то был человеком» регенерирует действие данного приема остранения в представлении наказываемого в рассказе Л.Н. Толстого «После бала». Единственной возможностью побега (третий вариант) является воображение, метафоризируемое как птица с подрезанными крыльями: «тесные тюремные стены не способны подрезать крылья фантазии, ограничить ее полет» [Кертес]. Наблюдение за казнью впервые вызывает желание героя присоединиться к общей еврейской судьбе: повторять слова молитвы — кадиша. Представитель евреев, раввин отмечен при этом только особым признаком: «безумным светом влажных глаз».

Выводы. В повести А.И. Солженицына и романе И. Кертеса в изображении лагеря наблюдается некоторое типологическое сходство на мотивию-образном уровне, например, мотив работы, образ камня и его символично-метафорическая роль в произведениях, образ лагеря-города, образ старшего (по положению или по возрасту) как заступника и советчика. Однако эти обнаруженные типологические ряды интересны и тем, что при внешней общности между ними наблюдаются и семантико-функциональные различия. Здесь стоит снова напомнить, что, разумеется, отношение взрослого человека и подростка к физическому труду — различное, однако насильственное принуждение к нему в трудовых лагерях — без существенной разницы в том, идет ли речь о немецком или советском лагере — может дать основание для их сопоставления.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что дискурсивное оформление И. Кертесом лагерного опыта регенерирует проблемы, выдвинутые уже А.И. Солженицыным, несмотря на отличающиеся поэтические решения. Венгерский писатель показывает бессмысленность каторжного труда и посредством именных метафор «камня», механичности, холода и концепта «порядка». Герои Солженицына представлены в более прямых, конкретных ситуациях заключения, однако все равно встречаются некоторые намеки на иносказательную окаменелость через мерзлость и преодоление окаменелости через осмысленный труд и осознание своей связи с миром.

Источники

Кертес Имре. Без судьбы / Пер. Ю. Гусева. М.: Текст, 2004. Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=39018&p=1.

Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А.И. Рассказы. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. С. 7–116.

Литература

Вайль П.Л., Генис А.А. Поиски жанра А. Солженицыным // Октябрь. 1990. № 6. С. 197–202.

Гулак А.Т., Юровский В.Ю. Служение реальности: о формах повествования в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Русская речь. 2006. № 1. С. 39–48.

Княжицкий А.И. «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына: опыт медленного чтения // Русская словесность. 2009. № 2. С. 34–43.

Кондратьева В.В. Модель мира в повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Slavica. 2020. № 49. С. 34–40. doi <https://doi.org/10.31034/049.2020.03>.

Кузьмин В. Художественный монизм Александра Солженицына. Проблемы поэтики. Екатеринбург: Ridero, 2019. 200 с.

Лакшин В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги // Новый мир. 1964. № 1. С. 223–245.

Латынина А. Крушение идеократии: от «Одного дня Ивана Денисовича» к «Архипелагу ГУЛАГ» // Литературное обозрение. 1990. № 4. С. 3–8.

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Александр Солженицын // Современная русская литература, 1950–1990-е годы: Учебное пособие для вузов: В 2 т. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 1. С. 260–315.

Лифшиц М. О повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 74–75.

Мурашова О. Роль и место повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в истории русской литературы // Литература. 2010. № 2. С. 13–16.

Темпест Р. Геометрия ада: поэтика пространства и времени в повести «Один день Ивана Денисовича» / Пер. с англ. // Звезда. 1998. № 12. С. 128–135.

Фридлендер Г.М. О Солженицыне и его эстетике // Русская литература. 1993. № 1. С. 92–99.

Bojtár E. Sziszüphosz téli utazása. // «2000». 2003. Január. Pp. 40–46.

Congdon L. Solzhenitsyn: The Historical-Spiritual Destinies of Russia and the West. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2017. 163 p.

Földényi F. László. “Az irodalom gyanúba keveredett.” Kertész Imre-szótár. Budapest: Magvető, 2007. 335 p.

Kalocsai Katalin. Még létre sem jött, mikor már elveszett. Az identitás építésének nehézségeiről egy szélsőségesen fenyegetett helyzetben. // Az értelmezés szükségessége. Tanulmányok Kertész Imréről. Szerk. Scheibner Tamás — Szűcs Zoltán: l’Harmattan, Budapest, 2002. P. 53–66.

Kennedy E. Secularism and Its Opponents from Augustine to Solzhenitsyn. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 278 p.

- Kertész Imre*. Sorstalanság. Budapest: Szépirodalmi, 1985. 292 p.
Kisantal Tamás. Túlélő történetek. Budapest: Kijarat, 2009. 340 p.
Lukács György. Szolzszenyicin-tanulmányok. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1990. 120 p.
Szirák Péter. Kertész Imre. Pozsony: Kalligram, 2003. 217 p.

References

Istochniki

- Kertesz I. (2004) *Bez sud'by* [Fatelessness]. Moscow: Text. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=39018&p=1. Accessed: 29.09.2021. (In Russ.).
 Solzhenitsyn A. (2010). Odin den' Ivana Denisovicha [One Day of Ivan Denisovich]. *Rasskazi* [Novels]. Moscow: AST Moscow. (In Russ.).

Literatura

- Vajl' P.L., Genis A.A. (1990). Poiski zhanra A. Solzhenicynym [Search for a genre by A. Solzhenitsyn]. *Oktjabr' [October]*. № 6. Pp. 197–202. (In Russ.).
 Gulak A.T., Jurovskij V.Ju. (2006). Sluzhenie real'nosti: o formah povestvovaniya v rasskaze A.I. Solzhenicyna "Odin den' Ivana Denisovicha" [Serving reality: about the forms of narration in the story of A.I. Solzhenitsyn "One day of Ivan Denisovich"]. *Russkaja rech'* [Russian speech]. № 1. Pp. 39–48. (In Russ.).
 Knjazhickij A.I. (2009). "Odin den' Ivana Denisovicha" A.I. Solzhenicyna: opyt medlennogo chtenija [One Day of Ivan Denisovich by A.I. Solzhenitsyn: the Practice of Slow Reading]. *Russkaja slovesnost'* [Russian literature]. № 2. Pp. 34–43. (In Russ.).
 Kondrat'eva V.V. (2020). *Model' mira v povesti A.I. Solzhenicyna "Odin den' Ivana Denisovicha"* [The model of the world in the story of A.I. Solzhenitsyn «One day of Ivan Denisovich»]. *Slavica*. № 49. Pp. 34–40. doi <https://doi.org/10.31034/049.2020.03>. (In Russ.).
 Kuz'min V. (2019). *Hudozhestvennyj monizm Aleksandra Solzhenicyna. Problemy pojetiki* [The artistic monism of Alexander Solzhenitsyn. Problems of poetics]. Ekaterinburg: Ridero, 200 p. (In Russ.).
 Lakshin V.Ja. (1964). Ivan Denisovich, ego druž'ja i nedrugij [Ivan Denisovich, his friends and foes]. *Novyj mir* [New World]. 1964. № 1. Pp. 223–245. (In Russ.).
 Latynina A. (1990). Krushenie ideokratii: ot «Odnogo dnja Ivana Denisovicha» k "Arhipelagu GULAG" [The collapse of the ideocracy: from "One Day of Ivan Denisovich" to "The Archipelago GULAG"]. *Literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. № 4. Pp. 3–8. (In Russ.).
 Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. (2003). Aleksandr Solzhenicyn. *Sovremennaja russkaja literatura, 1950–1990-e gody: uchebnoe posobie dlja vuzov: V 2 t.* [Modern

Russian literature, 1950–1990s: study guide for universities: In 2 vols.]. Moscow: Izdatel'skij tsentr "Akademiya". Vol. 1. Pp. 260–315. (In Russ.).

Lifshic M. (1990). O povesti A.I. Solzhenicyna "Odin den' Ivana Denisovicha" [About the story of A.I. Solzhenitsyn "One day of Ivan Denisovich"]. *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature]. № 7. Pp. 74–75. (In Russ.).

Murashova O. (2010). Rol' i mesto povesti A.I. Solzhenicyna "Odin den' Ivana Denisovicha" v istorii russkoj literatury [The role and place of the story of A.I. Solzhenitsyn "One day of Ivan Denisovich" in the Russian literature history]. *Literatura* [Literature]. № 2. Pp. 13–16. (In Russ.).

Tempest R. (1998). Geometrija ada: pojetika prostranstva i vremeni v povesti "Odin den' Ivana Denisovicha": per. s angl. [The geometry of hell: the poetics of space and time in the story "One Day in Ivan Denisovich": trans. from Eng.]. *Zvezda* [The Star]. № 12. Pp. 128–135. (In Russ.).

Fridlender G.M. (1993). O Solzhenicyn'e i ego jestetike [About Solzhenitsyn and his aesthetics]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. № 1. Pp. 92–99.

Bojtár E. (2003). Sziszüphosz téli utazása. «2000». Január. Pp. 40–46.

Congdon L. (2017). *Solzhenitsyn: The Historical-Spiritual Destinies of Russia and the West*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press. 163 p.

Földényi F. László. (2007). "Az irodalom gyanúba keveredett:" Kertész Imre-szótár. Budapest: Magvető. 335 p.

Kalocsai Katalin. (2002). Még létre sem jött, mikor már elveszett. Az identitás építésének nehézségeiről egy szélsőségesen fenyegetett helyzetben. *Az értelmezés szükségessége. Tanulmányok Kertész Imréről*. Szerk. Scheibner Tamás — Szűcs Zoltán: l'Harmattan, Budapest. Pp. 53–66.

Kennedy E. (2006). *Secularism and Its Opponents from Augustine to Solzhenitsyn*. New York: Palgrave Macmillan. 278 p.

Kertész Imre. (1985). *Sorstalanság*. Budapest: Szépirodalmi. 292 p.

Kisantal Tamás. (2009). *Túlélő történetek*. Budapest: Kijarat. 340 p.

Lukács György. (1990). *Szolzenyicin-tanulmányok*. Budapest: Európa Könyvkiadó. 120 p.

Szirák Péter. (2003). *Kertész Imre*. Pozsony: Kalligram. 217 p.

Статья поступила в редакцию 06.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 06.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторах

Виктория Викторовна Кондратьева — кандидат филологических наук; доцент; Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал Ростовского государственного экономического университета); профессор кафедры рус-

ского языка и литературы; сфера научных интересов: творчество А.П. Чехова, художественное пространство, поэтика.

Ангелика Молнар — habilitированный доктор гуманитарных наук (HD); Дебреценский университет; Институт славистики; доцент; сфера научных интересов: русская литература, литературоведение.

Information about the authors

Viktoriya Viktorovna Kondrat'eva — Candidate of Philology; Associate Professor; Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch of Rostov State University of Economics); Professor at the Department of Russian Language and Literature; research interests: A.P. Chekhov's works, artistic space, poetics.

Angelika Molnar — HD (Humanities, Philology); University of Debrecen; Institute of Slavistic; Assistant Professor; research interests: Russian literature, literary studies.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Молнар А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Кондратьева В.В. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Molnar A. — scientific guidance; research concept; methodology development; writing the source text; final conclusions.

Kondrat'eva V.V. — methodology development; revision of the text; final conclusions.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК: НАЦИОНАЛЬНАЯ НОРМА, ДИАЛЕКТ, ГОВОР

Научная статья

УДК 81.114-4

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.07>

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ХМАО-ЮГРЫ)

Татьяна Александровна Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
Россия, sirotkina71@mail.ru, <https://orcid.org/>

Аннотация. В статье на материале Ханты-Мансийского округа — Югры рассматривается функционирование русского языка в региональном пространстве. Анализируются основные направления лингвистического регионоведения: анализ и изучение особенностей местного диалекта, этнолингвистическое изучение языка города, анализ межъязыковых связей, исследование местной ономастики, языка художественных произведений региональных авторов.

Ключевые слова: лингвистическое регионоведение, диалект, ономастика, региональный текст.

Для цитирования: Сироткина А.Т. Русский язык в зеркале регионального текста (на материале языкового пространства ХМАО-Югры) // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 110–121. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.07>.

COMPARATIVE LINGUISTICS

RUSSIAN LANGUAGE: NATIONAL NORM, DIALECT, SPEECH

Original article

RUSSIAN LANGUAGE IN THE MIRROR OF THE REGIONAL TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF THE LANGUAGE SPACE OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG — YUGRA)

Tatiana Alexandrovna Sirotkina

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia, sirotkina71@mail.ru,
<https://orcid.org/>

Abstract. The functioning of the Russian language in the modern world is a question that currently worries not only the Russian linguistic community, but also philologists from the near and far abroad. It is no less important to describe the functioning of the Russian language not in the global, but in the local dimension, since it is from such “puzzles” that the general picture of the existence of the language is formed. We will try to present in detail the directions of research of one of the regional variants of the language — the language functioning in the space of the regional text of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra. One of the topical areas of regional linguistic research is the analysis and study of the features of the local dialect. The peculiarities of the northern dialects are also inherent in the group of dialects common in the studied territory, which scientists call the dialects of the Ob-Irshysh interfluvium. The language and culture of the first settlers were influenced by a foreign language environment. As a result, a peculiar linguistic complex has developed in the dialects of the West Siberian region, in which, firstly, the linguistic features of the “mother base” have been preserved, i.e. features of the North Russian dialect, and, secondly, arising under the influence of the languages of the indigenous inhabitants of the studied regions. Another topical direction is the ethnolinguistic study of the language of the city. The elements of urban vernacular, the system of individual sociolects and professional lectures (for example, oil workers, gas workers), and urban onomasticon are subject to detailed description. Important and interesting aspects

of linguistic studies of local linguistics are the analysis of interlingual relations, the description of the local onomastic space. The description of local toponymy and anthroponymy makes it possible to identify the linguistic foundations of local names, to trace the history of settlement and development of the region, to describe the linguistic picture of the world of ethnic groups inhabiting the region. Such a direction of research as the analysis of the language of works of art by local authors fits into the mainstream of modern linguopersonology — a branch of linguistics that deals with the study of the language of individual linguistic personalities. Thus, the Russian language in the mirror of the regional text is the toponyms and ergonyms that function in the given territory, the names of local realities, urban vernacular and professional jargons of Siberian pioneers, the language of texts of the past and contemporary works of art by regional authors. All this constitutes the cultural and linguistic space of the region, which requires careful research and description.

Key words: linguistic regional studies, dialect, onomastics, regional text.

For citation: Sirotkina T.A. Russian language in the mirror of the regional text (based on the material of the language space of the Khanty-Mansiysk autonomous okrug — YUGRA). *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 110–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.07>.

© Сироткина Т.А., 2021

Введение. Функционирование русского языка в современном мире — вопрос, волнующий в настоящее время не только российское лингвистическое сообщество, но и филологов ближнего и дальнего зарубежья. Не менее важной представляется задача описать функционирование русского языка не в глобальном, а в локальном измерении, поскольку именно из таких «пазлов» складывается общая картина бытования языка. **Целью** настоящей статьи является описание основных направлений исследования одного из региональных вариантов языка — языка, функционирующего в пространстве регионального текста Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. **Материалом для исследования** послужили региональные диалектные словари, научные исследования по ономастике, художественные тексты местных авторов. Основным **методом** послужил традиционный для регионоведческих исследований ареальный метод, конкретными приемами анализа материала — систематизация регионального ономастического материала, филологический анализ регионального художественного текста.

Объектом лингвокраеведческих исследований является региональный текст в широком смысле этого слова. Несмотря на то, что отдельные

региональные тексты (архангельский, вятский, крымский, орловский, пермский) довольно активно описываются филологами, понятие «югорский текст» до последнего времени не было введено в научный оборот. Данное понятие определено нами следующим образом: югорский текст — это неотъемлемая составляющая северного текста, включающая, в узком понимании, различные тексты локальной культуры (памятники деловой письменности, художественные произведения региональных авторов, устные речевые произведения жителей города и деревни — воспоминания, дневники и т. д.), в широком понимании — все семиотическое пространство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (обряды коренных жителей региона, фольклор пришлого русского населения, вербальные проявления региональной языковой личности, региональное ономастическое пространство и многое другое). Описать русский язык через призму этого текста — главная задача региональной лингвистики.

Основная часть. Назовем актуальные, в том числе для нашего региона, направления лингвистического краеведения.

1. Анализ и изучение особенностей местного диалекта

Особенности северных диалектов присущи и группе говоров, распространенных на исследуемой нами территории, которые ученые называют говорами Обь-Иртышского междуречья. В своей книге «Очерки сибирской словесности» А.М. Кошкарева пишет: «К говорам Обь-Иртышского междуречья мы относим говоры северных районов Тюменской области: Вагайского, Тобольского, Уватского, Ханты-Мансийского, Октябрьского, Березовского, Сургутского, Нижневартовского» [Кошкарева 2010: 10].

Язык и культура первых поселенцев испытали влияние иноязычного окружения. В результате в диалектах Западно-Сибирского региона сложился своеобразный языковой комплекс, в котором, во-первых, сохранились языковые черты «материнской основы», т. е. черты северно-русского наречия, и, во-вторых, возникшие под влиянием языков коренных жителей исследуемых регионов.

Так, к особенностям вокализма можно отнести:

- 1) произношение Е в соответствии с литературным А под ударением в ограниченном круге слов: *зеть* — *негде взеть*;
- 2) произношение А вместо Е или Ё в ударной позиции: *Отец-то у меня был колясник* (колесник); *Ране ись-то нечё было, дак крапиву нахлябывали* (нахлёбывали);
- 3) полное оканье, О и А различаются последовательно во всех безударных слогах: *Летом в колхозе робили, стога вершили, за скотом ходила*;
- 4) уканье (произношение в безударном слоге У на месте О): *В лесу голубиса, черниса, мурошка, смуродина*.

Особенностями консонантизма являются:

- 1) мягкое цоканье (совпадение Ч и Ц в варианте Ц'): *Насыплёшь, выц'ередишь, потом толкёшь его, пока шкура не нац'нёт слазить, потом отваришь горяц'ой водой, потом варишь, как пшениц'у - ц'иста да хорошо кутья получится;*
- 2) повсеместное произношение долгого твердого Ш в соответствии с долгим мягким Ш' в литературном языке: *Орехи выташшшь, зима подойдёт, будёшь шшшолкать.*

Морфологические и синтаксические черты также соответствуют особенностям северно-русских говоров.

В лексическом плане говоры северных районов Тюменской области представляют огромный интерес для диалектологов. Диалектная лексика отражает все стороны жизнедеятельности сельского жителя: животноводство, хлебопашество, промыслы и ремёсла, быт.

В рамках выполнения проекта по гранту РФФИ «Север Западной Сибири: образы в разных типах дискурса» нам было интересно выявить, из чего складывается образ территории. Для работы мы использовали материалы не так давно изданного ханты-мансийскими коллегами регионального словаря «Русское слово на земле Югорской» [Русское 2017]. Анализ материала показал, что образ Севера Западной Сибири репрезентируется в текстах диалектной речи прежде всего через образ жителей данной местности, их занятия, промыслы, традиции. И это не случайно. Как отмечают исследователи, «диалектоносителям мир представляется более вещным, чем носителям литературного языка» [Русское 2017: 6].

Названия людей по роду деятельности отражают такие аспекты жизни социума, как выпас скота и птицы («Гусевальщик, это на охоте когда, выпускает звуки гусиные»), ловля рыбы («На берегу, когда стрежовой невод везут, поддерживают крыло невода. Специально мётчик бросает невод в воду»). В речи носителей языка представлены традиционные занятия жителей региона, позволяющие им выжить в суровых северных условиях. Так, например, многие мужчины *белковали* — охотились на белку: «Муж мой охотился на белок, белковал с ноября месяца»; «Белковать — бить белку. Так стреляют, чтобы шкуру не попортить». Еще один аспект отражения образа региона — репрезентация сибирской флоры и фауны. Будучи тесно связанными с лесом, жители Сибири хорошо знают растения тайги, животных и птиц, обитающих в ней: «В лесу птица есть такая, белая дикая гусыня, называют белозобая казарка».

2. Этнолингвистическое изучение языка города

В названии данного аспекта регионоведческих исследований не случайно употребляется определение «этнолингвистический». Этнолингвистика, как мы знаем, исследует язык в разных формах его существования в связи с историей этноса, описывает языковую ситуацию, сложившуюся

в конкретный исторический период, изучает язык различных этносоциальных слоев населения.

Еще в 20-е годы XX века Борис Александрович Ларин поставил задачу изучения «языка города» как третьей основной части языковых явлений, занимающей место между литературным языком и крестьянскими диалектами. Он считал, что языковой быт города лежит в основе литературного языка, и эволюцию литературного языка нельзя понять без обращения к «языку города» [Ларин 1928: 61].

Комплексное изучение языка города на примере Сургута нам еще предстоит в будущем. Детальному описанию еще подлежат элементы сургутского городского просторечия, системы отдельных социолектов и профессиональных лектов (например, нефтяников, газовиков), городской ономастики в целом.

Многочисленные сведения о регионе мы можем получить, например, при рассмотрении югорской урбанонимии. Названия улиц Ноябрьска, Сургута, Ханты-Мансийска и других городов репрезентируют ее, с одной стороны, как «место в лесу» (Еловая, Кедровая, Таёжная — Сургут, КСК Кедр, Таёжная — Ханты-Мансийск, Кедровая, Лесной переулок, Лиственная, Пихтовая, Хвойная, Таёжная — Ноябрьск), с другой стороны — стремительно развивающаяся территория, на которой добывается нефть и газ, ведется активное строительство (Буровиков, Нефтяников, Геологическая, Геологов, Геодезистов, Геофизиков — Сургут, Газовиков, Геофизиков, Геологов — Ханты-Мансийск, Изыскателей, Первопроходцев, Энергетиков — Ноябрьск). Навеки вписаны в городской ономастикон имена тех, кто способствовал освоению территории, ее развитию: нефтяников Бахилова, Губкина, Мелик-Карамова (Сургут), Федорова, Щербины (Ханты-Мансийск), Городилова, Муравленко (Ноябрьск), строителя Семёна Билецкого, строителя железнодорожных магистралей Коротчаева (Сургут, Ноябрьск), энергостроителей Каролинского и Киртбая, геофизиков Федорова (Сургут), Сутормина (Ноябрьск, Ханты-Мансийск), архитектора Пискунова (Ханты-Мансийск).

3. Анализ междызыковых связей

Важный и интересный аспект лингвокраеведческих исследований — анализ междызыковых связей. Особенно актуален он для полиэтнических регионов, одним из которых является ХМАО-Югра.

Исследованием функционирования языков коренных малочисленных народов севера активно занимается Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск). В поле нашего внимания в разное время попадали лишь местные географические названия — топонимы. Но и по ним, безусловно, можно судить о том, насколько тесно взаимодействуют разные языки на рассматриваемой территории.

По наблюдениям А.К. Матвеева, «географическая номенклатура ныне функционирующих агглютинативных языков коренного населения образуется вместе с коми и русскими названиями верхний слой топонимии Тюменского Севера, под которым находится нижний (субстратный) слой слов неизвестного происхождения» [Матвеев 1997 а: 7].

На правобережье Оби, а также в Ямало-Ненецком автономном округе обычны хантыйские названия, в которых используются географические термины *ёхан* — «река», *эмтыр* — «большое озеро», *тор, лор* — «поемное озеро», *сор, курт, пухыл* — «селение». В бассейнах Северной Сосьвы и Конды распространены мансийские наименования, для которых наиболее характерны географические термины *я* — «река», *тур* — «озеро», *павыл* — «селение», «деревня», ср. Вор я — «Лесная река», Ямпынг тур — «Святое озеро», Тимка павыл — «Селение Тимофея». С переселением в Приобье отдельных групп коми-зырянского населения здесь появилась коми-топонимия, для которой характерны географические термины *ю* — «река», *ва* — «вода», *кар* — «городок», *горт* — «дом».

4. Исследование местной ономастики

Выделяя основные направления современной регионалистики, ученые-лингвисты на одно из важных мест ставят региональные ономастические исследования. И это не случайно. Описание местной топонимии и антропонимии дает возможность выявить лингвистические основы местных наименований, проследить историю заселения и освоения края, описать языковую картину мира этносов, населяющих регион.

Нельзя не сказать о том, что огромный вклад в развитие ономастики ХМАО-Югры внесла профессор СурГПУ Нина Никифоровна Парфенова. В 2006 году в Сургуте вышла монография Нины Никифоровны «Апеллятивная лексика в русской топонимии Зауралья (по архивным данным XVI–XIX вв.)» [Парфенова 2006], в которой анализу было подвергнуто около четырехсот апеллятивов, составляющих мотивирующую базу для формирования русской топонимии в период освоения Зауралья.

В своей статье «Субстратная топонимия Среднего Приобья» [Парфенова 2015] она рассматривает субстратные топонимы Сургутского района ХМАО-Югры и делает вывод о том, что на данной территории представлены субстратные топонимы, образованные от апеллятивов, обозначающих реальные свойства объекта, а также отражающие мифологические представления коренных народов.

Так, например, в основе наименования рек в качестве отличительных признаков выступают:

- размер и форма объекта: Васюган — «узкая река» (хант. *вас* — «узкий»);
- ориентация реки по отношению к другим географическим объектам: Суньеган — «угловая река» (хант. *сун* — «угол»);

- характер течения, состояние дна и воды, особенности рельефа, глина и наполняемость: Сорумъеган — «пересыхающая река» (хант. сорэм — «сухой, мелкий, неглубокий»);
- названия птиц, животных: Песекеган — «песцовая река» (хант. пессек — «песец»);
- мифологические представления ханты: Колегеган — «воронья река» (хант. колек — «ворона»).

5. Анализ языка художественных произведений местных авторов

Данный аспект исследований вписывается в русло современной лингвоперсонологии — раздела языковедения, занимающегося исследованием языка отдельных языковых личностей. И в Сургуте, и в ХМАО-Югре в целом живет и пишет целый ряд самобытных авторов, язык которых можно и нужно исследовать. Мы уже писали о том, что в художественных произведениях региональных авторов ХМАО-Югры, особенно это касается исторической прозы, отражаются образы народов, населяющих данную территорию, особенности их быта, традиций, взаимоотношений с другими этносами [Сироткина 2018, 2019]. Что касается изучения языка художественных произведений местных авторов, то многое здесь, безусловно, еще предстоит сделать, хотя работа в данном направлении уже началась. В частности, У.Д. Агакишиева в своих исследованиях описывает особенности идиостиля известного хантыйского автора, пишущего на русском языке, Еремея Даниловича Айпина. Одной из ярких черт идиостиля писателя, говорит она, является использование им лексики, отражающей, во-первых, его национальную принадлежность, во-вторых, идейную мотивационную составляющую его творчества — стремление сохранить культуру ханты, остановить исчезновение своего родного этноса и способствовать его возрождению [Агакишиева 2016].

К такой лексике относятся этнографизмы, с помощью которых автор называет разнообразные реалии жизни и быта ханты (*бурки* — меховые сапожки с орнаментами и другими украшениями из сукна и бисера, *гусь* — мужская глухая одежда мехом наружу, надеваемая на малицу, *малица* — глухая мужская одежда мехом внутрь, *набирка* — берестяная посуда для сбора ягод, сак — женская меховая шуба мехом внутрь) и экзотизмы — хантыйские слова, употребленные писателем в русскоязычном тексте (*Ас* — Обь, *воки* — лиса, *лав* — конь, *Лынгал* — Иртыш, *пан* — клюква).

Местные топонимы часто становятся ключевыми словами региональных поэтических текстов. Так, названия конкретных городов и поселков Сибири выполняют в текстах сургутского поэта В.С. Матвеева функцию реально-исторической достоверности, связывая факты истории региона с сегодняшним днем, отражая восприятие поэтом прошедших событий, их влияния на события сегодняшние. Особенно важные для понимания текста онимы автор помещает в названия своих стихотворений, напри-

мер, стихотворения «У могил декабристов в Тобольске»: *«Как странно! В скорбном мертвом царстве, / Где каждый — в прошлом и отжил, / Неукротимый дух бунтарства / Всем существом я ощутил»* [Матвеев 2012: 31]. О том, что создаваемый топоним должен быть говорящим, информативным, В.С. Матвеев пишет в стихотворении «Пейзаж времен преображенья», посвященном Сургуту и сургутянам: *«Снимали груз на берегу / Кран било мелкой дрожью. / Врубалась улица в тайгу, / Уже зовясь Таежной»* [Матвеев 2012: 99].

Другое стихотворение, «Аня — Анновка», отражает сложившуюся в русской культуре традицию именования географических объектов по имени конкретного человека: *«Не вспомнится, как начинали, / Знать, исстари так повелось — / Здесь девочек Анями звали, / И Анновкой звали село»* [Матвеев 2012: 125]. Вместе с тем географические объекты, имена которых представлены в текстах поэта, не просто являются местом действия, контекстом события. Они у В.С. Матвеева сами действуют, чувствуют, и эти чувства тонко и точно передает автор, например, в своем стихотворении «Весна над рекой Калитвой»: *«Сияют дни улыбкой светлицей, / Зеленый бархат стелют по логам. / И Калитва никак не наглядится / На древние крутые берега... / Проходит ночь по улицам украдкой, / Неясный сумрак сея над землей. / Недолгим сном забылась Ольховатка / И говорит во сне сама с собой»* [Матвеев 2012: 133]. В стихотворении «Зарисовка о белой ночи» река Иртыш предстает перед нами в образе витязя. Очевидно, что на создание этого образа повлиял и сам топоним (слово «река» — женского рода, оним «Иртыш» по формальным признакам — мужского): *«Тихо. Дремно. Иртыш струится — / Витязь сумрачный в серебре. / Белокрылой пугливой птицей / Ночь летит к молодой заре»* [Матвеев 2012: 139].

Выводы. Итак, что такое русский язык в пространстве регионального текста? Это конкретные югорские топонимы и эргонимы, хантыйские и русские названия местных реалий, сургутское городское просторечие и профессиональные жаргоны сибирских первопроходцев, язык текстов прошлого и современных художественных произведений региональных авторов. Все это составляет культурно-языковое пространство региона, требующее внимательного исследования и описания.

Разные аспекты изучения языка региона дадут возможность сделать выводы об отдельных фрагментах языковой картины мира жителей данной территории, описать их быт и культуру. Незаменимыми источниками исследования являются карты, списки населенных пунктов, справочники предприятий и организаций. Данные источники разного времени фиксируют ономастикон (совокупность имен собственных) региона в разные годы его существования. В перспективе, сопоставив списки разных лет, можно будет сделать выводы о динамических изменениях системы именования.

Источники

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1997. 180 с.

Матвеев В.С. Достояние. Из дневника откровений на тему судьбы. Стихи. М.: Луч, 2012. 160 с.

Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского междуречья). Тюмень: ООО «Формат», 2017. 540 с.

Литература

Агакишиева У.Д. Лексические черты идиостиля Е.Д. Айпина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. С. 71–73.

Кошкарева А.М. Очерки сибирской словесности. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2010. 240 с.

Ларин Б.А. О лингвистическом изучении языка города // Русская речь: Сб. статей / Под ред. Л.В. Щербы. Вып. 3. Л., 1928. С. 61–75.

Парфенова Н.Н. Апеллятивная лексика в русской топонимии Зауралья (по архивным данным XVI–XIX вв.). Сургут: РИО СургПУ, 2006. 210 с.

Парфенова Н.Н. Субстратная топонимия Среднего Приобья // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2. С. 129–134.

Сироткина Т.А. Этноним «вогулы» в исторической прозе А. Иванова // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 463–470. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35605798>.

Сироткина Т.А., Ганущак Н.В. Этнические образы ханты и манси в региональной художественной литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 279–285. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285>.

References

Istochniki

Matveev A.K. (1997). *Geograficheskie nazvanija Tjumenskogo Severa* [Geographical names of the Tyumen North]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 180 p. (In Russ.).

Matveev V.S. (2012). *Dostojanie. Iz dnevnika otkrovenij na temu sud'by. Stihi* [Property. From the diary of revelations on the topic of fate. Poems]. Moscow: Luch, 2012. 160 p. (In Russ.).

Russkoe slovo na zemle Jugorskoj (opyt slovarja starozhil'cheskih govorov Ob'-Irtyschskogo mezhdurech'ja) [The Russian word in the land of Yugorskaya (the experience of the dictionary of old-time dialects of the Ob-Irtysh interfluve)]. Tjumen': ООО "Format", 2017. 540 p. (In Russ.).

Literatura

Agakishieva U.D. (2016). Leksicheskie cherty idiostilja E.D. Ajpina [Lexical features of E.D. Aypina]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. № 12. Pp. 71–73. (In Russ.).

Koshkareva A.M. (2010). *Oчерки sibirskoj slovesnosti* [Essays on Siberian Literature]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 240 p. (In Russ.).

Larin B.A. (1928). O lingvisticheskom izuchenii jazyka goroda [About the linguistic study of the language of the city]. *Russkaja rech': Sb. statej* [Russian Speech: the articles digest]. Rel. 3. L., 1928. Pp. 61–75. (In Russ.).

Parfenova N.N. (2006). *Apelljativnaja leksika v russkoj toponimii Zaural'ja (po arhivnym dannym XVI–XIX vv.)* [Appellative vocabulary in the Russian toponymy of the Trans-Urals (according to archival data from the 16th – 19th centuries)]. Surgut: RIO SurGPU. 210 p. (In Russ.).

Parfenova N.N. (2015). Substratnaja toponimija Srednego Priob'ja [Substratum toponymy of the Middle Ob region]. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura* [Northern region: science, education, culture]. № 2. Pp. 129–134. (In Russ.).

Sirotkina T.A. (2018). Jetnonim “voguly” v istoricheskoy proze A. Ivanova [The ethnonym “Voguls” in the historical prose of A. Ivanov]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies]. № 8 (3). Pp. 463–470.

Sirotkina T.A., Ganushhak N.V. (2019). Jetnicheskie obrazy hanty i mansi v regional'noj hudozhestvennoj literature [Этнические образы ханты и манси в региональной художественной литературе]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies]. № 9 (2). Pp. 279–285. doi: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285>.

Статья поступила в редакцию 05.05.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted 05.05.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Информация об авторе

Татьяна Александровна Сироткина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета; сфера научных интересов: диалектология, ономастика, лингвистическое и литературное краеведение.

Information about the author

Tatyana Aleksandrovna Sirotkina — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University; research interests: dialectology, onomastics, linguistic and literary local history.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 122–144
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 122–144

Научная статья

УДК-371

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.08>

ТИПОЛОГИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАЦИЙ ДОМОВОГО В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Ирина Викторовна Якушевич¹, Надежда Сергеевна Ивашина²

^{1, 2} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹ sal107@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

² nadyha.92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-8102>

Аннотация. В статье собраны и систематизированы диалектные названия домового разных регионов России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью реконструировать локус, внешний облик, характерное поведение, оценочность образа русского домового и объективно противопоставить национальный образ сложившимся медийным стереотипам. Источником данной семантики является внутренняя форма диалектизмов. Найденные мотивационные семы легли в основу типологии диалектизмов и ряда их символических значений: 1) предок, 2) огонь, 3) потусторонний мир, 4) достаток, 5) двойник. Статью завершает собирательный семантический портрет русского домового.

Ключевые слова: домовый, символ, внутренняя форма слова, этимологическое значение, мотивация, символическое значение.

Для цитирования: Якушевич И.В., Ивашина Н.С. Типология и символические значения номинаций домового в русских народных говорах // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 122–144. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.08>.

Original article

TPOLOGY AND SYMBOLIC MEANINGS OF THE HOUSE SPIRIT NOMINATIONS IN RUSSIAN NATIONAL DIALECTS

Irina Viktorovna Yakushevich¹, Nadezda Sergeevna Ivashinina²

^{1,2} Moscow City University, Moscow, Russia

¹ sa1107@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

² nadyha.92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-8102>

Abstract. The article is devoted to the systematization and etymological analysis of the dialect nominations of a Slavic house spirit ‘domovoy’ in different regions of Russia. The relevance of the study is due, firstly, to the fact that in Russian linguistics there are very few works dedicated to the corpus of dialect names of the house spirit. Most of them are related to historical, ethnographic, folklore, literary, mythological, and esoteric studies. The systematization of the nominations of ‘domovoy’ reveals culturally significant criteria by which this mythological character exists in the linguistic picture of the world of the people. Secondly, in the situation of persistent and even aggressive expansion of the linguistic multicultural space, on the one hand, the interest of all Russian language learners in Slavic culture and mythology is stimulated. On the other hand, there is an urgent need to preserve the national linguistic heritage and based on it to reconstruct the ancient Slavic mythological worldview and symbols, which will help to solve the issue of ethnic identity of the people. The fundamental principle of dialects systematization is researching the inner form of the word (F. von Humboldt, A.A. Potebnya, N.F. Alefirenko). As a result of an extensive and continuous sampling using a number of dialect dictionaries, 11 groups of ‘domovoy’ nominations were formed based on the root morphemes with the following semantics: 1) ‘place’, 2) ‘relationship’, 3) ‘domovoy’s activities’, 4) ‘attitude’, 5) ‘appearance’, 6) ‘ani-mal’, 7) ‘shadow’, 8) ‘light’, 9) ‘fat’ (semantics of wellbeing and prosperity, 10) ‘time’. The last group is formed by taboo nominations for the pronoun used for domovoy. The inner form of the word determines not only the motivation of lexemes, but also objective symbolic meanings of the word (A.N. Afanasiev, A.A. Potebnya, A.N. Toporov). The lexeme was considered as a semantic and semiotic model of the symbol — a sign, consisting of three components: (1) word, (2) perceptive image, presented as a concept, (3) symbolic meaning, revealed as a result of reconstruction of the inner form of dialect nominations. The perceptual image expressed by the word is the signifier of the symbol, and the symbolic meaning is the signified. The study found the following symbolic meanings of the house spirit: (1) ancestor, (2)

fire, (3) underworld, death, (4) wealth, (5) a double. The article concludes with a collective semantic portrait of a Russian house spirit created as a result of the generalization.

Key words: spirit of the house, symbol, internal form of words, etymological value, motivation, symbolic meaning.

For citation: Yakushevich I.V., Ivashinina N.S. Typology and symbolic meanings of the house spirit nominations in russian national dialects. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev*. Vyp. XV. *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 122–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.08>.

© Якушевич И.В., Ивашина Н.С., 2021

Введение. Лексикой, называющей русского домового, занимались знаменитые русские фольклористы и этнографы: В.И. Даль [Даль: URL], М.И. Забылин [Забылин 2014], С.В. Максимов [Максимов 1903], Б.А. Успенский [Успенский 1952], Б.А. Рыбаков [Рыбаков 2013], Э.В. Померанцева [Померанцева 1975], А.К. Байбурин [Байбурин 1983]. Среди современных лингвистических исследователей — Н.А. Криничная [Криничная 2004], Л.Н. Виноградова [Виноградова 2000], О.А. Черепанова [Черепанова 1983]. Региональную мифологию изучали Т.Г. Голева (коми-пермяки) [Голева 2010], В.А. Ендеров (чуваши) [Ендеров 2002], Р.Н. Касимов (чепецкие татары) [Касимов 1999] и др. Однако в диалектологии и в других областях лингвистики очень мало исследований, посвященных семантике домового. Обращение к диалектному материалу, безусловно, сохраняет свою актуальность, поскольку народная региональная речь является «уникальной составляющей национальной культуры, передающей последующим поколениям самобытное мироощущение, — национально-специфический взгляд на отношение к миру, к другим людям» [Маркина 2016: 64].

Предмет данного исследования — диалектные номинации домового в разных регионах России. Авторы поставили перед собой несколько задач: не только собрать корпус такой лексики и систематизировать ее, предложив один из вариантов семантической типологии, но и, реконструируя внутреннюю форму номинаций, выявить объективные символические значения обобщенного понятия «домовой», а также предложить его семантический портрет, визуализирующий русского духа дома.

Методология исследования. Источником фактического материала послужили записи высказываний носителей русских народных говоров России, зафиксированные в ряде диалектных словарей (см. Источники) и отобранные методом сплошной выборки. Научно-методологическую основу настоящего исследования также составили работы А.Н. Афанасьева,

А.А. Потебни, В. фон Гумбольта, А.Н. Трубачева, В.В. Иванова, Н.Ф. Алефиренко, посвященные внутренней форме слова.

Для производных слов типа *домовой*, *овсянник*, *манилко*, *игрец* и др. она отождествляется с мотивирующей производящей основой [Алефиренко 2005: 130]. Для анализа слов с непроизводной основой мы обратились к теории внутренней формы слова А.А. Потебни. Это «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль». Ученый подчеркивает двухкомпонентность внутренней формы. Первый компонент — это образ предмета как совокупность его самых разнообразных признаков, выделяемых субъективно. Второй — так называемое «объективное значение», оно же «ближайшее этимологическое значение», только один из признаков, легших в основу номинации. Так, стол обладает множеством качеств (он из дерева, за ним едят, его сервируют и пр.), но только значение ‘то, что стелется’, от гл. *стлать* объективно легло в основу номинации. Следовательно, отношение образа как конгломерата субъективно выделяемых разнообразных признаков и одного объективного признака, этимона, сам факт выделения которого обусловлен национальным менталитетом, и следует считать внутренней формой слова [Потебня 1999: 90]. Для реконструкции внутренней формы непроизводных лексем был применен метод этимологического анализа слова, предполагающий не только обращение к достижениям сравнительно-исторического языкознания, но и комбинирование «ряда средств анализа, заимствованных из <...> словообразования, морфологии, лексикологии, семантики и др. дисциплин» [Топоров 2004: 24].

Слово в учении А.А. Потебни — символ [Алексеев 2013: 56–60]. В семантико-семиотической традиции (Р. Барт, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман) символ представлен как знак с тремя компонентами и двумя степенями означения: 1) слово — 2) перцептивный образ, представленный как понятие, — 3) символическое значение [Якушевич 2012: 6]. Символизация — это процесс означения перцептивно-обобщенным образом или его деталями некоей абстрактной, непознанной субъектом реальности (мир, смерть, душа, плодородие и пр.). Перцептивный образ, выраженный словом, является означающим символа, а символическое значение — означаемым [Якушевич 2011: 85–86]. Так слово-символ «окно» состоит из 1) звуко-буквенной формы слова *окно*; 2) перцептивного образа ‘застекленный проем в стене, служащий для поступления света в помещения, а также вентиляции’; 3) закрепленных за означающим символических значений, отраженных в русской культуре. В их число входит значение ‘окно как глаз’. А.А. Потебня писал, что за словом *окно* стоит образ рамы со стеклом (перцептивный образ, означающее символа). Среди его многочисленных признаков только один становится этимоном: ‘то, куда смотрят или куда проходит свет’ [Потебня 1999: 90]. Это и есть внутренняя форма

слова *окно*, возникшая из отношения эмпирического образа и этимона. Но особое значение имеет также то, что этимон становится одним из символических значений номинации: 1) окно (звуко-буквенная форма) — 2) перцептивный образ в виде рамы со стеклом — 3) ‘глаз’. Таким образом, для реконструкции закрепленного в слове символического значения необходимо обратиться к его этимону. Есть, конечно, и другие символические значения, о которых можно узнать только из записанных высказываний информантов, а также из фольклорных текстов. Так, другой признак окна — ‘отверстие в стене’ — мотивирует значение ‘канал связи между миром живых и миром мертвых’. Например, если через окно влетала птица, символизирующая душу мертвого человека, значит быть беде: кто-то заболевает, умрет, быть пожару: *Ласточка в окно влетит — к покойнику; галки и вороны, сидящие с криком перед домом, особенно утром, к худу; нетопырь залетает в дом — к беде, ворон каркает — к покойнику* [Даль 1989: III, 585].

Исследование. В результате систематизации номинаций домового были сформированы 11 лексико-семантических групп:

I. Мотивация семантикой ‘место’. А. ДОМ.

1. Дом: *домáнушко, домашничек, домовёй, домовёйко, домово́й, домовáюшко, домовёдушка(о), домовёюшко, домовид и домовидушко, домови́к, домови́той, домови́тушко, домовичо́к, домови́шко, домо́вушко, домовя́шник, доможи́жишко, доможи́л и доможи́лко, доможи́р и доможи́рко, домохо-зьяин, домохозяйушко.* **2. Печь:** *запéченник, запéчельник, запéчнушко, печно́й хозяин, подпéчник.* **3. Тот, кто на одном локусе:** *сосéд и сусéд, сосéдка(о), сусéдка(о), сосéдушка(о) и сусéдушка(о), сусéдушка(о)-букáнушка(о), сéдушко-букáнушко, сусéдушко-бурéдушка, дедушка(о)-сусéдко.* **4. Подпол:** *подполя́ник.* **5. Сени:** *сенно́й.* **Б. ДВОР.** **1. Амбар:** *амба́рник, амба́рный.* **2. Баня:** *ба́нник, ба́енник, банный домовик (хозяин, дедка(о), чёрт, чёртушко, бес, пастырь, староста, баенной (ое)), банячу́д, жи́хорь баянный.* **3. Гумно:** *гумéнник. гумéнный.* **4. Двор:** *дво́рник, дво́рвой, дво́рбушко, дво́рно́й, дво́рно́й хозяин, дво́рови́к.* **5. Конюшня:** *коню́шник.* **6. Овин:** *ови́нник, ови́нной дедка(о), ови́нный дедушка(о), ови́нщик, подови́нник, подови́нный.* **7. Рига:** *ри́гачник.*

II. Мотивация семантикой ‘родство’. **1. Глава семьи:** *бата́нушка(о), батюшка, больша́к, бота́нушко, да́денька-батьюшка, кормилец, корми́нчик, хозяин.* **2. Дед:** *дед дома, дед, дед-домовей, дедка(о), дедка(о)-домовой, дед-сосед, деду́ха, деду́шка(о), деду́шка(о)-бата́нушко, деду́шка(о)-домовейко, деду́шка(о)-домовёюшко (домовоюшко, домоваяушко), деду́шка(о)-домовидушко, деду́шка(о)-домови́шко, деду́шка(о)-домохозяюшко, деду́шка(о)-сеновозушко, деду́шка(о)-суседушко, лебаба́й.* **3. Другие члены семьи:** *братáнушка(о), деду́шка(о)-братанушка(о),*

III. Мотивация семантикой ‘характерное для домового действие’: *бо́мка, букáн, букáнка(о), букáнушко, бу́ка, бу́кало, букана́й, букана́тка, вази́ла, гне́тке и гне́тко, игре́ц, изво́день, корми́лец, корми́нчик, лизу́н, мани́лко*

и ма́нило, му́ка, переба́ечник, притчу́н, ну́жанка, сосе́душка-бука́нушко, стри́га, стри́ж.

IV. Мотивация семантикой ‘оценка’: 1. **Отрицательная:** бесте́нный бу́ка, дурной, ерети́к, жи́харь и жи́хорько, изво́день, ля́д, притчу́н, страхи́лат, шилику́н. 2. **Положительная:** доброхо́т, доброходу́шко, жировой, жи́рови́к, жи́ровый, ми́лак, норово́юшко.

V. Мотивация семантикой ‘внешность’: белу́н, иго́ша, о́бла́м и о́блом, се́душка-буреду́шка, стри́га, шерстна́тый.

VI. Мотивация семантикой ‘шерсть’: би́рюк, ко́та́нко, ла́ска, медве́душко, скотный корми́лец, сусе́душка-буреду́шка.

VII. Мотивация семантикой ‘тень’: дру́гая полови́на, па́стён, по́стен и по́стень, сте́нь и стинь, бесте́нный бу́ка.

VIII. Мотивация семантикой ‘нечистая сила’: бесте́нный бу́ка, кикимора, лопа́стный, ма́дра́с, на́вно́й (на́мной), черты́шко.

IX. Табуированные местоименные номинации: дру́гая полови́на, он и ё́н, они, о́ны и ё́ны, са́м.

X. Мотивация семантикой ‘достаток’: жи́ровой, жи́ровый, доможи́р, доможи́рушка(о).

XI. Мотивация семантикой ‘время’: полу́денный, полу́ночник.

I. Мотивация семантикой ‘место’. Название домового мотивировано номинацией дома или прилегающих к нему хозяйственных построек: дом — до́мовой, до́мове́й, до́мовид и др. В номинациях с корнем *sosед-* этимологическое значение, вытекающее из сложения приставки *су-* и корня *-сед-*, имеет значение ‘живущий рядом’, т.е. «сидящий» на том же месте, что и хозяин [Фасмер: IV, 726]. О сосе́дке: *Девки! Ужина́ть, не то сосе́дко рубаху порвет; У кого волос растрепался, говорят: Соседу́шка-бака́нушка приходил, косу разлохматил // Просну́лась друго́й раз сусе́дко на меня навалился, души́ть зачал, боро́да красна, до пупа (Вят.) // Суседу́шко-дворово́й идет сопит, черны́й, мохна́тый; как к ху́ду, так ду́нет, а к до́бру—погляди́т (Костр.)* [СРНГ: XL, 41; СРНГ: XLII, 297]. Безусловно, мотивация по логусу является самой распространенной, т.к. с точки зрения славянского мифологического мышления дом — центр мира. У дома амбивалентная символика: с одной стороны, его стены формируют внутреннее, замкнутое, «свое», пространство человека, с другой — связывают человека с внешним, «чужим» и опасным, миром. Причем оппозицию «внутри дома — снаружи» следует рассматривать не только в пространственном, но и в мистическом смысле как «этот свет — тот свет» [Байбу́рин 1983: 125–187]. В русской избе существовало несколько мест, преимущественно «отверстий», связывающих человека с потусторонним миром и служащих пристанищем домового: дверь, окна, печной зев и дымоход, подпол, куда можно было попасть через голбец — дощатое помещение около печи со спуском в подполье. Кроме того, у духа дома пользовались популяр-

ностью нежилые или летние помещения — чердак, сени, клеть, чулан. В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы некоторые номинации, мотивированные такими помещениями в избе: *запéчье* (угол за печью для хранения кухонной утвари) — *запéченник*, *запéчнушко*, *запéчельник*, клеть — *клéтник*, подполье — *подполянник*, сени — *сенной* (*Не ходи в сени, а то заберет сенной* (Калин.) [СРНГ: XXXVII, 167]. Про клетника: «Если осерчает на хозяина, мешки с мукой порвет, зерно разбросает, зимой в морозную ночь дверь отворит, летом в дождь крышу прохудит» [Грушко, Медведев 1995а: 205].

Самое излюбленное место домового — печь и все ее детали: печной зев, труба, запечье, подпечье, голбец): *Ребят припугивали: запéчельник вот выйдет из-за печки, старик какой-нибудь* (Арх.) [АОС: XVIII, 362]. В мифологическом сознании печь — сакральный центр не только дома, но всего мироздания. Здесь находился домашний огонь, оставленный предками, поэтому печь хранила информацию о прошлом и будущем семьи. Печь была не только источником тепла, местом приготовления пищи, местом для сна. В Центральной России в печи мылись, лечились, проводили свадебные и похоронные обряды [Байбурин 1983: 160]. Печь спасала от любой нечистой силы, только домового был «свой» и мог жить в любой ее части [Голева 2010: 16], поскольку первоначально под «домовым» подразумевался огонь, разводимый в печи [Афанасьев 1994: II, 67; Ивашина 2021].

За стенами дома пространство также освоено человеком, и его границы расходились условными концентрическими кругами: в центре печь и дом, далее двор, ограниченный околицей, внутри которого хозяйственные постройки, потом сад и огород и, наконец, возделанная пашня, поле. А вот дальше пространство было неосвоенное, «чужое», и там влияние домового заканчивалось. Таким образом, к номинациям домовых относятся только те, которые мотивированы семантикой лишь такого места, которое освоено человеком и приспособлено к хозяйственным нуждам: *овин* — *овинщик*, *амбар* — *амбарник*, *баня* — *баенник*, *гумно* — *гумéнник*, *двор* — *дворовик*, *конюшня* — *конюшенник*, *сарай* — *сарайник*, *рига* — *ригачник*, *поле* — *полевик*. Приведем примеры: *Под праздник гнали тарелку в овине, а нада была малицца, нас так выпужу авинишык, камнями стал кидация, чуть убегли* [ССГ: VII, 148] // *Дворовик* днем бывает, как змея, у которой голова, как у петуха, с гребнем, ночью он имеет вид и цвет волос, как у хозяина дома (Пск.) *Высокий, черный, страшный* (Новг.) // *Полевик* не любит, чтобы на поле ругались // *Баенник* тебя поймает, зашчекочет; *баенник* в котла черного окружается с зелеными глазами; говорят, что *баенник* в старых банях живет, у реки которы черные, баенник камéнями кидается [СГРС: VII, 148, 300; XXIX, 47; I, 21].

Мотивация семантикой ‘родство’. Номинации домового мотивированы семантикой родства не случайно. По мнению многих исследователей, домового — это дух умершего предка. Его принадлежность к семье объясняет, почему главная функция *деда* — охранять дом от бед и нечистой силы и преумножать его достаток [Рыбаков 2013: 121, 521, 538]. Мотивирующая основа — *дед*. *Дедами* у славян называли всех умерших родственников [СРНГ: XVI, 28, 200]. В Арх. словосочетание *деды и прадеды* имело значение ‘все прошлое, вся родословная, весь род’ [АОС: X, 405].

Часто встречаются номинации *батáнушка, ботамáнушко*: *У кого батáнушко не полюбит скота, то не откормишь. Человека сонного батанушко нередко дави* [СРНГ: II, 141]. Одна из версий этимологии этого слова — наложение слов *батя* и *атаман* [Фасмер: I, 133]. Еще одно прозвище домового — *лебабай* (Арх.). Им пугали детей и говорили: *Будешь баловать, лебабай придёт и заберёт тебя* [СГРС: VII, 44]. Этимология этого слова неясна. Вероятнее всего, в основе лежит татарское слово *бабай* (‘дед’). Возможно, произошло наложение слов *бабай* и *лёмбой* (или *лёмбай*). Это слово как раз было распространено в Арх. и Олон., взято из словаря карел-людигов (субэтнос), где обозначало «черт» [Фасмер: II, 480]. *Лембоем* в севернорусских говорах называли духа, который похищал детей, давил во сне, насылал болезни. Но иногда он помогал, что и позволило этим словом называть не только черта, но домового: *Кой лёмбой ты там делаешь?* [СРНГ: XVI, 347].

III. Мотивация семантикой ‘характерное для домового действие’. Семантика домового, как и дома, чьей персонификацией он является, амбивалентна. Именно поэтому у духа дома противоположные качества: он и хранит, помогая рачительным хозяевам, и в то же время озорничает, даже строго наказывает своих нерадивых потомков. В этой группе много отглагольных номинаций. По мотивирующему глаголу можно угадать, какие именно действия свойственны домовому. К вредным его поступкам (которых больше) относятся: *гнётить* — *гнётко, пужать* — *пужанка, букать* — *букáнок, бука, мучить* — *мука, манить* — *манилко, изводит* (неприятными звуками) — *извóдень, хáмать* (‘есть, жевать, кусать, зевать’: [Даль 1989: IV, 542]) — *хáма, лизать* — *лизун, играть* — *игрец, стричь* — *стриж и стрига, бóмкать* — *бóмка, баять* (‘рассказывать’) — *перебаечник, обломать* — *облом, кормить* — *кормильчик или кормилец, осадить* (‘бить’, ‘колотить кого-нибудь’) — *осад*. Приведем примеры: *манилко поманит, в бане-то боялись, манило-то тебя уташишит, детишкам говорили; чего оделся как манило, как воронье пугало; манило какое покажется, мертвец в белой одежде* (Арх.) // *Изводня-то нету, дак больно и хорошо* [СВГ: III, 8] // *Запугивали букой да мукой* (Арх.) [СГРС: VII, 236, 355].

Лексема *гнетить* синкретична и обозначает на Севере 1) ‘жать, давить’, 2) ‘разжигать огонь’ [СРНГ: VI, 241]. Отсюда *загнетка* — горячие угли

в устье печи, а также печная заслонка, загораживающая эти угли [СРНГ: X, 11]. Первое значение мотивирует действия домового: *Нечистый вроде домового; принимает образ домашних животных; душит, гнетет по ночам* (Ленингр., Калинин.). Второе значение, по нашему мнению, подчеркивает символическую связь домового с огнем и печью. Недаром подруга *гнетке, гнетёя*, персонифицирует не только гнет и давление, но и лихорадку, т. е. повышение температуры, когда все тело «горит»: *гнетя же ложится у человека на ребра и взвивает утробу; а если кто хочет есть, пусть ест, только из души у того человека вон идет* (заговор) (Олон., Ленингр., Калинин.) [СРНГ: VI, 241].

У корня *бук-* в словах *бука, букало, букан, буканай, буканайко, буканко, буканушко, букантка* также неоднозначная мотивация. В Арх. производящим мог быть глагол *букать* в двух значениях: 1) ‘звучать, бречать, стучать’, 2) ‘пугать’. Этимология корня *бук-* обозначена в словаре церковнославянского языка Г. Дьяченко: *бук-* входит в состав многих слов с семантикой звука, шума: *буча* (‘шум’), *бучить* (‘реветь’, и ‘бык как ревущий’), *букашка* (буквально ‘жужжащая’), *бучель* (‘шмель’) [Дьяченко 1997: 61]. *Бука* — это не только шум, смятение, но и устраивающая его нечистая сила, в том числе и домовая: *Седушко-буканушко дому хозяин* [СРНГ: XXXVII, 119]. Корень *бук-* мог быть и частью заимствованного из романских в славянские языки слова *букатый* со значением ‘толстый, полный’ как метафора первичного значения ‘кусочек, хлеб’ [Толстик 2016: 71]. В пользу этой версии говорит другая номинация домового со значением ‘округлый’ — *облам* или *облом*, возможно, восходящее к праслав. **obъль* (обльи), т. е. ‘округлый’.

Среди пристрастий *лизуна* — зализывать шерсть домашней скотины и волосы у людей [Королев 2006: 272]. Однако, в Смол. *лизуном* называли и сноп огня, и домового, живущего под печью; им же пугали детей [СРНГ: XVII, 44]. Как метафора пламени, эта номинация указывает на персонификацию печного огня.

Игрец — одно из самых веселых воплощений домового: он часто подшучивает над людьми, прячет вещи. *В ссоре между поселянками слышна бывает злостная побранка: «Игрец тебя подыграй»* (Курск.) [СРНГ: XII, 70].

От слова *притча* — ‘внезапная болезнь, припадок, вызванные колдовством, сглаз’ — произошли слова *притчина* (‘несчастье, беда, жалоба’) [СРНГ: XXXII, 33] и *притчун* — номинация злобного домового, который насылал внезапную болезнь или обморок беременным женщинам, и они теряли детей: *одна у нас скинула, у другой глухонький народился. Все притчун* (Волог.) [СВГ: VI, 66].

Облом обламывает лошадей, а иногда и людей (Курск., Калужск.): *Знать облом его изломал* [СРНГ: XXII, 108].

Стриж — одно из орнитологических воплощений домового. В Вят. вместо кикиморы живет **стриж**, который, поселившись среди овец, вместо всяких паразитов, выстригает у нелюбимых животных почти всю шерсть догола. Представляют себе этого злодея в виде птицы сыча с крыльями из мягкой кожи, не покрытой перьями [СРНГ: XLII, 5]. Семантической доминантой этого домового является действие по глаголу *стричь*. Производное же слово *стриж* синкретично и обозначает 1) 'того, кто стрижет', 2) 'птицу стрижа', известного своим «бреющим» полетом. Однокоренное слово *стри́га* — еще одно имя домового по глаголу *стричь* [СРНГ: XLI, 339].

Про *перебаечника* известно, что он «появляется только ночью и не любит, чтобы за ним наблюдали. После страшных разговоров, историй, рассказываемых поздно, перед сном, можно расслышать его тихий плач и глухие сдержанные стоны, прерывисто-краткий голос. Желательно не заговаривать с ним, добра не будет: от этого можно опасно заболеть» [Грушко, Медведев 1995: 347].

К полезным поступкам домового можно отнести следующие: *кормить* — *кормилец* или *корминчик*, *ва́зывать* — *вазила*. Последнее слово мотивировано глаголом *ва́зывать/ва́живать*, т. е. 'водить' (*Я не ва́живала коров, а мама ва́живала*. На связь со скотом указывает и междометие *ва́зи-ва́зи*, которым подзывали коров [АОС: III, 25, 26]. «Если на конюшне вдруг увидишь крошечного человечка с конскими ушами и копытами, знай, что это — **вазила**: он всячески заботится о лошадях, оберегает их от болезней, а когда они на выпасе, в табуне, — и от хищного зверя» [Грушко, Медведев 1995а: 59]. О кормильце в северных говорах: **Кормилец** у всех живёт, без него никак нельзя; над хлебом-то у нас **кормилец** стонет — не перед добром // Восемьдесят лет прожила, а **кормильца** не видела // Полюбит каку скотину **кормильчик**, так той лошаде гриву заплетает [СГРС: VI, 42].

Номинация *оса́д* мотивирована глаголом *оса́дить* со значением 'бить, колотить'. Так, в проклятии: *Осади, оса́д, (кого-либо). Осади того, оса́д, кто ходит к нам в сад* (Курск.) [СРНГ: XXIII, 350].

IV. Мотивация семантикой 'оценка'. В эту группу собраны номинации домового, мотивированные словами с ярко выраженной положительной либо чаще всего отрицательной оценкой в производящей основе. Как и в предыдущих группах, противоположные оценки материализуют символическую амбивалентность домового.

Номинации *жировой*, *жиро́вый* (Карел., Олон.) [СРНГ: IX, 198–199; XXXIV, 154] являются производными от слова *жир*, этимологическое значение которого синкретично и соединяет значения 1) 'жить', 2) 'есть' [Фасмер: II, 56]. Именно вследствие объединения этих значений возникла положительная оценка, более отчетливая в северных говорах, где в условиях сурового климата благополучной, «жирной», жизни достичь трудно. Оценочность есть как в слове *жир*, так и однокоренных словах: 1) *жир* как 'сыт-

ная, привольная жизнь', *жировой* — 'счастливый, богатый', *жировать* — 'приятно проводить время' (Арх., Сиб., Влад., Камч.), *жировье* — 'хорошая, сытная жизнь' (Олон.), *жировать* — 'есть вдоволь некоторое время' (Камч., Пск.). Слово *жировой* многозначно и соединяет несколько значений, связанных с семантикой 'жить', в том числе 'жилой, обитаемый, здешний местный', и 'домовой'. Предположительно, что в значении 'домовой' сохраняется положительная оценка. В словах *жихорко* (*жихарько*) эта оценка очевидна, поскольку связана с уменьшительным суффиксом -к- и отражена в значении слова: «олицетворение представления о каком-то мифическом существе, служащем выражением домашности, любви, привязанности к дому» [СРНГ: IX, 198, 199]. Недаром *Жихарько* — один из положительных персонажей русской сказки. А вот в слове *жйхарь* оценка отсутствует, но внутренняя форма также связана с глаголом *жить*: это и житель, и постоялец, и само хозяйство с домом, и сам домовой: *Около одного места живет жировной жихарь, он здешний жихарь* (Арх.).

Слово *милák* в Курск. имеет два значения: прямое оценочное 'приятный человек' и метонимическое, также коннотативное, 'домовой' [СРНГ: XVIII, 159].

Положительная оценка в слове *норовоюшко* отмечена деминутивным суффиксом -юшк- и произошло от *норовить* в значении 'угождать': *Норовоюшко дома живёт, ребята видели его* [СВГ: V, 111].

Лядом называли и черта и домового во многих областях. Этимология этого слова неоднозначна. По М. Фасмеру, оно происходит *ледачий или ледащий* ('непутевый, негодный, скверный'), либо от польск. *ladacz* «черт» [Фасмер: II, 549; СРНГ: XVI, 318].

Слова *дурной* и *лихой* объединены синонимичными производящими словами — *дурь* и *лихо*. В некоторых оценочных значениях слова *лихо* и *ляд* синонимичны: 1) 'нечистая сила', 2) 'горе-беда'. А 'болезнь' есть в трех номинациях — *дурь*, *лихо* и *ляд*. Отрицательная оценка этих слов сохраняется и в значении 'домовой', о чем можно судить из контекстов: *Ах, горя какая! Дурной-от всю лошадь измучал, кости да кожа только остались* (Ворон.) / *Лихой тебя возьми (измучь, избей)!* Бранное пожелание (Орл., Ряз.). / *Пошел ты к ляду!* (Тул.) [СРНГ: XVII, 76, 259; VIII, 268, 270].

В слове *еретник* все вторичные значения оценочно маркированные, т.к. обозначают отступников от православной веры: колдунов, духов умерших, домового: *А это все оттого и бывает, что он, еретник-от, дом не взлюбит* (Казан.). Негативную оценку подчеркивает употребление *еретника* в качестве бранного слова, называющего свирепого, знающего с нечистой силой человека [СРНГ: IX, 23].

Уральское слово *страхилát* в первичном значении — что-либо некрасивое, безобразное, внушающее отвращение. Вторичное значение 'домовой' наследует негативную оценку. В сказе «У старого рудника» П.П.Бажов

упоминает *страхилатку*: *Тут мне и покажись, будто из горы страхилатка лезет* [СРНГ: XLI, 291].

Слово *шиликун*, по всей видимости, восходит к праславянскому *šijŭ* — ‘левый, неправедный’ (противопоставленный *despŭ* — ‘правый’ и *gravŭ* — ‘правый, праведный’). «Негодным» и «неправедным» в поверьях традиционно именуется нечистый дух, откуда могло возникнуть и его название — *шиликун* (с суффиксом *-ун-*, означающим действующее лицо). «По народному поверью, **шуликунов** рождает на святки кикимора, считалось также, что шуликунами становятся проклятые или погубленные матерями младенцы. Мелкие нечистые духи, ростом с кулачок..., они могут иметь конские ноги и заостренную голову; изо рта у них вырывается пламя. Они носят белые самотканые кафтаны с кушаками и остроконечные шапки. Ходят жожаками» [Шапарова 2001: 544].

V. Мотивация семантикой ‘внешность’. Эта группа номинаций особенно ценна, т.к. отражает представления о внешности домового, хотя, согласно поверьям, его можно увидеть только перед бедой. *Белун* мотивировано прилагательным *белый* и встречается у В.И. Даля: «Добрый домовый, с белой бородой, в белом саване, с белым посохом, является с просьбой утереть ему нос и за это сыплет деньги носом» [цит. по СРНГ: II, 228; см также Ивашина 2020]. Уральское слово *буредушка* мотивировано одновременно и семантикой бурого, темно-коричневого цвета, и шерсти, поскольку речь идет о масти животного: *Соседушко-буредушко, люби мою коровку* [СРНГ: XLII, 297]. Возможно, что домового не только ухаживает за скотом, но и сам в него превращается.

Внутренняя форма слов *облám* и *облóm* не прояснена. Слова могут быть мотивированы не только глаголом *обломать*, но и праслав. **obyŭ* (облый) со значением ‘округлый’. Отсюда *обляк* «круглый полоз саней, на которых можно ездить и летом» (Олон.) [Фасмер: III, 103; СРНГ: XXII, 84]. Возможно, домового-облам не только тот, кто ломает, но и тот, кто имеет округлые формы.

Игоша упоминается и у В.И. Даля, А.Н. Афанасьева и И.Е. Забелина. Это мертворожденный младенец, уродец без рук без ног, который родился и умер некрещеным. Он проказит, если его не считают домовым. Возможное производящее слово — *иготь*, т. е. ‘ступка’ [Фасмер: II, 116]. Крошечный *игоша* внешне похож на маленькую ступку, в которой, например, толкут сахар. Общими являются семы ‘маленький’ и сема отсутствия деталей тела. Догадку подтверждает значение однокоренного слова *игошка* — о том, кто ничего не имеет, но ценит то, что есть: *богат игошка: есть собака и кошка* [СРНГ: XII, 65].

VI. Мотивация семантикой ‘шерсть’. Связь домового с шерстью — славянским символом достатка, плодородия и богатства — общеизвестна [Валенцова 2002: 39]. Зооморфные образы домового — это животные с богатой

шерстью: *медведь* — *медвѣдко*, *кот* — *котáнко*, *бурый* — *буредушко*, а также *ласка*. Приведем примеры: *Медведушка* дурной, он как ступит на дорогу — не пересекци пропадает; у него коготки, как у медведя настоящего, только маленькие // *Ласка* даже иногда, бывает, сушит скотину, корову или лошадь защекотит до мокроты, кровь берёт даже; сама *ласка* маленькая, токо хвостик тоненький. *Ласка* в дому живёт, и лошадь-то всю в пену вгонит, у нас её не было, слава Богу. В каждом доме живёт суседко, *ласка* — домовый, он присматривает за скотом, это уж евовное дело // *Суседушка-буредушка*, люби мою коровушку // *Котáнко* серый, привидилось нам [СГРС: XLII, 297; VII, 31, 260; XV, 101]. О кошке-домовом загадка: *Как у нас-то домовый носит шубку бархатну; у него-то, него глаза огненные, нос курнос, усы торчком, ушки чутки, ножки прытки, когти цепки. Днем на солнышке лежит, чудны сказки говорит, ночью бродит, на охоту ходит*» [Цит. по Криничная 2004: 127]. К этой группе можно отнести также *скóтного кормильца* (Волог.) или *скóтного суседку* (Енис.) — домового, который ухаживает за скотом [СРНГ: XXXVIII, 117].

Связь домового с семантикой шерсти иллюстрирует слово *бирюк* в донских говорах: это 1) волк, 2) домовый. В Самар., Казан. и Саратов. *бирюком* называли некое чудище, которым пугали детей: *Не плачь, бирюк услышит, ты плачешь — унесет тебя* [СРНГ: II, 294].

VIII. Мотивация семантикой ‘нечистая сила’. Многие имена домового мотивированы номинациями других сверхъестественных существ, относящихся к загробному миру: *мардуй* (*мардác*), *лопастый*, *навной*, *чертышко*, *кикимора*. *Мардác* (*мардуй*) от эст. *marđus* ‘привидение, дурная примета, загробный голос’ (Смол.) [Фасмер: II, 573]. Это мифологическое существо типа домового, оставляющее синяки на теле человека: *Мардác* — *невидима животинка*, *мардас* выел — *пятна на руках появляются, там и зубы заметно; мардас* выел — *редко рассасывается* // *Мардас* выел — *пошли пятна-те, больше у стариков быват, мардас* выел — *к смерти* (Арх.) [СГРС: VII, 239].

Слово *навной* восходит к *навь* ‘мертвец, покойник’: *Не ложись у порогу — навной перешагнет* (Твер.) [СРНГ: XIX, 170, 191].

Трудно сказать, какая семантика слова *лопасть* стала внутренней формой для Астр. и Вятг. *лопáстного*. Возможно, от *лопасти* как ‘ступни’ (Вят.) или *лопáсты* — русалки. Есть пара номинаций русалки и домового с измененным произношением: *лобаста* — *лобастный* [СРНГ: XVII, 95, 131, 132].

Номинация *кикимора* также обозначала домового мужского пола. Он появлялся по ночам с прялкой, веретеном, коробами и вьюшкой [СРНГ: XIII, 205].

VII. Мотивация символическим значением ‘тень’

Названия домового *стенъ* (*стинь*), *тень*, *постен* (Ленингр., Новг., Яросл., Волог., Арх., Латв. ССР) или *постень* (Твер., Новг.) с корнем -тен-, с одной стороны, мотивированы семантикой тьмы, потустороннего мира,

с другой — семантикой двойничества. Оба значения отражены в «Словаре русских народных говоров», например, в слове *стень* как 1) тень, 2) отражение в зеркале, 3) привидение, призрак, 4) отпечаток фигуры на земле, 5) домовой: *Во сне наваливается стень* (Влад.) / *На печке спал, да плохо: стинь навалилась* (Костром.) // *Если человек не в состоянии пошевелиться, то говорят, что наваливается домовый или постен, и вставши спрашивают, к добру это или к худу*» [СРНГ: XVI, 136–137; XXX, 225]. В словосочетании *бестённый б́ука* имя прилагательное также мотивировано значением ‘тень’: *это домовый в виде старца с бороною, который не имеет тени* (Костром.) [СРНГ: II, 281].

След человека часто использовался для колдовства: например, вырезали ножом часть земли, ограниченную следом, и отождествляли с человеком, оставившим его. Отсюда *следь* — нечто, содержащее образ человека, а также двойник, который является, как и домовый, перед смертью: *Увидела я следь свою, знать к смерти* [СРНГ: XXXVIII, 252]. *Следь*, вероятно, одна из номинаций домового в одной из его функций — предупреждать хозяина о его будущем, в частности о смерти. Значение двойника человека есть и в номинации домового *другая половинка* (Олон.) [СРНГ: XXIX, 88].

IX. Табуированные местоименные номинации

Домового, как умершего предка и представителя потустороннего мира, нельзя было называть, чтобы не навлечь на семью беды, зла. Ведь слово и дело у древних славян не разграничивались, и произнесение слова было равносильно появлению существа. По сути, все номинации домового — это табуированные названия в той или иной степени, особенно производные от местоимений: *сам* (Яросл., Зап., Южн. Сиб., Смол.) // *они* (Волог., Новг.) // *он и ён (оны и ёны)* (Смол., Тул., Яросл., Волог., Новг., Пск., Смол., Яросл., Сиб.). Например, *кобыла что-то худеть стала, видно сам не любит* (Зап., Юж. Сибирь) [СРНГ: XXIII, 213, 215; XXXVI, 72].

X. Мотивация символическим значением ‘достаток’

К этой группе мы отнесем номинации *жировик, жировой и жировый*, о мотивации которых корнем *-жир-* мы писали выше.

XI. Мотивация семантикой ‘время’

Полночь (реже полдень) считалась сакральным часом, когда нечистая сила появляется в доме и дворе, когда можно гадать, колдовать или попросить о чем-либо домового. Так, при переходе в новый дом именно в полдень переносили горшок с углем из старого дома, накрывали его скатертью и, растворяя двери, обращались к печке: «Милости просим, дедушка, к нам на новое жильё!» [Криничная 2004: 148, 150–152]. Олицетворением этого времени являлись *полудённый (полдневой)* домовый, который появляется в полдень (Тул., Калуж.), и *полуночник*, который в полночь обходит всю деревню и возится на задворках, беспокоит спящих детей болез-

нями и бессонницей [СРНГ: XXIX, 43, 143, 156]: *Чу, полуночник прошел!* [Даль 1994: III, 251].

Перечислим некоторые символические значения, полученные в результате анализа внутренней формы номинаций домового (означаемое символа «домовой»): 1) предок, 2) огонь, 3) тот свет, смерть, 4) достаток; 5) двойник.

Выводы. Итак, по итогам анализа внутренней формы диалектных номинаций домового в разных областях России мы можем реконструировать обобщенно-собираательный семантический портрет русского домового. Он складывается из совокупности сем внутренней формы диалектизма. Понятие «домовой» — родовое обозначение разновидностей тех сверхъестественных существ, которые могут обитать в доме, на прилегающей к нему хозяйственной территории и в стоящих на ней постройках. Домовой — и злое и доброе существо. Злая сила домового связана с потусторонним миром, из которого он приходит. Поэтому в доме он занимает «отверстия» (окно, печной зев, трубу, голбец, подпол и пр.), которые связывают дом с тем светом. Злое начало проявляется в некоторых его поступках: он гнетет, пугает, букает и бомкает, мучит, манит, изводит, лижет шерсть или волосы, хакает (кусает, ест), стрижет скот, обламывает и осаживает. За это народ часто дает ему негативно оценочные имена: *лихой, дурной, страхилат* и др. Добрая сторона домового связана с тем, что он персонифицирует печной огонь и единственный из нечистой силы, который может жить на печи. Домовой бережет дом и преумножает хозяйство, хранит информацию о роде, поскольку сам является умершим предком. Как хранитель рода, он является «тенью», двойником хозяина. О внешности домового известно, что он может быть белый, округлый, иногда маленький без ног и без рук, иногда двойником хозяина. Домовой приносит в дом достаток и часто превращается в животных, имеющих густую шерсть и символизирующих богатство: в кошку, медведя, в домашний скот, в ласку и волка. Время появления домового отмечено сакральным часом: полночью или полднем. Анализ внутренней формы номинаций домового позволил выявить следующие символические значения: 1) 'предок', 2) 'огонь', 3) 'потусторонний мир', 'смерть', 4) 'достаток', 5) 'двойник'.

Список сокращений

- Арх. — Архангельская губерния (область)
Астр. — Астраханская губерния (область)
Влад. — Владимирская губерния (область)
Волог. — Вологодская губерния (область)
Ворон. — Воронежская губерния (область)

Енис. — Енисейская губерния
Зап., Южн. Сиб. — Западная, Южная Сибирь
Казан. — Казанская губерния
Калин. — Калининская область
Калуж. — Калужская губерния (область)
Камч. — Камчатская область
Костр. — Костромская губерния (область)
Курск. — Курская губерния (область)
Латв. ССР — Латвийская ССР
Ленингр. — Ленинградская область
Новг. — Новгородская губерния (область)
Олон. — Олонецкая губерния
Орл. — Орловская губерния (область)
Карел. — Карельская АССР
Пск. — Псковская губерния (область)
Ряз. — Рязанская губерния (область)
Самар. — Самарская губерния
Сарат. — Саратовская губерния (область)
Сиб. — Сибирь
Смол. — Смоленская губерния (область)
Твер. — Тверская губерния
Тул. — Тульская губерния (область)
Яросл. — Ярославская губерния (область)

Источники

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–18 / Под ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. 1125 с.

СБГ — Словарь брянских говоров. Вып. 1–5 / Под ред. В.А. Козырева. Ленинград.: Изд-во ЛГПИ, 1976–1988.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / Науч. ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001–2011. Т. 1–5.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Ленинград (Санкт-Петербург): Науч. Ленингр. отделение, 1968–2013. Вып. 1–46.

ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. А.И. Ивановой. Смоленск: Смол. пед. ин-т им. Карла Маркса, 1974–1993. Вып. 1–6.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод с немецкого О.Н.Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.

Литература

Алексеев А.В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики. М.: ГБОУ ВПО МГПУ, 2013. 164 с.

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 324 с.

Афанасев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Индрик, 1994.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Наука, 1983. 191 с.

Валенцова В.В. Шерсть // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 492–493.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Издательство «Маматов», 2011. 272 с.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: Русский купец; Братья славяне, 1995. 560 с.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород: Русский купец; Братья славяне, 1995. 368 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3 т. М.: Худ. лит., 1989.

Даль В.И. Домовой // О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. М.: Юрайт, 2021. С. 12–16. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/475931> Дата обращения: 26.11.2021.

Ендеров В.А. Проблемы классификации демонологических персонажей: Учебное пособие. Чебоксары: Чуваш. государственный ун-т, 2002. 96 с.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: В 4 ч. М.: Инст. русской цивилизации, 2014. 688 с.

Ивашина Н.С. Символическое значение ‘огонь’ в диалектных номинациях домового // Проблемы современного филологического образования: Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Москва—Ярославль, 2021. С. 241–246.

Ивашина Н.С. Цветовой семантический признак внутренней формы в диалектных номинациях домового // Лекантовские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 2020. С. 148–152.

Касимов Р.Н. Образ «домовой» в мифологии чепецких татар // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и со-

временность. Материалы региональной науч.-практич. конференции. Глазов, 1999. С. 11–13.

Королев К. Энциклопедия сверхъестественных существ. М.: Эксмо, СПб.: Мидград, 2006. 720 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004. 1008 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 503 с.

Маркина Л.В. Диалектные бранные обозначения женщин (на материале современных русских говоров) // Русский язык и литература в образовательном процессе: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: ИД «Марк», 2016. С. 64–69.

Померанцева Э.В. Рассказы о домовом // Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 92–117 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Академический Проект, 2013. 806 с.

Толстик С.А. Национальный образ внешности: к истории и этимологии русского диалектного прилагательного букатый // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 66–75.

Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 19–40.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 248 с.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук: Ленинград, 1983. 435 с.

Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: Астрель, 2001. 623 с.

Якушевич И.В. Лингвокогнитивная типология символа // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2012. № 4. С. 5–13.

Якушевич И.В. Лингвокультурологический комментарий слова-символа в поэтическом тексте // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 85–91.

References

Istochniki

AOS — Arhangel'skij oblastnoj slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. Pod red. O.G. Gecova. Moscow: Moscow State University. 1980–2017. Vols. 1–18. (In Russ.).

Dahl V.I. (1994). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols.]. Reprint of the 1903–1909 edition. Moscow: Progress — Universal Publ. (In Russ.).

D'jachenko G. (1993). *Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar'*. [Full Church Slavonic dictionary]. Reprint of the 1900 edition. Moscow: Izdatel'skij otдел moskovskogo patriarhata. 1125 p. (In Russ.).

SBG — Slovar' brjanskikh govorov [The Dictionary of Bryansk dialects]. Pod red. Kozyre V.A. Leningrad: Leningrad State Pedagogical University, 1976–1988. Vols. 1–5. (In Russ.).

SVG — Slovar' vologodskikh govorov: V 12 vyp. [Dictionary of Vologda dialects: In 12 is.]. Pod red. Panikarovskay T.G. Vologda: Rus', 1983–2007. (In Russ.).

SGRS — Slovar' govorov russkogo Severa. [The dictionary of dialects of the Russian North]. Pod red. Matveev A.K. Ekaterinburg: Ural State University, 2001–2011. Vols. 1–5. (In Russ.).

SRNG — Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Pod red. Filin F.P., Sorokoletov F.P. Myznikov S.A. Leningrad (Saint Petersburg): Nauka, 1968–2013. Vols. 1–46. (In Russ.).

SSG — Slovar' smolenskikh govorov [The Dictionary of Smolensk dialects]. Pod red. Ivanova A.I. Smolensk: Smolensk Pedagogical Institute, 1974–1993. Vols. 1–6. (In Russ.).

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress, 1964–1973. Vols. 1–4. (In Russ.).

Literatura

Alekseev A.V. (2013). *Semioticheskie kategorii jazyka i kul'tury pri diahronicheskom analize leksiki* [Semiotic categories of language and culture in diachronic analysis of vocabulary]. Moscow: Moscow City University. 164 p. (In Russ.).

Alefrenko N.F. (2005). *Spornye problemy semantiki* [Controversial problems of semantics]. Moscow: Gnozis. 324 p. (In Russ.).

Afanas'ev A.N. (1994). *Pojeticheskie vozzrenija slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow: Indrik. Vols. 1–3. (In Russ.).

Bajburin A.K. (1983). *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnykh slavyan* [Dwelling in ceremonies and representations of East Slavs]. Leningrad: Nauka. 191 p. (In Russ.).

Valencova V.V. (2002). Sherst' [Wool]. *Slavjanskaja mifologija. Jenciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija. Pp. 492–493. (In Russ.).

Vinogradova L.N. (2000). *Narodnaja demonologija i mifo ritual'naja tradicija slavian* [Folk demonology and mytho-ritual tradition of Slavs]. Moscow: Indrik. 432 p. (In Russ.).

Goleva T. (2011). *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzrenija komi-permjakov* [The mythological characters in the system of world Outlook of Komi-Perm]. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Mamatov", 2011. 272 p. (In Russ.).

Grushko E.A., Medvedev Yu.M. (1995). *Slovar' russkih sueverij, zaklinanij, primet i poverij* [Dictionary of Russian superstitions, spells, will and beliefs]. Nizhnij Novgorod: Russkij kupec; Brat'ja slavjane. 560 p. (In Russ.).

Grushko E.A., Medvedev Yu.M. (1995). *Slovar' slavjanskoj mifologii* [Dictionary of Slavic mythology]. Nizhnij Novgorod: Russkij kupec; Brat'ja slavjane. 368 p. (In Russ.).

Dahl V.I. (1989). *Poslovice russkogo Naroda: V 3 t.* [Proverbs of the Russian people: In 3 vols.]. Moscow: Hud. lit. (In Russ.).

Dahl V.I. (2021) *Domovoj* [The home spirit]. *O pover'jah, sueverijah i predrassudkah russkogo naroda* [About beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people]. Moscow: URAIT. Pp. 12–16. URL: <https://urait.ru/bcode/475931> Accessed: 26.11.2021. (In Russ.).

Enderov V.A. (2002). *Problemy klassifikacii demonologicheskikh personazhej* [The mythological characters in the system of world Outlook of Komi-Perm]. Uchebnoe posobie. Cheboksary: Chuvash University, 2002. 96 p. (In Russ.).

Zabylin M. (2014). *Russkij narod. Ego obychai, obrjady, predanija, sueverija i poezija* [Russian people. His customs, rites, legends, superstitions and poetry]. Moscow: Inst. russkoj civilizacii. 688 p. (In Russ.).

Ivashinina N.S. (2021). Simvolicheskoe znachenie 'ogon' v dialektnyh nominacijah domovogo [The symbolic meaning of 'fire' in the dialect nominations of the House Spirit]. *Problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya. Sb. nauch. tr. XI Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Problems of modern philological education. Collection of scientific articles of the XI All-Russian scientific-practical conference]. Moscow-Yaroslavl'. Pp. 241–246. (In Russ.).

Ivashinina N.S. (2020). Cvetovoj semanticheskij priznak vnutrennej formy v dialektnyh nominacijah domovogo [The color semantic sign of the internal form in the dialect nominations of the House Spirit]. V sbornike: *Lekantovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [In the collection: Lekantovskie readings. Materials of the International Scientific Conference]. Moscow. Pp. 148–152. (In Russ.).

Kasimov R.N. (1999). *Obraz "domovoj" v mifologii chepeckih tatar* [The image of the House Spirit in the mythology of Chepetsky Tatars]. *Material'naja i duhovnaja kul'tura narodov Povolzh'ja i Urala: istorija i sovremennost': materialy regional'noj nauch.-praktič. Konferencii* [Material and spiritual culture of the peoples of the Volga region and the Urals: history and modernity. Materials of the regional scientific and practical conferences]. Glazov. 11–13 p. (In Russ.).

Korolev K. (2006). *Jenciklopedija sverhjestestvennyh sushhestv* [Encyclopedia of supernatural beings]. Moscow: Jeksmo; St. Petersburg: Midgrad. 720 p. (In Russ.).

Krinichnaja N.A. (2004). *Russkaja mifologija: Mir obrazov fol'klora*. [Russian mythology: the World of folklore images]. Moscow: Akademicheskij proekt. 1008 p. (In Russ.).

Maksimov S.V. (1903). *Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila* [Evil, unknown and power of the cross]. Saint Petersburg: Tovarishhestvo R. Golike i A. Vil'borg. 503 p. (In Russ.).

Markina L.V. (2016). Dialektnye brannye oboznachenija zhenshhin (na materiale sovremennyh russkih govorov) [Dialectal swear denote women (on the material of modern Russian dialects)]. *Russkij jazyk i literatura v obrazovatel'nom processe: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russian language and literature in the educational process: materials of International scientific-practical conf.]. Saratov: ID "Mark". Pp. 64–69. (In Russ.).

Pomeranceva Je.V. (1975). Rasskazy o domovom [Stories about the brownie]. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow: Nauka. Pp. 92–117. (In Russ.).

Potebnja A.A. (1999). *Mysl' i jazyk* [Thought and language]. Moscow: Labirint. 300 p. (In Russ.).

Rybakov B.A. (2013). *Jazychestvo drevnej Rusi* [Paganism of ancient Russia]. Moscow: Akademicheskij Proekt. 806 p. (In Russ.).

Tolstik S.A. (2016). Nacional'nyj obraz vneshnosti: k istorii i jetimologii russkogo dialektного prilaga-tel'nogo bukatyj [National image of appearance: on the history and etymology of the Russian dialect adjective Bukatyj]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. №3 (41). Pp. 66–75. (In Russ.).

Toporov V.N. (2004). O nekotoryh teoreticheskikh osnovanijah jetmologicheskogo analiza [On some theoretical grounds for an etymological analysis]. *Issledovanija po jetimologii i semantike: Teorija i nekotorye chastnye ee prilozhenija*. [Research on etymology and semantics: Theory and some of its applications.]. Moscow: Jazyki slavyanskoj kul'tury. Vol. 1. Pp. 19–40. (In Russ.).

Uspenskij B.A. (1952). *Filologicheskie razyskanija v oblasti slavyanskikh drevnostej* [Philological searches in the field of Slavic antiquities]. Moscow: Moscow State University. 248 p. (In Russ.).

Cherepanova O.A. (1983). *Mifologicheskaja leksika russkogo jazyka* [Mythological vocabulary of the Russian language]. Philology dokt. diss. Leningrad. 435 p. (In Russ.).

Shaparova N.S. (2001). *Kratkaja jenciklopedija slavyanskoj mifologii* [A brief encyclopedia of Slavic mythology]. Moscow: Astrel'. 623 p. (In Russ.).

Yakushevich I.V. (2012). Lingvokognitivnaya tipologiya simvola [Linguocognitive typology of a symbol]. *Vestnik RUDN. Seriya "Lingvistika"* [RUDN Bulletin. Linguistics series.]. Moscow: RUDN. № 4. Pp. 5–13. (In Russ.).

Yakushevich I.V. (2011). Lingvokul'turologicheskij kommentarij slova-simvola v poeticheskom tekste [Linguoculturological commentary of the word-symbol in the poetic text]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. Moscow. № 1. Pp. 85–91. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Якушевич И.В. — научное руководство; концепция исследования; методология исследования, реконструкция этимологического значения, написание текста; итоговые выводы.

Ивашина Н.С. — сбор и описание языкового материала; реконструкция этимологического значения; концепция исследования; итоговые выводы.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Yakushevich I.V. — scientific management; research concept; methodology development; reconstruction of etymological meaning, text writing; final conclusions.

Ivashina N.V. — collection and description of language material; reconstruction of etymological meaning; research concept; final conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2021; одобрена после рецензирования 09.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted 19.07.2021; approved after reviewing 09.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Информация об авторах

Ирина Викторовна Якушевич — доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет; профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин; сфера научных интересов: лингвистический анализ поэтического текста, символ в русской поэзии, в диалектной лексике, а также лингвокультурология и этнолингвистика.

Надежда Сергеевна Ивашина — ассистент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»; сфера научных интересов: реклама, диалектология, этнолингвистика, лингвокультурология.

Information about the authors

Irina Viktorovna Yakushevich — Doctor of Philology, Associate Professor, Moscow City University, Professor of the Department of the Russian Language

and Methods of Teaching; the sphere of scientific interests: a linguistic analysis of poetic text, a symbol in Russian poetry, in dialectic vocabulary, as well as linguocultureology and ethnolinguistics.

Nadezhda Sergeevna Ivashinina — Assistant of the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics of the National Research University “Moscow Power Engineering Institute”; research interests: advertising, dialectology, ethnolinguistics, linguocultureology.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 145–162
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 145–162

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81'27

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.09>

РЕЧЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «НРАВСТВЕННОСТЬ»)

Паулина Бортновска

Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша, pkbortnowska@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7780-4483>

Аннотация. Цель статьи — показать, как предложения, составные части словарной статьи, могут служить материалом для полного и всестороннего изучения семантики слов. Объектом исследования является понятие «нравственность», которое является одним из ключевых понятий и фундаментом, на котором основана вся структура межлических отношений. Однако сущность этого понятия меняется в соответствии с изменениями в социальной и культурной жизни, что отражается в содержании словарных статей.

Ключевые слова: структура словарной статьи, предложения, семантический аспект, компонентный анализ, постоянные семантические признаки, актуализирующие семантические признаки.

Для цитирования: Бортновска П. Предложения в структуре словарной статьи как средство отражения общественно-культурных перемен (на примере слова «нравственность») // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 145–162. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.09>.

HISTORICAL LINGUISTICS

Original article

EXAMPLES AS A COMPONENT OF A DICTIONARY ARTICLE AND THEIR SIGNIFICANCE FOR A COMPLETE STUDY OF THE WORD SEMANTICS (ON THE EXAMPLE OF THE WORD «НРАВСТВЕННОСТЬ»)

Paulina Bortnowska

Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland, pkbortnowska@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7780-4483>

Abstract. Examples as a component of a dictionary article have become a frequent object of research by linguists in recent years. Their importance is emphasized, in particular by lexicologists and lexicographers. However, there are still a number of issues that have not received sufficient coverage. The article deals with the special potential of examples as an important structural component of a dictionary article from the point of view of their linguistic and culturological significance. It is assumed that by fixing the samples of the normative use of specific words, the examples gain the ability to reflect the dynamics of social and cultural processes. The theoretical basis for this assumption is, among other things, the concept of the three-term structure of a dictionary article proposed by M.N. Epstein. According to this concept, examples are perceived as an integral structural component of a dictionary article, containing important information about the full semantic appearance of the word being defined. To prove the feasibility of such an approach to examples, a chronological analysis of dictionary articles for the concept of «нравственность» in the explanatory dictionaries of the Russian language is carried out. The analysis is conducted using the method of full component analysis of the meanings of words, proposed by Z.D. Popova and I.A. Sternin, adapted according to the material under study. The component analysis of articles for the concept of «нравственность» makes it possible to reveal a set of semantic aspects that make up semantic structure of this concept: individual, social, religious, political, and environmental. At the same time, it turns out that some aspects (religious and political), which certainly should be attributed to the semantic field of the concept of «нравственность», are not included by the authors-compilers of dictionaries in the definition zone but are placed only in the zone of examples. Thus, indicating the place

occupied by certain aspects in the structure of a dictionary entry, the author proves the special role of examples in the fixation and transmission of relevant, socially and culturally significant semes. In addition, the chronological analysis of dictionary entries allows to trace the dynamics of social and cultural changes reflected in the semantic structure of the concept of «нравственность» and to prove the leading role of examples as a means of displaying this dynamics in the structure of a dictionary entry.

Key words: structure of a dictionary article, example, semantic aspect, component analysis, permanent semantic features, actualizing semantic features.

For citation: Bortnowska P. Examples as a component of a dictionary article and their significance for a complete study of the word semantics (on the example of the word «нравственность»). *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 145–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.09>.

© Бортновска П., 2021

Введение. Речения, т. е. примеры нормативного употребления данного слова в языке и речи, составляют т. н. иллюстративную зону словарной статьи. Они содержат информацию о дополнительной смысловой и грамматической характеристике толкуемого понятия, раскрывают возможности его правильного употребления. Зачастую они воспринимаются как дополнительный, факультативный компонент словарной статьи, не содержащий существенной с перспективы изучения семантики слов информации. Такой подход, как кажется, особенно популярен среди среднестатистических пользователей словарей — школьников, студентов, учителей и преподавателей иностранных языков. Даже Н.Ю. Шведова в своей работе «Парадоксы словарной статьи», называя словарную статью лингвистическим жанром, сосредотачивает внимание на ее классификационных компонентах, таких как «часть речи, лексико-семантический, грамматический, словообразовательный, стилистический, функциональный, хронологический и др.» (Шведова, цит. по [Эпштейн, электронный ресурс]).

Однако вопрос структуры словарной статьи, функциональности и значимости ее отдельных компонентов за последние годы получает новое освещение. Русский языковед М.Н. Эпштейн предлагает смотреть на словарную статью с точки зрения ее функциональности для пользователя словаря, который хочет приблизиться к правильному пониманию и употреблению непонятных для себя слов. Базируясь на этой точке зрения, ученый предлагает в структуре словарной статьи выделить как основные три следующих компонента: «Это, во-первых, заглавное слово, которое определяется в статье. Во-вторых, это само определение, толкование значения слова. И, наконец, это речение, т. е. пример употребления данного

слова в каком-либо образчике речи, хотя бы в одном предложении» [Эпштейн, электронный ресурс]. Лингвист отмечает при этом необыкновенно тесную связь между этими компонентами и соотносит эту связь с трехчленным составом человека. Он пишет: «У человека есть тело, есть душа и, наконец, есть та сила, которая приводит их в движение, сила жизни. Слово — это плоть смысла; определение — это смысл слова-плоти; а речение — это жизнь слова-смысла в живой речи» [Эпштейн, электронный ресурс]. Особую функцию третьего из названных М.Н. Эпштейном компонентов, т. е. речений, подчеркивают тоже авторы «Большого толкового словаря русских глаголов». Они утверждают, что нетолковательная часть словарной статьи заслуживает внимания не лишь как пример нормативного употребления того или иного слова, но также, а может даже прежде всего, как еще одно, наряду с дефиницией, средство «семантизации заглавного слова» [Бабенко 2007: 22]. Это мнение разделяют, как кажется, и авторы многих других словарей, о чем может свидетельствовать заметная среди них тенденция все чаще не ограничиваться при составлении лексикографических глоссариев готовыми иллюстративными примерами из корпуса, а модифицировать такие примеры согласно собственной интуиции или даже самостоятельно придумывать их [Ужова, электронный ресурс].

Выражая полное согласие с учеными, отмечающими важную роль, выполняемую речениями в структуре словарной статьи, мы хотели бы предложить перспективу еще более широкого восприятия этого компонента. Расширяя и уточняя семантический облик толкуемых слов, речения, на наш взгляд, обладают способностью выполнять тоже важную с лингвокультурологической точки зрения функцию — они могут одновременно фиксировать и отражать спектр общественно-культурных перемен, влияние которых на язык в целом и семантику единиц языка в частности уже давно доказано и является одним из фундаментов антропоцентрического языкознания.

Исходя из этой позиции, мы решили предпринять попытку продемонстрировать особый потенциал речений как инструмента фиксации и отображения динамики общественно-культурных процессов. Выявление и доказательство этого особого потенциала составляет **цель** нашей работы. В качестве **материала** к исследованию были привлечены словарные статьи для понятия «нравственность», почерпнутые из 11 толковых словарей русского языка, охватывающих период от конца XIX до начала XX века. Данные статьи проанализированы в хронологическом порядке. Основными методами, применяемыми в ходе анализа и систематизации полученных результатов, стали методы компонентного и сравнительного анализов. Метод компонентного анализа мы использовали с целью выявить постоянные и актуализирующие семантические признаки значения понятия «нравственность». Для достижения этой цели мы опирались на схему полного компонентного анализа, предложенную З.Д. Поповой

и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2009: 129]. Данный подход, адаптированный к потребностям нашего исследования, предполагал выполнение таких **задач**, как: 1) выделение словарных статей, относящихся к интересующей нас лексической единице; 2) определение в рамках каждой из статей отдельных сем, составляющих полный семантический облик анализируемого понятия; 3) составление общего списка сем, встретившихся в дефинициях данного слова на протяжении определенного периода времени, и их группировка в более общие семантические аспекты; 4) построение таблицы семного состава анализируемого понятия с учетом хронологического порядка появления лексикографических источников и места, занимаемого определенными семантическими аспектами в трехчленной структуре словарной статьи; 5) обозначение в таблице с помощью знака «плюс» наличия определенных семантических аспектов в каждой анализируемой статье.

Выбор статей, заглавным словом для которых является понятие «нравственность», в качестве иллюстративного материала для нашего исследования продиктован спецификой этого понятия. С одной стороны, нравственность сопровождает человечество на протяжении всего существования цивилизации. Она является имманентным признаком культуры, присутствует всегда и везде там, где человек делает выбор между тем или иным поступком, составляет стержень внутреннего голоса совести. И это не меняется в зависимости от времени. С другой стороны, меняются эпохи, происходят культурные и общественные перемены, а вместе с этим меняется характер и наполнение нравственных норм, следовательно — и отдельные элементы значения понятия «нравственность» как такового. Поэтому, как можно предполагать, понятие «нравственность» обладает потенциалом представлять особую сложность для авторов словарей. Ведь они должны стремиться к тому, чтобы их толкования были как можно более емкими, не окказиональными или кратковременными по своей сути, стойкими по отношению к непрекращающимся колебаниям в общественной и культурной жизни людей, но при этом в них должны быть каким-то образом запечатлены самые яркие, выделяющиеся актуальные семы. Знание таких актуальных сем необходимо пользователю для достижения максимально близкого общения со словом во всем его семантическом и прагматическом облике.

Анализ словарных статей

Первый источник лексикографического материала — опубликованный впервые в 1881 году «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (в дальнейшем: ТСДаль). Любопытно отметить, что хотя заглавное слово в данном словаре — прилагательное «нравственный», то в иллюстративной зоне словарной статьи появляются предложения именно со словом «нравственность»: «**Нравственный**, противопол. *телесному, плотскому*;

духовный, душевный. *Нравственный быт человека важнее быта вещественного.* // Относящийся к одной половине духовного быта. противополож. умственному, но составляющий с ним духовное начало: к умственному относится истина и ложь; к нравственному добро и зло. // Добронравный, добродетельный, благонравный; согласный с совестью, с законами правды, с достоинством человека, с долгом честного и чистого сердца гражданина. *Это человек нравственный, чистой, безукорной нравственности. Всякое самоотвержение есть поступок нравственный, доброй нравственности, доблести. Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственности. Нравственность веры нашей выше нравственности гражданской: первая требует только строгого исполнения законов, вторая же ставит судьей совесть и Бога* [ТСДаль: 558]. Опираясь на толковательную часть словарной статьи, мы узнаем, что «нравственный» отождествляется с такими понятиями, как «духовный», «душевный», а противопоставляется таким, как «телесный», «плотский» — с одной, и «умственный», с другой стороны. Со сферой нравственности автор соотносит понятия «добра» и «зла». В третьем значении появляются такие семы, как «совесть», «правда», «достоинство», «долг», «честность», «чистота сердца», «гражданин». Тем самым видим, что нравственность имеет значение как с точки зрения функционирования человека как индивида («духовность», «душевность», «совесть», «правда», «достоинство», «долг», «чистота», «сердце»), так и с точки зрения его функционирования в обществе, подчиненности определенным нормам («законам правды, совести»). Иначе говоря, автор выделяет индивидуальный и общественный аспекты значения понятия «нравственность». Эти два аспекта обнаруживаются и в пласте контекстов, но появляется там тоже дополнительный элемент — религиозный аспект. Исключительно из приведенных составителем словаря речений узнаем, что хранилищем «правил самой высокой нравственности» [ТСДаль: 558] является «христианская вера», а нравственные правила, вытекающие из этой веры, следует ставить выше, чем правила «нравственности гражданской».

Вторым источником лексикографических данных является опубликованный в 1958 году «Словарь современного русского литературного языка» (в дальнейшем: ТССорФил): **«Нравственность»** — 1. Одна из форм общественного сознания — совокупность норм поведения человека. *Нравственность нации зависит не от проповедей, а от духа порядка, правосудия и справедливости, который должен царить в законодательстве и в организации администрации.* Пестель, Практич. начала полит. экономии. В выражениях, понятных для Якова, я развил известный кодекс практической нравственности с основами братства и равенства. Корол. Яшка. В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Ленин, т. 31, с. 270. 2. Поведение человека, основываю-

шееся на этих нормах; моральные свойства человека. *Пульхерия Ивановна почитала необходимостью держать их [девушек] в доме и строго смотрела за их нравственностью. Гог. Старосв. помещ. Отец его тоже известный в своем роде человек, нравственности самой высокой. Тург. Накануне. Варварушка, следившая за нравственностью служащих, теперь не имела в доме никакого значения. Чех. Бабье царство»* [ТССорФил: 1438].

В толковательной части словарной статьи в данном случае внимание уделено двум аспектам: общественному и индивидуальному. Следует при этом отметить, что меняется иерархия ценностей — источниками нравственности считаются уже не «Бог» или «совесть», а некое «общественное сознание», т. е. общественный аспект выдвигается на первое место. Выбранные автором речения уточняют то, что сказано в толковании. Следовательно, нравственность как общественно значимое понятие основывается на духе «порядка, правосудия и справедливости, который должен царить в законодательстве и в организации администрации» (цит. по: ТССорФил: 1438). Появляется понятие «практической нравственности», опирающейся на идеалы «братства» и «равенства», а также понятие «коммунистической нравственности», которое вводит новый аспект: политический. Второе — индивидуальное — значение понятия «нравственность» иллюстрируется с помощью речений, относящихся к сфере семейной жизни человека. Представителем самых высоких нравственных качеств является отец, что отражает ценности, типичные для патриархальной культуры. При этом, чем ниже место занимает данный человек в семейной иерархии, тем ниже определяется уровень его нравственной зрелости, нравственного сознания, что иллюстрируют контексты о нравственности девушек и служащих.

В напечатанном в 1970 году 8-м стереотипном издании «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (в дальнейшем: ТСОж) читаем: «**Нравственность** — Правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение. *Коммунистическая н. Высокая н.*» [ТСОж: 409]. Тем самым, донные разграничиваемые авторами словарей, индивидуальный и общественный аспекты «нравственности» сводятся к одному обобщенному значению. Вызывает при этом удивление лаконичность словарной статьи. В толковательной части появляются семы «духовность», «душевность», «поведение», которые следует отнести к индивидуальному аспекту нравственности, и семы «правила», «общество», относящиеся к общественному аспекту. Следует, однако, отметить, что, согласно толкованию, духовные и душевные качества человека, соотносимые ведь с его внутренним, личностным миром, имеют значение лишь с точки зрения их полезности для функционирования человека в социуме. Тем самым индивидуальный аспект неким образом переоплощается в общественный. Поэтому, на наш

взгляд, в случае данной словарной статьи можно говорить о вербализации элементов индивидуального аспекта значения понятия «нравственность», при одновременном отсутствии этого аспекта как самостоятельного элемента в семантической структуре самого понятия. В пласте речений появляются лишь два словосочетания — «коммунистическая нравственность» и «высокая нравственность». Как и в случае статьи из ТССорФил, словосочетание «коммунистическая нравственность» указывает на соотнесенность понятия нравственности со сферой политики. Следовательно, сопоставляя толковательную и нетолковательную части словарной статьи, можно прийти к выводу, что редакторы словаря не ставят также четкого разграничения между общественным и политическим аспектами значения понятия «нравственность».

В опубликованном в 1983 году «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (в дальнейшем: ТСЕвг) можно найти два значения понятия «нравственность»: **«Нравственность»** — 1. совокупность норм поведения человека в каком-л. обществе. *Человек должен стремиться к своему совершенству и поставять свое блаженство только в том, что сообразно с его долгом: вот основной закон нравственности.* Бел. Опыт системы нравств. философии. *Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем.* Ленин. Задачи союзов молодежи. 2. моральные качества человека. *Человек высокой нравственности.* Пухлятия Ивановна почитала необходимостью держать их [девушек] в доме и строго смотрела за их нравственностью. Гог. Старосв. помещ. *Барыня сожалела об испорченной нравственности Капитона, которого накануне только отыскали где-то на улице.* Тургенев, Муму» [ТСЕвг: 513].

В этом словаре лаконичная толковательная часть статьи дополняется и расширяется за счет достаточно объемного пласта иллюстративных примеров. Толкование побуждает читателя рассматривать понятие «нравственность» с точки зрения прежде всего его общественной, и только затем индивидуальной, значимости. Зато речения вводят как дополнительный политический аспект: «закон нравственности», «классовая борьба», «коммунистическая нравственность». Второй, индивидуальный аспект значения понятия нравственности иллюстрируется с помощью цитат из классиков литературы XIX века — Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о желании составителей ТСЕвг показать, что данный аспект понятия «нравственность» не подвергается особой актуализации.

В следующих двух словарях конца XX столетия появляются короткие, сжатые толкования, иллюстрируемые с помощью отдельных словосочетаний. В «Русском толковом словаре» В.В. и Л.Е. Лопатиных 1997 года издания (в дальнейшем: ТСЛоп) «нравственность» толкуется с помощью

очень лаконичной дефиниции, причем речения никоим образом ее не расширяют и не уточняют: «**Нравственность** — совокупность норм поведения человека в обществе; духовные качества, проявляющиеся в этом поведении. *Воспитывать н. Человек высокой нравственности*» [ТСЛоп: 353].

В изданном в 1999 году словаре под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (в дальнейшем: ТСОЖШв) можно найти похожее толкование, однако очередность семантических компонентов другая — духовные качества, которыми руководствуется человек, появляются на первом месте, а определяемые этими качествами правила поведения — на втором: «**Нравственность** — внутренние, духовные качества, к-рыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. *Человек безупречной нравственности*» [ТСОЖШв: 423]. Стоит обратить внимание на то, что опять наблюдается четкое разграничение индивидуального и общественного аспектов (причем общественный аспект появляется лишь косвенно и находит свое материальное выражение в словосочетании «правила поведения»), а также в данной словарной статье не появляется лексика, связанная с политическим аспектом.

Составитель опубликованного в 2001 году «Комплексного словаря русского языка» (в дальнейшем: ТСТих) А.Н. Тихонов тоже выделяет два значения понятия «нравственность», но на первом месте ставит «нравственность» как совокупность норм (общественный аспект), на втором же — как моральные качества человека (индивидуальный аспект). При этом языковед обогащает словарную статью как с помощью цитат, так и с помощью развернутого набора устойчивых словосочетаний: «**Нравственность** — 1. Совокупность норм, определяющих поведение человека в каком-л. обществе. *Основы, законы, блюстители нравственности. Борьба за нравственность. Нравственность нации зависит не от проповедей, а от духа порядка, правосудия и справедливости, который должен царить в законодательстве* (Пестель). 2. Моральные качества человека. *Высокая, испорченная нравственность. Воспитание, отсутствие, падение, подъем нравственности. Влиять (повлиять), оказать (оказывать) воздействие на чью-л. нравственность. Следить за чьей-л. нравственностью. Отец его тоже известный в своем роде человек, нравственности самой высокой.* (Тургенев)» [ТСТих: 897].

Следует отметить, что А.Н. Тихонов использовал в иллюстративной зоне классические цитаты из литературы, появившиеся уже в предыдущих анализируемых нами словарях. Качественно новые семантические элементы можно найти в приведенных составителем ТСТих устойчивых словосочетаниях. Помещенные в первой части дефиниции, посвященной общественному аспекту семантики понятия «нравственность», словосочетания «блюстители нравственности» и «борьба за нравственность» позволяют сделать вывод о том, что нравственность представляет собой высо-

кую ценность с точки зрения организации общественной жизни. Во второй же части словарной статьи, в которой представлен индивидуальный аспект значения понятия «нравственность», А.Н. Тихонов обращает внимание пользователя словаря на дихотомию понятия «нравственность» — «высокая» и «испорченная» нравственность, «воспитание» и «отсутствие» нравственности, «подъем» и «падение» нравственности. При этом индивидуальный аспект «нравственности» однозначно связывается с общественным, что находит свое выражение в наличии таких словосочетаний, как «влиять (повлиять), оказать (оказывать) воздействие на чью-л. нравственность, следить за чьей-л. нравственностью». Любопытно отметить, что в свете приведенных словосочетаний человек может быть как субъектом, так и объектом морального воздействия, т. е. может либо влиять на нравственность других людей, либо же сам поддаваться чьему-то влиянию, либо контролировать соблюдение кем-то нравственных норм, либо же подобному контролю подвергаться.

В «Современном толковом словаре русского языка» (в дальнейшем: ТСКузн) под редакцией С.А. Кузнецова 2003 года издания можно найти очень интересную и совершенно уникальную актуализацию толкования понятия «нравственность»: **«Нравственность — 1. Внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т. п., которые проявляются в отношении к людям и природе. *Человек высокой нравственности.* 2. Совокупность норм, правил поведения человека в обществе и природе, определяемая этими качествами. *Нормы нравственности*»** [ТСКузн: 419].

Автор на первом месте ставит индивидуальный аспект «нравственности», отмечая при этом, что под «внутренними» надо понимать как «духовные», так и «душевные» качества человека. Тем самым, с помощью слова «душевные» опять в дефиниции «нравственности» появляется религиозный аспект. Кроме того, С.А. Кузнецов уточняет, что эти внутренние качества основываются «на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т. п.» [ТСКузн: 419]. Это, в свою очередь, приближает его понимание «нравственности» к тому, что в XIX веке представил в своем словаре В.И. Даль. В анализируемой дефиниции появляется тоже качественно новый компонент, кстати, не выявленный нами ни в одном из остальных источников, — С.А. Кузнецов отмечает, что нравственные качества и нормы выражаются не только в межчеловеческих отношениях, но и в отношении человека к природе. Автор обнаруживает и предлагает, таким образом, выделять новый — экологический — аспект в семантической структуре понятия «нравственность». К сожалению, несмотря на столь развернутое толкование, иллюстративная часть остается очень лаконичной и состоит всего из двух стандартных словосочетаний — «человек высокой нравственности» и «нормы нравственности».

В изданном в 2005 году «Словаре русского языка С.И. Ожегова» под общ. ред. Л.И. Скворцова (в дальнейшем: ТСОЖСквор) статья, посвященная «нравственности», характеризуется краткостью и сжатостью. Редактор отказывается от разграничения двух аспектов толкуемого понятия — общественного и индивидуального — объединяя их: **«Нравственность** — правила, определяющие поведение, духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение» [ТСОЖСквор: 2005]. Данное толкование не содержит новых семантических признаков, можно его отнести к стандартным, стереотипным толкованиям понятия «нравственность». При этом также в пласте речений не выявляются дополняющие или расширяющие словосочетания и цитаты.

Л.Г. Бабенко, составитель опубликованного в 2005 году «Большого толкового словаря русских существительных» (в дальнейшем: ТСБаб), представляет толкование, которое в плане семантической наполненности очень близко к варианту С.А. Кузнецова, а в плане структурной организованности — к варианту Л.И. Скворцова, объединившего два аспекта значения «нравственности»: **«Нравственность** — Качества человека, внутренние, духовные и душевные, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т. п., которые проявляются в отношении к людям и к природе, этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами. *Поведение человека определяется его нравственностью и этическими идеалами*» [ТСБаб: 715].

Любопытно отметить, что в нетолковательной части находим пример, как кажется, авторского речения, т. е. иллюстративного предложения, придуманного самим составителем словаря [Узова, электронный ресурс]. Причем иллюстративное предложение в какой-то степени повторяет и закрепляет то, что уже содержится в толковании: нравственность выражается в поведении человека и остается в тесной связи с этическими идеалами, которые он исповедует.

Редакторы-составители 12-го тома «Большого академического словаря русского языка» 2009 года издания (в дальнейшем: ТСГ) — сторонники стандартного, лаконичного толкования понятия «нравственность», с разграничением на два аспекта, причем на первое место ставят общественный, а на второе — индивидуальный аспект. При этом в данном толковании материальное выражение находит соотношение между общественным и индивидуальным аспектами, так как в части, посвященной индивидуальному аспекту значения понятия «нравственность», появляется информация о том, что данный аспект относится не только к моральным качествам человека, но и, в первую очередь, к поведению, определяемому конкретными принципами и нормами нравственности: **«Нравственность** — 1. Совокупность принципов и норм поведения человека по отношению к обществу и другим людям; мораль. *Человек должен стремиться к сво-*

ему совершенству и поставлять свое блаженство только в том, что совершенно с его долгом: вот основной закон нравственности. Бел. Опыт системы нравств. философии. В выражениях, понятных для Якова, я развил известный кодекс практической нравственности с основами братства и равенства. Корол. Яшка. Он поступил так, как надлежало в силу целесообразности, и потому больше думал о вещественных признаках своей заботы, нежели о нравственности или безнравственности поступка. Асан. Открыватели дорог. Для Пушкина искусство может создаваться только человеком, соблюдающим высшие требования нравственности. Нельзя служить искусству и убивать. Гранин, Свящ. дар. 2. Поведение человека, определяемое такими нормами; моральные качества человека. Отец его тоже известный в своем роде человек, нравственности самой высокой. Тург. Накануне. Варварушка, следившая за нравственностью служащих, теперь не имела в доме никакого значения. Чех. Бабые царство. Я не берусь отвечать за нравственность каждой из них [гейш] вне пределов такого ресторана, но здесь, в ресторане, они работают как артистки. Симон. Стр. дневника» [ТСГ: 611].

Смотря на объем иллюстративной зоны словарной статьи, можно прийти к выводу, что авторы уделили ей очень много внимания. Однако использованные в ней цитаты появлялись уже в более ранних словарях. Семантика понятия «нравственность» немного актуализируется лишь за счет фрагмента произведения Д.А. Гранина, в котором речь идет о том, что человек, занимающийся искусством, должен соблюдать «высшие требования нравственности» [ТСГ: 611]. Это, на наш взгляд, можно соотнести с распространенным в православии представлением художника-иконописца как человека, обладающего нравственным совершенством: «Подобает быти живописцу смирену, кротку, благоговейну, непразднословцу, несмехотворцу, несварливу, независливу, непьяницы, неграбежнику, неубийцы» [Stoglav, электронный ресурс].

Постоянные и актуализирующие семы в структуре словарной статьи. Проведенный нами анализ словарных статей позволил проследить определенную динамику качественных изменений в семантическом облике интересующего нас понятия. Мы смогли выявить полный набор универсальных сем, составляющих семантический облик понятия «нравственность», которые получили материальное выражение в структуре словарной статьи независимо от актуальной для данного периода общественно-культурной обстановки. Нами был также обнаружен набор тех элементов значения, появление которых в структуре словарной статьи безусловно отображает определенные процессы, происходящие в общественно-культурной жизни. Все эти семы мы сгруппировали и распределили по 5 основным семантическим аспектам, составляющим семантическое поле понятия «нравственность»: индивидуальному, общественному, политическому, религиозному и экологическому. Способ их презентации в изученных нами словарных

статьях, с учетом особенностей структуры словарной статьи, представлен с помощью таблицы (Таблица 1):

Таблица 1

Словарь	Год издания	Семантические аспекты в зоне дефиниции					Семантические аспекты в зоне речений				
		индивидуальный	общественный	политический	религиозный	экологический	индивидуальный	общественный	политический	религиозный	экологический
ТСДаль	1956	+	+	-	-	-	+	+	-	+	-
ТССорФил	1958	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-
ТСОЖ	1970	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-
ТСЕвг	1983	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-
ТСЛоп	1997	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-
ТСОЖШв	1999	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-
ТСТих	2001	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-
ТСКузн	2003	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-
ТСОЖСквор	2005	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
ТСБаб	2005	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-
ТСГ	2009	+	+	-	-	-	+	+	-	+	-

Наглядная презентация проанализированного нами лексикографического материала позволяет сразу заметить, что к постоянным семантическим аспектам понятия «нравственность» следует отнести индивидуальный и общественный. О наличии индивидуального аспекта мы говорим в тех случаях, когда в словарной статье появляются определенные словестимулы, такие как «духовность», «душевность», «внутренние качества человека», «моральные качества человека». К общественному аспекту, в свою очередь, относятся социально значимые семы, напр. «гражданин», «общественное сознание», «нормы/правила поведения», «общество». Данные два аспекта получили материальное выражение в зоне дефиниции в каждой из изученных нами словарных статей, а в случае 6 словарей — оба появились тоже в пласте речений. Любопытно при этом отметить, что авторы словарей по-разному акцентировали в своих лексиконах значимость одного или другого аспекта. К примеру, В.И. Даль в своем толковании (ТСДаль) выдвинул на первое место индивидуальный аспект, тогда как авторы словарей, составляемых в советское время (ТССорФил,

ТСОж, ТСЕвг, ТСЛоп), в первом значении акцентировали именно общественный аспект.

Подобные колебания в позиции индивидуального и общественного аспектов значения понятия «нравственность» можно, на наш взгляд, рассматривать двояко. Безусловно, преобладающую позицию того или иного аспекта в конкретном словаре следует рассматривать как проявление авторского подхода к осмыслению и фиксации структуры семантического поля обсуждаемого понятия. Авторы, ставящие на первое место индивидуальный аспект, обращают внимание на идеалистическое, индивидуалистическое понимание нравственности, столь метко запечатленное Кантом во фрагменте его известного высказывания «(...) моральный закон во мне». У лексикографов, выдвигающих на главную позицию общественный аспект, акцент со сферы духовности и интеллекта переходит на сферу материальности и поведения. «Нравственность» в какой-то степени становится более важной не как ценность, внутреннее качество человека, а как собрание принципов и норм, позволяющих упорядочить систему межчеловеческих отношений, отталкиваясь не от того, что хорошо или плохо (см. ТСДаль, ТСКузн), а от того, что принято или не принято в конкретном коллективе (см. ТСЕвг, ТСЛоп, ТСТих).

Нельзя тоже проигнорировать вопрос о внеязыковой соотнесенности таких колебаний. Если учесть, что словари, в которых именно общественный аспект «нравственности» выдвигается на первый план, публиковались впервые, между прочим, в период СССР (см. Таблицу 1), когда господствующими были идеологии марксизма-ленинизма и коммунизма, а в общественной жизни продвигались идеи коллективизма, соотношение между словарным толкованием и внеязыковой действительностью кажется очевидным. В данном случае это соотношение следует, на наш взгляд, рассматривать как стремление авторов лексиконов зафиксировать существенные изменения в актуальном, с их точки зрения, подходе к индивидуалистическим ценностям, источником и хранилищем которых является именно нравственность. В духе коллективизма нравственность становится внешней по отношению к человеку — превращается в набор правил извне, основой для признания которых является не внутреннее ощущение, а вопрос об их совпадении с интересами коллектива, группы, общества.

Стоит при этом отметить и те толкования, авторы которых провели попытку совместить индивидуальный и общественный аспекты значения понятия «нравственность», указывая тем самым на их неразрывность и взаимообусловленность. Пример такого подхода зафиксирован, между прочим, в словаре под редакцией С.И. Ожегова (ТСОж), и сохраняется в обоих его более поздних редакциях (ТСОжШв, ТСОжСквор).

Другие семантические аспекты значения слова «нравственность», появляющиеся в разное время в разных словарях, тоже заслуживают внимания

как элементы, отражающие особенности общественно-культурной действительности. Политический аспект, материальной формой выражения присутствия которого считаем, например, словосочетание «коммунистическая нравственность», был нами выявлен в пласте речений в трех словарях: ТССорФил, ТСОж, ТСЕвг. Авторы двух словарей (ТСКузн, ТСБаб) отметили в зоне дефиниции, что «нравственность» — это качество, которое проявляется не только в сфере межчеловеческих отношений, но и в обращении человека с природой, чем ввели в семантическое поле данного понятия экологический аспект. Что интересно, религиозный аспект, соотнесение нравственности с Богом, христианской верой, получил материальное выражение лишь в словаре ТСДаль и, косвенно, в ТСГ, впрочем, в обоих он был обнаружен только в пласте речений.

Выводы

Проведенные нами анализы позволяют прийти к интересным выводам насчет соотнесенности структуры словарной статьи с ее способностью фиксировать и передавать изменения в семантическом облике толкуемых понятий. Все авторы и редакторы изученных нами словарей однозначно проявили стремление запечатлеть в своих лексиконах по возможности самые актуальные, но при этом хорошо закрепившиеся в культурном и общественном сознании, семантические элементы, составляющие полный лингвокультурологический облик понятия «нравственность». При этом, на наш взгляд, четко прослеживается и тенденция сохранять его универсальные, постоянные компоненты в зоне дефиниции, тогда как актуализирующие семы, как правило, помещаются авторами в иллюстративной зоне (т. е. в пласте речений). Причем, как доказывает пример двух словарей, в которых экологический аспект вводится в зону дефиниции, авторы-составители проявляют готовность актуализировать зону дефиниции в тех случаях, когда определенные изменения являются отображением постоянных тенденций, хорошо закрепившихся в общественно-культурных реалиях. Ведь более серьезное и продуманное отношение человека к природе, осознание связи с миром природы, его неразрывности с миром человека, однозначно можно считать не кратковременной модой, а полноценным элементом современной культуры, очередным этапом в развитии человеческого понимания себя и своего места в окружающем мире.

Подытоживая вышесказанное, полагаем, что проведенный нами анализ лексикографического материала, учитывающий трехчленную структуру словарной статьи, позволил показать, что авторы словарей, как правило, именно нетолковательную часть используют для передачи тех ярких, актуальных, социально и культурно значимых сем, которые на конкретном этапе нельзя однозначно отнести к постоянным семантическим признакам толкуемого понятия. Это, в свою очередь, можно считать доказатель-

ством того, что предложения как элемент словарной статьи не являются только функциональным, иллюстративным компонентом, позволяющим продемонстрировать практическое применение данной лексической единицы. Они обладают большим потенциалом расширять и пополнять семантическую информацию, содержащуюся в толковательной части, обогащая ее набором ярких, актуальных, культурно и социально значимых сем. Именно поэтому, для того чтобы углубляться в семантику слов и получать полноценную ее картину, включающую те семантические элементы, которые отражают динамику общественно-культурных перемен, необходимо обращаться именно к пласту предложений.

Литература

Бабенко Л.Г. и др. Большой толковый словарь русских существительных. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 863 с.

Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. 576 с.

Герд А.С. и др. Большой академический словарь русского языка: В 23 т. СПб.: Норинт, 2009. Т. 12. 651 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Государственное издательство национальных и иностранных словарей, 1956. 699 с.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1983. Т. 2. 736 с.

Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 959 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 1997. 831 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание 8. Стереотипное. М.: Советская энциклопедия, 1970. 900 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания): Учебное пособие. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 172 с.

Скворцов Л.И., Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 53 000 слов. М.: Оникс. Мир и образование, 2005. 1198 с.

Сороколетов Ф.П., Филин Ф.П. Словарь современного русского литературного языка. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. 753 с.

Тихонов А.Н. Комплексный словарь русского языка. М.: Русский язык, 2001. 1228 с.

Ужова О.А. Иллюстративные примеры и цитаты в словарях культуры
Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/illyustrativnye-primery-i-tsitaty-v-slovaryah-kultury/viewer>. Дата обращения: 29.11.2021.

Эпштейн М.Н. Магия, логика и эстетика словаря. Словарная статья как жанр и как целостный образ семиосферы. Режим доступа: <http://www.emory.edu/INETNET/dar224.htm>. Дата обращения: 29.11.2021.

References

Babenko L.G. et al. (2007). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Anglijskie e'kvivalenty*. [A large explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents]. Moscow: AST-Press Kniga. 576 p. (In Russ.).

Babenko L.G. et al. (2005). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkikh sushhestvitel'nykh* [A large explanatory dictionary of Russian nouns]. Moscow: AST-Press Kniga. 863 p. (In Russ.).

Gerd A.S. et al. (2009). *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka: V 23 t.* [A large academic dictionary of the Russian language: In 23 vols.] Saint Petersburg: Norint. Vol. 12. 651 p. (In Russ.).

Dal' V.I. (1956). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo nacional'nykh i inostrannykh slovarej. 699 p. (In Russ.).

Evgen'eva A.P. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: B 4 t. Moscow: Russkij yazyk, 1983. Vol. 2. 736 p. (In Russ.).

Kuznecov S.A. (2003). *Sovremennyy tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint. 959 p. (In Russ.).

Lopatin V.V., Lopatina L.E. (1997). *Russkij tolkovyj slovar'* [Russian explanatory dictionary]. Moscow: Russkij yazyk. 831 p. (In Russ.).

Ozhegov S.I. (1970). *Slovar' russkogo yazyka. Izdanie 8. Stereotipnoe*. [Dictionary of the Russian language. Edition 8. Stereotyped.]. Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya. 900 p. (In Russ.).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik. 944 p.

Popova Z.D., Sternin I.A. (2009). *Leksicheskaya sistema yazyka (vnutrennyaya organizaciya, kategorial'nyj apparat i priyomy opisaniya). Uchebnoye posobie*. [The lexical system of the language (internal organization, categorical apparatus and methods of description). Study guide.]. Moscow: Knizhnyj dom "Librokom". 172 p. (In Russ.).

Skvorcov L.I., Ozhegov S.I. (2005). *Slovar' russkogo yazyka: okolo 53 000 slov* [Russian dictionary: about 53 000 words]. Moscow: Oniks. Mir i Obrazovanie. 1198 p. (In Russ.).

Sorokoletov F.P., Filin F.P. (1958). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 753 p. (In Russ.).

Tihonov A.N. (2001). *Kompleksnyj slovar' russkogo yazyka* [Comprehensive dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkij yazyk. 1228 p. (In Russ.).

Uzhova O.A. *Illyustrativnye primery i citaty v slovaryakh kul'tury* [Illustrative examples and quotes in cultural dictionaries]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illyustrativnye-primery-i-tsitaty-v-slovaryah-kultury/viewer>. Accessed: 29.11.2021. (In Russ.).

E'pshtejn M.N. *Magiya, logika i e'stetika slova. Slovarnaya stat'ya kak zhanr i kak celostnyj obraz semiosfery* [Magic, logic and aesthetics of the word. Dictionary entry as a genre and as a holistic image of the semiosphere]. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar224.htm>. Accessed: 29.11.2021. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.05.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted 05.05.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Информация об авторе

Бортновска Паулина — доктор гуманитарных наук (PhD), Университет им. А. Мицкевича в Познани, доцент; сфера научных интересов: социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, семасиология.

Information about the author

Bortnowska Paulina — PhD in Philology, A. Mickiewicz University in Poznan, Assistant Professor; research interests: sociolinguistics, psycholinguistics, cultural linguistics, semasiology.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 163–181
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 163–181

Научная статья

УДК 81-112

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.10>

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЕЕ СВЯЗЬ С ИСТОРИЕЙ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

Светлана Витальевна Власова

Университет Vytautas Magnus, Вильнюс, Литва, svetlana.vlasova@vdu.lt,
<https://orcid.org/0000-0002-5460-944X>

Аннотация. В статье речь идет о связи исторического развития прилагательного в русском и литовском языках с нейтрализацией семантики определенности/неопределенности. Исследование категории определенности/неопределенности проводится с точки зрения функциональной грамматики и теории референции (детерминации). Материалом исследования явились прилагательные, собранные из текстов Успенского сборника XII–XIII вв. Сопоставление с литовским языком позволяет сделать некоторые уточнения, касающиеся развития членных форм прилагательных в славянских и балтийских языках.

Ключевые слова: категория определенности/неопределенности, именные/членные прилагательные, церковнославянский язык, Успенский сборник XII–XIII вв., нейтрализация.

Для цитирования: Власова С.В. Нейтрализация семантики определенности и ее связь с историей форм прилагательного в русском и литовском языках // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 163–181. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.10>.

Original article

NEUTRALIZATION OF THE SEMANTICS OF DEFINITENESS AND ITS CONNECTION WITH THE HISTORY OF FORMS OF ADJECTIVE IN THE RUSSIAN AND LITHUANIAN LANGUAGES

Svetlana Vital'evna Vlasova

Vytautas Magnus University, Vilnius, Lithuania, svetlana.vlasova@vdu.lt,
<https://orcid.org/0000-0002-5460-944X>

Abstract. The relationship the interplay between the historical development of the adjective in the Russian and Lithuanian languages and the neutralization of the semantics of a definiteness is examined in the article. The paper describes the peculiarities of the use of simple and pronominal forms of adjectives from the functional grammar and the theory of reference (determination) point of view (I.I. Revzin, N.D. Arutunova, A.D. Shmelev, S.A. Krylov, T.M. Nikolaeva). We take into account the opinion of the linguists V.V. Kolesov, A.M. Kuznetsov, N.S. Trubetskoy. The conclusions of the research are based on the analysis of all contexts with simple and pronominal forms of adjectives contained in word-index to the Uspensky codex of 12th–13th centuries. We are dealing with 1235 adjectives which are used almost 9 thousand times: there are about 4 thousand samples of usage of simple forms and about 5 thousand of pronominal forms. We suppose more than 1500 cases of simple forms of adjectives in the Uspensky codex illustrate their usage for expressing the definiteness in case if it has already been expressed by lexical means (neutralization). Lithuanian material is analyzed according to the grammars of the Lithuanian language and articles on the adjective and the problem of the definiteness/indefiniteness category in the scientific literature in the Lithuanian language (authors Ambrazas V., Valeckienė A., Spraunienė B., Paulauskienė A., Mikulskas R., Holvoet A., Tamulionienė A.). Comparison of Modern Lithuanian and Old Literary Russian language texts allows to make some clarifications regarding the development of member forms of adjectives in the Slavic and Baltic languages.

Due to inseparable pronoun-adjective joining, close and complex relations have developed between the meaning of definiteness and the semantics of different groups of adjectives. This is explained by the fact that the lexical meaning of a relative adjective itself, its word-building possibilities single out, identify the object and can present it as well-known. Distinctive semantics of adjectives would often determine sole usage of pronominal or simple forms.

In modern Lithuanian, an interrelation is also noticed between the possibility of making pronominal forms and classes of adjectives. It should be noted that this relationship is opposite in Old Russian and Modern Lithuanian.

In the Uspensky codex of the 12–13th centuries, the category of definiteness is constantly expressed using pronominal forms in the cases where it has already been previously expressed by other means, i.e. demonstrative pronouns, proper names or lexical word meanings. It is vice versa in Lithuanian: when definiteness is expressed using lexical devices (e.g. relative and compound adjectives), such forms are not used or used inconsistently (with proper names, demonstrative pronouns and appeals). Comparison with the Lithuanian language suggests that in the Old Russian language such a situation was quite possible in the beginning.

Key words: a category of definiteness/indefiniteness, simple and pronominal forms of adjectives, the Uspensky codex of XII–XIII centuries, the Church Slavonic language, neutralization.

For citation: Vlasova S. Neutralization of the semantics of definiteness and its connection with the history of forms of adjective in the Russian and Lithuanian languages. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 163–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.10>.

© Власова С.В., 2021

Введение. В одном из примечаний составителя к изданной в 1978 г. книге И.И. Ревзина «Структура языка как моделирующей системы» содержится очень интересное замечание автора по поводу того, что следует различать два типа языков по способу выражения в них членом определенности. Первый тип характеризуется автором так: «...несовместимость с другими средствами выражения определенности или, слабее, отталкивание от них: если есть другое средство, то член не употребляется. В этом типе: а) собственные имена употребляются, как правило, без артикля; б) притяжательные, указательные, неопределенные местоимения, т. е. любые локализаторы, исключают употребление артикля. Таково положение в классических случаях западноевропейских языков (немецкий, французский, английский, испанский и т. п.). Второй тип кооперативного выражения определенности характеризуется обратным: наличие какого-то средства, подчеркивающего существительность, ведет к употреблению члена. Здесь, наоборот: а) имена собственные, как правило, употребляются с членом; притяжательные, указательные и даже неопределенные местоимения ведут к выбору именно членной формы. Таково, по-видимому, исходное положение славяно-балтийских членных форм прилагательных <...>. Так описывается употребление в старославянском» [Ревзин: 229, примечание 9].

Интересно, что это предположение касательно славянских и балтийских языков никто не пытался ни подтвердить, ни развить, ни опровергнуть.

Цель данной статьи — доказать наличие связи некоторых особенностей исторического развития прилагательного в русском и литовском языках с нейтрализацией семантики определенности/неопределенности (далее — О/НО). Предположение о связи нейтрализации и истории прилагательного возникло уже давно [Власова 2006]. **Методология исследования.** Исследование форм прилагательного в свете категории О/НО проводится с точки зрения функциональной грамматики и теории референции (детерминации) современного русского языка, разработанными И.И. Ревзиным, Т.М. Николаевой, Н.Д. Арутюновой, А.Д. Шмелевым, С.А. Крыловым. На наш взгляд, при рассмотрении истории именных и членных форм прилагательных неизбежно обсуждение «категории детерминации» [Крылов], «типов референции» [Шмелев, Арутюнова] или «категории определенности/неопределенности» [Николаева, Ревзин]. Так как категория О/НО (детерминации) является особой функционально-семантической категорией, ее следует рассматривать как многоаспектное явление [Крылов: 247–248]. В работе учитывается мнение лингвистов-историков языка В.В. Колесова, А.М. Кузнецова, Н.С. Трубецкого.

В данной статье мы попытаемся описать те сегменты древнерусской языковой системы, где, на наш взгляд, развитие форм прилагательного в той или иной степени обусловлено нейтрализацией противопоставления О/НО. Речь идет о синхронном срезе на материале одного письменного памятника определенного периода, но с попыткой объяснения дальнейшего исторического развития прилагательного в русском и литовском языках. Возможность сопоставления обусловлена тем, что, как известно, местоименные прилагательные — общая особенность, унаследованная балтами и славянами из индоевропейского языка. Однако до сих пор остаются не до конца выясненными причины того, почему пути развития местоименных прилагательных в балтийских и славянских языках были разными, вплоть до противоположного. Балтийские языки до сих пор сохранили местоименные прилагательные как определенную грамматическую категорию. В литовском языке их двусложность по-прежнему осознается, но преобладающими в языке являются простые формы, местоименные формы часто используются только в литературном языке или устойчивых сочетаниях; есть диалекты, где местоименные формы вообще не используются. В славянских языках членные (позже местоименные) формы со временем сильно фонетически упростились и постепенно перестали осознаваться как двухкомпонентные образования; именно они являются в современном русском языке основными (полные прилагательные), а краткие (исторически именные, нечленные) формы все больше вытесняются на периферию языковой системы. Разница между языками в их современном состоянии

хорошо описана [Мустейкис 1972: 57–80; Мустейкис 2012: 370–376], однако сопоставление именно данных литовского языка и ранних славянских памятников в историческом аспекте позволяет сделать новые интересные наблюдения.

Материалом исследования послужили собранные нами примеры использования прилагательных в текстах источника достаточно большого объема — Успенского сборника XII–XIII вв. (далее — УС). Выводы работы базируются на основе анализа всех словоупотреблений прилагательных, зафиксированных в словоуказателе к УС, а это составляет около 9 тыс. словоупотреблений на 1235 лексем прилагательных. Из них около 5 тыс. словоупотреблений — это использование членных форм. Если учесть, что «Нейтрализация всегда осуществляется в пользу немаркированного члена противопоставления» [Колесов:136], то о нейтрализации, видимо, следует говорить в случаях использования именной формы вместо членной. Как мы думаем, из почти 4 тыс. словоупотреблений именных форм прилагательных в УС почти полторы тысячи приходится на случаи их использования для выражения определенности (хотя здесь большая часть из них приходится на 1086 словоупотреблений 166 обнаруженных в УС притяжательных прилагательных). Литовский материал анализируется по грамматикам литовского языка и статьям, посвященным прилагательному и проблеме О/НО в научной литературе на литовском языке (авторы V. Ambrazas, A. Valeckienė, B. Spraunienė, A. Paulauskienė, R. Mikulskas, A. Holvoet, A. Tamulionienė).

Основная часть

К сожалению, «причины образования членных прилагательных в значительной мере останутся для нас загадкой уже потому, что мы не имеем и никогда не будем иметь тех контекстов, в которых они реально появились» [Историческая: 86], однако некоторые утверждения все-таки можно сделать и на имеющихся текстах более позднего периода, так как «Исследование роли именных и членных форм прилагательных в функционально-коммуникативном плане позволяет найти контексты, в которых членная или именная форма употреблялись в соответствии с происхождением» [Историческая: 88–89]. Мы придерживаемся точки зрения, что в УС оппозиция членных (в другой терминологии местоименных, полных) и именных (нечленных, кратких) форм имен прилагательных еще сохраняет рефлекс былого распределения, обусловленного О/НО имени существительного. Поэтому в ряде контекстов членная форма прилагательного сигнализирует о намерении автора текста сообщить о своем предположении, что читающий в состоянии отождествить в своей памяти референт, соответствующий определенной именной группе (ИГ). Именная форма называет тот или иной признак неиндивидуализированного предмета, который слушающий не в состоянии отождествить в данный момент.

Использование именных форм в атрибутивной функции следует объяснять либо неопределенностью в случаях конкретного (актуализованного) употребления существительного, к которому относится прилагательное, либо значением принадлежности классу при нереферентном употреблении определяемого существительного.

Но так как категория О/НО имеет сложную структуру, коммуникативный и прагматический аспект, связана со значением и существительного, и прилагательного в ИГ, контекстом, то в некоторых случаях оппозиция за счет тех или иных средств нейтрализуется.

Об этом писал еще основоположник теории оппозиций Н.С. Трубецкой: «Как и все грамматические категории, понятие категории определенности реально существует только в оппозиции с противоположным понятием. Во всех языках, которые ею обладают, оппозиция определенности — неопределенности нейтрализуется или устраняется в некоторых позициях или при некоторых условиях, которые различаются от языка к языку. Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что большинство случаев нейтрализации оппозиции определенности — неопределенности связано с функционированием системы синтагм — предикативных или детерминативных» [Трубецкой: 40]. Таким образом, под явлением нейтрализации мы имеем в виду снятие противопоставления в определенных позициях. В данной статье мы не видим оснований вступать в дискуссии по поводу обоснованности переноса понятий оппозиции и нейтрализации из фонологии в другие области грамматики. Перенос понятий оппозиции и нейтрализации в сферы лексики, морфологии, синтаксиса достаточно хорошо обосновывается современными авторами [Филимонова, Paulauskienė и др.].

В.В. Колесов в своих трудах связывает с оппозициями и нейтрализацией историческое развитие грамматических категорий. Вот что он пишет в своей неоднократно переизданной книге: «в последовательном преобразовании форм имени прилагательного можно выявить три хронологически разных этапа, каждый из которых определяется своими категориальными особенностями. На первом этапе (праславянский язык) представлена синтаксическая категория *определенности/неопределенности* в эквиполентном противопоставлении <...>. На втором этапе (древнерусский язык) включением разных типов прилагательных данное противопоставление раскладывалось на градуальное и выражало различные признаки определения; определенность порождает определения разного типа и качества, от предикатного (синтаксического) *миръ добръ* в различных вариантах (*добръ миръ*, *миръ добрый* и т. д.) до полного определения *добрый миръ*. Третий этап начинается в XVII в., его результат представлен современным литературным языком с характерной для его системы привативной оппозицией *атрибутивность/неатрибутивность* и полными формами **имени прилагатель-**

ного как морфологически самостоятельной частью речи» [Колесов: 232]. Не существует единого мнения по поводу того, какой из членов оппозиции О/НО на разных этапах развития мог быть маркированным. Предполагается, что изначально маркирован был член оппозиции со значением «определенность». Однако существует мнение, что в начале письменного периода древнерусского языка «членные формы уже не были маркированным членом оппозиции: они уже достаточно потеснили именные формы. Последние сохраняли свои функции — указания на неопределенный предмет — в довольно ограниченном круге синтаксических конструкций с четкой позицией в тексте, т. е. стали маркированным членом противопоставления» [Историческая: 148—149].

По мнению литовских языковедов, простые и местоименные формы (*praprstosios ir įvardžiutinės formos* — в соответствии с терминологией, принятой в литовской грамматике) качественных прилагательных литовского языка остаются формальными выразителями категории О/НО. Они образуют бинарную асимметричную оппозицию: местоименные формы являются отмеченным членом, имеющим признак «определенность»; простые формы данным признаком не обладают, они являются неотмеченным членом оппозиции. Относительные прилагательные местоименных форм не имеют и в эту категорию не входят [Ambrasas: 174—177, Valeckienė 1998: 261]. Замечено, что в современном литовском языке противопоставление местоименных и простых прилагательных по признаку О/НО часто подвергается нейтрализации. Называются такие ситуации: если определенность уже выражена в контексте другими средствами (указательными местоимениями, формами степеней сравнения прилагательных, лексическим значением прилагательного и др.), местоименные прилагательные могут заменяться простыми, т. е. сфера использования неотмеченного члена оппозиции расширяется [Valeckienė 1986: 169, 171]. В академических грамматиках литовского языка определенность рассматривается в числе категорий прилагательного, что небезосновательно критикуется авторами позднейших грамматик, особенно начала XXI века. Новый подход в изучении оппозиции простых и местоименных форм прилагательных литовского языка, основанный на новейших достижениях генеративной грамматики и когнитивной лингвистики, привел к выводу, что формы прилагательных являются выразителями О/НО существительного, к которому они относятся. Говорить, таким образом, стали не об определенности прилагательного, а об определенности всей ИГ [Holvoet, Tamulionienė: 12; Mikulskas: 61; Spraunienė: 136]. Уже несколько ранее Романом Рошко [Roszko: 13—20] было замечено, что описание категории О/НО в литовском языке, как оно выполнено А. Валецкене, то есть только через прилагательное, нельзя назвать удачным, так как категорию О/НО следует рассматривать гораздо шире, как семантическую категорию, которая проявляет себя только на уровне предложения, и не только в прилагатель-

ном. Автор говорит и об оппозициях, но не упоминает нейтрализации, хотя и замечает, что использование определенного артикля не всегда связано с передачей значения определенности и замечает миграцию артикля из контекста определенности в контекст неопределенности. К сожалению, остаются еще некоторые лакуны в исследовании данной категории. Литовские исследователи подчеркивают, что дистрибуция форм в современном литовском языке пока исследована недостаточно и поэтому, во-первых, не до конца ясно, что именно определяет возможности использования местоименной формы в некоторых случаях [Spraunienė: 136]. Иногда же затруднения вызывает и объяснение случаев использования простой формы, как в рассмотренном Б. Спраунене примере перевода ИГ с определенным артиклем (с артиклевого языка на литовский язык) ИГ с прилагательным в простой форме (здесь при повторном употреблении определенной ИГ ожидалась бы местоименная форма): *Tik po to jis paėmė vieną baltą pėstininką ir vieną juodą ... Iš saujos išslydo baltas pėstininkas* [Spraunienė: 125, еще примеры 121–127] «Только после этого он взял одну белую пешку и одну черную <...> Из ладони выскользнула белая пешка»¹. Во-вторых, исследователи отмечают, что затруднительно сказать, насколько и в каких случаях обозначение определенности vs. неопределенности формой прилагательного является обязательным [Mikulska: 33].

По нашим наблюдениям, нейтрализацию противопоставления О/НО в формах прилагательного в УС можно наблюдать в **следующих случаях**:

1. Именная форма прилагательного используется при выражении определенности, если определенность **уже была выражена в прилагательном лексически либо при помощи словообразовательных средств**. Здесь свою роль сыграл тот фактор, что формальный показатель определенности в балтийских и славянских языках присоединился не к существительному, а к прилагательному. Это привело к сложному взаимодействию между значением О/НО и семантикой разных групп прилагательных в ИГ, замеченному уже в середине прошлого века [Якубинский; Толстой]. С одной стороны, классифицирующая семантика прилагательного уже сама по себе индивидуализирует предмет, поэтому она не противоречит употреблению членной формы прилагательного, с другой стороны, здесь вполне достаточно и употребления именной формы (нейтрализация). Первый вариант мы видим у большинства относительных прилагательных в УС (особенно темпоральных и локативных), а второй — у притяжательных прилагательных. Так, в УС членная форма только появляется у притяжательных прилагательных (лишь 6 словоупотреблений в членной форме и 1086 в именной на 166 лексем притяжательных прилагательных). От лексического значения

¹ Перевод литовских примеров (кроме примеров из грамматики литовского языка на русском языке) здесь и далее наш. — С. В.

во многом зависит использование именной или членной формы и у одной группы прилагательных с суффиксом **-ьск-**. У этой группы именная форма преобладает в посессивном значении, конкурирует с членной в относительном, и преобладает членная форма в качественном значении, подробнее [Власова 2015].

В современном литовском языке нет притяжательных прилагательных, их роль выполняет родительный падеж существительного. Если говорить о других разрядах, то местоименными формами обладают только качественные прилагательные. Относительные прилагательные, имеющие разнообразные суффиксы, в частности, **-inis**, **-ienis**, **-ainis**, **-ykštis**, **-iškis**, **-otis**, **-uotis**, **-uolis**, **-uonis** и др., а также производные прилагательные с основой на **-ia**, **-ė** местоименных форм не образуют вообще. По мнению литовских лингвистов, причина этого в том, что в функциональном отношении эти прилагательные очень похожи на местоименные: они тоже обозначают свойство, выделяющее предмет или образующее значение вида, сорта предмета. То есть суффикс относительного прилагательного уже содержит в себе выделительное значение, поэтому нет необходимости повторно обозначать то же самое значение еще и местоименным окончанием [Valeckienė 1957, 267–279]. Интересно, что А. Валецкене даже делит прилагательные на две группы как 1) качественные и 2) классифицирующие, то есть обозначающие связанный с классификацией, распределением, выделением признак. Она также отмечает, что в роли классифицирующих прилагательных используются местоименные формы качественных прилагательных, когда они выступают в оппозиции с простыми формами [Valeckienė 1998: 124–125]. Более подробно об этом на примере прилагательных с суффиксом **-inis** и соответствующих древнерусских прилагательных с суффиксами **-ьн-** и **-ьн-**, см. [Власова 2011]. В литовском языке прилагательные с суффиксом **-inis** не образуют местоименных форм ввиду своей лексической определенности, а в текстах УС соответствующие им образования с суффиксом **-ьн-** не имеют именных форм, ввиду все той же лексической определенности. То есть получается, что литовский язык избегает избыточной маркировки: если значение выделительное уже передано суффиксом, нет необходимости в местоименной форме (аналогичную ситуацию в древнерусском языке мы видим с притяжательными прилагательными).

2. К случаям нейтрализации мы относим также немногочисленные в УС случаи употребления именной формы в роли определения **к уникальным существительным**, а также в сочетаниях с **именами собственными**. Денотатом уникальных имен существительных является предмет, единственный в своем роде. Поэтому они всегда имеют определенную референцию и употребляются в УС в большинстве случаев с членным прилагательным. В церковнославянских текстах это такие понятия, как «ад», «дьявол», «рай», «Бог», «Дух», «сын» (как лица Троицы), «Богородица»,

«Евангелие». Некоторые из них уникальны уже потому, что не существует одноименных с ними предметов. То есть выражение определенности здесь при помощи членного прилагательного можно считать в какой-то мере излишним, формальным показателем, дублирующим семантическую определенность. Опять мы видим, что лексически выраженная определенность не требует дополнительного грамматического оформления в виде членной формы, но и не противоречит ему. Со словами «Бог», «Дух», «сын» предпочтительна членная форма, так как они единичны, уникальны только в христианских текстах, но могут иметь и значение неединичных предметов. Немногочисленные примеры типа дхъ истинньнъ иже въ оца исходитъ 102г3 или сѣа кдинородьна 27063–4, видимо, объясняются влиянием церковнославянской книжной традиции (возможно, сохраняющей более раннее состояние), и тем не менее, это нейтрализация, так как в сочетаниях несомненно имеется определенная ИГ. Возможно, что в текстах УС именные формы могут быть редкими остатками более раннего состояния языка (когда тоже была характерна нейтрализация), сохранившимися в речевых формулах. Подробнее о формах прилагательных и уникальных понятиях см. [Власова 2016].

Особым семантическим статусом в языке обладают и имена собственные. «При стандартном употреблении имени собственного референт предполагается известным адресату речи» [Шмелев: 50]. Главная функция собственных имен — идентификация, выделение (индивидуализация) объектов. Так как они чаще всего в тексте имеют определенную референцию, они употребляются всегда только с членным прилагательным: слово премоудраго соломона 11а15; сего сѣопѣка оканьнааго 8в22; блженъи же ворисъ 10г10. Именная форма в роли определения к имени собственному в УС — большая редкость (мы нашли всего 2 примера). В первом из них именная форма вполне вписывается в логику неопределенной референции, так как налицо метафорическое значение, где имя собственное функционирует как обобщенное нарицательное: принесѣ кси владѣцѣ жѣртвоу чистоу · непорочно приношение нова исака 273б16. В тексте речь идет о любом человеке, безропотно принявшем потерю собственного ребенка, поэтому под новым Исааком имеется в виду любой безвременно ушедший ребенок (неопределенность). Причем показателем метафоричности является здесь именно прилагательное, т. е. «определение, несовместимое с «прямым» пониманием имени» [Шмелев: 49]. Второй случай будет рассмотрен ниже, так как он содержит в себе сложное прилагательное.

В случае уникального имени предмета значение определенности характерно уже для самого имени, называющего объект, то есть значение прилагательного не участвует в формировании значения определенно-

¹ Все примеры из УС цитируются по изданию [Успенский сборник XII–XIII вв.], указываются лист, столбец и строка, в которой находится анализируемое прилагательное.

сти. В современном литовском языке в похожих случаях лексической определенности имени в употреблении простых и местоименных форм допустимы колебания, связанные с нейтрализацией. В частности, в сочетаниях с именами собственными часто стоят местоименные формы, но возможны и простые. Приведем примеры колеблющегося употребления сочетания *senasis/senas Vilnius* — *старый Вильнюс* (собраны нами на интернет-сайтах Литвы): *Paroda «Senas ir naujas Vilnius» — Выставка «Старый и новый Вильнюс»*; *«Senas Vilnius» VU gidas — «Старый Вильнюс» гид ВУ*; *«Senas-naujas Vilnius: kaip miestas pasikeitė per šimtmetį» — «Старый-новый Вильнюс: как город изменился за столетие»*; *«Senasis Vilnius», UAB — «Старый Вильнюс» ЗАО*; *Matote vieno iš garsiausių senojo Vilniaus fotografų S. Fleury nuotrauką, kurioje užfiksuotos maudynės Neryje. O kokios jos buvo, senojo Vilniaus maudyklės? — Вы видите фотографию одного из самых известных фотографов старого Вильнюса С. Флери, на которой запечатлено купание в Нерис. А какими они были, купальни старого Вильнюса?*

3. Мы допускаем мысль, что сложные прилагательные могли иметь особый статус в церковнославянском тексте. Об этом говорят редкие примеры употребления в УС именных форм **сложных прилагательных** в позиции несомненной определенности и примеры вариативности форм в идентичных условиях. В текстах УС у сложных прилагательных наличествуют обе формы, их распределение зависит от синтаксической функции и О/НО определяемого слова [Власова 2006, 13–14]. Возможно, такие сложные прилагательные, как **лѡвоименитѣнъ**, **великогласъ**, **блгооуханьнъ**, **крѣвоточива**, **зѣлокъзньнѣи**, **медоточьнѣи**, **златокровьнѣи** и др., были плодом искусной речи, словотворчества древнерусских писцов, создававших текст [Историческая: 29], но проблема выбора именной или членной формы перед писцом все равно стояла. Едва ли случайностью является употребление именной формы именно сложного прилагательного в роли определения к имени собственному (как мы сказали выше, таких примеров в УС всего два): **ВЕЛИКОГЛАСЪ** же исана · **снѣ** амосовѣ **прѣрка** · **кже** **ѡп** **прѣрка** **прѣркѣ** **проповѣда** **намѣ** 268г31, а также варианты в контекстно почти идентичных примерах **моудростию** **ѡ** **ѡ** **ѡ** **цвѣтъ** **блгооуханьнѣи** **цвѣтъи** 110в22-23 и **моудростию** **цвѣтоуца** **присно** **ѡ** **цвѣтъѣ** **благосуханьнѣи** 110б19-20. Видимо, особый характер подобных слов писцом осознавался, их лексическая определенность достаточно очевидна и тоже может не оформляться членной формой. Осознать подобные примеры помогает сопоставление с фактами литовского языка: в современном литовском языке местоименные формы от сложных прилагательных не употребляются. Объясняется это тем, что сложные прилагательные обычно называют какое-либо узкое, специфическое свойство, характерное для одного какого-то предмета или вида предметов, достаточное для его однозначной идентификации, поэтому местоименный компонент при них изли-

шен. Напр.: *Dykaviduriai jurginai ne tokie gražūs* [Valeckienė 1957: 279–285] — Георгины с пустой / поллой серединой (букв. пустосередые) не такие красивые. Тогда возможно, что это тоже отражение более древнего состояния древнерусского языка.

4. Нейтрализация при наличии **других идентифицирующих средств** (например, указательных местоимений). Устранение оппозиции О/НО у определяемого при наличии демонстратива замечено еще Трубецким: «Существительные, уточняемые демонстративами, находятся вне оппозиции определенности — неопределенности почти во всех языках», однако «в старославянском, где понятие определенности было выражено специальными формами прилагательного («случай С»), определенность могла отличаться от неопределенности даже в сочетании с указательным местоимением» [Трубецкой, (примечание 6)].

При наличии указательных местоимений в УС употребляются членные формы прилагательного, хотя сами такие сочетания достаточно редки: *о сѣи одежи хощѣхъ мнози несъмъслъннии рѣугахѣхъ сѣи кмоу* 43a7-8; и *причетати сѣи неправдѣнѣмъ томъ съвѣтъ* 58a14. Подобные случаи мы относим к анафорической определенности, она основана на тождественности объектов номинаций (корреферентности). Появление тут указательного местоимения при членном прилагательном исследователи называют его «восстановлением» и считают свидетельством разрушения выражения категории О/НО формами прилагательного [Историческая: 87], считая, что местоимение тут излишне, оно стало добавляться позже, когда полной формы стало недостаточно для идентификации. Однако, по нашим наблюдениям, можно заметить следующую закономерность: местоимение чаще встречается при идентификации предметов и абстрактных понятий, особенно при смене наименования предмета. Для идентификации лица указательное местоимение используется крайне редко. Наименования лиц ввиду особенностей своего лексического значения в состоянии идентифицировать объект в сочетании с прилагательным и без указательного местоимения [Власова 2015]. То есть функция местоимения — помощь в идентификации, когда она может быть затруднена, например, из-за большого референциального расстояния от анафора до antecedента или из-за смены наименования предмета. Довольно часты случаи использования местоимения для эмфатического выделения.

Сходные случаи анафорической определенности известного или упомянутого выше предмета представлены как ядро категории в литовской грамматике. Признак предмета при его первом упоминании обозначается простым прилагательным (если оно есть) или описательно. Признак предмета при повторном его упоминании обозначается местоименным прилагательным. Так, рассказ Й. Билюнаса «Светоч счастья» начинается

с таких слов: *Ant aukšto stataus kalno pasirodė stebuklingas žibūrys* «На высокой крутой горе появился волшебный светоч». Далее слово *žibūrys* (светоч), обозначающее уже известный предмет, имеет при себе определение в форме местоименного прилагательного: *Dar nė vienas iš lipančiųjų... nepasilytėjo stebuklingojo žibūrio* «До сих пор еще никто из поднимающихся... не прикоснулся к (этому) волшебному светочу». Местоименные прилагательные могут сопровождаться указательными местоимениями *tas, ta* «тот, та», *šis, ši, šitas*, -а «этот, эта», особенно при смене наименования предмета, напр.: *Ir štai iš tankių medžių pasirodė trys puikios, baltos gulbės... Ančiukas pažino tuos nuostabiusius paukščius, ir jam kažin ko labai pailgo* «И вот из-за густых деревьев показались три прекрасных белых лебедя... Утенок узнал этих чудесных птиц, и ему почему-то стало очень тоскливо» [Valeckienė: 1998, 263–264] (замена лебедей — птиц). В литовском языке в этом случае возможна нейтрализация: когда при прилагательном имеется указательное местоимение, которое одно в состоянии идентифицировать предмет, местоименная форма становится необязательной, как в примере *Tai buvo nepaprastas kirvukas. Užtenka su juo patrinti skaudamą vietą, ir — pagydo... Su tuo stebuklingu kirvuku ir pagydė Vincę* «Это был необыкновенный топорик. Хватало потереть им больное место, и — вылечено... Этим волшебным топориком и вылечили Винце» [Ambrasas: 175].

5. **Звательный падеж** функционально приспособлен выражать обращение говорящего к лицу или риторически к неодушевленному предмету. Естественно, что это лицо или предмет известны говорящему, выделены уже тем, что к ним обращено высказывание. Прилагательные, согласующиеся с существительными в форме звательного падежа, в УС используются в членной форме: *мильи гнѣ наю и драгыи* 11г2-3; *свѣтъ намъ въс добрыи оучителю* 99в26; *радоуи сѧ крѣсте чьстьныи ... крѣсте славьныи* 88в5, 10-11. Параллельно употребляются прилагательные с флексией звательной формы: *прещедрыи и премилостивѣ ги слъзъ моихъ не премълчи* 14в19-20, но «эти формы в систему живого древнерусского языка, скорее всего, не входили», звательная форма «была известна только у ограниченного круга лексем качественных прилагательных (оценочная лексика), они же сохраняют эту форму в более поздних рукописях церковного содержания», в том числе и в УС [Историческая: 42, 43]. Несмотря на отсутствие здесь именных форм в УС (вместо них звательные формы), мы видим некий параллелизм с литовским языком, хотя в литовском языке флексия звательной формы есть только у существительных, но не у прилагательных. В литовском языке с существительным в звательной форме местоименные формы употребляются опять-таки непоследовательно. В равной степени можно сказать *mielasis drauge* и *mielas drauge* [Valeckienė 1957: 205] — «милый друг». По-видимому, лексическая определенность

тут поддерживается тем, что литовский язык сохраняет звательный падеж, утраченный со временем древнерусским языком, флексия звательного падежа сама по себе достаточна для идентификации.

6. Случаи однозначного понимания ситуации **из контекста**, как в примере и цѣловавъ мощи вѣложиша въ ракоу камѣноу · по семь вѣзьмѣше глѣба въ рацѣ камѣнѣ вѣставиѣше на сани · и повезоша 20г8–10. Несомненно, во втором случае называется та же самая каменная рака (определенность ИГ), но, по-видимому, нет коммуникативной необходимости идентифицировать её. Скорее всего, специальное средство, обеспечивающее референцию, отсутствует из-за того, что ситуацию можно понять только однозначно благодаря тождественности ИГ и близкому референциальному расстоянию повторяющихся ИГ друг к другу. Такие случаи можно считать случаями нейтрализации, когда средством идентификации в достаточной степени является контекст, поэтому определенность ИГ может быть обеспечена и при наличии именной формы прилагательного. Мы сюда отнесли бы и приведенный выше «необъясненный» случай использования простой формы в литовском языке: *Tik po to jis paėmė vieną baltą pėstininką ir vieną juodą ... Iš saujos išslydo baltas pėstininkas* [Spraunienė: 125].

Выводы

Итак, в УС, где все еще можно наблюдать рефлексы былого распределения форм прилагательных по признаку О/НО, ИГ с членной формой выражает определенность, а ИГ с именной формой может быть как определенной, так и неопределенной. Употребление членных / именных форм может корректироваться разными факторами (лексическим значением самого прилагательного, формой и значением определяемого существительного в ИГ, наличием местоимений и контекстом), в результате взаимодействия которых может произойти нейтрализация условий О/НО. Иногда это может касаться целого класса прилагательных: притяжательные прилагательные и прилагательные с суффиксом **-ьск-** в посессивном значении в УС преимущественно не имели членных форм. В других случаях это могут быть примеры немногочисленного остаточного (более древнего, как мы думаем) употребления: именная форма прилагательных в сочетаниях с уникальными существительными или у сложных прилагательных. В таком случае, возможно, дело системного предпочтения: не использовать член или все-таки «подкрепить» идентификацию еще и членом. Как нам кажется, тексты УС и примеры из литовского языка отражают разные пути: в литовском избегают дополнительного «подкрепления» определенности еще и местоименной формой, если она выражена другими средствами, а в древнерусском нет.

Таким образом, видимо, некоторое уточнение требуется по поводу высказывания об исходном положении славяно-балтийских членных форм прилагательных: вполне вероятно, что литовский язык окажется в неко-

торой степени ближе к другим западноевропейским языкам, чем некоторые славянские языки. Если согласиться с И.И. Ревзиным, что изначально положение у балтов и славян было сходным, то следует искать ответ, на каком этапе могло произойти расхождение. Как мы видим, в литовском языке при наличии лексической определенности прилагательного (случай с относительными и сложными прилагательными), при именах собственных, звательном падеже и в случае с указательными местоимениями, происходит нейтрализация и именная форма заменяет местоименную или конкурирует с ней, то есть в литовском языке при наличии другого средства идентификации член при прилагательном не используется гораздо чаще, чем в древнерусском языке. А в древнерусском языке, действительно, наличие любого другого «локализатора» (по Ревзину) приводит еще и к употреблению формы прилагательного с членом. Возможно, этот факт позволит несколько скорректировать типологические данные. Как известно, по наличию конструкции обладания (aš turiu — я имею, русск. у меня есть) литовский язык также ближе к западноевропейским языкам, или западнославянским (например, польскому), чем к русскому. Если же говорить о названных В.В. Колесовым этапах преобразования форм прилагательного в приложении к теории оппозиции, то она находит свое подтверждение, так как язык УС, видимо, и отражает как раз переходный этап между праславянской синтаксической категорией О/НО в эквиолентном противопоставлении и распадением его на градуальное именно из-за включения в данное противопоставление разных типов прилагательных.

Литература

Власова С. Роль категории определенности / неопределенности в развитии прилагательного в древнерусском и литовском языках // *Acta Baltica Slavica*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2006. № 30. С.181–198.

Власова С. Категория определенности/неопределенности и формы прилагательных, называющих материал, в церковнославянском и литовском языках (исторический аспект) // *Русистика и компаративистика: Сборник научных статей*. Вып. VI. Vilnius—Maskva: Edukologija, 2011. P. 180–190.

Власова С.В. Прилагательные с суффиксом -ьск- и категория определенности/неопределенности в церковнославянском языке (в сопоставлении с прилагательными с суффиксом -iškas в литовском языке) // *Русистика и компаративистика: Сборник научных статей*. Вильнюс; М.: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2015. Вып. X. P. 7–27.

Власова С. Формы прилагательных и определенность уникального объекта в церковнославянском тексте XII–XIII вв. // *Kalba ir kontekstai: mokslo darbai*. 2016. Т. 7 (1). D. 1. С. 164–172.

Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2006. Т. III. 496 с.

Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.

Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: Теоретические проблемы // Семиотика и информатика, 1984, вып. 23. С. 124–154.

Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс: Минтис, 1972. 286 с.

Мустейкис К. Функциональная грамматика русского и литовского языков: Монография. Vilnius: Edukologija, 2012. 466 p.

Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 287 с.

Толстой Н.И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания, вып. 2. Москва, 1957. С. 43–122.

Трубецкой Н.С. Отношение между определяемым, определением и определенностью // Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 37–43. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/trubetskoy-87c.htm>. Дата обращения: 29.11.2021.

Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подг. О.А. Князевская и др. М.: Наука, 1971. 751 с.

Филимонова Ю.В. Системное исследование нейтрализации как явления языковой нормы в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2000. 210 с.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. 368 с.

Ambrazas V. (red.) Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. 742 p.

Holvoet A. Tamulionienė A. Apibrėžtumo kategorija // Daiktavardinio junginio tyrimai / Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2006. P. 11–32.

Mikulskas R. Apibrėžiamųjų būdvardžių aprašo perspektyva // Daiktavardinio junginio tyrimai / Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2006. P. 33–65.

Paulauskienė A. Opozicijos ir jų neutralizacija gramatinių kategorijų paradigmos // Kalbų studijos. (Studies about Languages). 2008. №. 13. P. 5–14.

Rosko R. Semantinė apibrėžtumo / neapibrėžtumo kategorija (lietuvių ir lenkų kalbose). Respectus philologicus. 2002. Nr. 1. P. 13–20.

Spraunienė B. Paprastųjų ir įvardžiuotinių būdvardžių opozicija lietuvių kalboje kaip apibrėžtumo sistema // *Acta Linguistica Lithuanica*. 2008. Vol. 59. P. 109–139.

Valeckienė A. Dabartinės lietuvių kalbos įvardžiuotinių būdvardžių vartojimas // *Literatūra ir kalba*. 1957. Vol. 2. P. 159–355.

Valeckienė A. Apibrėžtumo/neapibrėžtumo kategorija ir pirminė įvardžiuotinių būdvardžių reikšmė // *Lietuvių kalbotyros klausimai XXV: Lietuvių kalbos sintaksės tyrinėjimai*. Vilnius, 1986. P. 168–189.

Valeckienė A. Funkcinė lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. 416 p.

References

Vlasova S. (2006). Rol' kategorii opredelennosti/neopredelennosti v razvitii prilagatel'nogo v drevnerusskom i litovskom jazykah [The Role of the Definiteness/Indefiniteness Category in the Development of Adjectives in Old Russian and Lithuanian]. *Acta Baltico Slavica*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk. № 30. Pp. 181–198. (In Russ.).

Vlasova S. (2011). Kategorija opredelennosti/neopredelennosti i formy prilagatel'nyh, nazyvajushchih material, v cerkovnoslavjanskom i litovskom jazykah (istoricheskij aspekt). [Category of definiteness/indefiniteness and the form of the adjectives naming a material in the Church Slavonic and Lithuanian languages (historical aspect)]. *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnyh statej* [Russian Philology and Comparative Studies. Collection of scientific articles]. Rel. VI. Vilnius–Moscow: Edukologija. Pp. 180–190. (In Russ.).

Vlasova S.V. (2015). Prilagatel'nye s suffiksom -'sk- i kategorija opredelennosti/neopredelennosti v cerkovnoslavjanskom jazyke (v sopostavlenii s prilagatel'nymi s suffiksom -iškas v litovskom jazyke) [Adjectives with the suffix -sk- and category of definiteness/indefiniteness in the Church Slavonic language (in comparison with adjectives with the suffix -iškas in Lithuanian)]. *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnyh statej* [Russian Philology and Comparative Studies. Collection of scientific articles]. Vil'njus — Moscow: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla. Rel. X. Pp. 7–27. (In Russ.).

Vlasova S. (2016). Formy prilagatel'nyh i opredelennost' unikal'nogo objekta v cerkovnoslavjanskom tekste XII–XIII vv. [Forms of adjectives and the definiteness of a unique object in the Church Slavonic text of the 12–13th]. *Kalba ir kontekstai: mokslo darbai*. T. 7 (1), D. 1. Pp. 164–172. (In Russ.).

Istoricheskaja grammatika drevnerusskogo jazyka [Historical grammar of the Old Russian language]. Pod red. V.B. Krys'ko. Moscow: Azbukovnik, 2006. T. 3. 496 p. (In Russ.).

Kolesov V.V. (2010). *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Saint Petersburg.: SPbGU. 512 p. (In Russ.).

Krylov S.A. (1984). Determinacija imeni v ruskom jazyke: Teoreticheskie problemy [Determination of Nominal in Russian: Theoretical problems.]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Rel. Pp. 124–154. (In Russ.).

Musteikis K. (1972). *Sopostavitel'naja morfologija russkogo i litovskogo jazykov* [Contrastive morphology of the Russian and Lithuanian languages]. Vil'nius: Mintis. 286 p. (In Russ.).

Musteikis K. (2012). *Funkcional'naja grammatika russkogo i litovskogo jazykov* [Functional grammar of Russian and Lithuanian languages]. Vilnius: Edukologija. 466 p. (In Russ.).

Revzin I.I. (1978). *Struktura jazyka kak modelirujushhej sistemy*. [The structure of the language as a modeling system] Moscow: Nauka, 287 p. (In Russ.).

Tolstoj N.I. (1957). Znachenie kratkih i polnyh form prilagatel'nyh v staroslavjanskom jazyke [The meaning of short and full forms of adjectives in the Old Church Slavonic]. *Voprosy slavjanskogo jazykoznanija* [Issues of Slavic Linguistics]. Rel. 2. Moscow. Pp. 43–122. (In Russ.).

Trubeckoj N.S. (1987). Otnoshenie mezhdru opredeljaemym, opredeleniem i opredelennost'ju [The relationship between determinable, definition and definiteness]. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow: Progress. Pp. 37–43. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/trubetskoy-87c.htm> (accessed:) (In Russ.).

Uspenskij sbornik XII–XIII vv. [The Uspensky codex of XII–XIII centuries] Izd. podg. O.A. Knjazevskaja i dr. Moscow: Nauka, 1971. 751 p. (In Russ.).

Filimonova Ju.V. (2000). Sistemnoe issledovanie nejtralizacii kak javlenija jazykovoju normy v sovremennom ruskom jazyke: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: [A systemic study of neutralization as a phenomenon of linguistic norms in modern Russian: dissertation ... of a candidate of philological sciences] 10.02.01. Jaroslavl'. 210 p. (In Russ.).

Jakubinskij L.P. (1953). *Istorija drevnerusskogo jazyka* [History of the Old Russian language] Moscow: Uchpedgiz. 368 p. (In Russ.).

Shmelev A.D. (2002). *Russkij jazyk i vnejazikovaja dejstvitel'nost'*. [Russian language and non-linguistic reality]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 496 p.

Ambrazas V. (1997). Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 742 p.

Holvoet A. (2006). Tamulionienė A. Apibrėžtumo kategorija. *Daiktavardinio junginio tyrimai*. (Red. A. Holvoet, R. Mikulskas). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. Pp. 11–32.

Mikulskas R. (2006). Apibrėžiamųjų būdvardžių aprašo perspektyva. *Daiktavardinio junginio tyrimai*. (Red. A. Holvoet, R. Mikulskas). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. Pp. 33–65.

Paulauskienė A. (2008). Opozicijos ir jų neutralizacija gramatinių kategorijų paradigmos. *Kalbų studijos. (Studies about Languages)*. No. 13. Pp. 5–14.

Roszkó R. (2002). Semantinė apibrėžtumo. *Neapibrėžtumo kategorija (lietuvių ir lenkų kalbose)*. *Respectus philologicus*. No. 1. Pp. 13–20.

Spraunienė B. (2008). Paprastųjų ir įvardžiutinių būdvardžių opozicija lietuvių kalboje kaip apibrėžtumo sistema. *Acta Linguistica Lithuanica*. Vol. 59. Pp. 109–139.

Valeckienė A. (1957). Dabartinės lietuvių kalbos įvardžiutinių būdvardžių vartojimas. *Literatūra ir kalba*. Vol. 2. Pp. 159–355.

Valeckienė A. (1986). Apibrėžtumo/neapibrėžtumo kategorija ir pirminė įvardžiutinių būdvardžių reikšmė. *Lietuvių kalbotyros klausimai XXV: Lietuvių kalbos sintaksės tyrinėjimai*. Vilnius. Pp. 168–189.

Valeckienė A. (1998). *Funkcinė lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 416 p.

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Информация об авторе

Светлана Витальевна Власова — доктор гуманитарных наук (PhD); доцент; доцент Образовательной академии Университета Vytautas Magnus (Вильнюс, Литва); сфера научных интересов: историческая грамматика русского языка, балто-славянские языковые связи, сопоставительная грамматика русского и литовского языков, церковнославянский язык.

Information about the author

Svetlana Vital'evna Vlasova; PhD in Philology; Associate Professor; Education Academy at the Vytautas Magnus University (Vilnius, Lithuania); research interests: historical grammar of Russian language, Balto-Slavic language connections, comparative grammar of the Russian and Lithuanian languages, the Church Slavonic language.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 182–196
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 182–196

Научная статья

УДК: 81'367.7

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.11>

ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ НЕЧЛЕННЫХ ФОРМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ И СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Анна Павловна Вьяльсова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, vyalsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-5247>

Аннотация. В связи с изучением норм употребления современного деепричастия возникает необходимость обратиться к истории формирования этой глагольной формы из нечленной формы причастия. Сравнительный анализ употребления нечленной формы причастия в житийных текстах XI–XVII вв. и современного деепричастия позволяет выявить сужение текстовых функций деепричастия в современном языке, обозначить периферийные для современного деепричастия конструкции с нарушением единого временного плана и в позиции при неличном субъекте и объяснить причины нарушения грамматических норм современной речи.

Ключевые слова: русский язык, церковнославянский язык, нечленное причастие, деепричастие, категория определенности/неопределенности, тип субъекта.

Для цитирования: Вьяльсова А.П. Текстовые функции нечленных форм действительных причастий и современного русского деепричастия в сопоставительном аспекте // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 182–196. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.11>.

Original article

TEXTUAL FUNCTIONS OF ACTIVE INDEFINITE PARTICIPLES AND MODERN RUSSIAN ADVERBIAL PARTICIPLES IN A COMPARATIVE ASPECT

Anna Pavlovna Vialsova

St. Tikhon's Orthodox University for Humanities, Moscow, Russia, vyalsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-5247>

Abstract. The norms of using the adverbial participle in speech have been the subject of grammar, rhetoric and speech culture for almost three centuries — a period of a desperate struggle against the violation of the prescribed rules for the use of the adverbial participle. Modern grammar science looks at violations of the norms of the use of the adverbial participle in a different way: an analysis of the abusive uses of the adverbial participle helps both to reveal the grammatical properties of the verb form itself and to trace the modern trends of the language. In connection with the study of the properties of the modern adverbial participle, it becomes necessary to refer to the history of the formation of this verb form from the short form of the Church Slavonic participle. An analysis of the peculiarities of the use of short forms of active participles and definite form of participles in ancient Russian texts allows us to explain the functional mechanisms of participles and adverbial participles in the modern language, to outline the zone of their divergence. The article examined the cases of choosing the short form of the participle, which show that its textual functions in the ancient language were wider than the textual functions of the adverbial participle in the modern language. Based on material from hagiographic texts of the 11th — 17th centuries constructions that are not characteristic of modern adverbial participle were considered. It can be named three conditions for the normative use of the modern adverbial participle, which correspond to the structural components of this article. First, the adverbial participle in the modern language, unlike the Church Slavonic language, cannot be used absolutely as a predicate of a sentence. Secondly, one of the violations of the norms should be recognized as the heterogeneity along the time line of the adverbial participle and the predicate. However, in the Church Slavonic language, such contexts of the use of short participial forms are found. Finally, a comparative analysis of these verb forms with impersonal subject was performed. As a result, it was shown that for the modern adverbial participle, the narrowing of temporal functions is compensated by the expansion of the possibility of use with subjects of different types. It seems that an appeal

to historical material can explain not only the grammatical properties of modern verb forms, but also violations of the grammatical norms of speech.

Key words: Russian language, Church Slavonic language, short forms of participle, adverbial participle, category of definitiveness and in-definitiveness, type of subject.

For citation: Vialsova A.P. Textual functions of active indefinite participles and modern russian adverbial participles in a comparative aspect. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 182–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.11>.

© Вьяльсова А.П., 2021

Введение. Синтаксические нормы употребления деепричастия в современном русском языке в основном касаются условия употребления данной глагольной формы при подлежащем двусоставного предложения или в составе инфинитивного безличного предложения. Это правило связано с историческим процессом развития деепричастия из нечленного согласуемого причастия и во многом носит формальный характер для носителя языка, о чем свидетельствует рост ненормативных употреблений деепричастной формы в последнее время — такое отношение носителей языка к норме употребления деепричастия Е.Р. Добрушина назвала «свободным регистром» [Добрушина 2020: 15]. Требование односубъектности в предложениях с деепричастной конструкцией давно стало общим местом пособий и справочников по культуре речи. Однако сегодня существует проблема того, что другие семантико-грамматические свойства деепричастия, которые также необходимо включить в нормативные требования употребления глагольных форм, оказываются вне фокуса внимания исследователей. Говоря о формировании деепричастия, следует учитывать не только исчезновение согласовательных категорий нечленной формы причастия, но и изменения, произошедшие на уровне семантико-грамматических характеристик: некоторые синтаксические позиции нечленного причастия постепенно становятся невозможными для новой глагольной формы — деепричастия. В настоящей статье будут описаны контексты, несвойственные современному деепричастию.

Цель статьи — путем анализа употребления нечленных форм причастий в истории русского литературного языка и сопоставления их с нормами употребления современного деепричастия выявить грамматические свойства современного деепричастия, очертить круг вопросов нормы и узуса в отношении его употребления в современной письменной речи.

Методология исследования. По сравнению с членными причастиями, которые претерпели мало формальных изменений за несколько веков фор-

мирования книжного языка Древней Руси, нечленные причастия, которые со временем оформились в деепричастие, употребляются непредсказуемо. Во многом это объясняется тем, что предписанных норм употребления причастных форм не было, а были образцы, оригинальные тексты, которые писцы воспроизводили при создании собственных. Формирование деепричастия из нечленных форм носило несистемный и неодновременный характер. Некоторые исследователи, в частности В.М. Живов [Живов 2011: 473–492], предлагали рассматривать нечленные формы причастий, употребленные в определенных синтаксических позициях, в качестве согласуемого деепричастия. Временем завершения формирования деепричастия считается эпоха XVII века [Стеценко 1972], хотя некоторые особенности употребления деепричастий в произведениях XVIII века привели исследователей к выводу, что деепричастие находилось в стадии формирования вплоть до XIX века [Запольская 1985], а такие современные явления, как нарушение грамматической связи деепричастия с подлежащим предложения и семантическая соотнесенность с логическим субъектом, или «абсолютивная деепричастная конструкция» [Добрушина 2014: 96–119, 2020: 9–18], доказывают, что этап формирования деепричастия в настоящее время нельзя назвать завершенным.

Для выявления семантико-грамматических характеристик деепричастия необходимо обратиться к историческому контексту, чтобы увидеть зону расхождения между членными и нечленными формами причастия, которая в процессе развития языка привела к образованию двух глагольных форм — причастия и деепричастия, различающихся как своими грамматическими свойствами, так и функциями в тексте. В качестве **материала исследования** в работе рассматриваются житийные тексты XI–XVII вв., а для анализа нарушений норм употребления современного деепричастия используются материалы Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ).

Основная часть

Бессоюзные и союзные конструкции с нечленными причастиями

Современное деепричастие рассматривается как второстепенное сказуемое, таксисный предикат, временное значение и позиция в предложении которого связаны с основным предикатом предложения. Однако формы нечленных причастий в древнерусской письменности характеризовались большим разнообразием своих функций. В некоторых контекстах нечленные формы функционально приближались к современным деепричастиям. Формы нечленных причастий, употребленные в такой функции, были широко распространены в нарративных текстах Древней Руси с первых письменных памятников вплоть до XVII века, данная функция нечленных причастий, или формирующихся деепричастий, была унаследована и современным деепричастием.

Рассмотрим следующие примеры из житийных текстов, созданных в разное время, и их переводы на русский язык, чтобы показать преемственность синтаксической функции нечленных причастий. (1) *Александръ же, слышавъ словеса сии, разгорься сердцемъ, и вниде в церковь святая Софиа, и, пад на колъну пред олтаремъ, нача молитися съ слезами* («Житие Александра Невского»). В переводе В.И. Охотниковой на месте выделенных нечленных форм причастий последовательно употребляются деепричастия: *Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами*. (2) *И то рече игумень, сътвори въ молитву и благослови въ его, отиде от него и иде, отнуду же и прииде* («Житие Сергия Радонежского»). В русском переводе жития М.Ф. Антонова и Д.М. Буланин также используют деепричастия: *Сказал это игумен и, помолвившись и благословив Сергия, ушел от него; и пошел туда, откуда и пришел*. (3) *Иногда же безмолствующу ему, нападоша на нь разбойници, мняще имъние у него обръсти, и ничтоже обрътоша развъ книги. И вземше книги, отидоша, и блудиша всю ночь по лесу, и велми утрудившася, възлегли, почиша* («Житие Корнилия Комельского»). Русский перевод фрагмента, выполненный А.А. Романовой, за исключением перевода причастия *възлегли* и добавления элемента *не находя дороги*, также последовательно передает нечленные формы причастий деепричастиями: *Как-то, когда он безмолствовал, напали на него разбойники, думая найти у него имущество, но ничего, кроме книг, не обнаружили. Взяв книги, они ушли и всю ночь блуждали, не находя дороги, по лесу, и, очень устав, прилегли отдохнуть*. Применительно к нечленным формам в «Житии протопопа Аввакума» можно говорить о частичной утрате ими согласовательных категорий. Аввакум использует нечленные формы непоследовательно, особенно отсутствие согласования заметно при сказуемом во множественном числе, где функция нечленных форм соответствует современным деепричастиям: *И привезше к Москве, поддержав, отвезли в Пафнутиев монастырь*. В приведенных примерах причастия встроены в сюжетную ткань текста: действия нанизываются друг на друга, динамично развивая сюжетное время нарратива. Героем нарратива летописного или житийного, как правило, выступает лицо мужского пола (князь, святой подвижник), действия которого, описываемые цепочкой глагольных форм, постепенно выстраивают сюжет. Поэтому связь глагольных форм с субъектом удерживается, скорее, семантически, чем с помощью согласовательных категорий.

В отличие от современных деепричастий, нечленные причастия в древнерусских текстах нередко были связаны с основным предикатом с помощью союза, как правило, сочинительного. Например, во фрагменте *Тогда же въставъ блаженный, и възъмъ злато, и съ слъзами помолися въ умъ*

*своем*¹ мы видим прихотливое нанизывание глагольных форм, и причастных, и финитных. Интересно отметить, что бессоюзные и союзные конструкции могут встречаться в сходных контекстах: *И въ другой же днь одѣвъся въ одежу свѣтлы и славну и тако **въспѣдъ** на конь **поеха** къ старцю*. Ср. другой пример из «Жития Феодосия Печерского» о приезде князя Изяслава в монастырь: *Се же, яко рѣкъхъ, **приѣхавъ** и **съѣде** съ коня, ни бо николиже ѣха на дворъ манастирьскый, и приступивъ къ вратомъ повель отъверсти, вѣннати хотя*. В этом примере причастие и основной предикат связываются сочинительным союзом. Статистика употребления нечленных причастных форм с сочинительными союзами по разным памятникам древнерусской письменности с подробным анализом условий их появления в тех или иных контекстах приведена в работе В.М. Живова [Живов 2011]. Им была обнаружена закономерность появления союзной связи при наличии нескольких причастных форм в цепочке предикатов [Живов 2011: 424]. Хотя можно встретить тексты, авторы которых предпочитают обозначать связь между глагольным предикатом и единичным причастием с помощью сочинительных союзов, но такие тексты представляют собой периферию по ряду языковых особенностей и не нарушают выведенную В.М. Живовым закономерность. Так, в «Повести о житии Михаила Клопского» на 24 случая союзной связи с союзами *да* и *и* между нечленным причастием и финитной формой приходится только 4 случая бессоюзной связи, и это, вероятно, не связано с количеством причастий во фрагменте, поскольку встречаются идентичные контексты, оформленные по-разному: (1) ***Приѣхавъ, послалъ** ко владыць...* и (2) ***И приѣхавъ да велѣлъ** молебень пѣти да обѣдную*. Примеры с союзной связью показывают, что нечленные формы обладали большей синтаксической свободой, чем современные деепричастия, что отражалось, в частности, в их способности выражать связь с основным предикатом с помощью сочинительного союза.

Таксисная связь современного деепричастия — семантико-грамматическая и синтаксическая зависимость от основного предиката — практически не отражена в языковых нормах, которые ориентируются прежде всего на требование односубъектности деепричастной конструкции. Между тем преподаватели отмечают достаточно частотную речевую ошибку учащихся, которая заключается в неразличении глагола и деепричастия: учащиеся могут употребить деепричастие без финитной формы, используя прием нежелательной парцелляции при делении предложения с деепричастным оборотом на части [Соколова 2019: 19–22]. Возможно, современный носитель языка ориентируется не на форму, а на семантику глагольного корня, и так, используя и деепричастия, и глаголы, передает последовательность

¹ Здесь и далее примеры из Жития Феодосия Печерского.

событий по примеру предикативных цепочек в памятниках древнерусской письменности.

Конструкции с нарушением единого временного плана

В текстах Древней Руси встречаются конструкции с нечленными причастиями, на месте которых в современном русском языке было бы употреблено причастие, а не деепричастие, — конструкции с нарушением единого временного плана между главным и второстепенным предикатом. Это свойство таксисной связи деепричастия и других таксисных единиц языка А.В. Бондарко характеризует так: «Понятие единства временного плана (целостности временного периода) включает однородность действий с точки зрения их конкретности/неконкретности (узуальности, типичности, вневременности). Все обозначаемые действия должны быть конкретными, либо неконкретными (в указанном смысле)» [Бондарко 2001], то есть временной фрагмент, укладывающийся в один фрагмент восприятия действительности. Однако такая связь между деепричастием и сказуемым установилась не сразу, оформлению этой связи предшествовал долгий переходный период. Существовали конструкции особого типа, в которых нечленная форма была в большей степени связана с именной группой, чем с глаголом-сказуемым, и имела частично абсолютное время, т. е. обозначала действие, которое занимало более широкий временной диапазон, чем время действия, выраженного глагольным предикатом. Например: *Святоплѣкъ же, **сѣдя** Кыевъ по отци, призвавъ кыяны, многы дары имѣ давъ, отпусти* («Сказание о Борисе и Глебе»). Здесь можно увидеть употребление нечленной формы **сѣдя** в значении неконкретного действия или состояния при сказуемом *отпусти* и при другом нечленном причастии *давъ*, которые выражают конкретные действия. С точки зрения текстовых функций глагольных форм нечленное причастие **сѣдя** в этом случае выражает фоновое действие, а матричный предикат и нечленное причастие *давъ* — сюжетное. При этом с точки зрения временных отношений фраза четко делится на два плана: 1) во временных отношениях между глагольными формами наблюдается, с одной стороны, включающая одновременность: **сѣдя Кыевъ по отци** — настоящее время с узуально-характеризующим значением, причастие **сѣдя Кыевъ** указывает на политический статус Святополка, который сохранялся до действия глагольного предиката и будет существовать после совершения его действия; 2) *призвавъ кыяны, многы дары имѣ давъ, отпусти* — причастные формы прошедшего времени, употребленные при глагольном предикате в аористе, имеют значение завершения действия и полного предшествования.

Интересно сопоставить с этим примером аналогичный пример В.И. Борковского: «*Се азѣ мѣстиславѣ володимирѣ снѣ дѣржа русьску землю въ свое княжение повелелѣ есмь сну своему всеволоду отдати буице стму георгиеви съ данию и съ вирами и съ продажами и вено вотское*», комментируя

который, он отмечает временную неоднородность глагольной и причастной форм: «Мы полагаем, что в <...> примере вся группа слов с причастием представляет как бы попутное замечание, удельный вес *държа* в предложении менее значителен, чем *повелель есмь*. Значение этой группы слов, занимающей в предложении обособленное место: в то время, как я правлю русской землей, в свое княжение» [Борковский 1949: 211]. Причастие *държа* в этом отрывке соотносится со сказуемым *повелель есмь*, употребленным в перфекте. С точки зрения грамматического соотношения по категории времени пример может напоминать предыдущий, однако с учетом того, что текст ненарративный и оба действия — и глагольное, и причастное — не участвуют в развитии сюжета, между глагольными формами в примере В.И. Борковского, на наш взгляд, выявляется более отчетливая связь.

В подобных конструкциях на равных могла употребляться и членная форма причастия: *Наипаче же зъло любляше блаженааго христолюбивый князь Изяславъ, **предържаи** тогда столь отца своего, и часто же ѿ призывааше къ собѣ, множищею же и самъ прихожааше к нему и тако духовныхъ тѣхъ словесъ насыщааше и отъхожааше* («Житие Феодосия Печерского»). Это соответствует нормам употребления и в современном русском языке, что доказывает перевод этого предложения О.В. Твороговым с использованием причастия: *Но особенно любил блаженного христолюбивый князь Изяслав, **сидевший** тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси*.

Это значит, что в определенный период развития языка существовала некоторая группа контекстов, в которых членные и нечленные формы причастий попадали в условия выбора. Возможно, присутствовали некоторые семантические отличия, выявление которых доступно только при обращении к контексту и требует дополнительного исследования.

Современное деепричастие в отличие от рассмотренных выше нечленных причастных форм удерживает модус, или временной план, сказуемого, поэтому сочетание узальной и актуальной информации или информации с разной степенью конкретности выражения времени выходит за границы норм употребления деепричастий. Так, деепричастия, образованные от глаголов, маркирующих неактуальные контексты типа *считаться*, редко сочетаются с предикатами, выражающими актуальное время. Например, *Расставаясь с нами накануне, **считаясь** уже официально мужем Дункан, Есенин **терялся** и не находил нужных слов* (ГИКРЯ). Сочетание двух планов: общего (*считаясь мужем Дункан*) и конкретного (*терялся, не находил нужных слов*), связанного с определенной временной точкой (*накануне*) нарушает условие единого временного плана. Кроме того, семантика глагола *считаясь* предполагает наличие дополнительного субъекта мнения, что нарушает правила употребления деепричастия. За-

мена деепричастия причастием устраняет этот дефект: *Расставаясь с нами накануне, Есенин, **считавшийся** уже официально мужем Дункан, терялся и не находил нужных слов.* Ср. подобный пример: ***Считаясь** полноправными защитниками Мисураты, мы днем слоняемся по позициям* (ГИКРЯ). В данном примере к нарушению единого временного плана между предикатами *считаясь-слоняемся* добавляется и неуместное употребление глагола с семантикой стороннего мнения при личном местоимении, поскольку получается расщепление субъекта: считают другие, а слоняемся мы. Контексты такого рода следует рассматривать при разработке норм употребления деепричастия.

Конструкции нечленных причастий при неличном субъекте

Вопросы, связанные с онтологическим типом субъекта, выявляют такие характерные для современного деепричастия свойства, как преимущественное употребление при личном субъекте. Деепричастие связано с предикатом временной связью, которая зиждется на внутренней прогрессии деепричастия — направленности, тяготению к следующему действию при предшествовании, что семантически выражается в контролируемости действия. Поскольку контроль действия может обеспечить только личный субъект, то употребление деепричастия при неличном субъекте, в особенности если глагольный корень связан с активным физическим действием, создает семантическую акциональность конструкции с оттенком целеполагания. Эту особенность деепричастия нередко используют поэты для создания эффекта олицетворения. Например, *И рвутся оборки накурций, и буря, // Баллоном **раздув** полотно панталон, // Вбегает и видит, как тополь, **зажмурясь**, // Нашествием снега слепит небосклон...* (Б.Л. Пастернак. «Мельницы»).

В нарративных текстах древнерусской письменности, в особенности житийных, причастные предикаты, относящиеся к личным субъектам, участвуют в формировании сюжетной линии, а предметы и явления, характеризующие причастиями, относятся, как правило, к фоновой информации. При этом следует различать случаи метафорического употребления предметных имен, когда, по сути, они являются отражением свойств святого. Например, *Богу сице изволивъшию, да и тамо добляго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть льпо, от встока **дъньница** възидеть, **сѣбираючи** окръсть себе ины многы звѣзды, **ожидаючи** солнца правѣднаго, Христа Бога...* («Житие Феодосия Печерского»). В данном примере *дъньница* — это развернутое метафорическое описание святого, жизнь которого посвящена ожиданию второго пришествия Христа.

К этой же группе примеров примыкают конструкции с именами, обозначающими части тела, в значении «часть как целое», например: *Таже, положи правую руку на плеху, по запястье отсекли, и **рука** отсеченная, на земле **лежа**, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред*

народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно («Житие протопопы Аввакума»). В приведенной конструкции сочетаются членная и нечленная формы. При этом членная форма характеризует известный предмет, то есть употребляется в значении «тот самый», а нечленная форма хотя и не влияет на динамику сюжетного действия по причине статуального значения глагольного корня, однако создает контекст, свойственный личному субъекту: рука приравнивается ко всему телу. Не случайно Аввакум употребляет эпитет *бедная*, тем самым выражая сочувствие казненному.

В примере из «Жития Феодосия Печерского» *Есть бо мала гора, надъ-лежащи надъ манастирьмъ тѣмъ, и человекъ тому туда въ нощи по ней ѣдущю, и се видѣти тому чудо испълнь ужаси* нечленное причастие *надъ-лежащи* стоит в позиции, невозможной для современного деепричастия. Во-первых, нечленная форма характеризует неизвестный, впервые упомянутый в тексте предмет — *гору*, во-вторых, форма соотносится по времени с бытийным глаголом, а это препятствует развитию динамики сюжета. Нечленная форма причастия здесь тяготеет не к глаголу, а к имени, в большей степени соответствуя современному причастию.

Следует отметить, что количество случаев употребления нечленных причастий при неличном субъекте в именительном падеже в житийных текстах ничтожно мало: так, в «Сказании о житии Бориса и Глеба» встретилось всего 4 примера, в «Житии Феодосия Печерского» — 12, в «Житии Сергия Радонежского» — 11.

Немногочисленные примеры употребления нечленной формы при неличном субъекте позволяют прийти к предположению, что писцы при выборе причастной формы с высокой долей вероятности руководствовались семантикой, сюжетной ролью и категорией определенности/неопределенности характеризуемого причастием имени.

В современном русском языке употребление деепричастий при неличном субъекте может быть намеренным: для создания олицетворения, как например, в стихотворении «Феодосия» О. Мандельштама: *Где вывеска, изображая брюки, Дает понять нам о человеке*, а может быть ошибочным и создавать ненужную акциональность: *По его словам, стоя в линии на-рада, корабли полностью беззащитны, а на море они могут успешно отразить нападение противника и нанести ответный удар* (ГИКРЯ). Условие употребления при неличном субъекте, при котором возникает лишняя акциональность, может быть внесено в нормативные требования употребления деепричастия.

Выводы

Свойственная современному языку дихотомия причастия и деепричастия основана на разделении функций обеих глагольных форм. При этом функция деепричастия закреплена в языке на уровне формы: дее-

причастие в литературном языке выступает только в функции второстепенного сказуемого или наречия. Напротив, спектр синтаксических функций причастия намного шире. Обращение к историческому материалу путем соединения синхронного и диахронного анализа единиц позволило выявить другой, отличный от современного, тип взаимодействия между глагольными формами. Нечленная форма причастия объединяла функции как современного деепричастия, так и современного причастия. Кроме того, выбор глагольных форм определялся не столько их синтаксическими функциями, сколько контекстом, жанровой спецификой текста, семантикой. Нормы употребления современного деепричастия, связанные единым временным планом, можно интерпретировать как сужение функций, однако это сужение компенсируется расширением возможности употребления деепричастия при неличном субъекте. Во многом это объясняется изменением свойств современного нарратива по сравнению с нарративными текстами Древней Руси. Таким образом, современные нарушения норм употребления деепричастий (в полисубъектных конструкциях, в конструкциях с нарушением временного плана, однородное употребление с финитными формами) также можно объяснить тем, что функции деепричастия обусловлены сегодня не формальными критериями предложения, а семантико-грамматическими категориями текста, семантикой субъекта и семантикой глагольного корня.

Источники

ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка. Режим доступа: <https://int.webcorpora.ru/drake/>

Житие Александра Невского. Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой. // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>. Дата обращения: 01.07.2021.

Житие Корнилия Комельского. Подготовка текста и комментарии А.Г. Сергеева, перевод А.А. Романовой // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10578>. Дата обращения: 01.07.2021.

Житие Сергия Радонежского. Подготовка текста Д.М. Буланина, перевод М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина, комментарии Д.М. Буланина // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989>. Дата обращения: 01.07.2021.

Житие Феодосия Печерского. Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Электронные публикации Института русской лите-

ратуры (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872>. Дата обращения: 01.07.2021.

Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 736 с.

Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5 т. / Сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 751 с.

Повесть о житии Михаила Клопского. Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5062>. Дата обращения: 01.07.2021.

Пустозерская проза: Сборник / Сост., предисловие, комментарий, переводы отдельных фрагментов М.Б. Плюхановой. М.: Моск. рабочий, 1989. 364 с.

Сказание о Борисе и Глебе. Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4871>. Дата обращения: 01.07.2021.

Литература

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 260 с.

Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов: Изд-во Львов. Ун-та, 1949. 390 с.

Добрушина Е.Р. Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2020. Вып. 63. С. 9–18.

Добрушина Е.Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: ПСТГУ. 2014. С. 96–119.

Живов В.М. Сочинительные союзы между причастным оборотом и главным предложением в памятниках восточнославянской письменности // Библиистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева / Отв. ред. Е.Л. Алексеева; ред. И.В. Азарова, Т.И. Афанасьева, Л.В. Осинкина, А.А. Пичхадзе. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 404–425.

Живов В.М. Позиция причастных оборотов и их дискурсивные свойства в языке русских летописей // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур. 2011. С. 473–492.

Запольская Н.Н. Функционирование причастий в русском языке конца XVII–XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1985. 206 с.

Соколова Е.В. Причастие, деепричастие, глагол в сознании школьника XXI века: что происходит и о чем это говорит // Русский язык за рубежом. 2019. № 2. С. 19–22.

Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972. 360 с.

Толстой Н.И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания / Отв. ред. С.Б. Бернштейн; АН СССР, Ин-т славяноведения. Вып. 2. М., 1957. С. 43–122.

References

Istochniki

Mandel'shtam O. (2001). *Stihotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. M.L. Gasparov (Ed.). Har'kov: Folio. 736 p. (In Russ.).

Pasternak B.L. (1989). *Sobranie sochinenij*. V 5 t. [The Complete Works. In 5 vols.]. Moscow: Khudozh. lit. Vol. 1. 751 p. (In Russ.).

Plyuhanova M.B. (1989). *Pustozerskaya proza* [Prose of Pustosersk]. Moscow. (In Russ.).

Skazanie o Borise i Glebe. [The legend of Boris and Gleb]. L.A. Dmitriev (Ed.). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4871>. Accessed: 01.07.2021.

Stetsenko A.N. (1972). *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka* [Historical Syntax of the Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola. 360 p. (In Russ.).

The General Internet-Corpus of Russian (GICR). URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>. Accessed: 01.07.2021.

Zhitie Aleksandra Nevskogo [Life of Aleksandr Nevsky]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>. Accessed: 01.07.2021.

Zhitie Korniliya Komelskogo [Life of Kornilius Komelsky]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10578>. Accessed: 01.07.2021.

Zhitie Sergiya Radonezhskogo [Life of Sergius of Radonezh]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989>. Accessed: 01.07.2021.

Zhitie Feodosiia Pecherskogo [Life of Theodosius Pechersky]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872>. Accessed: 01.07.2021.

Povest' o zhitii Mihaila Klopskogo [The story of the of Mikhail Klopsky]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5062>. Accessed: 01.07.2021.

Literatura

Bondarko A.V. (2001). *Osnovy funktsional'noi grammatiki: Iazykovaia interpretatsiia idei vremeni* [Basics of Functional Grammar: Language

Interpretation of the Idea of Time]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 260 p. (In Russ.).

Borkovskii V.I. (1949). *Sintaksis drevnerusskikh gramot. (Prostoe predlozhenie)* [Syntax of Old Russian Letters (a Simple Sentence)]. L'vov: Izd-vo L'vov. Un-ta. 390 p. (In Russ.).

Dobrushina E.R. (2014). *Korpusnye issledovaniya po morfeimnoi, grammaticheskoi i leksicheskoi semantike russkogo yazyka* [Corpus-based research on morphemic, grammatical, and lexical semantics of the Russian language]. Moscow: PSTGU. Pp. 96–119. (In Russ.).

Dobrushina E.R. (2020). Absolyutivnye deeprichastiya: norma i uzus, mikrodiakhroniya i sovremennoe polozhenie. [Absolute Transgressives: Their Standard and Occurrence, Microdiachrony and Current State]. *Vestnik PSTGU*. Ser. III: Filologiya. Issue. 63. Pp. 9–18. (In Russ.).

Sokolova E.V. (2019). Prichastie, deeprichastie, glagol v soznanii shkol'nika XXI veka: chto proiskhodit i o chem eto govorit [Communion, verbal adverbs, verb in the consciousness of a student of the XXI century: what is happening and what does it mean]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. No 2. Pp. 19–22.

Tolstoi N.I. (1957). Znachenie kratkikh i polnykh form prilagatel'nykh v staroslavianskom iazyke (na materiale evangel'skikh kodeksov) [Meanings of Short and Long Forms of Adjectives in the Old Slavonic Language (Based on the Material of the Evangelical Codices)]. *Voprosy slavianskogo iazykoznanii* [The Questions of Slavic Linguistics]. Ed. 2. Pp. 43–122. (In Russ.).

Zapol'skaia N.N. (1985). Funktsionirovanie prichastii v russkom iazyke kontsa XVII–XVIII v. [Functioning of Participles in Russian at the end of the XVII–XVIII c.]. Candidate's thesis. Moscow. 206 p. (In Russ.).

Zhivov V.M. (2011). Sochinitel'nye soyuzy mezhdu prichastnym oborotom i glavnym predlozheniem v pamyatnikah vostochnoslavianskoj pis'mennosti [Coordinating conjunctions between the participle and the main sentence in the East Slavic writings]. *Bibleistika. Slavistika. Rusistika: K 70-letiyu zaveduyushchego kafedroj bibleistiki professora Anatoliya Alekseevicha Alekseeva* [Bible Studies. Slavistics. Russian Studies. For the 70-anniversary of the head of the Department of Biblical Studies prof Alekseeva A.A.]. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. Pp. 404–425. (In Russ.).

Zhivov V.M. (2011). Pozitsiia prichastnykh oborotov i ikh diskursivnye svoistva v iazyke russkikh letopisei [The Position of Participial Constructions and Their Discursive Properties in the Language of Russian Chronicles]. *Slovo i iazyk: Sb. statei k vos'midesiatiletiyu akad. Iu. D. Apresiana* [The Word and the Language. Collection of Articles for the 80th Anniversary acad. Iu.D. Apresiana]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. Pp. 473–492. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.06.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted 25.06.2021; approved after reviewing 12.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Информация об авторе

Анна Павловна Вяльсова — кандидат филологических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия), доцент кафедры славистики историко-филологического факультета; сфера научных интересов: грамматика, история русского языка, синтаксис.

Information about the author

Anna Pavlovna Vialsova — Candidate of Philology, St. Tikhon's Orthodox University for Humanities (Moscow, Russia), Associate Professor of the Department of Slavic Studies of the Faculty of History and Philology; research interests: grammar, history of Russian, syntax.

КОМПАРАТИВИСТИКА: СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Научная статья

УДК 81.42

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.12>

ПРАГМАТИКА ДИСКУРСИВНЫХ ЖАНРОВ ПРЕДИСЛОВИЕ И ВВЕДЕНИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ И РУССКОМУ ФИЛОСОФСКИМ СЛОВАРЯМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Лариса Георгиевна Викулова¹, Эльвира Михайловна Рянская², Светлана Анатольевна Герасимова³

^{1, 3} Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия,

² Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия,

¹ vikulovalg@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1176-1668>

² elohka2210@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7563-6028>

³ gerasvetlana@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3960-8841>

Аннотация. В статье речь идет о прагматике дискурсивных жанров *предисловие* и *введение* к русскому и французскому философским словарям. Доказывается, что презентационной составляющей введения и предисловия является продвижение словаря как жанра научной коммуникации. Сравнительный анализ паратекстовых образований в русском и французском языке показывает, что коммуникативная стратегия информирования характерна для обоих изданий, вместе с тем для презентации достижений в области отечественной и зарубежной философии используются различные способы авторской самопрезентации.

Ключевые слова: дискурсивный жанр, философский словарь, прагматика предисловия/введения, сравнительный анализ.

Для цитирования: Викулова Л.Г., Рянская Э.М., Герасимова С.А. Прагматика дискурсивных жанров *предисловие* и *введение* к французскому и русскому

философским словарям: сравнительный анализ // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 197–218. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.12>.

COMPARATIVISTICS: SYNCHRONIC ASPECT

Original article

PRAGMATICS OF THE DISCURSIVE GENRES PREFACE AND INTRODUCTION TO THE RUSSIAN AND FRENCH PHILOSOPHICAL DICTIONARIES: COMPARATIVE ANALYSIS

Larissa Georgievna Vikulova¹, Elvira Mihailovna Ryanskaya², Svetlana Anatolievna Gerasimova³

^{1,3} Moscow City University, Moscow, Russia

² Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

¹ vikulovalg@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1176-1668>

² elohka2210@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7563-6028>

³ gerasvetlana@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3960-8841>

Abstract. The pre-textual part of any published work is especially important for the readers and includes pragmatic purpose of the content explication and prior notification to the reader about the edition. Such genres contribute to the consideration of the publications providing any preface or introduction as a knowledge product in the publishing industry. The objectives of the article include identifying the linguo-pragmatic features of discourse genres such as preface and introduction to the Russian and French lexicographic practice based on the text-typological approach. The relevance of the study lies in the fact that philosophical discourse reveals not only linguistic, but also communicative features in the scientific communication. Furthermore, the features can exercise a certain degree of influence over a reader in conjunction with the language, that can be considered as a keeper of scientific experience and social foundations.

A comparative analysis has illustrated that using paratextual units to inform the reader about the particular book characteristics is a common feature of Russian and French philosophical discourse. Moreover, the prospective orientation of the texts is anchored in the semantics of the terms of Preface and Introduction. The article argues that the pragmatic purpose of the preface is to familiarize the reader with the content of the published work. As for the introduction, the main

purpose of this pre-textual unit is to improve perceptions of the information drawing on the author's concept and theoretical analysis.

The result of the research demonstrates the description of the main communication strategies and tactics, indicating the linguistic and pragmatic features of the discourse genres such as preface and introduction. It was revealed that these pre-textual units are based on a stylistic effect of dialogicity, which includes the use of rhetorical questions and exclamation sentences. Terminological language is actively used as a reflection of the scientific picture of «philosophy». Furthermore, it is proved that the promotion of the dictionary as a scientific genre is a part of the presentation of the texts, evidence of which can be seen in the use of ameliorative assessment of the publications. Various ways of the author's self-presentation are submitted as a presentation of achievements in the field of philosophy. The tactics of explanation, comparison and the special characteristics of the edition innovation are presented in the Russian dictionary. Whereas the authors' competence and authority is emphasized in the French dictionary, which also indicates their scientific status and presents detailed information about their workplace. French philosophers actively use the tactics of the use of authoritative source or opinion as the basis of philosophical reflection.

Key words: discursive genre, philosophical dictionary, the pragmatics of the preface / introduction, comparative analysis.

For citation: Vikulova L.G., Ryanskaya E.M., Gerasimova S.A. Pragmatics of the discursive genres *preface* and *introduction* to the french and russian philosophical dictionaries: comparative analysis. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev*. Vyp. XV. *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 197–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.12>.

© Викулова Л.Г., Рянская Е.М., Герасимова С.А., 2021

Введение. В книгоиздательской практике научной литературы, в том числе отраслевых словарей, всегда представлен *аппарат ориентировки*, который в значительной степени обеспечивает успешность продвижения книжной продукции на читательском рынке — это дискурсивные жанры *предисловие* и *введение*. Публикуя словарь, издатель учитывает, что особое место в нем занимает предтекстовая часть, включающая в себя прагматическую установку ориентирования и предварительного информирования читателя об издании. Такие жанры не предусматривают прямых действий потребителей (читателей), а выполняют в основном коммуникативные задачи по информированию целевой аудитории, способствуя позиционированию издания как интеллектуального продукта на книжном рынке [Викулова 2016: 110].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить прагматический потенциал дискурсивных диалогически ориентированных жанров, представленных паратекстовыми элементами — *предисловие* и *введение* к словарям на русском и французском языках. В **задачи статьи** входит выявление лингвопрагматических особенностей дискурсивных жанров *предисловие* и *введение* в разноязычной лексикографической практике на основе текстотипологического подхода. Представляется целесообразным проведение сравнительного анализа данных жанров в связи с тем, что сравнение фактов разносистемных языков (русского и французского) на схожем материале (паратекстовые образования) позволит выявить схожесть и различие прагматического подхода при использовании дискурсивных жанров как компонентов феноменологии сложной области книгоиздательской и научной деятельности. Философский дискурс, представленный в специализированных словарях, обнаруживает не только языковые, но и коммуникативные особенности в пространстве научной коммуникации, использующей различные коммуникативные стратегии и оказывающей сегодня определенное, в том числе и культурное, влияние за счет словаря, материализованного хранителя основ социального и научного опыта.

Материалом исследования послужили тексты предисловий и введений к Философскому проективному словарю [Философский проективный словарь 2020] и [Dictionnaire de la Philosophie 2016]. Лексикографический труд является свидетелем определенного уровня цивилизации народа, отражает достижения науки, фиксирует состояние развития религиозной, философской мысли этноса [Дубичинский 2008: 31]. Популяризация научного знания именно в философских словарях восходит к эпохе Просвещения XVIII века, когда предисловие — *Discours préliminaire* (Вступительная речь), написанное философом Ж. Даламбером к «Энциклопедии, или Толковому словарю наук, искусств и ремесел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) Дени Дидро (1713–1784) и Жана Даламбера (1717–1783), крупнейшему справочному изданию XVIII века, становится значимым дискурсивным жанром философского дискурса. Тем самым был задан научный канон использования издательских /авторских предуведомлений в практике книгоиздания словарей [Герасимова 2017а: 161–163]. Философские словари являются значимыми изданиями в академической и научной коммуникации, где представлен как собственный философский материал, так и терминология социально-гуманитарных дисциплин, имеющих мировоззренческое и методологическое значение и конкретизирующих многие абстрактные характеристики бытия, выработанные философией.

Методология исследования. Исследования ученых в области вторичных текстов свидетельствуют о том, что проблема статуса предисловия и введения в текстовом пространстве окончательно не решена. Разнообразие обозначений предтекстовых образований наблюдается, в частности, во

французском языке и представлено синонимическим рядом, в который входят термины *préface* (предисловие) и *introduction* (введение) [Герасимова 2017б: 67]. Трактовки французских терминов содержат указание на назначение или формат предтекста [Рянская 2017: 158–159]. В некоторых случаях, например, предшествуя научной статье, вводный текст обозначается как “Le problème” или “Préliminaire”, при этом выбор названия может быть продиктован не только предпочтениями автора, традициями, но и правилами, установленными редакторами или издателем [Рянская 2017: 159–160]. Подобная практика встречается и в других текстовых жанрах и языках. Так, согласно С.Т. Нефёдову, в авторских предисловиях к монографиям на немецком языке вместо термина *Vorworte* (предисловие) могут встречаться другие обозначения, например, *Vorbemerkung* (Предварительное замечание), *Für wen dieses Buch geschrieben ist. Anwendungsfelder* (Для кого написана эта книга. Области применения) [Нефёдов 2013: 198]. В издательской практике предисловие как служебный, вспомогательный текст и часть издания отличают от введения, представляющего собой часть основного текста, в которой содержатся исходные понятия и теоретические положения [Герасимова 2017б: 69].

В лингвистической теоретической литературе чаще используются термины «издательское предисловие» и «авторское предисловие». Исследователи поднимают вопрос о различиях издательских и авторских предисловий, которые проявляются в их функциональной значимости, в целях и задачах, в характере содержащейся информации. Издатель ставит задачу информирования читателя и создает предисловия на основе фактуальной информации. Задача авторских предисловий состоит в формировании диалогического взаимодействия с читателем, а содержащаяся в них информация является концептуальной [Корниенко 2019: 91]. Авторское предисловие, согласно С.Т. Нефёдову, выполняет ориентационно-презентирующую функцию и собственную коммуникативную функцию (вспомогательно-обслуживающую), что отличает его от базового текста [Нефёдов 2013: 197–198]. Однако, по наблюдениям ученого, в случае изменений в традиционном названии предисловия возможны отклонения от типичной авторской целеустановки при создании «обслуживающего» предтекста [Нефёдов 2013: 198]. В авторском предисловии могут быть приведены обстоятельства или трудности написания произведения, представлены гипотезы или концепции, а также использованы отсылки к другим текстам [Галечко-Лопатина 2011: 69–70].

Общими чертами разновидностей предисловий являются их статус периферийного текста и наличие прагматических составляющих [Корниенко 2019: 92]. Предтекстовые образования рассматриваются как перспективный текст, обладающий смысловой связью с первоисточником и дающий установку на незатрудненное восприятие основного текста [Тенекова 2007:

7], и как авторское изложение замысла, подготовка читателя к восприятию новых знаний [Галечко-Лопатина 2011: 67].

Теоретическими основаниями настоящего исследования послужили обозначенные нами в предыдущих публикациях [Викулова 2016; Герасимова 2017а; Герасимова 2017б; Рянская 2017] позиции, в соответствии с которыми издательский дискурс неотделим от проблемы коммуникативно-прагматического потенциала суперсегментных средств произведения — паратекстов. Выбор для исследования текстов предисловия и введения обусловлен тем, что они выполняют важную ориентирующую и репрезентирующую функции и реализуют свои специфические прагматические задачи. В данной работе мы опираемся на положения, согласно которым основной прагматической задачей предисловия является ознакомление читателя с содержанием издания, а введения — способствовать восприятию информации, опираясь на авторскую концепцию и теоретический анализ.

Основная часть. Проведенный нами сравнительный анализ русскоязычных и франкоязычных текстов предисловия и введения указывает на их специфические дискурсивные черты, обусловленные разными причинами. Это может быть фактор языковой личности (адресанта), особенность научной сферы (философия) и следование прагматическим установкам жанра или издательства.

Наличие предисловия и/или введения отвечает композиционным стратегиям издательского дискурса. Тактика ориентирования реализуется посредством использования определенных компонентов текста, включая заголовочный комплекс, смысловые части и т. д. Такие элементы присутствуют в русскоязычных текстах. Предисловие на русском языке содержит заголовок «Как пользоваться словарем». Введение, подготовленное М.Н. Эпштейном, имеет четко обозначенные разделы: «Гуманитарное творчество и жанр проективного словаря», «Проективность как метод мышления», «От анализа языка к синтезу новых концептов». Кроме того, оба текста имеют сопутствующие компоненты. Предисловие заканчивается посвящением: *Редакторы посвящают этот выпуск Проективного философского словаря светлой памяти наших соавторов Владимира Александровича Сулимова и Сергея Александровича Евстратова*. А во Введении имеется эпиграф — цитата из работы немецкого философа, одного из самых значительных мыслителей второй половины XX в. Ганса-Георга Гадамера «История понятий как философия».

В построении исследуемых текстов отметим неравнозначность объемов этих малоформатных текстов:

Предисловие	649 слов
Введение	2806 слов
Préface (Предисловие)	802 слова
Introduction (Введение)	1175 слов

Предисловия к словарям содержат фактическую информацию о некоторых особенностях словаря, о принципах его построения, о расположении статей и т. д., поэтому имеют небольшой объем.

Введения занимают больше места в текстовом пространстве словаря, поскольку их задача — изложить концепцию издания, ориентировать читателя не только в отношении «маршрутизации» в процессе пользования словарем, но и в направлении современных лексикографических тенденций и инноваций.

Предтекст можно определить как особый способ организации текста, отличающийся многообразием видов, среди которых обнаруживаются и неординарные, новаторские, отражающие смену устоявшихся эстетических приоритетов [Галечко-Лопатина 2011: 70–71]. В частности, авторы предисловий и введений, послуживших материалом для анализа, выбрали нестандартные способы формирования текстов, подчиняясь, на наш взгляд, ключевой задаче — разъяснить читателю концепцию словаря.

Объединяет авторские позиции идея обновления философских понятий и, как следствие, необходимость в их лексикографическом описании. Языковым маркером этого тезиса является, в первую очередь, прилагательное *новый*. В Предисловии слово встречается 11 раз в контексте обоснований необходимости обновлять содержание словаря: *новый выпуск, новые вызовы, новейшие идеи и тенденции, новые идеи, новые философские направления, новые гуманитарные дисциплины, концепции и системы мысли, новые философские понятия, новые смыслы, новые направления исследовательской и учебной работы, новые термины и понятия*. Столько же раз упоминается слово *новый* в том фрагменте Введения, который посвящен гуманитарному творчеству, в частности проблеме философского неологизма как «итога движения мысли»: *создание новых слов, новые слова, создание новых терминов, новые понятия, новые концепты, новый уровень, всякая новая мысль требует нового выражения, нового языка, новый поворот философии*.

Идею новизны в формировании философского словаря высказывает А. Конт-Спонвиль, отмечая, что ряд абстрактных понятий приобретает новый смысл (*cela fait comme une pensée plus neuve, plus profonde, plus forte*) и это находит отражение в философии, которая всегда возрождается, т. е. обновляется: *Ainsi la philosophie toujours renaît: c'est chercher, dans une langue commune, un chemin singulier vers l'universel*.

Еще одной общей чертой прагматического замысла ориентирования и информирования читателя является стремление авторов изложить концепцию словаря, опираясь на идею взаимодействия двух наук — лингвистики и философии. Такая взаимосвязь проявляется в сравнении языка и философской мысли, а также в оперировании междисциплинарными терминами. На это указывает следующая выборка слов, словосочетаний и высказываний:

Предисловие	<i>нормативное использование терминов; термины, толкования, гипертекст, концепты, понятия</i>
Введение	<i>способность языка образовывать новые слова; философский неологизм; язык обслуживает самые разные мировоззрения, мышление осуществляется в языке; лингво-аналитическая ориентация (в философии XX века); анализ повседневного, научного и собственно философского языка, его семантических, грамматических и логических структур; задача философии — не просто исследовать, но и расширять существующий язык, лексические поля, синтезировать новые концепты, вводить новые языковые правила; философия, как «критика языка», призвана изучать языковые игры, уточнять значения слов, понятий и правил, используемых в речевых практиках</i>
Préface	<i>La philosophie n'est pas une langue: c'est une pensée, ou plusieurs. Le langage ne pense pas. Mais on ne pense qu'en lui, que grâce à lui, contre lui parfois. Une langue n'est qu'un outil; le tout est de s'en servir le mieux qu'on peut. Non pour bien parler, ce qui ne serait que rhétorique, mais pour bien penser, mais pour bien vivre, et c'est la philosophie même <...>. La philosophie se fait avec des mots, qu'elle emprunte le plus souvent à la langue commune; mais elle les transforme — pour les rendre plus précis, plus rigoureux, plus clairs— ou les recrée.</i>
Introduction	<i>une conception de la philosophie — l'art de former, d'inventer et de fabriquer des concepts; La philosophie ne contemple pas, ne réfléchit pas, ne communique pas, bien qu'elle ait à créer des concepts pour ses actions ou passions.</i>

Совмещение философских знаний с лингвистическими свидетельствует о высоком уровне компетенции составителей исследуемых текстов. Кроме того, такое сочетание лингвистической и специфичной для конкретной науки информации способствует более глубокому пониманию прагматики анализируемого текста и интерпретации языковых средств [Stroinska 2001: 200].

Самопрезентация — одна из стратегий реализации прагматических установок информирования на основе фактов и взаимодействия с адресатом путем изложения гипотез и концепций.

Обратимся к русскоязычному словарю. **Предисловие** к Философскому проективному словарю составлено редакторами, авторство не указано. Атрибуцию текста, подписанного словом обобщающего значения *редакторы*, легко осуществить в силу того же контекста. Ориентиром выступает такое паратекстовое образование, как библиографическое описание издания, где указаны имена авторитетных философов-редакторов: **ПРЕДИСЛОВИЕ. Как пользоваться словарем // Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2 / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2020. С. 15–17.**

Философы-ученые выступают как инициаторы научной коммуникации, чья научная компетенция позволяет им инициировать реальное

взаимодействие академического сообщества и читательской аудитории. Именно статус редактора издания наделяет философов представительскими функциями, позволяющими им выступать от имени авторского коллектива с предисловием, в котором четко прослеживается оценка предлагаемого словаря за счет таких валоризирующих характеристик, как *номинант конкурсов*, активное использование оценочных прилагательных *новый, нетрадиционный, творческий, эвристический*:

Первое издание словаря <...> стало лауреатом и номинантом ряда конкурсов, салонов и выставок и давно распродано. Вектор данного словаря противоположный. Сначала он задумывался как введение в оборот новых философских понятий. Однако в процессе работы он перерастал в философский словарь, разносторонне артикулирующий новые сдвиги гуманитарной парадигмы. Поэтому в словарь вошли не только впервые предлагаемые авторами термины, но и некоторые известные термины, получающие новые, нетрадиционные толкования. Словарь представляет собой гипертекст, внедряющий в знаковую систему культуры новые концепты самым актом их манифестации. Пафос словаря — творческий, эвристический.

Частью презентационной составляющей является характеристика словаря как жанра. В Предисловии этому аспекту уделено достаточно много места, в том числе за счет использования тактик объяснения и сравнения.

Текст **Введения** является авторским и принадлежит М.Н. Эпштейну, российскому и американскому философу, автору более 800 трудов в области философии, филологии, культурологии, литературоведения и др. Среди тем его исследований — методология гуманитарных наук, постмодернизм, русская литература, поэтика, философия модальностей, теория советской идеологии и философии, семиотика повседневности, проективная лингвистика, перспективы развития языка и мысли. Пишущий (адресант) является ключевой фигурой в коммуникативном событии, его авторство обозначено четко в конце предисловия за счет графического присутствия имени ученого — *Михаил Эпштейн*.

Обратимся к французскому философскому словарю. Автором **Предисловия (Préface)** к французскому философскому словарю является Андре Конт-Спонвиль (André Comte-Sponville), современный французский философ, придерживающийся взглядов материализма, рационализма и гуманизма, автор многочисленных работ, в том числе переведенных на 24 языка.

Введение (Introduction) к словарю написано Жаном Грейшем (Jean Greisch), исследователем в области герменевтической философии и философии религии, специалистом по М. Хайдеггеру и П. Рикеру, директором серии “Collection philosophie” в 19 томах. Следует полагать, что компетентность и авторитетность экспертов рассматриваемых словарей несомненны, поскольку имя ученого является значимым маркером издания.

Текст Introduction дает пример ценностного компонента самопрезентации. Ж. Грейш, обращаясь к читателю, подчеркивает, что в создании словаря приняли участие известные ученые современной франкофонной философии, и призывает ознакомиться с этими великими, по его словам, именами:

Il suffit de parcourir la table des auteurs pour se rendre compte que les signataires de ces notices représentent en même temps en bonne partie de grands noms de la philosophie francophone contemporaine.

В этом списке указано 18 имен авторов статей по ключевым философским проблемам и терминам, содержащимся в словаре:

C'est cet ouvrage que le lecteur a entre les mains et qu'il pourra parcourir à sa guise, de l'Alpha: l'Absolu, présenté par Claude Bruaire, jusqu'à l'Oméga: la Volonté, présentée par Paul Ricœur. Il suffit de parcourir la table des auteurs pour se rendre compte que les signataires de ces notices représentent en même temps en bonne partie de grands noms de la philosophie francophone contemporaine. C'est ce qu'on peut vérifier en consultant, entre autres, les entrées "Affectivité" (M. Richir), "Bonheur" (A. Comte-Sponville), "Concept" (J. Ladrière), "Conversion" (P. Hadot), "Création?" (S. Breton) <...>.

Автор Introduction заключает, что именно знакомство с указанными статьями позволит читателю понять, что такое *философия*, прежде всего благодаря статье бельгийского философа Жана Ладриера, посвященной концепту в философском осмыслении:

De la lecture de ces articles se dégage une idée précise de la philosophie, qu'explicite bien la notice «Concept» rédigée par Jean Ladrière.

Валоризация издания происходит за счет акцентирования на знаковых именах виднейших философов современности, внесших конкретный вклад в создание авторитетного словаря. При этом имена философов помещены в сильную финальную позицию *Table des auteurs* (Список авторов), где указаны их научный статус и учреждение, которое представляет автор, например:

- *Henry DUMÉRY professeur de philosophie à l'université de Paris-X-Nanterre*
- *Claude GRÉGORY fondateur d'Encyclopædia Universalis et directeur de la première édition*
- *René HABACHI professeur en philosophie, ex-directeur de la division de philosophie à l'U.N.E.S.C.O*
- *Paul RICŒUR professeur émérite à l'université de Paris-X, professeur à l'université de Chicago*

Такая социальная маркированность представляет собой знак институциональности авторов французского словаря, значимых фигур научной коммуникации в академической среде, свидетельствуя о их компетенции и коммуникативном лидерстве в научной сфере, что позволяет ученым

участвовать в процессе статусной коммуникации в реальном взаимодействии академического сообщества и читательской аудитории.

Стратегия самопрезентации выражена в Предисловии с помощью самооценок, цитат и ссылок на положительные отзывы и оценки о словаре:

Первое издание <...> стало лауреатом и номинантом ряда конкурсов, салонов и выставок и давно распродано. Выход Словаря вызвал положительные отклики прессы, он был оценен как «методологический прорыв в отечественных гуманитарных науках <...>». Среди источников положительных отзывов указаны издания «Новый мир», «Философские науки», «Книжная витрина». Как показали исследования использования цитат и источников, модель цитирования, соотносимая с выражением оценки и отношения к собственной работе, присутствует в дискурсивных характеристиках практически любого жанра [Karatsolis 2016: 426]. В предисловии и введении она является необходимым условием реализации коммуникативной тактики субъективизации изложения информации.

Во Введении автор дает детальные пояснения, адресованные пользователю словаря, в том числе полезные специалисту, поскольку речь идет о новом лексикографическом явлении. Тактика коммуникативного равенства усиливает взаимодействие с целевым адресатом:

Словарь представляет собой опыт эвристического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации гуманитарных текстов. Словарь в целом носит системный характер, но это особый тип центробежной системы, которая предполагает артикуляцию множественных понятий, не сводимых к одной компактной схеме, предельно общему изначальному понятию. Эта открытая система построена на доверии к читателю как сомышленнику и сотворцу.

Последняя фраза приведенного выше примера отражает стремление к диалогичности с потенциальным пользователем словаря, статус которого М.Н. Эпштейн высоко позиционирует как *сомышленника и сотворца*. Так реализуется стратегия сотрудничества авторов словаря и его пользователей.

Приемы сравнения и противопоставления, широко используемые в тексте Введения, решают задачу сообщения новых знаний:

Существуют разные типы гуманитарных словарей и энциклопедий, но все они — дескриптивные, т. е. описывают термины, которые раньше уже употреблялись (в мировой или национальной философии, определенной школой или автором). Проективный словарь, напротив, не регистрирует, а предвосхищает, проектирует будущие дискурсы и тенденции в развитии дисциплины, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей.

Там действует система отсылок «текст — словарь». <...> Здесь действует связь: «словарь — возможный текст», т. е. текст, который может быть создан на основе словаря, с учетом того нового понятия, которое вводится в язык.

Следует отметить, что исследуемые тексты насыщены именами и названиями. Наш материал свидетельствует о том, что авторы активно прибегают к тактике привлечения авторитетного источника или авторитетного мнения. Экспертными источниками выступают: в Предисловии — издательство, журналы, ученые (7 наименований), во Введении — журнал, энциклопедия, ученые, писатели (17 наименований), в Préface — философы (7 имен), в Introduction — энциклопедия, научные труды, издательства, словари, ученые (38 названий). Тактика апелляции к авторитетному мнению сопровождается использованием приема цитирования: Предисловие содержит 3 цитаты с положительными отзывами о словаре, автор Введения М.Н. Эпштейн использовал цитаты (7) при изложении концепции словаря и в анализе иллюстративного материала, А. Конт-Спонвиль цитирует Монтеня, чтобы подкрепить свою точку зрения относительно постоянного обновления философских понятий. Детально рассматривая понятие «концепт», Ж. Крейш обращается к работам Гегеля Йенского периода, в которых находит необходимые для подкрепления собственных рассуждений высказывания известного философа. В частности, важное место уделено образному сравнению, с помощью которого Гегель иллюстрирует идею ценности понятий и представлений в отдельно взятой сфере: то, что значимо, например, для крестьянки, наблюдающей жизненный цикл своей лучшей коровы, сопоставимо со значимостью Платона и Спинозы для философии. По мнению Ж. Крейша, каким бы необычным не было данное сравнение, оно подчеркивает необходимость ориентироваться в мире концептов:

C'est d'abord ce service que ce dictionnaire des notions rendra à ses utilisateurs: en leur faisant visiter "l'étable" de plusieurs philosophes à la fois, il les aide à se familiariser avec le monde des concepts, qui est celui du philosophe. (Именно эту услугу прежде всего и оказывает своим пользователям этот словарь понятий: посещая «конюшню» сразу нескольких философов, он помогает им познакомиться с миром понятий, который является миром философа).

Таким образом, сравнение, а также метафора («конюшня» философов) служат дополнительным средством убеждения и создания образности суждения.

На прагматику дискурса оказывает влияние коммуникативная категория «достоверность» — сложное когнитивное образование, в концептуальное пространство которого входят такие базовые концепты, как истина, искренность и доверие [Панченко 2010: 7]. Статус достоверности получают такие утверждения, истинность которых подтверждена общественно-исторической практикой или эмпирически [Панченко 2010: 15]. Поэтому применима стратегия убеждения, которая в исследуемых текстах реализуется посредством рационально-логических объяснений.

Коммуникативная стратегия информирования предполагает сообщение знаний как систему информации, «признаваемую в обществе в качестве

коллективного объективного достояния». Мнение в отличие от знаний рассматривается как субъективные представления [Салахова 2013: 86]. В рассматриваемых текстах доминируют мнения, индивидуальные представления о концептуальной направленности изданий. Характерными для рассуждения маркерами являются экспликации, риторические вопросы, самообозначения и оценочные слова, выступающие показателями субъективного отношения.

Сочетание таких маркеров наблюдается во Введении. Примером может служить заключительный раздел «От анализа языка к синтезу новых концептов», в котором демонстрируется создание новых концептов. Рассмотрение этического термина «благоподлость» строится на таких элементах, как экспликация: *Эти словопонятия синтезируются из уже существующих языковых элементов методом альтернативного переосмысления и перекомбинирования.*

Дается ссылка на возможность анализа «в манере Джорджа Мура, одного из зачинателей английской лингвистической философии» и его оценка:

Однако анализ сам по себе интеллектуально тривиален, тавтологичен, если он не ведет к попыткам новых синтезов.

Как форма диалогичности активно используются риторические вопросы. Так, автор Введения предлагает целый ряд вопросов и суждений, которые побуждают читателя к совместным рассуждениям:

Всегда ли глупость — порок или в определенных ситуациях она может быть добродетелью? Если ум может служить орудием порока, то не может ли глупость служить орудием невинности? Вспомним слово «благоглупость», введенное в язык М. Салтыковым-Щедриным: как сочетаются в ней добро и зло? Если возможна «благоглупость», то не возможна ли и «благоподлость»?

Такая тактика коммуникативного равенства [Арсеньева 2013: 17–18] предполагает также использование приемов «отложенный ответ» или «вопрос-ответ»:

«Благоподлость» кажется сомнительным оксюмороном: если нехватка ума еще может сочетаться с благими намерениями, то как быть с извращением воли? Можно ли предавать, мучить, кощунствовать с благими намерениями? Очевидно, можно, и диапазон примеров очень широк <...>.

Вопрос способен осуществлять не только функции запроса информации, но и выражения уверенного или неуверенного мнения. Контекст позволяет дать более точную интерпретацию, поскольку предпочтение тому или иному знаку оказывается информативным [Доронина 2010: 111]. Вопросы, которые выражают определенное сомнение относительно высказываемой мысли, представлены в обоих разновидностях предтекстов французских авторов. Так, в Préface читаем:

Leur ordre même, dans un discours donné, variera en fonction des doctrines, des enjeux, des problématiques. C'est bien ainsi?: à chacun de suivre ses maîtres,

ceux qui l'aident à penser, à chacun de choisir entre eux, s'il le peut, ou d'inventer son chemin...

Автор Введения (Introduction) также задает риторический вопрос:

Si le titre d'Encyclopædia Universalis paraît se rapporter plutôt au premier âge du concept, on peut néanmoins reconnaître dans le présent Dictionnaire, qui se situe à mi-chemin d'une entreprise comme le Vocabulaire technique de la philosophie de Lalande et du monumental Historisches Wörterbuch der Philosophie de Joachim Ritter, une importante et originale contribution à cette "pédagogie du concept?" que Gilles Deleuze souhaitait promouvoir.

Риторические вопросы во французских текстах выполняют также роль привлечения внимания читателя, установления контакта с адресатом. В самом начале Introduction А. Конт-Спонвиль ставит вопрос, вовлекая читателя в обсуждение проблемы соотношения языка и философии:

La philosophie n'est pas une langue: c'est une pensée, ou plusieurs. C'est pourquoi elle a besoin de mots?: c'est pourquoi elle ne peut s'en contenter.

Далее, говоря о специфике философского словаря, автор спрашивает потенциального собеседника (и себя), возможно ли использование жаргона в языке философов и тут же дает отрицательный ответ: *Un jargon? Jamais chez les bons auteurs.*

В целом, особенность риторического вопроса заключается в том, что он является по форме вопросительным, а по смыслу — утвердительным [Доронина: 110], т. е. не требующим ответа:

La pensée des autres — et spécialement celle des grands philosophes du passé — est déjà là. Mais qui pourrait penser ou vivre à notre place? (Мысль других — и особенно мысль великих философов прошлого — уже существует. Но кто бы мог думать или жить на нашем месте?)

Под видом риторического вопроса может использоваться прием утверждения, о чем свидетельствует дальнейшее содержание текста. Так, в рассуждениях А. Конт-Спонвиля об отличии философии от мудрости ставится вопрос, ответ на который очевиден и следует далее:

C'est ce qui distingue la philosophie de la sagesse, vers quoi elle tend: la première est un certain type de discours; la seconde, une certaine qualité de silence. Il faudrait donc parler pour se taire? Oui, pour rendre au silence sa pureté, sa transparence, sa légèreté <...>.

Следует также отметить, что тексты на французском языке более эмоциональны, об этом свидетельствует употребление восклицательных предложений в Préface наряду с риторическими вопросами: *Voyez Platon ou Aristote, qui en firent desibelles. Voyez Spinoza, Kant, Hegel, Alain... Non, certes, qu'il s'agisse d'un travail de lexicographe! Le langage n'est qu'un matériau. Quel travail pour en faire une pensée!*

Метаязыковая стратегия реализуется путем толкования того, что намеревался передать читателю автор. Это достигается, прежде всего, путем

определения термина, т. е. использования дефиниций [Салахова 2013: 86]. По нашим подсчетам, исследуемые тексты наполнены терминологической лексикой, причем в разной степени. Наибольшее их количество имеется в тексте Введения (61), в Предисловии — 22, Préface и Introduction содержат 10 и 13 терминов соответственно. Немногие из них употребляются с пояснениями, т. е. авторы рассчитывают в первую очередь на адресата-специалиста. Так, М.Н. Эпштейн, комментируя идею необходимости переосмысления или создания новых терминов, ссылается на «методологию ТРИЗ». Речь идет о теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) Г.С. Альтшуллера. Аббревиатура не декодирована, но имеется ссылка на работу этого ученого.

В некоторых случаях автор Введения следует коммуникативной тактике дефиниции, которая выполняет в первую очередь функцию пояснения термина или раскрытия его значения:

На языке лингвистики это свойство высказывания осуществлять то, что оно описывает, называется перформативностью.

Сходные процессы «словаризации» творческого процесса происходят и в других областях культуры, даже таких далеких от философии, как кино, где возникает т. н. “data base narrative” (термин Льва Мановича), т. е. «повествование, основанное на базе данных».

Отдельные комментарии М.Н. Эпштейна достаточно обширны. В таких случаях реализуется не только функция пояснения термина, но и функция аргументации, когда автор высказывает свою точку зрения, опираясь на дефиницию [Шилова 2005: 20]:

«Проективизм» как метод сочетает в себе такие интеллектуальные традиции, которые считаются трудно совместимыми: ницшевскую философию жизни и витгенштейновскую философию языка — витализм и лингвизм. Лингзовитализм — это расширение жизненного пространства философского языка, умножение его мыслимостей и говоримостей.

На примере синтеза нового словопонятия автор Введения демонстрирует процесс формирования авторской дефиниции:

*«Дефиниция» — важный термин философии и лингвистики. <...> И не может ли быть такой дефиниции, которая выявляла бы именно существенную неопределимость понятия? Такой тип определения мы назовем инфиницией, *infinition*. Это сращение двух слов, *definition* (определение) и *infinity* (бесконечность), происходящих от одного латинского корня *finis*, конец, предел. По-русски «определение» и «беспредельность», срастаясь, дают такое же по смыслу слово «беспределение».*

В этом случае проявляется инструментальная функция — представление и связи старого и нового знания [Шилова: 20–21].

В тексте Introduction автор также обращается к ключевому термину *philosophe*, ссылаясь на труд “Qu’est-ce que la philosophie?” Жюль Делёза, французского философа, одного из основателей постмодернизма:

“Le philosophe, dit Deleuze, est l’ami du concept, il est en puissance de concepts?” (Философ, по определению Делёза, друг концепта, он во власти концептов?).

При этом автор Введения дает свою оценку этой дефиниции:

Cette définition comporte une triple pointe polémique, dirigée contre l’assimilation de la philosophie à la contemplation, à la réflexion ou à la communication (Такое определение термина несет тройную спорную нагрузку против уподобления философии созерцанию, рефлексии или коммуникации).

Выводы. Сопоставительный анализ дискурсивных жанров *предисловие* и *введение* к русскому и французскому философским словарям показал, что общим для русского и французского философского дискурса является обращение к паратекстовым структурам как возможности предупреждения читателя об особенностях подобного книжного издания. Авторы предисловия и введения строят тексты с опорой на диалогичность, ключевыми языковыми средствами которой выступают риторический вопрос, восклицательные предложения. Презентационной составляющей введения и предисловия является продвижение словаря как жанра в научной коммуникации, о чем свидетельствуют языковые средства мелиоративного оценивания самих изданий. Важным представляется положение о том, что прагматической задачей *предисловия* является ознакомление читателя с содержанием издания, а *введения* — способствовать восприятию информации, опираясь на авторскую концепцию и теоретический анализ.

Сравнительный анализ паратекстовых образований в русском и французском языке показывает, что коммуникативная стратегия информирования характерна для обоих изданий, вместе с тем для презентации достижений в области отечественной и зарубежной философии используются различные способы авторской самопрезентации в научной коммуникации. В исследуемых текстах активно используется терминологическая лексика как отражение научной картины мира в предметной сфере «философия». В частности, русскоязычный словарь отдает предпочтение тактикам объяснения и сравнения, а также валоризирующим характеристикам новаторства предлагаемого издания. Франкоязычное издание активно подчеркивает компетентность и авторитетность авторов словаря, обозначая их научный статус и учреждение, которое ученые представляют. Французские философы активно прибегают к тактике привлечения авторитетного источника или авторитетного мнения как основы философских размышлений.

Перспективная ориентация текстов заложена уже в семантике терминов *предисловие/Préface* и *введение/Introduction*. Интенциональность данных текстов проявляется в том, чтобы ознакомить с содержанием словаря. Рассмотренные текстовые образования способствуют решению инстру-

ментальной задачи — вербальное управление авторами процессами концептуализации мира в рамках научной коммуникации.

Источники

Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2 / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2020. 544 с.

Dictionnaire de la Philosophie. Paris: Encyclopædia Universalis, 2016. 4506 p.

Литература

Арсеньева Т.Е. Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 24 с.

Викуллова Л.Г. Издательский дискурс, или как себя рекламирует книга // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты» (Самара, 1–2 апреля 2016 г.). Самара: СамГУ, 2016. С. 104–112.

Галечко-Лопатина В.Д. Функция предисловия в произведениях биографического жанра // Историческая поэтика жанра. 2011. Вып. 4. С. 67–75.

Герасимова С.А. Вступительная речь как жанр академического дискурса: французская энциклопедия XVIII века // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия: Коллективная монография / Отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2017а. С. 161–179.

Герасимова С.А. Французский издательский термин *предисловие* в исторической проекции // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: Материалы XVIII Международной конференции Школы-семинара имени Л.М. Скредлиной (Москва, 13–16 сентября 2017 г.). М.: МГПУ, 2017б. С. 65–71.

Доронина С.В. Эпистемические функции коммуникативных ходов в рамках речевой стратегии дискредитации // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2(2). С. 107–111.

Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: Учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. 432 с.

Корниенко Е.Р. Предисловие как паратекст (на материале наследия Н.И. Новикова) // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 89–95.

Нефёдов С.Т. Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на примере авторского предисловия к научной монографии) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 3. С. 197–203.

Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 44 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ. Как пользоваться словарем // *Философский проективный словарь. Новые термины и понятия*. Вып. 2 / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетей, 2020. С. 15–17.

Рянская Э.М. Текст введения к научной статье: статус, параметры // *Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика: Сб. науч. статей в честь юбилея д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Викуловой* / Под общ. ред. Е.Г. Таревой. М: МГПУ; Языки народов мира, 2017. С.158–171.

Салахова А.Г.-Б. Конфессиональная языковая личность: коммуникативные стратегии и тактики. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 166 с.

Тенекова А.М. Обучение студентов-филологов жанрам справочного аппарата книги (предисловию и послесловию) в системе формирования коммуникативных умений: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Ярославль, 2007. 25 с.

Шилова Е.В. Терминологическая дефиниция как метатекст в русской-английской и англоязычной научно-технической литературе: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.

Эпштейн М.Н. ВВЕДЕНИЕ. О проективном словаре и проективном мышлении // *Философский проективный словарь. Новые термины и понятия*. Вып. 2 / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетей, 2020. С. 18–29.

Comte-Sponville A. Préface // *Dictionnaire de la Philosophie*. Paris: Encyclopædia Universalis, 2016. P. 4–6.

Greisch J. Introduction // *Dictionnaire de la Philosophie*. Paris: Encyclopædia Universalis, 2016. P. 7–10.

Karatsolis A. Rhetorical Patterns in Citations across Disciplines and Levels of Participation // *Journal of Writing Research*. 2016. № 7(3). P. 425–452. <https://doi.org/10.17239/jowr-2016.07.03.06>

Stroinska M. Pragmatics of scientific discourse // *Linguistik als Kulturwissenschaft. Festschrift für Bernd Spillner zum 60. Geburtstag* / Herausgegeben von Hartmut Schröder, Petra Kumschlies und María González. Frankfurt am Main. Berlin. Bern. Bruxelles. New York. Oxford. Wien: PETER LANG, 2001. P. 199–209.

References

Istochniki

Filosofskij proektivnyj slovar'. Novye terminy i ponyatiya [Philosophical projective dictionary. New terms and concepts]. Issue 2 (Pod red. G.L. Tul'chinskogo, M.N. Epshtejna). Saint Petersburg.: Aleteya, 2020. 544 p. (In Russ.).

Dictionnaire de la Philosophie. Paris: Encyclopædia Universalis, 2016. 4506 p.

Literatura

Arsen'eva T.E. (2013). *Kommunikativnye strategii i taktiki prosvetitel'skogo radiodiskursa (na materiale programmy "Govorim po-russki")* [Communicative strategies and tactics of educational radio discourse (based on the material of the program "We speak Russian")]: Author's abstract of thesis ... Candidate of Philological Sciences. Tomsk. 24 p. (In Russ.).

Vikulova L.G. (2016) Izdatel'skij diskurs, ili kak sebya reklamiruet kniga [Publishing discourse, or how the book advertises itself]. *Evoluciya i transformaciya diskursov: yazykovye i sociokul'turnye aspekty (Samara, 1–2 aprelya 2016 g.)* [Evolution and transformation of discourses: linguistic and socio-cultural aspects (Samara, April 1-2, 2016)]. Samara: SamGU. Pp. 104–112. (In Russ.).

Galechko-Lopatina V.D. (2011). Funkcija predisloviya v proizvedeniyah biograficheskogo zhanra [The function of the preface in works of the biographical genre]. *Istoricheskaya poetika zhanra* [Historical poetics of the genre]. Rel. 4. Pp. 67–75. (In Russ.).

Gerasimova S.A. (2017a). Vstupitel'naya rech kak zhanr akademicheskogo diskursa: francuzskaya enciklopediya XVIII veka [Introductory speech as a genre of academic discourse: the French encyclopedia of the XVIII century]. *Diskurs kak universal'naya matrica verbal'nogo vzaimodeistviya: kollektivnaya monografiya* [Discourse as a universal matrix of verbal interaction: a collective monograph]. Moscow: Lenand. Pp. 161–179. (In Russ.).

Gerasimova S.A. (2017b). Francuzskij izdatel'skij termin predisloviye v istoricheskoy projekcii [French Publishing Term Foreword in Historical Projection]. *Fundamental'noye i aktual'noye v razvitii yazyka: kategorii, factory, mekhanizmy: Materialy XVIII Mezhdunarodnoj konferencii Shkoly-seminara imeni L.M. Skrelinoj (Moscow, 13–16 sentyabrya 2017 g.)* [Fundamental and topical in the development of language: categories, factories, mechanisms: Materials of the XVIII International Conference of the School-Seminar named after L.M. Skrelinina (Moscow, September 13–16, 2017)]. Moscow: MGPU. Pp. 65–71. (In Russ.).

Doronina S.V. (2010). Epistemicheskie funkicii kommunikativnykh khodov v ramkakh rechevoj strategii diskreditacii [Epistemic functions of communicative moves within the speech strategy of discrediting]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University]. № 2(2). Pp. 107–111. (In Russ.).

Dobichinskij V.V. (2008). *Leksikografiya russkogo yazyka: Ucheb. posobiye* [Lexicography of the Russian language: study guide]. Moscow: Nauka: Flinta, 2008. 432 p. (In Russ.).

Kornienko E.R. (2019). Predisloviye kak paratekst (na materiale naslediya N.I. Novikova) [Foreword as paratext (based on the legacy of N.I. Novikov)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. № 3 (75). Pp. 89–95. (In Russ.).

Nefyodov S.T. (2013). Prototipicheskaya model' teksta kak osnova tekstotipologicheskogo znaniya (na primere avtorskogo predisloviya k nauchnoj monografii) [Prototypical model 'of the text as the basis of text-typological knowledge (on the example of the author's preface to a scientific monograph)]. *Vestnik SPbGU*. Ser. 9. Rel. 3. Pp. 197–203. (In Russ.).

Panchenko N.N. (2010). Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya [Credibility 'as a communicative category: Author's abstract]: Dis. ... Dr. filol. sciences. Volgograd. 44 p. (In Russ.).

PREDISLOVIYE. Kak pol'zovat'sya slovarem [FOREWORD. How to use a dictionary]. *Filosofskij proektivnyj slovar'*. *Novye terminy i ponyatiya* [Philosophical projective dictionary '. New terms and concepts]. Pod red. G.L. Tul'chinskogo, M.N. Epshtejna. Saint Petersburg.: Aleteya, 2020. Rel. 2. Pp. 15–17. (In Russ.).

Ryanskaya E.M. (2017). Tekst vvedeniya k nauchnoj stat'ye: status, parametry [The text of the introduction to the scientific article: status, parameters]. *Tekst: diskursivnoye proyavleniye i kommunikativnaya praktika: sbornik nauchnykh statej v chest' yubileya doktora filol. nauk, prof. L.G. Vikulovoj* [Text: Discursive Manifestation and Communicative Practice: Collection of Scientific Articles in Honor of the Jubilee of Doctor Philology, prof. L.G. Vikulova]. Moscow: MGPU; Yazyki narodov mira. Pp. 158–171. (In Russ.).

Salakhova A.G.-B. (2013). *Konfessional'naya yazykovaya lichnost': kommunikativnye strategii i taktiki* [Confessional linguistic personality: communicative strategies and tactics]. Chelyabinsk: Enciklopediya. 166 p. (In Russ.).

Tenekova A.M. (2007). *Obucheniye studentov-filologov zhanram spravocnogo apparata knigi (predisloviyu i poslesloviyu) v sisteme formirovaniya kommunikativnykh umenij* [Teaching philology students to the genres of the reference apparatus of the book (preface and afterword) in the system of forming communicative skills]: Author's abstract of thesis ... Candidate of Pedagogical Sciences. 13.00.02. Yaroslavl'. 25 p. (In Russ.).

Shilova E.V. (2005). *Terminologicheskaya definiciya kak metatekst v russkoyazychnoj i angloyazychnoj nauchno-tehnicheskoy literature* [Terminological definition as a metatext in Russian-language and English-language scientific and technical literature]: Author's abstract of thesis ... Candidate of Philological Sciences. Yekaterinburg. 23 p. (In Russ.).

Epshtejn M.N. (2020). VVEDENIYE. O proektivnom slovare i proektivnom myshlenii [INTRODUCTION. About the projective vocabulary and projective thinking]. *Filosofskij proektivnyj slovar'*. *Novye terminy i ponyatiya* [Philosophical projective dictionary '. New terms and concepts]. Issue 2. Saint Petersburg: Aleteya. Pp. 18–29. (In Russ.).

Comte-Sponville A. (2016). Préface. *Dictionnaire de la Philosophie*. Paris: Encyclopædia Universalis. Pp. 4–6.

Greisch J. (2016). Introduction. *Dictionnaire de la Philosophie*. Paris: Encyclopædia Universalis. Pp. 7–10.

Karatsolis A. (2016). Rhetorical Patterns in Citations across Disciplines and Levels of Participation. *Journal of Writing Research*. No 7(3). Pp. 425–452. doi: <https://doi.org/10.17239/jowr-2016.07.03.06>

Stroinska M. (2001). Pragmatics of scientific discourse. *Linguistik als Kulturwissenschaft. Festschrift für Bernd Spillner zum 60. Geburtstag* (Herausgegeben von Hartmut Schröder, Petra Kumschlies und María González. Frankfurt am Main. Berlin. Bern. Bruxelles. New York. Oxford.) Wien: PETER LANG. Pp. 199–209.

Статья поступила в редакцию 24.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 24.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Информация об авторах

Лариса Георгиевна Викулова — доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, профессор кафедры романской филологии, Институт иностранных языков; сфера научных интересов: теория языка, прагмалингвистика, теория дискурса, лингвистика текста, маркетинговая лингвистика.

Рянская Эльвира Михайловна — доктор филологических наук, доцент, Нижневартковский государственный университет, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода; сфера научных интересов: когнитивно-дискурсивные исследования языковых единиц различного уровня, лингвистика текста, анализ дискурса, межкультурная коммуникация.

Герасимова Светлана Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и лингводидактики, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков; сфера научных интересов: дискурсивные исследования паратекстовых единиц, межкультурная коммуникация, лингвистика текста.

Information about the authors

Larissa Georgievna Vikulova — Doctor of Philology, Full Professor, professor of Romance Philology Department, Institute of Modern Languages Institute, Moscow City University (MCU); field of scientific interests: language theory, pragmalinguistics, discourse theory, linguistics of text, marketing linguistics.

Elvira Mihailovna Ryanskaya — Doctor of Philology, Full Professor, Nizhnevartovsk State University, professor of Department of philology,

linguodidactics and translation; field of scientific interests: cognitive-discursive studies of language units at various levels, text linguistics, discourse analysis, intercultural communication

Svetlana Anatolievna Gerasimova — Candidate of Philology, Associate Professor of French language and didactics department, Modern Languages Institute, Moscow City University (MCU); field of scientific interests: discursive studies of paratextual units, intercultural communication, text linguistics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 219–235
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 219–235

Научная статья

УДК 81'367

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.13>

ВЕТЕР КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ¹

Владимир Ильич Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
г. Москва, Россия, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматривается символическое осмысление ветра в русском и английском языковом сознании, обусловленное его объективными характеристиками — движением воздуха, неуловимостью, степенью силы, вероятностью причинения вреда и возможностью использования энергии ветра, с одной стороны, и сравнением ветра с дыханием и отсюда — признанием его воплощением жизни, молодости и радости, с другой стороны. Ветер как лингвокультурный концепт осмысливается в понятийном, образном и ценностном аспектах. Анализируются понятийные характеристики этого концепта, его базовые и уточняющие признаки; рассматриваются ассоциативные признаки, определяемые основным содержанием этого концепта, этнокультурная специфика символизации ветра в русской и английской паремиологии, а также в поэтических произведениях.

Ключевые слова: ветер, символ, концепт, понятие, образ, ценность.

Для цитирования: Карасик В.И. Ветер как лингвокультурный символ в русском и английском языковом сознании // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 219–235. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.13>.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Original article

THE WIND AS A LINGUISTIC AND CULTURAL SYMBOL IN THE RUSSIAN AND ENGLISH WORLDVIEW

Vladimir Ilyich Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The paper deals with the wind as a symbol in Russian and English cultures. Its conceptualization and evaluative relevance is determined by its objective physical properties — air in motion, intangibility, gradable force, damageability, exploitation of its energy, on the one hand, and its comparison with breath, and hence taking it as embodiment of life, youth and joy, on the other hand. Wind as a linguistic and cultural concept may be analyzed as notion, image and value. Notional features of wind are subdivided into basic and specifying ones, the former include 1) motion of air, 2) physically felt, 3) natural, 4) horizontal, 5) moving in a certain direction, whereas the latter characterize wind from the point of view of 1) its force, 2) temperature, 3) usage, 4) uncontrollability, 5) changing circumstances. Properties of wind as conceptualized in the English worldview are specified concerning navigation. Basic associative features of wind are determined by its essential nature and metaphorically express breathing, and hence they symbolize life in general, movement, and therefore changing, novelty, freshness, and uncontrollability which is expressed as unpredictability and chaos.

Ethnic specificity of its symbolization is mostly vivid in proverbs because this genre of speech reflects concrete circumstances of human everyday existence, that's why in English proverbs and sayings we come across with many examples of sailing as a metaphor of life, whereas Russian allegoric interpretation of the wind is connected with various aspects of living on the firm ground. Proverbs about the wind express various recommendations of taking into account possible damage symbolically illustrated by this phenomenon of atmosphere. Wind is spoken about in proverbs as a dangerous force which however can be made use of. In aphorisms the idea of resistance to adversities comes to the fore, especially, in English aphorisms. Poetic texts emphasize the feeling of admiration people have when they think about the wind as a symbol of heavenly presence in our life, freedom and unpredictability. It should be mentioned that in poetry we come across not the ethnic specificity of the symbol in question but mostly its individual perception by an author.

Key words: wind, symbol, concept, notion, image, value.

For citation: Karasik V.I. The wind as a linguistic and cultural symbol in the Russian and English worldview. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 219–235. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.13>.

© Карасик В.И., 2021

Введение. Осмысление реальности многомерно и зависит от потребностей человека, познающего и осваивающего мир. Повторяющиеся типичные характеристики явлений и событий фиксируются в значениях и ассоциативных признаках слов и устойчивых словосочетаний. Освоение действительности выражается в системе символов — семиотических моделей мировосприятия, включающих образный и ценностный компоненты [Аверинцев, 1983; Борисова, Иванова, 2020; Дементьев, 2013; Карасик, Милованова, 2021; Куссе, 2021; Лосев, 1995; Лотман, 2000; Пименова, Дутбаева, Мошина, 2020; Сафьянова, 1997; Шелестюк, 1997; Якушевич, 2012]. К числу важнейших символов культуры относятся переживаемые знания о природных явлениях — временах года, чередованиях дня и ночи, небесных светилах, погоде, движении воды и ветра. Ветер как лингвокультурный символ осмысливается в разных аспектах: это может быть опасный ураган и освежающий бриз, регулярное движение воздуха с той или иной стороны света, полезная сила, позволяющая работать мельницам и двигаться парусным кораблям. Предполагается, что символическое осмысление ветра имеет универсальные и этноспецифические характеристики, его оценка диалектична, его персонализация раскрывает определенные качества человеческих характеров. В качестве материала для анализа использовались дефиниции из толковых словарей, текстовые фрагменты из национальных корпусов, пословицы и афоризмы, а также поэтические отрывки на русском и английском языках.

Основная часть.

Понятийные и образные характеристики концепта «ветер»

Осмысление явлений, событий и качеств в когнитивном плане выражается как концептуализация объективной и субъективной реальности, т. е. закрепление в индивидуальном и коллективном сознании фрагментов переживаемого опыта. Такое закрепление может быть охарактеризовано в понятийном, образном и ценностном измерениях, оно специфично для разных коммуникативных ситуаций и может рассматриваться как индикатор определенных типов личностей [Воркачев, 2014; Карасик, 2013; Красавский, 2008; Слышкин, 2004; Стернин, 2008].

Понятийное измерение концепта представляет собой фиксацию признаков того или иного объекта в виде дефиниции либо ее значимого вы-

раженного признака и подразумеваемых ассоциативных признаков. Применительно к понятийной характеристике ветра, обратившись к толковым словарям, мы можем увидеть следующее.

Ветер — естественное горизонтальное движение слоев воздуха в определенном направлении; движущийся поток, струи воздуха (БАС).

Wind — air in motion; a state of movement in the air; a current of air, of any degree of force perceptible to the senses, occurring naturally in the atmosphere, usually parallel to the ground (OED).

В приведенных определениях выделены следующие существенные признаки: 1) движение воздуха, 2) чувственно воспринимаемое, 3) естественное, 4) горизонтальное, 5) в определенном направлении.

Уточняющие характеристики этого концепта весьма разнообразны, назовем важнейшие: 1) сила (*сильный, слабый, умеренный* и др.), 2) температура (*горячий, тёплый, прохладный* и др.), 3) направление (*северный, юго-западный, восточный* и др.), 4) использование (*попутный, встречный*), 5) неподконтрольность (*ветер в голове, деньги на ветер*), 6) складывающиеся обстоятельства (*откуда ветер дует, ветер перемен*). В английском языке характеристики и направления ветра детально уточняются применительно к навигации: *to gain, get, or take the wind of; to keep one's wind* (это было важно для парусного судоходства).

Важнейшие ассоциативные признаки, определяемые основным содержанием этого концепта, сводятся к сравнению с дыханием, отсюда важнейшая метафора — жизнь, к движению, отсюда перемены, новизна, свежесть и т. д., и к неподконтрольности, отсюда вольность, непредсказуемость, хаос.

Этимология слов «ветер» и «wind» весьма прозрачна — их внутренняя форма восходит к индоевропейской основе «дуть, ваять» (Черных). Ветер воспринимается как природное дыхание мира. То, что по-русски выражено словами со значением «дыхание», в английском обозначается словом “wind”, например, *второе дыхание — second wind* (a condition of regular breathing regained after breathlessness during long-continued exertion) (OED) (восстановление дыхания после его потери, в переносном смысле — обретение новых сил).

В культурно-историческом плане важно отметить специальные наименования постоянных типов и направлений ветра на определенных территориях: северный ветер на северо-западе России носит название сиверко (обычно с дождем или снегом), римляне называли северный или северо-восточный ветер Аквилоном (у греков он носил название Борей), жгучий пустынный ветер на северо-востоке Африки известен как хамсин, сухой знойный ветер в Средиземноморье, приходящий из северной Африки, называется сирокко, сильный северо-западный ветер на юге Франции по-

лучил имя мистраль и др. Обратим внимание на то, что тип ветра легко персонифицируется.

Образные характеристики этого концепта связаны с ощущениями, вызванными разными видами ветра. Приведем примеры из «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru):

Выделяются температурные характеристики ветра:

За окнами мороз и обжигаящий ветер, а внутри бьют фонтаны, растут и цветут экзотические для этого края деревья, поют птицы и резвятся рыбки (С. Степанова).

Холодный и сильный северный ветер срывал и гнал перед собой пожелтевшую листву и устилал и усыплял ею землю (А. Варламов).

Вниз по Садовому кольцу время от времени задувал ледяной ветер, сдувая с тротуара небольшие вихри снежной пыли, и подгонял редких прохожих (Ф. Искандер).

Большей частью в художественном тексте говорится о холодном ветре.

Ветер приносит определенные запахи:

...летевший со стороны леса ветер доносил первые летние запахи, полные невыразимой свежести и словно обещающие что-то такое, чего ещё не было никогда (В. Пелевин).

Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не цветами с садов, не мёдом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов (А. Гайдар).

Отмечена сила ветра:

Если бы не тяжёлая доха, колючий февральский ветер сдул бы картофельщика на трамвайные рельсы (А. Азольский).

Ветер рванул с меня шляпу при выходе во двор, и я поймал её в луже (М. Булгаков).

Ветер вносит движение в мир:

Ветер, влетая в улицу, иногда швырял в стекло горсть крупных капель (В. Аксенов).

Свежий ветер колыхал темно-зеленые ветви кедров, высившихся прямо перед входом в палатку (И. Ефремов).

У сильного ветра есть характерное звучание:

Ветер свистел в тёмных коридорах пустого дома (К. Паустовский).

А дождь сек вдребезжающие стёкла, на диваны с них текло, ветер с воем ломил в мачты и порою, вместе с налетавшей волной, клал пароходик совсем набок, и тогда с грохотом катилось что-то внизу (И. Бунин).

Гудел ветер, бил в рамы и заставлял их дрожать (В. Гаршин).

Люди обычно стараются защититься от сильного ветра:

Ирина появилась на широком школьном крыльце, кутаясь в серый оренбургский платок. Было начало марта, ветер задувал сердито (В. Токарева).

Надо ли закрывать окно, когда дует ветер? (А. Геласимов).

Метеорологи отмечают направление и силу ветра:

Ветер северо-западный с переходом на южный, 6–11 м/с. (Погода).

Аналогичные характеристики ветра показаны в текстовых примерах, размещенных на сайте Британского национального корпуса (BNC).

Ветер бывает холодным и горячим:

You can even feel the deck shift beneath your feet or shiver in the ice cold arctic wind. — Вы даже сможете почувствовать, как палуба движется у вас под ногами, или задрожите от холодного арктического ветра.

It was so hot and humid out there, with not a breath of wind. The air was dead. — Там было очень жарко и сыро, ни дуновения ветра. Воздуха совсем не было.

Отмечена сила ветра:

The leaves may have been scorched by the salt in the wind, especially those strong winds that often blow in to Blackpool off the sea. — Листья покоробились от ветра, насыщенного солью, особенно от тех сильных ветров, которые часто дуют с моря в Блэкпуле.

I still see him, holding his hair against the wind, waving goodbye. — Я все еще вижу его, вижу, как он прикрывает волосы от ветра и машет мне рукой на прощание.

The old man smiled as the strong wind continued to billow his robe. — Старик усмехнулся, а сильный ветер продолжал раздувать его сутану.

Звуки ветра порой напоминают плач:

As evening drew in, the storm grew higher and louder, and the wind cried and sobbed like a child in the chimney. — С наступлением вечера буря усилилась и становилась все громче, и ветер в дымовой трубе плакал и рыдал, как ребенок.

Конструкторы учитывают направления ветра, проектируя свои устройства:

They particularly liked the way it was designed to rotate in response to different wind directions. — Им особенно понравилось то, как этот аппарат вращался, реагируя на разные направления ветра.

Люди обычно принимают меры, чтобы защититься от сильного ветра:

I had wrapped myself up in a dozen blankets, for the wind had risen. — Я закутался в дюжину одеял, поскольку поднялся ветер.

У сильного ветра есть характерный звук:

They'd all met in one room. When suddenly they heard what sounded like a powerful wind from heaven, the noise of which filled the entire house in which they were sitting. — Они все встретились в одной комнате. И тогда они услышали то, что звучало как сильный ветер с небес, и этот звук наполнил собой весь дом, в котором они были.

Ветер рассматривается как источник энергии:

From the political and human point of view, the most desirable substitute for petroleum would be an efficient battery for storing the electric power produced by

water, wind or the sun. — С политической и человеческой точки зрения, самым желательным заменителем для бензина была бы мощная батарея для накопления электрической энергии, произведенной водой, ветром или солнцем.

В ряду примеров регулярно встречаются метафорические переосмысления ветра:

Barbara told Clinton: There is a shift in the political wind and I feel that it's blowing our way. — Барбара сказала Клинтону: Есть изменение в том, куда сейчас дует политический ветер, и я чувствую, что он дует в нашем направлении».

It's clear which way the wind blows today. All signs point to more and more transactions that cross borders. — Ясно, куда нынче ветер дует. Все знаки показывают на изменения, которые пересекают границы.

Речь идет о меняющихся обстоятельствах.

Приведенные примеры показывают, что в прямом значении уточняются физические характеристики ветра, прежде всего его температура и сила, возможность найти применение его свойствам и его метафорические признаки — меняющиеся обстоятельства.

Ценностные характеристики концепта «ветер»

Символическое осмысление ветра отражено в ценностных признаках этого концепта. Обратившись к корпусу пословиц на русском языке, мы можем установить рекомендуемые предписания и установки поведения, зафиксированные в этих речениях. Образ ветра используется в них как обозначение непреодолимой силы:

Следует соизмерять возможности и желания: *За ветром в поле не утонишь; Ветру пути не заказаны; Против ветра не надуешься; Ветер кликать — зря голос срывать; В рукавицу ветра не изловишь; Ведром ветра не смеряешь.*

Следует трезво учитывать обстоятельства и последствия: *Бей по ветру, а против ветра глаза запорошит; Ветры горы разрушают; Ветер и горы с места сдвинет; Не море топит корабли, а ветры; Куда ветер дует, туда и тучки бегут; Куда ветер, туда и пламя. Куда ветер дует, там и дождь идет. Куда ветер дует, туда и дым пойдет; Без ветра и трава не шелокнется; Ветер не дует, так и осока не шумит; Добрый пес на ветер не лает; Без ветра деревья не качаются; Без ветра лес не шевелится.*

Следует быть готовым к неприятностям: *Ветер попутный — прямо в зубы; Разбитому кораблю — всё одно, любой ветер в корму; Ветер не может быть попутным для тех, кто не знает куда плыть; Неудачнику и ветер навстречу дует; Бедняку всегда ветер в лицо; Бедному все ветер в глаза дует; Если дерево решит выстоять, ветер не прекратится; Дерево хочет покоя, да ветер не хочет.*

Следует знать, что плохое сопряжено с хорошим, и плохое для одних может быть хорошим для других: *Ветер подул — урожай надул; Кому что, а мельнику ветер.*

Следует проявлять упорство: *Гибкую иву ветер не сломает; Ветер веет, а дорожный едет.*

Следует знать, что в итоге каждый получает заслуженное: *Кто ветром служит, тому дымом платят; Кто сеет ветер, тот пожнет бурю; Кто сеет ветер, тот пожнет выюгу.*

Следует знать, что необдуманные поступки обычно завершаются плохо: *Пустился ветер сдуру в море; кому не думал, сделал горе; Ветер в голове никогда попутным не бывает.*

Следует знать, что плохое всегда на виду: *Когда дует ветер, выше всего вздымается мусор.*

В корпусе англоязычных пословиц (<https://proverbicals.com>) актуализируются близкие по смыслу поучения:

Следует нести ответственность за свои поступки: *He that troubles his own house shall inherit the wind.* — Разрушающий дом свой получит в удел ветер (Пословица из Библии); *No wind is of service to him that is bound for nowhere.* — Никакой ветер не послужит тому, кто не знает, куда плыть; *No wind can do him good who steers for no port.* — Никакой ветер не поможет тому, кто не знает, в какой порт ему плыть; *They that sow the wind, shall reap the whirlwind.* Те, кто сеет ветер, пожнут ураган; *Who seeds wind, shall harvest storm.* — Кто сеет ветер, пожнет бурю.

Следует прилагать усилия для достижения цели и сохранять надежду: *Raise your sail one foot and you get ten feet of wind.* — Подними парус на один фут выше, и ветер добавит тебе десять футов; *Be in readiness for favorable winds.* — Будь готов к благоприятным ветрам; *Hoist your sail when the wind is fair.* — Поднимай парус, когда есть нужный ветер.

Следует учитывать объективные обстоятельства: *One can't hinder the wind from blowing.* — Невозможно помешать ветру дуть; *You cannot sail as you would, but as the wind blows.* — Ты не можешь плыть, как хочется, но можешь настроиться на попутный ветер; *We cannot direct the wind, but we can adjust the sails.* — Мы не можем управлять ветром, но можем настроить паруса; *What is brought by the wind will be carried away by the wind.* — То, что принесено ветром, будет и унесено ветром; *Every wind is against a leaky ship.* Если корабль с пробоиной, все ветры против него; *Arrange your cloak as the wind blows.* — Подбирай одежду по погоде; *As the wind so the sail.* — Каков ветер, таков и парус; *Set your sail according to the wind.* — Настраивай парус по ветру; *A windy day is not the day for thatching.* — В ветреный день не нужно укладывать соломенную крышу; *A puff of wind and popular praise weigh the same.* — Дуновение ветра и всеобщая похвала весят одинаково.

Следует знать, что судьба переменчива: *Wind and fortune are not lasting.* — Ветер и удача недолговечны; *It's an ill wind that blows nobody any good.* — Плох тот ветер, который не приносит добра; *Any man can lose his hat in a fairy wind.* — Каждый может потерять шляпу на волшебном ветру;

We are no more than candles burning in the wind. — Мы не более чем свечи, горящие на ветру.

Следует знать, что высокое положение имеет свои недостатки: *High winds blow on high hills. — На высоких холмах дуют сильные ветры; Tall trees catch much wind. — Высоким деревьям достаётся сильный ветер.*

Следует проявлять гибкость: *The wind does not break a tree that can bend. — Ветер не ломает дерево, которое умеет гнуться.*

Можно сделать вывод, что в пословицах даются советы учитывать объективные обстоятельства, быть готовым к неприятностям и прилагать разумные усилия для достижения целей. Англоязычный материал показывает, что многие паремии обобщают опыт моряков, которые плавали под парусом. Обратим внимание на то, что ветер в пословицах символизируется как стихия, которая может причинить вред, но которую можно при должном умении поставить на службу. Ассоциации с дыханием и вольной и свободной жизнью в связи с ветром на этом материале не прослеживаются.

Рассмотрим символизацию ветра в афористике.

Следует знать, что есть вещи, которые не поддаются контролю: *Презирай распущенных людей, закосневших в пороке. Их нельзя исправить, как нельзя обуздать ветер (Менандр); Чем старше вы становитесь, тем сильнее становится ветер, и он всегда направлен вам в лицо (Пабло Пикассо); Невозможно победить вершину. Ты стоишь на ней несколько мгновений, и затем ветер стирает твои следы (Арлин Блум).*

Следует знать, чего мы хотим: *Когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным (Сенека); Все мы плывем по волнам океана; разум служит нам компасом, а страсти — ветром, гонящим нас (Александр Поуп); Есть единственный способ узнать путь ветра — стать ветром (Леза Ловитц); Жизнь — это плавание, можно воспользоваться любым ветром и плыть в любом направлении (Робер Брео).*

Следует прилагать усилия для достижения своих целей: *Лишь тот сможет зваться мужем, кого попутный ветер не увлечет, а встречный не сломит (Тит Ливий); Чтобы прийти в порт, нужно плыть, иногда с попутным ветром, иногда против него, но нельзя дрейфовать или стоять на якоре (Оливер Холмс); Мало дожидаться попутного ветра, надо еще и поднять якорь (Квиллар); Чтобы развернуть знамя, нужно пойти против ветра (Станислав Ежи Лец); Когда кажется, что всё идёт против вас, помните, что самолёт взлетает против ветра, а не по ветру (Генри Форд); Настоящая смелость подобна воздушному змею — противный ветер помогает ей подняться выше (Джон Пети-Сен); Воздушный змей поднимается ввысь против ветра, а не по ветру (Уинстон Черчилль); Силу ветра можно узнать, если идти против него, а не лежать в укрытии (Сессил Льюис); Большинство людей не бегут так далеко, чтобы у них открылось второе дыхание (Уильям Джеймс).*

Следует знать, что для достижения целей нужны умения: *Пессимист жалуется на ветер, оптимист надеется, что он изменит направление, реалист налаживает паруса (Уильям Уорд); Ветры и волны всегда на стороне умелых мореплавателей (Эдвард Гиббон); Не направление ветра, а настройка парусов определяет, куда мы хотим плыть (Джим Рон).*

Можно заметить, что в афористике метафора ветра используется в двух основных смыслах — признание неподконтрольности определенных обстоятельств и настоятельный призыв прилагать разумные усилия для достижения поставленной цели. Второй смысл прослеживается в большинстве проанализированных афоризмов. Отметим, что многие из авторов этих речений относятся к представителям англоязычной культуры.

Осмысление концепта «ветер» в поэзии

Многомерное символическое осмысление ветра прослеживается в поэтическом тексте.

В стихотворениях А.С. Пушкина находим ассоциации «ветер — свобода»:

*Ветер, ветер! Ты могуч, / Ты гоняешь стаи туч, / Ты волнуешь сине море, /
Всюду веешь на просторе. / Не боишься никого, / Кроме бога одного.*

Как ветер песнь его свободна, / Зато как ветер и бесплодна.

Значимо для поэта и осмысление ветра как враждебной стихии:

*...уж близко, близко время: / Наш город пламени и ветрам обречен; / Он
в угли и золу вдруг будет обращен.*

*Да не вредят полям опасный хлад дождей / И ветра позднего осенние на-
беги.*

Весьма часто в стихотворениях А.С. Пушкина упоминается ветреность (легкомысленность, непостоянство), при этом видна тесная связь между таким поведением и юностью:

*Всему пора, всему свой миг, / Всё чередой идет определенной: / Смешон
и ветреный старик, / Смешон и юноша степенный.*

В стихотворениях М.Ю. Лермонтова ветер ассоциируется с высшими силами:

*Когда с дубравы лист слетает пожелтелый, / То вихрь его несет за даль-
них гор поток — / И я душой увял, как лист осиротелый... / Умчи же и меня,
осенний ветерок!..*

*Что за важность, если ветер / Мой листок одинокой / Унесет далеко,
далеко...*

Такое осмысление ветра созвучно фольклорной традиции. В народной песне ветер показан как непреодолимая враждебная сила:

*Налетели ветры злые да с восточной стороны и сорвали чёрну шапку
с моей буйной головы.*

Ветер, срывающий шапку, символизирует гибель героя.

Идея свободы находит выражение в образе бури, сильного ветра большой разрушительной силы. Эта ассоциация видна в строках И.А. Бунина: *Пью, как студеною воду, Горную бурю, свободу, Вечность, летящую тут.* Для А. Блока ветер является символом злых сил:

Как не бросить всё на свете, / Не отчаяться во всем, / Если в гости ходит ветер, / Только дикий черный ветер, / Сотрясающий мой дом?

Неподконтрольность ветра воспета в стихотворении К. Бальмонта:

О, неверный! Ветер, Ветер, / Ты не помнишь ничего. / Дай и мне забвенья, Ветер, / Дай стремленья твоего.

Персонификация ветра как символа юности видна в строках М. Цветаевой:

Ветер, ветер, выметающий, / Заметающий следы! / Красной птицей летающий / В белокаменные лбы. / Длинноногим псом ныряющий / Вдоль равнины овсяной. / — Ветер, голову теряющий / От юбочки кружевной!

Ассоциация ветра и свободы подчеркнута в тексте песни А. Бородина из его оперы «Князь Игорь» (композитор был и поэтом):

Улетай на крыльях ветра / Ты в край родной, родная песня наша, / Туда, где мы тебя свободно пели, / Где было так привольно нам с тобою.

Ветер как воплощение души воспет в тексте Н. Рубцова:

Люблю ветер. Больше всего на свете. / Как воеет ветер! Как стонет ветер! / Как может ветер выть и стонать! / Как может ветер за себя постоять! / О ветер, ветер! Как стонет в уши! / Как выражает живую душу! / Что сам не можешь, то может ветер / Сказать о жизни на целом свете.

Интересно столкновение образов ветра в прямом значении слова и души как ветра в стихотворении П. Грушко:

Душа моя — мой ветер на ветру, / как ты смешна навязчивым желаньем / менять намерения мертвым тканям — / коре, колодезю, дыму и костру.

Символика ветра как радостной свободы выражена в тексте С. Кирсанова:

Вот и ветер! Дуй сильнее! Дуй оттуда, / с волнореза, мимо теплой воркотни! / Слишком долго я терпел и горло кутал / в слишком теплый, в слишком добрый воротник. / Мы не даром то на льдине, то к Эльбрусу, / то к высотам стратосферы, то в метро! / Чтобы мысли, чтобы щеки не обрюзгли / за окошком, защищенным от ветров!

Такое мажорное осмысление ветра созвучно известной песне из кинофильма «Дети капитана Гранта» (музыка И. Дунаевского, слова В. Лебедева-Кумача):

А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер, / Весёлый ветер, весёлый ветер! / Моря и горы ты обшарил все на свете / И все на свете песенки слышал.

Итак, поэтическое осмысление ветра в русской лингвокультуре прослеживается в традиционных образах враждебной стихии, но символически

выражает также обновление, юность, свободу и радость. В англоязычной поэзии используются подобные символы.

В трагедии У. Шекспира «Король Лир» человеческая неблагодарность сравнивается с зимним ветром:

Blow, blow, thou winter wind / Thou art not so unkind / As man's ingratitude.

Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки! / ... В лепешку сплюсни выпуклость вселенной / И в прах развеи прообразы вещей / И семена людей неблагодарных! (Пер. Б. Пастернака).

В сонете 18 мы видим противопоставление грубого ветра и майских бутонов:

Rough winds do shake the darling buds of May

Ломает буря майские цветы (пер. С. Маршака).

Переводчик использует слово «буря» для усиления этого контраста.

В таком же ключе осмысливает ветер У.Э. Хенли (William Ernest Henley):

The rain and the wind, the wind and the rain — / They are with us like a disease: / They worry the heart, they work the brain, / As they shoulder and clutch at the shrieking pane, / And savage the helpless trees.

Дождь и ветер, ветер и дождь — / Они вечно с нами, как болезнь: / Они беспокоят сердце, они изматывают мозг, / Проникая внутрь с визгом через окно / И мучая беззащитные деревья.

Такая символизация ветра как враждебной стихии традиционна.

Другие ассоциации возникают при осмыслении ветра как божественного природного начала. Обращаясь к ветру, поэт-романтик П.Б. Шелли (Percy Bysshe Shelley) в стихотворении «Ода западному ветру» говорит, что хотел бы стать лирой в руках великого музыканта:

Make me thy lyre, even as the forest is: / What if my leaves are falling like its own! / The tumult of thy mighty harmonies / Will take from both a deep, autumnal tone, / Sweet though in sadness. Be thou, Spirit fierce, / My spirit! Be thou me, impetuous one!

Дай стать мне лирой, как осенний лес, И в честь твою ронять свой лист спросонья. / Устрой, чтоб постепенно я исчез / Обрывками разрозненных гармоний (пер. Б. Пастернака).

Вспомним подобную метафору в известном стихотворении Б. Пастернака: *Ты держишь меня, как изделие, и прячешь, как перстень, в футляр.*

В этой связи отметим, что начальные строки Библии вызывают прямую ассоциацию Творца (или Божественного акта творения) с ветром, с дыханием:

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою (Бытие 1:2). Буквальный перевод — «Дуновение Божье витало над водой».

Дыхание — важнейший признак жизни.

Ветер как символ свободы показан в стихотворении Г. Лонгфелло (Henry Longfellow):

The twilight is sad and cloudy, / The wind blows wild and free, / And like the wings of sea-birds / Flash the white caps of the sea.

Печальны мелистые сумерки / Дует ветер, свободный, дикий, / И как белые крылья птицы, / В пенном море мелькают блики (пер. Е. Тамаркиной).

Восхищение свободным ветром — поэтический отклик на это явление природы у Р.Л. Стивенсона (Robert Louis Stevenson):

I saw you toss the kites on high / And blow the birds about the sky; / And all around I heard you pass, / Like ladies' skirts across the grass — / O wind, a-blowing all day long, / O wind, that sings so loud a song!

Я видел, как ты подбрасывал вверх воздушные змеи, / И слышал, как ты с шелестом проходил мимо, / Как юбки по траве, / О ветер, веющий весь день, / О ветер, который так громко поет свою песню!

Заслуживает внимания осмысление ветра в стихотворениях Р. Киплинга (Rudyard Kipling):

At two o'clock in the morning, if you open your window and listen, / You will hear the feet of the Wind that is going to call the sun. / And the trees in the shadow rustle and the trees in the moonlight glisten, / And though it is deep, dark night, you feel that the night is done.

В два часа ночи, если открыть окно и прислушаться, вы услышите шаги Ветра, идущего позвать солнце. И деревья в тени шелестят, и сверкают при свете луны. И хотя на дворе глубокая темная ночь, вы чувствуете, что ночь прошла.

Перед нами авторская мифологизация бытия. Ветер как дар природы показан в следующих строках цитируемого автора:

There were three friends that buried the fourth, / The mould in his mouth and the dust in his eyes, / And they went south and east and north — / The strong man fights but the sick man dies. / There were three friends that spoke of the dead — / The strong man fights but the sick man dies — / "And would he were here with us now," they said, / "The sun in our face and the wind in our eyes."

Трое друзей похоронили четвертого, / во рту его плесень, в глазах его пыль. / И пошли они на юг, на восток и на север — / Сильный борется, а слабый умирает. / И три друга сказали слово о четвертом / — Сильный борется, а слабый умирает — / А был бы он с нами здесь сейчас, — «Солнце сияло бы нам в лицо, и ветер бы наполнил наши глаза».

В современной популярной песенной поэзии ветер осмысливается как наша среда обитания. Такова строка известной песни Б. Дилана (Bob Dylan):

The answer, my friend, is blowin' in the wind / The answer is blowin' in the wind.
Ответ, мой друг, летает в воздухе, / Ответ летает в воздухе.

Близкий смысл можно увидеть в метафоре американского музыканта и певца К. Ливгрена (Kerry Livgren):

Dust in the wind / All we are is dust in the wind.

Пыль на ветру, / Все мы пыль на ветру.

Разумеется, осмысление такого мощного символа, как ветер, в поэтическом тексте заслуживает отдельного исследования. Вместе с тем приведенные примеры дают возможность сделать выводы о значительном расширении образно-оценочных ассоциаций, связанных с этим явлением природы. Подтверждается исходное понимание ветра как опасного неконтролируемого природного феномена. Но можно видеть, что в поэтических произведениях ветер получает положительную оценку и воспринимается как проявление высшего начала (религиозное осмысление), как символ свободы, юности и обновления. Следует отметить, что в поэтических текстах имеет место не столько этнокультурная специфика осмысления рассматриваемого символа, сколько его индивидуально-авторское выражение.

Выводы. Символическое осмысление ветра в русском и английском языковом сознании обусловлено объективными характеристиками этого физического явления природы — движением воздуха, неуловимостью, неконтролируемостью, степенью силы, вероятностью причинения вреда и возможностью использования энергии ветра, с одной стороны, и сравнением ветра с дыханием и отсюда — признанием его воплощением жизни, молодости и радости, с другой стороны. Этнокультурная специфика символизации ветра наиболее ярко прослеживается в паремиологии, поскольку этот жанр речевых произведений отражает конкретные условия жизни общества, и поэтому в англоязычном материале отчетливо выделяются речения, построенные на аллегорическом осмыслении плаванья под парусом. Метафорика русских пословиц разнообразна. В паремиологии большей частью даются советы, направленные на трезвый учет неблагоприятных обстоятельств, символически обобщенных в образе ветра. В афористике на первый план выдвигается идея противостояния подобным обстоятельствам. В поэтических текстах обращает на себя внимание восхищение ветром как проявлением божественного или удивительного природного начала.

Источники

Национальный корпус русского языка. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>

Литература

Аверинцев С.С. Символ // *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия. 1983. С. 607–608.

Борисова Л.В., Иванова А.М. Ассоциативно-образное осмысление счастья и горя в русской и чувашской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 116–122.

Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: Монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013. 336 с.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

Карасик В.И., Милованова М.С. Мост как лингвокультурный символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 1. С. 121–136. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-121-136>

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

Куссе Х. Язык(-и) мудрости в XX и XXI веках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6(848). С. 242–253.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.

Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.

Сафьянова И.В. Специфика символа как тропа и условия реализации символического значения. СПб., 1997. 509 с.

Пименова М.В., Дутбаева С.С., Мошина Е.А. Символика земли в поэмах М.И. Цветаевой // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 3. С. 116–134. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11>

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1 / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–20.

Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125–143.

Якушевич И.В. Лингвокультурологический комментарий слова-символа в поэтическом тексте // Русский язык за рубежом. 2012. № 1. С. 85–91.

References

Istochniki

National Corpus of Russian Language. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.).

References

Averincev S.S. (1983). Simvol [Symbol]. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary] Moscow: Sovetskaya enciklopediya. Pp. 607–608. (In Russ.).

Borisova L.V., Ivanova A.M. (2020). Associativno-obraznoe osmyslenie schast'ya i gorya v russkoj i chuvashskoj yazykovyh kartinah mira [Associative and figurative interpretation of happiness and sorrow in Russian and Chuvash linguistic world view]. *Voprosy Kognitivnoj Lingvistiki*. No 4. Pp.116–122. (In Russ.).

Vorkachev S.G. (2014). *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: Monografiya* [Making sense of the meaning: conceptualia selecta: Monograph]. Volgograd: Paradigma. 331 p. (In Russ.).

Dement'ev V.V. (2013). *Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow: Global kom. 336 p.

Karasik V.I. (2013). *Yazykovaya matrica kul'tury* [Language matrix of culture]. Moscow: Gnozis. 320 p. (In Russ.).

Karasik V.I., Milovanova M.S. (2021). Most kak lingvokul'turnyj simvol [Bridge as a Linguistic and Cultural Symbol]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]. No 1. Pp.121–136. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-121-136> (In Russ.).

Krasavskij N.A. (2008). *Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: Monografiya* [Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures: Monograph]. Moscow: Gnozis. 374 p. (In Russ.).

Kusse H. (2021). Yazyk(-i) mudrosti v XX i XXI vekah [The Language(S) of Wisdom in the 20th – 21st Centuries]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences]. No 6(848). Pp. 242–253. (In Russ.).

Losev A.F. (1995). *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The symbol problem and realistic art]. Moscow: Iskusstvo. 320 p. (In Russ.).

Lotman Yu.M. (2000). Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the culture system]. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo. 704 p. (In Russ.).

Saf'yanova I.V. (1997). *Specifika simvola kak tropa i usloviya realizacii simvolicheskogo znacheniya* [The specificity of the symbol as a trope and the conditions for the realization of symbolic meaning]. Saint Petersburg. 509 p. (In Russ.).

Pimenova M.V., Dutbaeva S.S., Moshina E.A. (2020). Simvolika zemli v poemah M.I. Cvetaevoj [The Symbolism of the Earth in the Poems by

M.I. Tsvetaeva]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. Vol. 19, No 3. Pp. 116–134. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.11> (In Russ.).

Slyshkin G.G. (2004). *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: Monografiya* [Linguocultural concepts and meta-concepts: Monograph]. Volgograd: Peremena. 340 p. (In Russ.).

Sternin I.A. (2008). *Opisanie koncepta v lingvokonceptologii* [Description of the concept in linguo conceptology]. *Lingvokonceptologiya* [Lingvoconceptology]. Issue 1. Voronezh: Istoki. Pp. 8–20. (In Russ.).

Shelestyuk E.V. (1997). *O lingvisticheskom issledovanii simvola* [On the linguistic study of the symbol]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Linguistic issues]. No 4. Pp. 125–143. (In Russ.).

Yakushevich I.V. (2012). *Lingvokul'turologicheskij kommentarij slova-simvola v poeticheskom tekste* [Linguocultural comment on a word-symbol in a poetic text]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. № 1. Pp. 85–91. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 24.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Информация об авторе

Владимир Ильич Карасик — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков; сфера научных интересов: социолингвистика, прагмалингвистика, лингвокультурология, теория дискурса.

Information about the author

Vladimir Ilyich Karasik — Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Professor of the Tianjin Foreign Studies University, Tianjin; research interests: Sociolinguistics, Pragmalinguistics, Language and Culture Studies, Discourse Theory.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 236–261
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 236–261

Научная статья

УДК 81'22

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.14>

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В СЕТЕВЫХ ДНЕВНИКАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Ирина Владимировна Тивьяева

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
tivyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-784X>

Аннотация. В статье феномен коллективной памяти лингвокультурных сообществ рассматривается в контексте пандемии COVID-19. Предпринимается попытка изучить специфику отражения личностно значимых переживаний, формирующих основу для дальнейших воспоминаний о пандемии коронавируса, в текстах сетевых дневников русскоязычных и англоязычных пользователей сети Интернет. Эмпирическую базу исследования составил авторский корпус доступных на тематических ресурсах дневниковых записей на русском и английском языках. При анализе языкового материала применялся корпусно-ориентированный подход, в рамках которого составляется заключение о концептуально значимых содержательных элементах текста на основе статистической обработки выборки — определения ключевых слов и анализа их контекстов. Результаты анализа тематического корпуса позволили сопоставить особенности индивидуального восприятия ситуации пандемии коронавируса русскоязычными и англоязычными диаристами. Полученные данные могут свидетельствовать о значимости национально-культурного фактора в нарративизации личного опыта, связанного с COVID-19.

Ключевые слова: коронавирусные дневники, коллективная память, нарратив личного опыта, интернет-коммуникация.

Для цитирования: Тивьяева И.В. Мемориализация пандемии коронавируса в сетевых дневниках русскоязычных и англоязычных участников интернет-коммуникации // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 236–261. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.14>.

Original article

MEMORIALIZATION OF CORONAVIRUS PANDEMIC IN RUSSIAN AND ENGLISH INTERNET USERS' WEB-BASED DIARIES

Irina Vladimirovna Tivyaeva

Moscow City University, Moscow, Russia, tivyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-784X>

Abstract. As a response to the spread of the coronavirus infection, pandemic-induced changes to habitual lifestyles, and numerous losses, the global online community shared individual memories, personal stories, and daily reports associated with COVID-19 and its aftermath. These narratives told by different people in different parts of the world form the basis for collective memories about the time of the pandemic.

The present study aims to explore the foundations of collective memory about the COVID-19 pandemic being constructed in Russian and English sociocultural communities by examining the current perception of the coronavirus crisis by Russian and English speakers as reflected in their online diaries. The paper seeks to compare the culturally conditioned visions of the new pandemic-affected reality and address the role of the sociocultural factor in communicating coronavirus-induced personal experience.

The data set for this research consisted of a corpus featuring Russian and English online diaries publicly available on open-access web resources. Data sources included media websites, academic projects and diary-keeping platforms. A diary entry was added to the corpus if it met the following criteria: 1) web-based diary format; 2) coronavirus-driven content. The only limitation concerned pandemic stories produced by medical staff and those who contracted coronavirus. These varieties of pandemic diaries were excluded from the data set due to their content specifics that could potentially distort findings. The diaries under analysis spanned the period from January 2020 to June 2021.

The research relies on the corpus-based approach that allows making conclusions about conceptually relevant elements of text content on the grounds of statistical data, specifically, the key word method. Combined with the context analysis, this method yields results indicative of the author's stand regarding the text's dominant conceptual points.

The automatic keyword and context analysis of the two subcorpora was conducted with the assistance of the *AntConc* corpus manager for *Windows*.

Findings revealed pronounced contentive differences between Russian and English web-based pandemic diaries suggesting that Russian diarists documenting their coronavirus experience are generally more outer world oriented than their English counterparts in terms of their interest in and concerns about global developments. Differences were also observed in attitudes to key central points. As this research demonstrated, there are culturally consistent discrepancies in approaching coronavirus-related issues of common concern.

The findings highlight and contribute to the discussion about how the pandemic affects various sociocultural communities and how collective memory in the post-COVID society gets formed by digitally mediated personal stories.

Key words: coronavirus diaries, collective memory, personal experience narrative, Internet-communication.

For citation: Tivyaeva I.V. Memorialization of coronavirus pandemic in russian and english internet users' web-based diaries. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 236–261. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.14>.

© Тивьяева И.В., 2021

Введение. Коллективная память заняла свое место в исследовательской повестке социально-гуманитарных дисциплин во второй половине прошлого века и на протяжении нескольких десятилетий не утратила актуальности, чему в немалой степени содействовали значимые политические события поствоенного мира и крупные потрясения современности. Изучение феномена коллективной памяти, по наблюдениям ученых, сопряжено с существенными трудностями, которые обусловлены спецификой ее порождения, а именно, отсутствием конкретного субъекта воспоминаний и инструмента или органа их производства [Welzer]. В отличие от индивидуальной памяти как системы обработки и хранения личного опыта, который впоследствии может реконструироваться и воспроизводиться в виде совокупности вербальных или невербальных знаков, коллективная память манифестируется как содержательный компонент коммуникативного обмена между множественными субъектами в лингвосоциуме. Таким образом, в фокусе внимания исследователей коллективной памяти оказываются в первую очередь транслируемые сообщения, релевантные по тематике.

В дискурсивном измерении традиционным объектом интереса в этой связи становятся мемориальные жанры, представленные мемуарами, воспоминаниями, автобиографиями и дневниками, при этом последние занимают особое положение в данном перечне. В отличие от других вышеуказанных жанров, например, мемуаров и воспоминаний, по определению

ретроспективно направленных, дневники представляют актуальный срез настоящего, обнажая чувства и мысли субъекта «здесь и сейчас». От других жанров мемориального дискурса их отличает отсутствие временного разрыва между моментом переживания и моментом написания. Дневники не ретроспективны и не нарративны [Rak 2018]. Они лишены традиционных элементов нарратива, нередко в них нет сюжета, а на содержательном уровне они скорее описывают процесс, чем предлагают читателю готовый результат [Rak 2019]. Отличительной чертой дневников является их немодифицируемость. Если мемуары и воспоминания редактируются перед публикацией, то дневники навсегда остаются в первой — авторской — редакции, и изменение данного порядка лишает дневник статуса такового [Lejeune: 207]. Таким образом, в отличие от официальной истории — отредактированной, согласованной и утвержденной — дневник представляет собой спонтанный слепок текущего момента, сиюминутный отчет о происходящем. В этом его ценность как формы бытования коллективной памяти. Тематические подборки дневников создают альтернативную версию официальной истории — от первого лица и из эпицентра событий.

Закономерно, что рост интереса к коллективной памяти происходит на фоне всплесков диаристической активности рядовых членов социума. Тяга к ведению дневников, по наблюдениям исследователей, обостряется в ситуациях стресса и в периоды тяжелых жизненных испытаний. Неудивительно, что отдельные факты о блокадном Ленинграде и эпизоды из жизни гражданского населения в годы Великой Отечественной войны в целом сегодня знакомы нам благодаря дошедшим до наших дней дневниковым записям свидетелей и участников тех страшных событий. Личные истории, вплетенные в общее полотно альтернативной хроники, создают иную версию происходящего, сфокусированную не на обезличенных фактах и сухих констатациях, а на человеческих эмоциях и переживаниях, обмен которыми снижает психологическую нагрузку и способствует преодолению стрессовой ситуации. Исследователи указывают на «исцеляющую» функцию коллективной памяти в период тяжелых событий, к которым возможно отнести и пандемию коронавирусной инфекции [Петрова; Yang]. Примечательно, что многие авторы коронавирусных дневников проводят параллель между периодом пандемии и жизнью предшествующих поколений в военные годы, видя в коллективном ведении дневников возможность найти общую стратегию преодоления с опорой на исторический опыт [Lukianow & Mazzini].

Но если для автора ведение дневника в минуты стресса несет облегчение и отвлекает от гнетущей реальности, то для исследователя дневниковые записи — правдивый источник информации о том или ином периоде и его отражении в коллективном сознании лингвокультурного сообщества, отчет «от первого лица», фиксирующий информацию от-

крыто, прямо и без прикрас. Известные события 2020–2021 гг., связанные с распространением коронавируса SARS-CoV-2, многочисленными людскими потерями, введением жестких ограничительных мер, следствием которых стали глобальный экономический спад и утверждение нового жизненного уклада, привели к переформатированию «доковидного» медиапространства. Пандемия COVID-19 всецело доминирует в мировой повестке, составляя тематическое ядро политического, экономического, медицинского, научного и медийного дискурсов. Личная повестка также не избежала влияния пандемии. Неофициальные отклики на происходящее вошли в глобальное медиапространство в формате дневниковых записей, транслирующих авторское восприятие и оценку текущих событий.

В период пандемии COVID-19 диаристический дискурс пополнился новыми коллекциями текстов на разных языках, как самоиницированных авторами, так и порожденных в рамках тематических медиапроектов. Первыми авторами коронавирусных дневников стали жители китайского Уханя — эпицентра COVID-19, оказавшегося в феврале—марте 2020 года в условиях строжайшего локдауна. В течение 76-дневного карантина рядовые жители вели онлайн-дневники, в которых делились опытом выживания в разгар распространения коронавирусной инфекции. Их записи привлекли множественных читателей и исследователей, изучающих новую реальность (см., например, [Ni]). С распространением коронавируса примеру жителей Уханя последовали тысячи людей во всем мире. Их личные истории составляют часть общей мозаики, изображающей противостояние человечества новой угрозе.

Анализ дневников в их совокупности позволяет исследователям получить «из первых рук» ключевую информацию о том или ином событии, определить основные характеристики, которым наделяет их автор, а также наблюдать — нередко в динамике — за формированием коллективной памяти лингвокультурного социума. В социоисторической перспективе тематический личный дневник реализует коммеморативную функцию, т. е. способствует формированию и фиксации образа события, феномена или личности в коллективной памяти лингвокультурного сообщества.

При этом отметим, что мемориализация событий пандемии COVID-19 в медийном пространстве не ограничивается форматом дневников — параллельно получают развитие проекты коронавирусных мемориалов, которые представляют собой коллекции онлайн-некрологов, открытых для комментирования аудиторией (см., например, [Fox]), всевозможных книг и архивов памяти (см., например, проект Book of Memories администрации города Бирмингема [Birmingham's memories of COVID-19, [http](http://www.birmingham.gov.uk/memories)], предназначенных для фиксации личных историй участников проекта с целью сохранения памяти о событиях пандемии в той или иной локации или в рамках определенных социокультурных сообществ.

В настоящей работе ставится **цель** рассмотреть коллективный мнемический образ пандемии COVID-19, формирующийся в рамках русскоязычной и англоязычной интернет-коммуникации, посредством обращения к его вербальному воплощению — сетевым дневникам, авторы которых документировали свои личные переживания, опасения, мысли и эмоции.

Материалом исследования послужил авторский корпус коронавирусных дневников англоязычных и русскоязычных пользователей сети Интернет общим объемом 114 единиц. Поскольку объем отдельных дневников варьировался от одной до десятков записей, за исследовательскую единицу при оценке общего объема авторского корпуса и сбора статистических данных принималась автономная запись, границы которой были маркированы графически или иным эксплицитным способом.

Процедура сбора эмпирического материала и формирования исследовательского корпуса осуществлялась в несколько этапов. Первый этап включал поиск релевантных языковых данных посредством запросов, отправленных в поисковые системы *Google* и *Yandex*. Поиск осуществлялся по следующим ключевым словам: “coronavirus diaries”, “COVID-19 diaries”, “quarantine diaries”, “lockdown diaries”, “pandemic diaries”, “ковидные дневники”, “коронавирусные дневники”, “дневники коронавируса”, “дневники локдауна”, “дневники пандемии”, “дневники карантина”. На следующем этапе проводилась отбраковка результатов поиска. Помимо ресурсов, содержащих искомые комбинации слов, но при этом не предлагающих соответствующего контента (например, информационные сообщения на сайтах сетевых изданий), из полученных результатов исключались дневники, вызывающие сомнения относительно их подлинности и аутентичности, а также фотодневники и материалы, написанные не на русском и не на английском языке.

В результате отбраковки был получен массив текстовых данных, в котором возможно выделить следующие жанровые вариации, объединенные общей тематикой коронавируса и связанных с ним реалий: 1) индивидуальные онлайн-дневники, которые отличает последовательное изложение личного опыта автора в период пандемии, представленное отдельными записями в линейной хронологии; 2) коллективные онлайн-дневники — коллекции воспоминаний о пандемии с полисубъектным авторством, как правило, объединенных рамками единого проекта; 3) дневники коронавирусных больных, описывающие индивидуальный путь к выздоровлению с момента заболевания, специфичные с точки зрения содержания, с ограниченной временной перспективой; 4) профессиональные дневники, принадлежащие, как правило, медицинским работникам и сотрудникам иных служб, оказавшимся на передовой в борьбе с коронавирусом, также отличающиеся специфичным содержанием.

Выделяемые нами на основе полученных данных типы коронавирусных дневников представлены в примерах (1)–(4) соответственно.

Фрагмент (1) представляет собой зачин первой дневниковой записи исследователя Дж. Трегонинга. В период пандемии он вел личный дневник, отрывки из которого еженедельно публиковались журналом *Nature*.

(1) We are no longer under normal circumstances, in the United Kingdom and around the world. We haven't been for several weeks, as a result of the spread of COVID-19, and the consequent social lockdown. To help navigate through the current experience, I have started a diary, which *Nature* has agreed to publish week by week where possible. I hope that my experience will be similar to that of other scientists — not those on the front line in the wards, or developing diagnostics, vaccines and cures, but the vast majority of us, at every level of career, who are now adjusting to life away from the lab. Hopefully it will make someone, somewhere, smile and realize we are all going through versions of the same experience [Tregoning].

Пример (2) — отрывок дневниковой записи одного из участников онлайн-проекта, посвященного сохранению памяти о событиях пандемии.

(2) I arrived in Vladivostok wearing a face mask. Daily life seemed to continue as usual in this city that I have come to know. I was not put in quarantine, but rather was expected to wear a face mask until a two week period ended. I thought that this would be the main shift in my fieldwork: a two week “delay” that would enable me to fully acclimate to the time difference, to learn how to access archives, and to settle. During my first week, however, virus talk was always on the periphery. Students that I walked by and spoke to through my mask discussed COVID-19 [...] [Kariem].

Следующие примеры иллюстрируют материал, который был отбракован на начальном этапе формирования корпуса. Пример (3) — фрагмент из коронавирусного дневника больного COVID-19. Пример (4) иллюстрирует практику ведения коронавирусного дневника медиками. Отрывки (3) и (4), а также подобные им примеры не включались в корпус в силу их узкой тематической направленности, обусловленной определенным статусом носителя мнемического опыта в момент создания дневника, стереотипности содержания и насыщенности терминологией.

(3) Эта история началась неделю назад. И началась она с меня. В воскресенье днем я почувствовала, что у меня першит в горле, но не придала этому симптому особенное значение — в моем анамнезе постоянные проблемы с горлом в той или иной степени. ЛОР даже рекомендовала мне при малейших признаках начинать рассасывать леденцы. Собственно, это я и сделала — першение успокоилось, и я вместе с ним. Засыпая вечером в воскресенье, я чувствовала надвигающуюся угрозу — тело начало лихорадить, температуры не было, но я понимала, что вот-вот она поднимется. Спала я беспокойно [...] [Савова].

(4) As a physician specializing in infectious diseases, you witness cases that are difficult to forget. As a physician who follows media updates on the pandemic's development, you believe this is an experience you will never forget. However, as a young physician in northern Italy now, this will undoubtedly be a time you will never forget [...] [Lupia et al.].

Таким образом, общий объем исследовательского корпуса составил 114 дневниковых записей, опубликованных на семи русскоязычных и англоязычных сайтах.

Отметим, что вышеописанные жанровые вариации в результатах поисковой выдачи были представлены как в текстовом формате (часто в сочетании с элементами других семиотических систем), так и в формате видеодневников (см., например, проект университета Эдинбурга *The Lothian Diary Project*, цель которого формулируется создателями следующим образом: “investigating how Covid-19 has affected all of us here in Edinburg and the Lothians” [The Lothian Diary Project, [http](http://)]). Поскольку в настоящей статье ставилась цель изучения традиционных текстовых форм онлайн-дневников, в том числе поликодовых, для достижения которой была разработана методология исследования, опирающаяся на цифровые методы обработки текстовых данных, видеодневники пользователей русскоязычного и англоязычного сегментов сети Интернет не вошли в состав исследовательского корпуса. Вместе с тем, следует отметить высокий потенциал видеоматериалов в контексте исследования культурно обусловленных особенностей восприятия пандемии и ассоциированных с ней изменений в жизни общества.

В результате обработки эмпирического материала были сформированы два подкорпуса: подкорпус дневников на английском языке и подкорпус дневников на русском языке. Объем англоязычного подкорпуса составил около 102 тысяч слов, 65 исследовательских единиц. Источниками дневниковых записей стали следующие ресурсы: проект медиахолдинга *CNN* [CNN Coronavirus Diaries], сетевое издание *The Lily*, платформы журнала *Nature* и Американского общества этнографов. Русский подкорпус объемом более 47 тысяч слов был создан на базе ресурсов *Buro*, *Quarantine Diaries* и *Литкульт*. В него вошли 49 записей, принадлежащих разным авторам.

Следует отметить, что в целом формирование русскоязычного подкорпуса оказалось более сложной задачей, поскольку в русскоязычном сегменте сети Интернет количество дневников, удовлетворяющих критериям, указанным выше, значительно меньше, чем в англоязычном. Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что русскоязычные авторы нередко отступают от формата сетевого дневника, позиционируя собственные произведения как художественную прозу или публицистику (см., например, [Львов; Соколова]). Подобные произведения не включались в выборку по причине несоответствия заданному формату.

Методология исследования. Процедура анализа языковых данных осуществлялась посредством корпусного менеджера *AntConc* для *Windows* (версия 4.00, релиз от 01.07.2021), который представляет собой набор инструментов для работы с корпусами текстов, в том числе на русском и английском языках. В настоящем исследовании нашли применение три инструмента программы *AntConc* — *Word List*, *Concordance* и *Collocates*. Функциональность *Word List* позволяет получить данные о частотности определенных лексем в корпусе, *Concordance* — предоставляет возможность увидеть ближайшее окружение релевантных единиц и *Collocates* служит источником данных о сочетаемости слов в корпусе.

На первом этапе работы с корпусным менеджером данные англоязычного подкорпуса были экспортированы в *AntConc* из файла *Microsoft Word*, на их основе был создан авторский корпус 1. Анализ данных корпуса посредством вышеназванных инструментов позволил определить содержательные доминанты в коронавирусных дневниках англоязычных авторов на основе частотного списка слов, после удаления стоп-словаря, т. е. единиц, которые, по мнению автора, должны быть исключены из списка частотных лексем. В стоп-словарь были внесены предлоги, союзы, частицы, междометия, личные местоимения, вспомогательные глаголы, цифры и т. п. На основании результатов интерпретации сочетаемости самых частотных лексем и их ближайшего окружения были сделаны выводы о доминирующих установках англоязычных авторов коронавирусных дневников в отношении волнующей их проблематики

Следует отметить, что при работе как с англоязычным, так и с русскоязычным подкорпусом решение о внесении лексической единицы в стоп-словарь принималось с учетом семантико-прагматических факторов. В частности, поскольку результаты автоматизированного анализа по ключевым словам обоих текстовых массивов однозначно указывали на доминирующее положение в содержательной структуре дневниковых записей темы времени, противопоставления привычного прошлого ввергающему в страх настоящему и неизвестному будущему, служебные слова темпоральной семантики не были исключены из полученного частотного списка.

На следующем этапе обработки эмпирического материала аналогичная процедура была применена ко второму подкорпусу, содержащему тексты на русском языке. Полученные данные были сопоставлены с результатами, зарегистрированными для дневниковых записей первого подкорпуса, что позволило прийти к ряду заключений относительно восприятия и оценки событий пандемии коронавируса представителями двух лингвокультурных сообществ.

Интерпретация результатов и выводы. Результатом обработки англоязычного подкорпуса коронавирусных дневников с помощью инструмента *Word List* стал частотный список, включающий в себя 10 884 лексемы, ко-

торым был присвоен ранг в диапазоне от 1 до 5829, где первой позиции в рейтинге соответствовала частотность 4972 (определенный артикль *the*), а последней позиции — частотность 1. После исключения из списка частотности стоп-словаря был получен рабочий список, фрагмент которого представлен в Таблице 1 ниже.

Таблица 1

**Фрагмент частотного списка англоязычного подкорпуса
(топ-30 позиций после удаления стоп-словаря)**

<i>Позиция в рейтинге</i>	<i>Частотность</i>	<i>Лексическая единица</i>	<i>Позиция в рейтинге</i>	<i>Частотность</i>	<i>Лексическая единица</i>
1	357	time	16	152	coronavirus
2	247	people	17	149	life
3	242	pandemic	18	149	world
4	240	students	19	142	online
5	235	home	20	142	university
6	230	day	21	128	while
7	229	work	22	127	share
8	223	like	23	124	back
9	223	new	24	119	during
10	211	now	25	116	before
11	210	would	26	112	virus
12	186	social	27	110	after
13	177	many	28	107	family
14	177	other	29	101	days
15	168	covid	30	99	research

Выявление ключевых слов в общей выборке и анализ их ближайших контекстов посредством инструментов корпусного менеджера позволяет определить приоритетную актуальную тематику исследуемых текстов и авторскую позицию в отношении поднятых вопросов. С опорой на эмпирический материал настоящего исследования возможно выделить следующие содержательные доминанты англоязычных коронавирусных дневников (в порядке представленности и частотности соответствующих ключевых слов):

- временные рамки пандемии, противопоставление настоящего прошлому и будущему (лексемы *time*, *day*, *new*, *now*, *while*, *back*, *during*, *before*, *after*, *days*);

- пандемия, коронавирус (лексемы *pandemic, covid, coronavirus, virus*);
- взаимодействие с окружающими (лексемы *people, social, many, other, life, world, share*);
- работа и дом (лексемы *students, work, online, university, home, family*).

Анализ контекстов употребления ключевых слов позволяет понять, какие аспекты жизни в условиях пандемии волнуют авторов сетевых дневников в первую очередь. Очевидно, что в числе приоритетных вопросов сроки пандемии и возможности возвращения к привычному жизненному укладу. При этом, вопреки стереотипным представлениям, не все англоязычные участники интернет-коммуникации негативно оценивают новые реалии. Если некоторые члены онлайн-сообщества воспринимают пандемию и связанные с ней ограничения как ситуацию глубокого кризиса, то есть и те, кто увидел положительные стороны в происходящем. Два полярных подхода к оценке текущей ситуации проявляются при анализе контекстов слова *time* (Rank 1, Freq 357): *This is a really challenging time to be a parent...; This is not the time to be productive...; In a time of crisis...; ...time of gnawing anxiety; a time of immense social disruption; I see this time as a valuable opportunity...; ...take advantage of the time of chaos; ... has given me space and time to explore other avenues; More time with family...* С одной стороны, лексемы *challenging, crisis, gnawing, disruption*, в правом и левом окружении *time* однозначно указывают на негативное видение момента авторами сетевых дневников. В вышеприведенных примерах это впечатление усиливается интенсификаторами *really* и *immense*. С другой стороны, некоторые члены онлайн-сообщества склонны находить для себя положительные стороны пандемии, не отрицая ее в целом негативного характера. В рассматриваемых контекстах такое впечатление создается благодаря словосочетаниям *'a valuable opportunity', 'take advantage', 'to explore other avenues'*.

Ситуация пандемии многими воспринимается как переломный момент в жизни человечества, разделивший новейшую историю на «до» и «после». Такое видение происходящего на лексическом уровне маркировано частотными единицами темпоральной семантики, указывающими на границы отдельных временных периодов: *new* (Rank 9, Freq 223), *now* (Rank 10, Freq 211), *back* (Rank 23, Freq 124), *before* (Rank 25, Freq 116), *after* (Rank 27, Freq 110). При этом анализ контекстов словоупотребления данных единиц подтверждает вышеотмеченную тенденцию в отношении слова *time*: изменения в привычном образе жизни многими оцениваются как позитивные (например, *...dedicated to developing new ideas; I will be in a new position...; ...to return to this other, new life; it's the new normal...*).

Если оценка воздействия пандемии на судьбы англоязычных авторов сетевых дневников неоднозначна и, вероятно, определяется личными обстоятельствами, то на национальном и глобальном уровне события, вызванные распространением коронавируса, воспринимаются исключи-

тельно в негативном ключе. Результаты анализа контекстов употребления ключевых слов, включенных нами во вторую тематическую группу «пандемия, коронавирус», демонстрируют отношение участников интернет-коммуникации к COVID-19 как к источнику серьезной угрозы: *I want to survive this **pandemic** ...; under serious threat from a **pandemic**; ... anxiety-causing news of the **pandemic** and its daily toll*. Реальный масштаб угрозы в глазах авторов сетевых дневников становится очевидным при анализе правого и левого окружения лексемы *pandemic*, содержащего лексические единицы со значением летального исхода, близости смерти (в примерах выше это слова *to survive* и *toll*).

В дополнение к хрупкости жизни, сложившаяся ситуация указала на множественные слабые места в различных общественных и государственных сферах. Примеры подобных контекстов представлены на следующем скриншоте:

AntConc

File Edit Settings Help

Target Corpus

Name: custom

Files: 1

Tokens: 46924

Subcorpus 2 Russian Covid

KWIC Plot File Cluster N-Gram Collocate Word Keyword

Total Hits: 135 Page Size 10 hits 1 to 10 of 135 hits

	File	Left Context	Hit	Right Context
1	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	жешь. Сегодня первый	день	свободы. Конечно же, в
2	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	такую над этим на второй	день	карантина... Коронавиру
3	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	ма 7 МАРТА Последний	день	фестиваля МАРТ и самы
4	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	жи один на другой, как	день	сурка. Несмотря на стро
5	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	ювека Юбера отмечает	день	рождения. Он живет с
6	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	так же. Подъезд каждый	день	обрабатывают. По улиц
7	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	юхожа на бесконечный	день	сурка. Поздно встала, пс
8	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	дадет. На сегодняшний	день	в Польше около 4500 за
9	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	точно повторяющийся «	день	сурка». Три года назад
10	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	. Конечно, сотый раз за	день	мою. Тридцать восемь, /

Term ☒ Words ☐ Case ☐ Regex Results Set All hits Context Size 5 token(s)

Start ☐ Adv Search

Options Custom Sort 1 C Sort 2 2R Sort 3 3R Order by value

Progress 100%

Time taken (creating KWIC display): 0.0313 ms

Рис. 1. Ближайшее окружение лексемы *pandemic* в англоязычном подкорпусе (фрагмент)

Сфера взаимодействия с окружающими, занимающая третью позицию в списке содержательных приоритетов, в представлениях авторов сетевых

дневников также претерпела существенные изменения в эпоху коронавируса. В соответствии с результатами контекстуального анализа лексических единиц соответствующей тематической группы частотного списка — особенно показательна в этом отношении лексема *life* — возможно указать три типа настроений, нашедших отражение в англоязычных коронавирусных дневниках: 1) оптимистичный настрой (*Life goes on, virtually...; At the same time life must go on...; to see their life as equally worth living...; these things that make life so full*); 2) пессимистичный настрой (*Patterns of everyday life are also being disrupted; Life is messy...; Disruption to life is a constant in...; ... shown me just how fickle life is*); 3) выжидательная позиция (*Life is definitely different now...; I had known my life was going to change...; handful of ways in which life has had to change...*). Позитивное видение изменений в коммуникации с окружающими репрезентируется лексическими единицами с семантикой продолжения, выраженной на лексико-грамматическом уровне (*to go on; worth living*). Негативное восприятие происходящего манифестируется посредством лексем со значением нестабильности, непостоянства, отсутствия порядка (*disrupted, disruption, messy, fickle*). Выжидательная позиция проявляется как констатация неизбежности перемен и маркируется лексемами соответствующей семантики (*different, to change*).

В перечне ключевых сфер, нашедших отражение в англоязычных коронавирусных дневниках, особое положение занимают работа и семья. Работа фигурирует в сетевых дневниках в первую очередь в контексте изменившихся жизненных обстоятельств — обсуждается переход на удаленный формат взаимодействия с коллегами и стирание границ между работой и личным временем. Анализ конкордансов ключевых лексических единиц данной группы *work* и *home* указывает на концептуальное сближение рассматриваемых понятий, которое также находит отражение в употреблении лексем *work* и *home* во взаимоперекрестных контекстах. Например: *...this new era where work and home are basically...; how are work and home life negotiated; leaving employees to work from home; blurred boundaries between work and home*.

При этом контекстуальное окружение лексемы *family*, также ключевой для данной группы, среди прочих приоритетов, ассоциированных с семьей, выделяет необходимость обеспечения безопасности близких в сложившихся условиях как задачу первостепенной важности, даже если ее выполнение сопряжено с трудностями или неудобствами для автора. В этой связи обращает на себя внимание лексика, указывающая на защитные действия и их результат, а также отражающая идею дистанцирования ради безопасности: *I am eternally grateful my family is safe and healthy; would not dare exposing her family if she picked up; sacrifice seeing their friends and family to protect my babies; Months of separation from my family; to get back with my family*. Примечательны в ближайшем контекстуальном окружении

слова *family* лексические единицы *responsibility*, *dare*, акцентирующие внимание читателя на чувстве ответственности, которое испытывают авторы дневников по отношению к своим родным и близким.

Таким образом, корпусно-ориентированный анализ текстов сетевых коронавирусных дневников, вошедших в выборку, позволил зафиксировать точки осмысления пандемии COVID-19 англоязычными участниками интернет-коммуникации. Тематические доминанты их историй представлены проблематикой коронавируса, динамичного развития времени, поддержания социальных контактов, баланса между работой и семьей. Данные о частотности лексических единиц, входящих в состав той или иной тематической группы, позволяют судить о субъективной значимости релевантных тем для авторов дневников. Результаты анализа авторского подкорпуса англоязычных коронавирусных дневников свидетельствуют в пользу приоритета темы динамичного хода времени, что, по всей вероятности, связано со всеобщими ожиданиями окончания пандемии, отсутствием уверенности и определенности в завтрашнем дне, а также пониманием того, что человечество вступает в новую — постковидную — эпоху.

Обратимся к подкорпусу русскоязычных сетевых дневников. На следующем этапе исследования аналогичная процедура анализа по ключевым словам с последующим контекстуальным анализом была применена к русскоязычному корпусу коронавирусных дневников. Объем частотного списка русскоязычного корпуса, полученного с помощью инструмента *Word List*, составил 14 573 лексемы, каждой из которых был присвоен ранг в диапазоне от 1 до 4602. Первое место в списке принадлежало лексеме с частотностью Freq 1642 (предлог *в*), а последнюю позицию занимало слово *ящичек* (Freq 1). Автоматически сформированный частотный список был далее скорректирован вручную — из списка были исключены служебные слова, местоимения, частицы, а формы одного слова объединены в одну запись. При этом при коррекции списка также принимался во внимание семантико-прагматический фактор, описанный выше. Фрагмент итогового списка (топ-30 позиций после удаления стоп-словаря и объединения словоформ) представлен в Таблице 2:

Таблица 2

**Фрагмент частотного списка русскоязычного подкорпуса
(топ-30 позиций после удаления стоп-словаря и объединения словоформ)**

<i>Позиция в рейтинге</i>	<i>Частотность</i>	<i>Лексическая единица</i>	<i>Позиция в рейтинге</i>	<i>Частотность</i>	<i>Лексическая единица</i>
1	241	день	16	73	работать
2	216	карантин	17	69	больше

Окончание табл. 2

<i>Позиция в рейтинге</i>	<i>Частотность</i>	<i>Лексическая единица</i>	<i>Позиция в рейтинге</i>	<i>Частотность</i>	<i>Лексическая единица</i>
3	135	люди	18	66	жизнь
4	129	друг	19	63	сейчас
5	109	дома	20	64	человек
6	103	время	21	62	сегодня
7	99	улица	22	57	город
8	95	магазин	23	52	руки
9	91	коронавирус	24	46	онлайн
10	90	можно	25	41	пока
11	88	теперь	26	41	после
12	82	неделя	27	37	выходить
13	80	маска	28	36	заболевший
14	80	работа	29	35	потом
15	76	Италия	30	34	надо

Выделение ключевых слов на основе статистических данных об их встречаемости в текстовом массиве позволяет определить содержательное ядро исследуемого корпуса, т. е. элементы текста, которые в представленной выборке являются центральными с точки зрения содержания. Результаты обработки авторского корпуса русскоязычных сетевых дневников, созданных в период пандемии коронавируса COVID-19, посредством инструментария корпусного менеджера *AntConc* с последующей коррекцией с учетом семантико-прагматического фактора позволили выделить следующие содержательные доминанты:

- временные рамки пандемии, движение времени (лексемы *день, время, теперь, неделя, сейчас, сегодня, пока, после, потом*);
- коронавирус, карантин, эпидемиологическая ситуация в мире (лексемы *карантин, коронавирус, заболевший, Италия, руки*);
- ограничительные меры, связанные с пандемией коронавируса (лексемы *улица, магазин, можно, маска, город, выходить*);
- взаимодействие с окружающими (лексемы *люди, друг, жизнь, человек*);
- работа и учеба (лексемы *работа, работать, онлайн; дома*).

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что тематические доминанты в сетевых дневниках русскоязычных пользователей

сети Интернет практически совпадают с доминантами, выделенными в дневниках англоязычных авторов. Исключение составляет отдельная тематическая группа, связанная с ограничительными мерами, вызванными пандемией коронавируса. В русскоязычных дневниках указанная группа представлена лексемами *улица, магазин, можно, маска, город, выходить*, тогда как в дневниках англоязычных авторов данная тема не вошла в число приоритетных. Отметим также, что в рамках двух лингвокультурных сетевых сообществ совпадают не только центральные смысловые элементы коронавирусных дневников, но и их ранжирование. Максимум внимания диаристов получают темы времени и собственно пандемии, в меньшей степени обсуждаются отношения с окружающими, работа и дом.

Рассмотрим основные характеристики эпохи пандемии, зафиксированные в сетевых дневниках русскоязычных авторов. Результаты анализа контекстов ключевых слов из частотного списка позволяют получить представление о восприятии событий пандемии русскоязычным сообществом и особенностях их осмысления.

В глазах русскоязычных участников онлайн-сообщества пандемия выводит на первый план время как универсальную человеческую ценность и меру протекания тех или иных процессов. На примере анализа контекстов лексем *время* и *день* возможно охарактеризовать основные пути осмысления данной категории. С одной стороны, сложившаяся ситуация воспринимается как тяжелая (*В ближайшее время мы потеряем работу; выкинутое из жизни время мы провели в 2020-м; в трудное время люди стали...*), что однозначно транслируется через коллокаты лексемы *время*: *выкинутое из жизни, трудное, относительно терпимое, «военное»*. С другой стороны, в сложившейся ситуации некоторые авторы видят позитивные моменты: *Наконец есть время все освоить; есть время для отложенной ради...; наконец, найти время для собственных проектов; вапёрти — отличное время, чтобы почитать; наконец появилось время*. Отметим, что противоположные настроения в отношении вынужденной жизненной паузы нашли отражения также и в англоязычных коронавирусных дневниках.

Отличия в осмыслении времени в период пандемии между двумя лингвокультурными сообществами обнаруживаются в представленной у русскоязычных авторов линии усталости от происходящего, монотонности и бесконечности момента. Показательна в этом отношении лексема *день*. В русскоязычных дневниках нередко встречаем описание повседневной рутины, которую авторы сравнивают с днем сурка. Контексты, иллюстрирующие релевантное окружение лексемы *день*, представлены на следующем скриншоте:

AntConc

File Edit Settings Help

Target Corpus
 Name: custom
 Files: 1
 Tokens: 46924
 Subcorpus 2 Russian Covid

KWIC Plot File Cluster N-Gram Collocate Word Keyword

Total Hits: 135 Page Size 10 hits 1 to 10 of 135 hits

	File	Left Context	Hit	Right Context
1	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	жешь. Сегодня первый	день	свободы. Конечно же, в
2	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	кую над этим на второй	день	карантина... Коронавиру
3	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	ма 7 МАРТА Последний	день	фестиваля МАРТ и самы
4	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	жи один на другой, как	день	сурка. Несмотря на стро
5	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	ювека Юбера отмечает	день	рождения. Он живет с
6	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	ак же. Подъезд каждый	день	обрабатывают. По улиц
7	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	юхожа на бесконечный	день	сурка. Поздно встала, пс
8	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	адает. На сегодняшний	день	в Польше около 4500 за
9	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	ечно повторяющийся «	день	сурка». Три года назад
10	Subcorpus 2 Russian Covid-19 diaries.docx	. Конечно, сотый раз за	день	мою. Тридцать восемь, д

Term ☒ Words ☐ Case ☐ Regex Results Set All hits Context Size 5 token(s)

Start Adv Search

Actions Custom Sort 1 C Sort 2 2R Sort 3 3R Order by value

Progress 100%

Time taken (creating KWIC display): 0.0313 ms

Рис. 2. Ближайшее окружение лексемы *день* в англоязычном подкорпусе (фрагмент)

Лексические единицы, входящие в тематическую группу времени, нередко выступают в перекрестных контекстах с конститuentами следующей в порядке частотности тематической группы, описывающей эпидемиологическую ситуацию, карантин и коронавирус. Например, в следующих контекстах находит развитие идея об отсутствии четких временных границ карантина: *...какие это по счету день и неделя карантина; жду того момента, когда закончится карантин; Мне карантин напоминает некий стоп-кадр из фильма...; карантин быстрее не закончится...; Под одеялом карантина по-другому проходит время.*

Следует отметить, что несмотря на то, что в соответствии с корпусными данными рассматриваемая тематическая доминанта занимает вторую позицию в списке частотности как в англоязычном, так и в русскоязычном подкорпусе, в ее лексической реализации отмечаются расхождения. Так, в англоязычных сетевых дневниках ключевые параметры пандемии передаются с помощью лексем *pandemic* (Rank 3), *covid* (Rank 15), *coronavirus* (Rank 16), *virus* (Rank 26), напрямую номинирующих основную причину

сложившейся ситуации и наступившие последствия, тогда как в русскоязычных текстах лидирующее положение занимают лексические единицы *карантин* (Rank 2), *коронавирус* (Rank 9), *заболевший* (Rank 26), *Италия* (Rank 15), *руки* (Rank 23). Очевидно, что для авторов последних немаловажную роль играет сложившаяся обстановка в мире. Если в фокусе внимания англоязычных diarистов преимущественно обстоятельства, затрагивающие их личные интересы, то русскоязычные коронавирусные дневники отражают общую обеспокоенность русскоговорящего лингвокультурного сообщества ситуацией в мире. Показательна в этом отношении лексема *Италия* (Rank 15), относительно высокая частотность которой свидетельствует о равнодушии авторов к происходящему в других странах.

Несоответствия в охвате ассоциированных с коронавирусом вопросов, однако, не отменяют единой негативной оценки ситуации пандемии и объявленного в рамках борьбы с нераспространением коронавируса карантина, что подтверждается следующими единицами в ближайшем окружении лексемы *карантин*: *бюрократическая проблема*, *караул*, *страх*.

В русскоязычных сетевых дневниках тема коронавируса получает продолжение в виде детального обсуждения системы ограничительных мер, направленных на борьбу с распространением COVID-19. Фокусируется отсутствие свободы передвижений, необходимость соблюдения строгих правил пребывания в общественных местах, что маркируется лексемами *улица* (Rank 7), *магазин* (Rank 8), *можно* (Rank 10), *маска* (Rank 13), *город* (Rank 22), *выходить* (Rank 27). Слова данной тематической группы, как правило, не дистанцированы в макроконтексте и образуют семантическое ядро констатирующих фрагментов, посвященных описанию общей ситуации. Например:

(5) *Выхожу на разведку в карантинный городок. В первые мгновения жду увидеть несущихся за продуктами зомби и готовлюсь сражаться за последний цитрамон (голова не проходит). Но вместо апокалипсиса встречаю приличное количество граждан на улицах: кто кофе пьет в баре, кто фрукты выбирает, кто в очереди в аптеку. Теперь в магазины и аптеки пускают по паре человек, и, пока тех обслуживают, остальные ждут на улице на расстоянии не меньше метра друг от друга. Здороваются без объятий. Двери в магазины открывает продавец; он один будет в маске и перчатках — для остальных горожан масок давно нет. На всех дверях наклеено напоминание про один метр, на столиках кафе и под ними тоже [Рыженко].*

Обсуждение карантинных мер неразрывно связано с проблематикой социальных контактов, отношение к которым также изменилось с наступлением пандемии. Многообразие общественных настроений возможно

проследить на примере контекстов лексемы *люди*, среди которых выделяются следующие типы настроений: 1) беспокойство по поводу происходящего (*В эти дни все люди нервные; во всех чатах люди жаловались; люди начинают переживать из-за отмены чартерных рейсов*); 2) адаптация к текущим обстоятельствам (*как легко люди адаптируются; люди стали объединяться*); 3) надежда на скорое окончание пандемии (*люди верят в лучшее; Люди воодушевленно присылают друг другу*); 4) извлечение уроков из пандемии (*Люди будут больше ценить; Люди научились любить друг друга и заботиться; люди стали очевидно больше поддерживать друг друга*).

Неотъемлемым компонентом карантинных ограничений выступает самоизоляция, ассоциирующаяся в первую очередь с домом и переходом на удаленный формат работы. Результаты анализа конкордансов лексем *работа* (Rank 5) и *дома* (Rank 14) демонстрируют актуальность отмеченной выше для англоязычных дневников тенденции сближения понятий «работа» и «дом». В текстах сетевых дневников данная тенденция проявляется в употреблении единиц соответствующей семантики во взаимоперекрестных контекстах: *так как она много работала из дома; перевели на работу из дома еще пару дней назад; кто может работать из дома, должны работать из дома*. Интерпретация релевантных контекстов лексемы *дома* позволяет заключить, что в условиях пандемии дом у авторов русскоязычных дневников ассоциируется в первую очередь не с безопасностью и теплом семейного очага, а с ограничением свободы передвижений: *Три недели сидят дома с детьми; мы все сидим дома; добровольно заперлась дома и не выходит; теперь все сидят дома*.

Вместе с тем, обращает на себя внимание значимость трудоустройства для авторов русскоязычных дневников. Если в текстах англоязычных авторов ведущим мотивом, ассоциированным со сферой работы и дома, стал мотив защиты близких от внешней угрозы, обеспечения безопасности семьи даже путем жертв и ограничений, в подкорпусе текстов на русском языке фокусируется важность наличия работы на фоне общего спада экономики и сокращения рабочих мест. Подтверждением данного наблюдения служат следующие и подобные им контексты лексемы *работа*: *Завтра на работу! Как сладко звучит...; Начала искать работу; начну искать работу; выйти на работу будет просто некуда; многие сейчас теряют работу; мы потеряем работу*. Таким образом, анализ русскоязычной выборки сетевых коронавирусных дневников с помощью корпусного менеджера *AntConc* позволил определить ключевые точки осмысления пандемии COVID-19 представителями русскоязычного лингвокультурного сообщества. В основу выводов о центральных элементах содержания текстов в составе русскоязычного подкорпуса в сопоставлении с англоязычным подкорпусом легли данные о частотности лексики, которые в схематичном виде представлены на Диаграммах 1 и 2 ниже:

Диаграмма 1. Состав и объем тематических групп частотной лексики в англоязычных коронавирусных дневниках

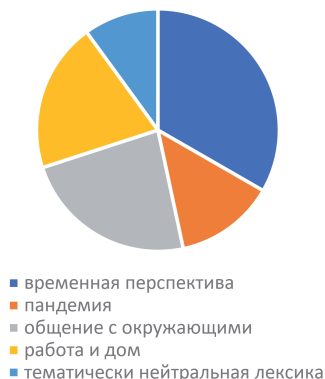

Диаграмма 2. Состав и объем тематических групп частотной лексики в русскоязычных коронавирусных дневниках

Примечательно, что содержательные доминанты в текстах русских diarists частично пересекаются с доминантами, зафиксированными в англоязычных дневниках. Общими являются доминанты времени, коронавируса, контактов с окружающими, работы и дома. При этом в русскоязычных текстах также фокусируются коронавирусные меры и связанные с ними ограничения.

Следует, однако, отметить, что тематическое единство не тождественно единству концептуальному. Результаты анализа контекстов и коллокатов

лексем, вошедших в частотные списки каждого подкорпуса, показывают, что осмысление «ковидных» реалий представителями двух лингвокультур происходит по разным моделям. В текстах сетевых коронавирусных дневников отчетливо просматриваются два паттерна, каждый из которых типичен для соответствующего лингвокультурного сообщества. В текстах англоязычных авторов преимущественно отмечается ориентация на внутренний мир диариста: коронавирус и пандемия обсуждаются с позиций их воздействия на собственные жизненные обстоятельства; то же верно для изменений, затронувших сферу социальных и рабочих контактов; вопросы дома и семьи интересны только в разрезе влияния на непосредственный близкий круг родных и друзей. В русскоязычных дневниковых записях, напротив, наблюдается выдвижение внешних обстоятельств. Вопросы, аналогичные затронутым в англоязычных текстах, рассматриваются в глобальном контексте: получает описание и осмысление ситуация в различных странах, фиксируются количественные показатели, описывается жизнь горожан во время карантина, проблема отсутствия работы документируется в масштабах государства, а не отдельно взятого гражданина.

Таким образом, внешнее тематическое единообразие текстов сетевых коронавирусных дневников, созданных представителями русскоязычной и англоязычной лингвокультур, не получает развития на содержательно-концептуальном уровне. Эмпирические данные демонстрируют следование двум противоположным ментальным моделям при нарративизации, осмыслении и оценке событий пандемии COVID-19 носителями русского и английского языков и культур.

Заключение. В экспериментальных исследованиях [Kahneman et al.; Redelmeier & Kahneman] доказано, что воспоминания не всегда надежный источник информации о событии. Человеческая память имеет тенденцию фиксировать только знаковые эпизоды. Таким образом, ретроспективная оценка событий может не совпадать с их актуальным восприятием, что ведет к искажению при реконструкции опыта прошлого.

Очевидно, что пандемия COVID-19 надолго останется в памяти современного поколения, которое рано или поздно приступит к подведению и осмыслению итогов, их коррекции и адаптации в целях передачи следующим поколениям. Однако основы коллективной памяти об эпохе коронавируса закладываются уже сегодня. Дневники пандемии стали первыми письменными свидетельствами, формирующими будущий дискурс коллективной памяти о COVID-19. Анализ сетевых дневников как показательного отражения общего настроения лингвокультурных сообществ позволяет зафиксировать основы конструирования коллективного мнемического образа пандемии коронавируса. Коллективные образы любого события, разумеется, не сводимы к представлениям, манифестированным в личной истории, однако совокупный мнемический опыт может рассмат-

риваться как репрезентация идеологических установок и ценностных подходов членов лингвокультурного сообщества.

Интерпретируя результаты обработки корпусных данных, мы исходили из того, что частотность упоминания в корпусе той или иной лексической единицы отражает объективную картину значимости ассоциируемого с ней содержания. Таким образом, однородность и рекуррентность содержательных доминант в сообщениях определенного типа позволяют сделать вывод о характерности соответствующих центральных элементов содержания для подобных текстов, созданных в рамках данного лингвокультурного сообщества. Напротив, стабильную непредставленность на лексико-семантическом уровне тех или иных понятий возможно интерпретировать как проявление их неактуальности для создающего лингвокультурного сообщества. В применении к англоязычным и русскоязычным сетевым дневникам эпохи COVID-19 данный подход способствует выявлению моделей осмысления и вербального представления событий пандемии, коррелирующих с национально-культурным фактором.

Источники

Birmingham's memories of COVID-19. Режим доступа: <https://www.birmingham.gov.uk/blog/memories/post/440/birminghams-memories-of-covid-19>. Дата обращения: 14.10.2021.

CNN Coronavirus Diaries. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/specials/world/coronavirus-diaries>. Дата обращения: 14.10.2021.

Kariem K.A Calm Panic: Thoughts on Beginning Fieldwork in the Russian Far East (RFE) during the COVID-19 Epidemic. In "Pandemic Diaries" Gabriela Manley, Bryan M. Dougan, and Carole McGranahan, eds., American Ethnologist website, March 27, 2020. Режим доступа: <https://americanethnologist.org/features/collections/pandemic-diaries/a-calm-panic-thoughts-on-beginning-fieldwork-in-the-russian-far-east-rfe-during-the-covid-19-epidemic>. Дата обращения: 14.10.2021.

Lupia T., Stroffolini G., Angilletta R., Bonora S., Di Perri G. Good times, bad times: A diary of a physician in COVID-19 era. *European Journal of Internal Medicine*. 2020. Vol. 77. P. 132–133.

The Lothian Diary Project. Режим доступа: <https://lothianlockdown.org>. Дата обращения: 14.10.2021.

Tregoning J. Coronavirus Diaries: A New World of Work. *Nature*. 2020. Vol. 581. P. 225–226.

Львов В. Зеркало заднего вида, или Дневник ковидного года. Философская поэма. *Новый Журнал*. 2021. № 303. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nj/2021/303/zerkalo-zadnego-vida-ili-dnevnik-kovidnogo-goda.html>. Дата обращения: 14.10.2021.

Рыженко Ю. Коронавирус в Италии: дневник российской девушки, которую карантин запер в маленьком городке / BURO. 11.03.2020. Режим доступа: <https://www.buro247.ru/lifestyle/obshchestvo/11-mar-2020-italy-koronavirus-diary.html>. Дата обращения: 14.10.2021.

Савова А. Дневник зараженного редактора: как я болела коронавирусом. 2020. Petersburg2. Режим доступа: <https://peterburg2.ru/articles/onlayndnevnik-bolnogo-kovidom-redaktora-peterburg2-79695.html>. Дата обращения: 14.10.2021.

Соколова Т. COVID-19. Дневник волонтерки. ОГИ, 2021. 192 с.

Литература

Петрова М.П. Коллективный дневник как способ переживания травмы // Мир науки и искусства. Сборник статей по материалам Региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов, учащихся и молодых ученых. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 267–272.

Fox N. Memorialization and COVID-19. Contexts. 2020. Vol. 19 (4): 69–71. doi: <https://doi.org/10.1177/1536504220977941>

Kahneman D., Fredrickson B.L., Schreiber Ch.A., Redelmeier D.A. When More Pain Is Preferred to Less: Adding a Better End. Psychological Science. 1993. Vol. 4 (6). P. 401–405.

Lejeune Ph. On Diary. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009.

Lukianow M., Mazzini M. Wirus i pamięć. Wątki mnemoniczne w pamiętnikach z czasów koronawirusa. Autobiografia Literatura Kultura Media. 2020. Vol. 2 (15): 215–225.

Ni Y. Observations on Wuhan Residents' Diaries. In: Miller J. (Ed.) The Coronavirus. Palgrave Macmillan, Singapore, 2020. doi: https://doi.org/10.1007/978-981-15-9362-8_4

Rak J. The Diary among Other Forms of Life Writing // The Diary: The Epic of Everyday Life. Indiana University Press, 2020. P. 58–72 doi: <https://doi.org/10.2307/j.ctvxcxrgp.7>

Rak J. The Hidden Genre: Diaries and Time. European Journal of Life Writing. 2018. Vol. 7. CP85–CP89. doi: <https://doi.org/10.5463/ejw.7.262>

Redelmeier D.A., Kahneman D. Patients' memories of painful medical treatments: real-time and retrospective evaluations of two minimally invasive procedures. Pain. 1996. Vol. 66 (1). P. 3–8. doi: [https://doi.org/10.1016/0304-3959\(96\)02994-6](https://doi.org/10.1016/0304-3959(96)02994-6).

Tivyaeva I. Representation of retrospective memory and communicative context. Jezikoslovlje. 2014. Vol. 15 (2–3). P. 283–306.

Tivyaeva I. Sharing autobiographical memories in English computer-mediated discourse: A linguist's perspective. Brno Studies in English. 2017. Vol. 43 (2). P. 57–78.

Yang G. Online lockdown diaries as endurance art. *AI & Society*. 2021. doi: <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01141-5>

References

Istochniki

Birmingham's memories of COVID-19. URL: <https://www.birmingham.gov.uk/blog/memories/post/440/birminghams-memories-of-covid-19>. Accessed: 14.10.2021.

CNN Coronavirus Diaries. URL: <https://edition.cnn.com/specials/world/coronavirus-diaries>. Accessed: 14.10.2021.

Kariem K. A (2020). Calm Panic: Thoughts on Beginning Fieldwork in the Russian Far East (RFE) during the COVID-19 Epidemic. *"Pandemic Diaries"* Gabriela Manley, Bryan M Dougan, and Carole McGranahan, eds., *American Ethnologist website*, March 27, 2020. URL: <https://americanethnologist.org/features/collections/pandemic-diaries/a-calm-panic-thoughts-on-beginning-fieldwork-in-the-russian-far-east-rfe-during-the-covid-19-epidemic>. Accessed: 14.10.2021.

Lupia T., Stroffolini G., Angilletta R., Bonora S., Di Perri G. (2020). Good times, bad times: A diary of a physician in COVID-19 era. *European Journal of Internal Medicine*. Vol. 77. Pp. 132–133.

The Lothian Diary Project. URL: <https://lothianlockdown.org>. Accessed: 14.10.2021.

Tregoning J. (2020). Coronavirus Diaries: A New World of Work. *Nature*. Vol. 581. Pp. 225–226.

L'vov V. (2021). Zerkalo zadnego vida, ili Dnevnik kovidnogo goda. Filosofskaja pojema [Rearview Mirror, or Diary of the COVID Year. Philosophical poem.]. *Novyj Zhurnal* [New Journal]. No 303. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2021/303/zerkalo-zadnego-vida-ili-dnevnik-kovidnogo-goda.html>. Accessed: 14.10.2021. (In Russ.).

Ryzhenko Ju. (2020). Koronavirus v Italii: dnevnik rossijskoj devushki, kotoruju karantin zaper v malen'kom gorodki. *BURO*. 11.03.2020. URL: <https://www.buro247.ru/lifestyle/obshchestvo/11-mar-2020-italy-koronavirus-diary.html>. Accessed: 14.10.2021. (In Russ.).

Savova A. (2020). Dnevnik zarazhennogo redaktora: kak ja bolela koronavirusom. URL: <https://peterburg2.ru/articles/onlayndnevnik-bolnogo-kovidom-redaktora-peterburg2-79695.html>. Accessed: 14.10.2021. (In Russ.).

Sokolova T. (2021). *COVID-19. Dnevnik volonterki* [COVID-19. Volunteer Diary]. Moscow: OGI. 192 p. (In Russ.).

Literatura

Petrova M.P. (2021). Kollektivnyj dnevnik kak sposob perezhivaniya travmy [Collective diary as a way to deal with trauma]. *Mir nauki i iskusstva. Sbornik statej po materialam Regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov, aspirantov, uchaschihsja i molodyh uchenyh*. [The world of science and art. Collection of articles based on the materials of the Regional Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates, Students and Young Scientists.]. Perm': Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. Pp. 267–272. (In Russ.).

Fox N. (2020). Memorialization and COVID-19. *Contexts*. Vol. 19 (4): 69–71. doi: <https://doi.org/10.1177/1536504220977941>

Kahneman D., Fredrickson B.L., Schreiber Ch.A., Redelmeier D.A. (1993). When More Pain Is Preferred to Less: Adding a Better End. *Psychological Science*. Vol. 4 (6). Pp. 401–405.

Lejeune Ph. (2009). *On Diary*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Lukianow M., Mazzini M. (2020). Wirus i pamięć. Wątki mnemoniczne w pamiętnikach z czasów koronawirusa. *Autobiografia Literatura Kultura Media*. Vol. 2 (15). Pp. 215–225.

Ni Y. (2020). Observations on Wuhan Residents' Diaries. In: Miller J. (Ed.) *The Coronavirus*. Palgrave Macmillan, Singapore. doi: https://doi.org/10.1007/978-981-15-9362-8_4

Rak J. (2020). The Diary among Other Forms of Life Writing. *The Diary: The Epic of Everyday Life*. Indiana University Press. Pp. 58–72 doi: <https://doi.org/10.2307/j.ctvxcxrgp.7>

Rak J. (2018). The Hidden Genre: Diaries and Time. *European Journal of Life Writing*. Vol. 7. CP85–CP89. doi: <https://doi.org/10.5463/ejlw.7.262>

Redelmeier D.A., Kahneman D. (1996). Patients' memories of painful medical treatments: real-time and retrospective evaluations of two minimally invasive procedures. *Pain*. 1996. Vol. 66 (1). P. 3–8. doi: 10.1016/0304-3959(96)02994-6.

Tivyaeva I. (2014). Representation of retrospective memory and communicative context. *Jezikoslovlje*. Vol. 15 (2–3). Pp. 283–306.

Tivyaeva I. (2017). Sharing autobiographical memories in English computer-mediated discourse: A linguist's perspective. *Brno Studies in English*. Vol. 43 (2). Pp. 57–78.

Yang G. (2021). Online lockdown diaries as endurance art. *AI & Society*. doi: <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01141-5>

Статья поступила в редакцию 24.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 24.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Информация об авторе

Ирина Владимировна Тивьяева — доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков; сфера научных интересов: лингвомнемология, нарратология, когнитивная лингвистика, психолингвистика, анализ дискурса, теория коммуникации.

Information about the author

Irina Vladimirovna Tivyaeva — Doctor of Philology, Associate Professor, Moscow City University, Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages; research interests: linguistic memory studies, narratology, cognitive linguistics, psycholinguistics, discourse analysis, communication theory.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 262–277
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 262–277

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Научная статья

УДК 81'22

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.15>

ГРАММАТИКА СЛУШАЮЩЕГО: ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОНИМАНИЯ СВЯЗНОГО ТЕКСТА И СПОСОБЫ ЕГО КОРРЕКЦИИ

Елена Георгиевна Борисова

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, egbor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3878-5344>

Аннотация. Статья продолжает тематику работ по созданию грамматики слушающего и посвящена пониманию связного текста в аспекте прогнозирования его продолжения слушающим. Выявляются основные стратегии развертывания текста. Показывается возможность использования частиц, союзов и других дискурсивных слов для коррекции прогноза. Основные выводы делаются на основе русскоязычного материала, однако, поскольку предполагается их универсальный характер, приводятся данные сравнения русского языка с рядом европейских.

Ключевые слова: функциональная грамматика, импликация, сценарий, композиция текста.

Для цитирования: Борисова Е.Г. Грамматика слушающего: прогнозирование понимания связного текста и способы его коррекции // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 262–277. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.15>.

THEORY OF LANGUAGE ON THE MATERIAL OF LINGUISTIC COMPARATIVISTICS

Original article

THE GRAMMAR OF THE ADDRESSEE: UNDERSTANDING THE TEXT AND TOOLS OF ITS CORRECTING

Elena Georgievna Borisova

Moscow City University, Moscow, Russia, egbor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3878-5344>

Abstract. The article makes part of the investigations focused on the grammar of Addressee: (the Hearer). The investigations in the Active Grammar (the Grammar of the Speaker) made it possible to describe various phenomena in grammar and lexis of many languages. Such branch of the functional linguistics as Receptive grammar or the Grammar of Addressee (the Hearer) is now being developed. It concerns the description of language entities that enable proper understanding the text in step-by-step analyzing it. The consequence of the Addressee's activity is supposed to be the following: perception, deciphering meanings, reference, revealing implicatures, forming semantic representation of utterances and texts, revealing intentions of the Speaker, marking sentimental characteristics. These hypothetic actions form the framework of this Grammar. And the categories related to these stages are formed by the language entities necessary for this activity. Such categories as 'Orientation' (referring an utterance to the situation), 'explication of implicatures (inferences)' were investigated and described. This article concerns the activity of the Hearer while understanding the content of a text, namely taking into consideration it's possible continuation. This article concerns the activity of the Hearer while understanding the content of a text, namely taking into consideration it's possible continuation. The principal components of the text composition and three types of texts: narrative, description, dissertation — are taken into consideration. The most common strategies of the continuation of narrative are listed. The speaker has means that help him to correct possible inferences and expectations for the continuation of the text. He uses the markers (conjunctions, particles, adverbials) that enable the proper understanding of texts. Some of them: conjunctions *and*, *but* and their translations into other languages, Russian modal particles *vot*, *tam*, adverbials, etc. are supposed to be described. The principles of the Hearer's activity are supposed to be more or less universal and valid for all languages (or the majority

of them). So the basic rules are elaborated on Russian examples while comparison with other languages, English, first of all — were also provided. The further investigations in the sphere of understanding and the grammar of the Hearer were offered.

Key words: functional grammar, implication, script, text composition.

For citation: Borisova E.G. Understanding the text and tools of its correcting. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 262–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.15>.

© Борисова Е.Г., 2021

Введение. Данная статья продолжает рассмотрение категорий грамматики слушающего, предпринятое ранее в [Борисова 2015; 2019]. Грамматикой слушающего мы называем способ описания языковых единиц (в первую очередь, грамматических), группируемых в зависимости от того, выполнению какой функции в деятельности слушающего они способствуют. Так, в [Борисова 2015] была рассмотрена категория ориентации, связанная с выполнением слушающим ориентации высказывания, т. е. его привязки к миру и к ситуации общения. Туда вошли средства референции (категория определенности в артиклевых языках, указательные и неопределенные местоимения), а также частицы, служащие для привязки высказывания к уже известным ситуациям. Рассматривалась также категория экспликации, включающая средства раскрытия имплицитной информации [Борисова 2019; Борисова, Афанасьева, Сулейманова 2017]. К таким же категориям мы относим и средства управления аффективным состоянием адресата.

Ключевым моментом в поведении слушающего является понимание им сообщения. В этом участвуют и все прочие категории. Однако и в самом процессе понимания можно выделить, по меньшей мере, два момента: «расшифровка» значения единиц и их связь в представление описываемой ситуации, а также понимание текста как развернутого отражения какой-либо ситуации. В данной статье мы намерены остановиться на втором аспекте. Выявление особенностей понимания текста как разворачивающегося сообщения базируется не только на общих представлениях о типах текстов и их последовательности, но и на анализе дискурсивных средств маркировки связи частей текста и нарушении ожиданий при их проявлении.

1. Связный текст в свете лингвистических исследований Сверхфразовое единство (СФЕ)

В 70-е годы прошлого века в отечественной и зарубежной традиции лингвистика вышла за пределы предложения (которое, в связи с ориента-

цией на функционирование языка, уже вытеснялось прагматическим понятием «высказывание»). Выход «за пределы» шел в двух направлениях. Первое ориентировалось на способы связи между соседними и более далеко отстоящими фрагментами текста (теми же предложениями) [Севбо 1969; Солганик 1973]. Действительно, изучение синтаксических отношений требовало учитывать тот факт, что нередко компоненты этих отношений могли оказаться в разных предложениях, разделенных точкой:

(1) «Выдвигались новые предложения. Начальство не всегда соглашалось. И все-таки работа шла».

Здесь глагол *соглашаться* имеет объектную валентность *с чем?* Ее заполнение — слово *предложения*, оказавшееся в другом — предшествующем — предложении. Можно отметить и валентность (семантическую) у наречия *все-таки*: оно предполагает наличие препятствия, которое не смогло что-либо остановить. Это препятствие выражено в предыдущем предложении. Таким образом, все три предложения образуют единство.

В большом количестве пересекали границы предложений анафорические связи: для многих местоимений антецеденты обнаруживались в предшествующем тексте:

(1а) «Выдвигались новые предложения. Начальство не всегда соглашалось. И все-таки работа шла. Мы были готовы **это** преодолевать».

Работы по сверхфразовым единствам, в основном, велись в рамках компьютерного направления в языкознании, т.к. в нем требовались достаточно полные описания синтаксических связей, в том числе — и с переходом через границы предложений [Гиндин 1977]. Однако в дальнейшем эти исследования теряют популярность.

Второй подход был ориентирован на описание особенностей связного текста исходя из законов построения речи [Бурвикова 1981]. Именно эти разработки в дальнейшем получили название «лингвистика текста» (ван Дейк 1988). Многие стороны этой проблематики в дальнейшем рассматривались в рамках (весьма широких, особенно в нашей стране) дискурсивного подхода.

2. Композиционные и структурные особенности связного текста (исследование)

Предметом нашего исследования являются формально выраженные характеристики связного текста, которые могут быть использованы слушателем при оформлении смысла текста в целом в процессе взаимодействия с автором (чаще всего опосредованно, через письменное сообщение или подкаст).

Материалом послужили публицистические тексты, включенные в учебник [Борисова, Геймбух 2015], а также аналогичные тексты более позднего времени, взятые как в печатном виде, так и из Интернета (Общий объем — около 20 п.л.).

Методикой исследования послужил анализ содержания сообщения и отдельных его частей, выработанный в рамках Московской семантической школы (модель «Смысл-Текст» И.А. Мельчука). Использовались принципы анализа сверхфразовых единств, элементы дискурсивного анализа, а также прагматический подход к описанию намерений говорящего и значений дискурсивных маркеров: союзов, усилительных и модальных частиц.

Более или менее общепризнано, что в общении существенную часть информации автор передает имплицитно: говорящий сообщает нечто, а слушающий, восприняв это, дополняет своими выводами [Борисова2019]. Это особенно хорошо наблюдается в воздействующих текстах, которые во многом построены на том, что автор, не утверждая чего-либо в явном виде, подводит адресата к самостоятельно сделанному умозаключению, совпадающему с нужным автору. На основании этого положения мы в ходе исследования отмечаем те особенности текста, которые позволяют слушающему в процессе понимания делать те умозаключения и выводы, которые необходимы для восстановления замысла автора.

Мы исходим из сложившихся в прагматике представлений об особенностях связного текста. При определении текста принимается во внимание его организация, интенции автора, единое содержание. Г.Г. Хазагеров [Хазагеров 2009] отмечает, что последовательность высказываний (в том числе неполных, разноязычных, поликодовых и т. п.) является текстом, если имеет единый предмет, единое утверждение и единую сверхзадачу. Если текстом у нас оказывается короткое сообщение в одно высказывание, например, реплика в диалоге (а также обращение, восклицание, императив и т. п.), все эти компоненты выражаются в терминах актуального членения и речевых актов. Для более длинных реплик, историй, инструкций, рассуждений делаются выводы относительно всего сообщения. Конечно, допускаются и на самом деле не так уж редки случаи, когда говорящий производит последовательность сообщений, связный текст не образующую: он может потерять нить разговора (т. е. забыть свое утверждение), может намеренно отвлекать слушателя от попыток выявить это утверждение, может не суметь оформить текст так, чтобы он был понят как сообщение. Будем считать, что такие случаи относятся к числу особых (как тексты с ошибками, оговорками), а мы рассматриваем правильно построенные тексты.

Как известно, композиционно каждый текст представляет собой последовательность обязательных частей [Новиков1983]. В первую очередь, слушающий должен понять, о чем идет речь, понять, кто участники, где и когда это происходит (это момент ориентации, и его средствами являются единицы категории ориентации). В художественных, публицистических и рекламных текстах встречается «пожарный ввод», т. е. начало

повествования до того, как ориентационные аспекты будут проговорены: чаще всего они становятся ясны впоследствии. Далее говорящий должен начать изложение, причем таким образом, чтобы слушающий был заинтересован узнать, в чем заключается цель сообщения. В литературоведении и журналистике в таких случаях говорят об интриге, а начало сообщения представляет собой завязку интриги.

Дальнейший текст представляет собой изложение разных деталей сообщения, которое в конце должно привести к развязке. Конечно, интрига должна пониматься не в сугубо сюжетно-детективном плане, хотя именно такие тексты хорошо иллюстрируют и моделируют данные понятия. Это может быть доказательство какого-то положения в научном или публицистическом труде, проведение художественной идеи, чаще всего выраженной сугубо художественными средствами и не сводимой к изложению сюжета.

Завершение текста должно представлять собой развязку интриги, а также еще некоторый фрагмент текста, демонстрирующий его завершенность. Главный признак завершения: адресат понимает, что продолжения не последует, и это его удовлетворяет.

Заметим, что основные параметры композиции в целом являются традиционными для большинства европейских языков, что отражено в исследованиях речевых стратегий [van Dijk 1983], в том числе с обращением к корпусным данным [Wilson 2014]. Материалом для этих исследований служили разные языки, преимущественно английский. (Видимо, в японском дело обстоит несколько иначе: нередко японские тексты в переводе производят ощущение незавершенности. Однако тут требуются специальные исследования.)

Помимо общих признаков любых текстов имеется еще немало особенностей, характеризующих тексты определенного назначения и содержания. В частности, при описании целого ряда ситуаций обязательным оказывается отражение тех или иных моментов ситуации. Так, при отражении занятий в школе непременно в явном или подразумеваемом виде передаются сведения о процессе обучения (предметах, видах уроков, об учащихся и учителях). Комплекс сведений, ожидаемых слушателем при обсуждении данной темы, принято, вслед за Ч. Филлмором, называть фреймом или, для ситуации в целом — сценарием или скриптом, составляются списки таких фреймов [Lyashevskaya 2015] и ожидаемых действий участников фрейма. То, что такие представления действительно актуальны для адресата, видно на примерах введения новой информации: если информация ранее не была озвучена, но предполагается согласно фрейму или сценарию:

(2) «Уже и в школе озаботились эпидемией. Вчера учительница опять говорила о гигиене».

Учительница занимает позицию темы, хотя она и неизвестна, но наличие в школе учительницы предполагается фреймом «Школа», что переводит слово из числа обозначений нового в число известных [Беклемешева 2011].

Поэтому, воспринимая какое-то сообщение по определенной теме, адресат готов получить информацию по описываемому в сообщении сценарию, и переход к одному из фрагментов сценария представляется ожидаемым.

В каждом языке — и в каждой языковой культуре — имеются различные средства оформления частей сообщения, а также фрагментов связного текста внутри каждой части. Поэтому участник общения обычно может строить умозаключения относительно дальнейшей информации. Умозаключения предположительные, обычно они включают несколько вариантов развертывания сообщения и далеко не всегда совпадают с тем, что будет произнесено далее. Понимание сообщения в целом во многом зависит от того, насколько адресат улавливает место каждого следующего высказывания и в состоянии связать его с предыдущим. Поэтому язык имеет немало средств для того, чтобы обеспечить адресату возможность понять сообщение правильно: это могут быть дискурсивные штампы (*И что?* для постреакции адресата, *вот что* — для предварительного введения нового говорящим):

(3) «В результате получилось вот что: кредит был открыт, но условия оказались жесткими».

Имеется немало других средств, так или иначе показывающих адресату, какую роль в изложении играет то или иное высказывание. Иногда эта роль маркируется эксплицитно:

(4) «А теперь я **объясню**, откуда все это возникло».

Или

(5) «**Поясним** на примере».

Значительную роль в управлении пониманием играют дискурсивные маркеры, используемые говорящим до и после изменений хода изложения, на чем мы остановимся дальше.

3. Маркеры организации сообщения (результаты исследования)

Рассмотрим варианты понимания связного сообщения с учетом возможности прогнозирования дальнейших вариантов развертывания текста.

Поскольку адресат исходит из того, что каждое высказывание представляет собой фрагмент сообщения (текста), он должен связать каждое последующее сообщение с предыдущим и при этом, по возможности, иметь в виду роль всего фрагмента для понимания текста в целом. Собственно связь последующего высказывания с предыдущим обычно подразумевается имплицитно. И ее маркировка союзами — это свидетельство потребности в дополнительной информации о качестве связи: союзы *и*, *а также*

показывают, что в предложении будет ожидаемая информация, союзы *но*, *однако*, *тем не менее* — что противоречащая ожиданию, союз *а* — что информация будет новая. Подчинительные союзы покажут семантику связи (причина, время и т. п.).

Принцип релевантности (сказано — значит, с какой-то целью, [Sperber, Wilson, 1995; Carston 2002]) совместно с представлениями о возможных способах изложения заставляет слушающего предугадывать намерения говорящего и возможности дальнейшего изложения. Поэтому даже в тех случаях, когда связь между высказываниями может быть уточнена, она воспринимается имплицитно.

Таким образом, первой презумпцией слушающего относительно последующего сообщения будет «высказывание связано с предыдущим», второй — «высказывание играет роль в содержании текста в целом» (реализация этой презумпции будет рассмотрена далее), третьей: «высказывание содержит продолжение того, что сказано ранее, или отношение соответствия сказанного с известным слушающему».

Что касается продолжения, то имеются в виду последующие по времени излагаемые события в тексте-повествовании:

(6) «В самом начале XIX века Таганрог стали посещать бродячие труппы, а с 1827 года город стал постоянно арендовать театральное здание...»

Или описание одновременных событий, дополняющих уже сказанное:

(6А) «Этот год и считается датой основания Таганрогского театра. В репертуаре того времени были в основном легкие водевили и мелодрамы, но ставились также произведения серьезной драматургии».

Если же речь идет о тексте описания, то может ожидать продолжение описания некоторого объекта:

(7) «В основу строительства положены чертежи и планы знаменитого Миланского театра «Ла Скала»: зрительный зал и сцена являются его копией в миниатюре. Несмотря на небольшой размер, театральный зал обладает великолепной акустикой. В нем очень уютно».

Здесь мы ориентируемся на положение о трех основных типах текста [Золотова 1988]) Заметим, что в примере между первым и вторым простыми предложениями возникает причинная связь, что может быть до некоторой степени прогнозируемо адресатом, который может не понимать, какова связь с чертежами, хотя и догадываться. Это еще раз говорит о взаимопроникновении всех типов разворачивания текста.

Поэтому можно говорить о нескольких видах прогнозирования текста в сообщении любого типа. Во-первых, не очевидно, сохраняется ли предыдущий тип повествования, адресат может прогнозировать и имплицитно добавлять способы продолжения разного вида: как характерные для имеющегося типа текста, так и меняющие его. Во-вторых, в прогнозах могут варьировать отдельные виды отношений: причина, или уступка,

или условие и т. п. Иными словами, понимание последовательности событий в монологическом сообщении предполагает наличие нескольких вариантов прогноза слушающего. И если в более определенных случаях, как в (6), связь очевидна и может оставаться имплицитной, для других возникает неопределенность. Поэтому в некотором числе случаев ожидания уточняются при помощи дискурсивных слов. Для русского языка это в первую очередь союзы, частицы, вводные слова. Аналогичные классы слов — хотя и в другом соотношении — отмечаются и для многих других языков [Борисова и др. 2017].

Рассмотрим различные виды маркировки уточнений семантических отношений между связываемыми фрагментами текста.

а. Самым простым видом носителей уточняющей информации можно считать сочинительные союзы, основным значением которых является информация о связности сообщений.

В русском языке основным средством присоединения информации является союз *и*. Он используется тогда, когда информация является предсказуемой:

(8) «Прошло сто лет, **и** юный град полных стран краса и диво, из тьмы болот и топи блат вознесся пышно, горделиво» (А.С. Пушкин).

Здесь после сообщения об основании города дается информация о его развитии: это не единственная возможность, но вполне вероятная.

В ряде языков (английский, французский) ему противопоставлен один союз: *but* в англ, *mais* во фр, который маркирует нарушение предсказуемости. В русском языке, а также в немецком, испанском, итальянском имеется не двучленная, как в английском и французском, а трехчленная система союзов (точнее, в русском четырехчленная с союзом *да*). В частности, в русском языке союзу *и* противопоставлен в одних случаях *но*, а в других *а*. (Союз *да* мы рассматривать здесь не будем). *Но* используется тогда, когда новое сообщение логически противоречит ожидаемому:

(9) «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора» (Ф.И. Тютчев).

Здесь *но* маркирует логическое противопоставление ожидаемой импликатуры: «если короткая, значит, неважная, неинтересная».

Союз *а* тоже противопоставлен союзу *и*, однако в этом случае речь не идет о логическом выводе: маркируется то, что сообщение не является предсказуемым, а содержит в себе новую информацию. С двучленной системой образуется пересечение: в тех случаях, когда новизна сообщения выглядит противоречащей возможным ожиданиям, в английском мы видим использование во всех этих случаях союза *but*, однако в русском возможна только маркировка новизны союзом *а*.

В немецком, испанском, итальянском языках наряду с двучленным маркированием имеется еще способ ввести информацию в виде одно-

родного члена или нового простого предложения. Там эта возможность связана с введением «правильного ответа» после отрицания «неправильного» варианта в предыдущем.

Таким образом, сочинительные союзы по большей части маркируют не только связь двух предложений, но и предсказывают, какую информацию получит слушатель в новом предложении: аналогичную сообщенной (*и*), новую (*а*) или противоречащую ожиданию (*но*).

б. Другим вариантом маркировки оказывается уточнение причинно-следственной связи и их разновидностей.

В целом ряде случаев между высказываниями возникают отношения обусловленности. Под этим подразумеваются связи между событиями, фактами или явлениями, когда один факт влечет за собой другой. Помимо причинных и следственных связей сюда включаются отношение условия, цели и уступки, в которых причинные связи осложняются модальными смыслами. Так, условие можно рассматривать как причинную связь в условной модальности. Фраза

(10) «Я закрыла дверь, чтобы нас не подслушивали»

может быть передана указанием на (имплицитную) причинную связь: когда дверь открыта, возможно подслушивание — и модальность «хочу, чтобы нас не подслушивали».

Отношение условия предполагает выявление причинных связей в ситуации различных модальностей относительно наличия причины. Уступка предполагает нарушение ожидания, предсказанного причинно-следственной связью.

Они могут передаваться имплицитно, а могут выражаться при помощи союзов и предлогов со значением причины, следствия, условия, уступки, цели. Имплицитное выражение отношений обусловленности кроме причинно-следственных связано с различными способами выражения модальных значений другими частями предложения.

Возможна и частичная экспликация, когда эти значения выражаются сочинительными союзами:

(11) «Хотя мы предупредили хозяев, наш визит оказался неожиданным» —

(11a) «Мы предупредили хозяев, но наш визит всё равно оказался неожиданным».

В маркировке данных отношений участвуют и подчинительные союзы, и частицы. Так для русских усилительных частиц *-то, ведь, же* и ряда других передача причинно-следственных отношений составляет часть их семантики: причинные значения отмечаются в словарях и исследованиях. В других языках (в частности, в немецком) участие частиц тоже отмечается [Борисова и др 2017], однако, как правило, степень узуализации здесь

существенно меньше. В целом этот аспект проблемы заслуживает специального изучения.

в. Приведение примеров.

Для текста-рассуждения, а иногда для описания (если описывается большое пространство) или повествования (при описании повторяющихся действий) ход изложения прерывается приведением примеров. В языке для этого есть как книжные средства, так и разговорные. В книжной речи имеются вводные слова *к примеру*, *например*, скажем, а также менее кодифицированные выражения: *возьмем, к примеру, примером может служить*.

В разговорной речи для приведения примера обычно используются частицы *вот* и *вон*:

(12) «я сначала не верила, что за год можно так измениться, но потом сама убедилась... правда, вот пара идёт час двадцать, но это почти незаметно...»

(13) «Вспомните, какие замечательные, действительно интеллектуальные издания выходили миллионными тиражами! **Вот**, к примеру, великолепный журнал «Наука и жизнь» за 1981 год»

(14) «Если народ России потерял национальную волю, то жалеть не о чём. **Вон** древние римляне исчезли, а мы к ним со всем уважением».

(Примеры взяты из НКРЯ).

г. Отдельно следует рассмотреть случаи нарушения последовательности изложения.

В повествовании это может быть обращение к предшествующим событиям или к параллельной сюжетной линии. В ряде языков это маркируется особой категорией — таксисом, входящим во временную систему, например, плюсквамперфект в старославянском болгарском, английском и многих западных языках [Сичинава 2020]. В русских переводах эта возможность нередко упускается, и два прошедших не позволяют выстроить правильную последовательность событий.

В русском и других языках для маркировки нарушений ожидания в последовательности изложения используются единицы, относимые к вводным словам (*между тем*, *впрочем*), наречиями и предложными конструкциями *ранее*, *еще до того*, *перед тем* и т. п., а иногда и отдельные не вполне узуализовавшиеся конструкции: *тем временем*, *этому предшествовало* и т. п. Поскольку англоязычный текст (а также тексты на немецком, французском и ряде других языков) таких маркеров по причине наличия специального времени не имеет, переводчик вынужден добавлять соответствующие маркеры или целые поясняющие моменты.

Выводы. Таким образом, мы видим, что процесс понимания связного текста основывается на презумпциях собеседника относительно способов изложения, выводов из этих способов и общих знаний. Однако язык располагает достаточным числом специальных средств, позволяющих этим

процессом управлять. Данные средства — как специальные единицы, так и характеристики морфологических и синтаксических категорий — могут быть причислены к категории понимания связного текста в грамматике слушающего.

Можно предложить следующие значения категории понимания связного текста:

А) категория единства, для выражения которой используются средства связи сверхфразовых единств (союзы, местоимения, частицы, имеющие актантов в различных предложениях в рамках одного текста. Деформация порядка слов). Сюда, в частности, следует отнести средства выражения сочинительной и подчинительной связи между высказываниями;

Б) категория построения сообщения (композиционная): сюда включаются общие законы композиции, а также композиционные маркеры: *пример*, «*между прочим*», маркировка начала, конца, частей внутри сообщения;

В) отдельно стоит выделить категорию «управление прогнозированием понимания связи»: частицы *вот*, *тут* и т. п., модальные (вводные) слова *собственно*, *в сущности*, которая позволяет корректировать процессы понимания в ходе получения информации.

Кроме того, особо следует учитывать (хотя они, возможно, относятся к иной категории) диалогические возможности: реплики говорящего («*как ты понимаешь*») и запрос на коррекцию у слушающего: *Это ты к чему? При чем тут это?*

Сравнение с другими европейскими языками, в частности, с английским, немецким, а частично и французским, испанским и итальянским, показывает, что общие принципы композиции текста и прогноза его дальнейшего развертывания оказываются весьма сходными. Однако средства управления действиями слушающего могут заметно различаться. В частности, в русском языке есть средства различной маркировки таких характеристик дальнейшего развертывания сообщения, как «новое» (маркируется союзом *а*) и «противоречащее ожиданию» (маркируется союзом *но*). В других затронутых нами языках такого различия не проводится. Кроме того, в русском, а во многом и в немецком языках управление ожиданиями слушателя (а вместе с тем и пониманием сообщения) производится за счет отдельного класса слов: усилительных частиц (в немецком этот класс называется *Modalpartikeln*). Во французском (и, видимо, в испанском и итальянском, хотя тут требуются дополнительные исследования) их роль заметно меньше. Что же касается английского, то там эту функцию частично берут на себя адverbials (adverbials) и другие единицы, число собственно частиц очень невелико, и в целом достаточно часто читатели и слушатели обходятся без специальной маркировки.

В грамматике слушающего процесс понимания, помимо отмеченного тут выявления особенностей смысла сообщения в целом, включает также

действия по определению семантики отдельных лексических и грамматических единиц, что требует специального описания.

Источники

Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>

Литература

Беклемешева Н.Н. Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, Москва, 2011. 26 с.

Борисова Е.Г. Речевая ориентация как категория рецептивной лингвистики // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 147–51.

Борисова Е.Г. Экспликация (выявление имплицатур) в грамматике слушающего // Русская грамматика: Активные процессы в языке и речи (Ярославль, 17–19 мая 2019 года). Сб. научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 46–52.

Борисова Е.Г., Афанасьева О.В., Сулейманова О.А. Когнитивная интерпретация семантических сдвигов в значениях усилительных частиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 14–19.

Борисова Е.Г., Геймбух Е.Ю. Стилистика и литературное редактирование. М.: Юрайт, 2015. 275 с.

Бурвикова (Зарубина) Н.В. Закономерности линейной структуры монологического текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981. 41 с.

Гиндин С.И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1968–1975) // Известия АН СССР. Серия ЛЯ, 1977. № 4. С. 348–361.

Дейк Т.А. ван. Макростратегии / Дейк Т.А. ван, В. Кинч // Язык. Понимание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 41–67.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 6-е изд. М.: УРСС, 2009. 368 с.

Новиков А.И. Семантика текста и формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.

Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М.: Наука, 1969. 135 с.

Сичинава Д.В. Славянский плюсквамперфект: пространство возможностей // Вопросы языкознания. 2020. №1. С. 30–57. doi: <http://doi.org/10.31857/S0373658X0003593-1>.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое. [Учеб. пособие для студентов вузов по специальности «Рус. яз. и литература» и «Журналистика»]. М.: Высш. школа, 1973. 214 с.

Carston R. *Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication*. Wiley-Blackwell. 2002. 430 p. doi: <http://doi.org/10.1002/9780470754603>

Van Dijk, Teun K.W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 418 p.

Lyashevskaya O., Kashkin E. FrameBank: a database of Russian lexical constructions. In M.Yu. Khachay, N. Konstantinova, A. Panchenko, D.I. Ignatov, G.V. Labunets (eds.), *Analysis of Images, Social Networks, and Texts*. Fourth International Conference, AIST 2015, Yekaterinburg, Russia, April 9–11, 2015, Revised Selected Papers. Communications in Computer and Information Science, Vol. 542, Springer. P. 350–360.

Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. 1995. Wiley-Blackwell. 326 p.

Wilson D., Kolaiti P. Corpus Analysis and Lexical Pragmatics. An Overview // *International Review of Pragmatics*. 2014. No 6 (2). P. 211–239. doi: <http://doi.org/10.1163/18773109-00602002>.

Словари

Хаззагеров Г.Г. *Риторический словарь*. М.: Флинта: Наука, 2009. 431 с.

References

Istochniki

National Corpus of Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.).

Literatura

Beklemesheva N.N. (2011). *Interpretaciya vtorichno-predikativnyh struktur v perspektive aktual'nogo chleneniya predlozheniya* [Interpretation of secondary predicative structures in the perspective of actual segmentation]: Abstract of dis. ... candidate of philological sciences. 26 p. (In Russ.).

Borisova E.G. (2015). Rechevaya orientaciya kak kategoriya receptivnoj lingvistiki [Speech orientation as a category of receptive linguistics]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. No 2. Pp. 147–151. (In Russ.).

Borisova E.G. (2019). Eksplikaciya (vyvavlenie implikatur) v grammatike slushayushchego [Explication (identification of implicatures) in the grammar of the listener]. *Russkaya grammatika: Aktivnye processy v yazyke i rechi (Yaroslavl', 17–19 maya 2019 goda)*. Sb. nauchnyh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma [Russkaya grammar: Active processes in language and speech

(Yaroslavl ‘, 17–19 maya 2019). Collection of scientific papers of the international scientific symposium]. Yaroslavl: RIO YAGPU. P. 46–52. (In Russ.).

Borisova E.G., Afanas’eva O.V., Sulejmanova O.A. (2017). Kognitivnaya interpretaciya semanticheskikh sdvigov v znacheniyah usilitel’nyh chastic [Cognitive interpretation of semantic shifts in the meanings of amplifying particles]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive linguistics issues]. No 4. Pp. 14–19. (In Russ.).

Borisova E.G., Gejmbuh E.I. (2015). *Stilistika i literaturnoe redaktirovaniye* [Stylistics and literary editing]. Moscow: Urait. 275 p. (In Russ.).

Burvikova (Zarubina) N.V. (1981). *Zakonomernosti linejnoy struktury monologicheskogo teksta* [Regularities of the linear structure of a monologue text]: Abstract of dis. ... doctor of philological sciences. Moscow. 41 p. (In Russ.).

Dejk T.A. van. (1989). Makrostrategii [Macro strategies]. *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress. Pp. 41–67. (In Russ.).

Gindin S.I. (1977). Sovetskaya lingvistika teksta. Nekotorye problemy i rezul’taty (1968–1975) [Soviet text linguistics. Some problems and results (1968–1975)]. *Izvestiya AN SSSR, ser. LYA*, 1977. No 4. Pp. 348–361. (In Russ.).

Novikov A.I. (1983). *Semantika teksta i formalizaciya* [Text semantics and formalization]. Moscow: Nauka. 215 p. (In Russ.).

Sevbo I.P. (1969). *Struktura svyaznogo teksta i avtomatizaciya referirovaniya* [Coherent text structure and summarization automation]. Moscow: Nauka. 135 p. (In Russ.).

Sichinava D.V. (2019). Slavyanskij plyuskvamperfekt: prostranstvo vozmozhnostej [Slavic pluperfect: loci of variation]. *Voprosy Jazykoznanija*. No 1. Pp. 30–57. doi: <http://doi.org/10.31857/S0373658X0003593-1>. (In Russ.).

Solganik G.YA. (2002). Sintaksicheskaya stilistika. Slozhnoe sintaksich. Celoe [Syntactic style: Complex syntactic whole]. (Textbook for university students in the specialty “Russian language and literature” and “Journalism”). Moscow. 214 p.

Carston R. (2002). *Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication*. Wiley-Blackwell. 430 p. doi: <http://doi.org/10.1002/9780470754603>

Van Dijk, Teun, K.W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 418 p.

Lyashevskaya O., Kashkin E. (2015). FrameBank: a database of Russian lexical constructions. *Analysis of Images, Social Networks, and Texts. Fourth International Conference, AIST 2015, Yekaterinburg, Russia, April 9–11, 2015, Revised Selected Papers. Communications in Computer and Information Science* (M.Yu. Khachay, N. Konstantinova, A. Panchenko, D.I. Ignatov, G.V. Labunets (eds.)). Vol. 542, Springer. Pp. 350–360.

Sperber D., Wilson D. (1995). *Relevance: Communication and Cognition*. Wiley-Blackwell. 326 p.

Wilson D., Kolaiti P. (2014). Corpus Analysis and Lexical Pragmatics. An Overview. In: International Review of Pragmatics. 6. Pp. 211–239.

Zolotova G.A. (1982) *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka, rel. 6. Moscow: URSS, 2009. 368 p. (In Russ.).

Dictionaries

Khazagerov G.G. *Ritoricheskij slovar'* [Rhetorical dictionary]. Moscow: Flinta, Nauka. 2009. 431 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 24.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Информация об авторе

Елена Георгиевна Борисова; доктор филологических наук; профессор; Московский городской педагогический университет; профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков; сфера научных интересов: лингвистическая прагматика, лексическая и грамматическая семантика, социолингвистика.

Information about the author

Elena Georgievna Borisova; Doctor of Philology; Professor; Moscow City University; Professor of the Department of Germanic Studies at the Institute of Foreign Languages; research interests: linguistic pragmatics, lexical and grammatical semantics, sociolinguistics.

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 278–296
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 278–296

Научная статья

УДК 81'367

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.16>

СТАНДАРТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК МЕТОД СОПОСТАВЛЕНИЯ МИКРОСИСТЕМ

Татьяна Дмитриевна Шабанова¹, Юлия Рустэмовна Юсупова²

^{1,2} Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

¹ bertha@ufanet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7043-0394>

² khalits@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9103-0413>

Аннотация. В статье рассматриваются стандартные языковые процессы изменения значения глаголов в отдельной микросистеме глагольной лексики как базы контрастивных исследований. Основываясь на выработанном подходе к семантическому анализу предикативных структур, авторы выявили типологию семантических мутаций. Полученная в результате исследования информация о стандартных языковых механизмах изменения значений глагольной лексики позволяет сопоставлять микросистемы английского и русского языков на основе контрастивного анализа представленности каждого из языковых процессов в сравниваемых лексических единицах.

Ключевые слова: контрастивный анализ, лексико-семантическая группа глаголов, микросистема, семантико-синтаксическая конструкция, когнитивная модель, прототипическая модель глагола.

Для цитирования: Шабанова Т.Д., Юсупова Ю.Р. Стандартные языковые процессы как метод сопоставления микросистем // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 278–296. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.16>.

Original article

STANDARD LANGUAGE PROCESSES: COMPARATIVE STUDY OF MICROSYSTEMS

Tatiana Dmitrievna Shabanova¹, Yulia Rustemovna Yusupova²

^{1, 2} M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

¹ bertha@ufanet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7043-0394>

² khalits@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9103-0413>

Abstract. The works of O.N. Seliverstova on contrastive semantics give an inexhaustible vision of the comparison of languages in their theoretical aspect. Her well-known works on the contrastive study of the prepositional vocabulary in English and Russian languages, significantly supplemented the ideas in linguistics about those concepts that are necessary for comparing a separate lexical microsystem (in her work, spatial prepositions and adverbs).

She found that in order to compare the lexical units of the group, it is necessary to take into account at least 14 matching parameters: different ways of isolating the space taken into account in the description, pointing to distance as a condition for the implementation or non-implementation of some action, a description from the angle of either X or Y, the dependence on the description of the type of Y, the significance of the observer concept for describing the semantics of prepositions and adverbs, the separation of individual spaces from the common space, taking into account the concept of “Y area”, belonging of the relyatum Y to a closed set, etc.

Since the microsystem of verbal vocabulary is considered in this article as a unit of comparison there was formulated the task of identifying the linguistic processes in the system of verbal vocabulary that underlie the formation of individual verb meanings, the appearance of polysemy. The article presents data on standard language processes that lead to semantic mutations:

- change of type of space, elimination of semantics of physical space and actualization of functional relations;
- abstraction of the predicate denotate from the time axis, the transition from a specific momentous action to a heterogeneous type of the predicate which is abstracted from the time axis;
- focusing on various aspects of the denotative situation, which is the reason for the variability of meaning within one verb meaning, the appearance of additional meanings in one verb, or the naming of the same situation with another synonymous verb;
- changes in the nature of relations between actants;

- acquisition of new semantics of the verb by getting into a different lexical-semantic construction (semantic type of the predicate, various kinds of typical semantic-syntactic constructions). Despite the identified “cognitive” reasons for the transition from one meaning to another, it remains a problem why in one language the verb receives the development of meaning along one semantic line, and in another language — on the other.

Key words: contrastive analysis, lexical-semantic group of verbs, microsystem, semantic-syntactic construction, cognitive model, prototypical model of a verb.

For citation: Shabanova T.D., Yusupova Y.R. Standard language processes: comparative study of microsystems. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 278–296. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.16>.

© Шабанова Т.Д., Юсупова Ю.Р., 2021

Введение. В лингвистических исследованиях, получивших свое развитие за последние годы, можно выделить ряд наиболее приоритетных направлений. К их числу можно отнести выявление системных категорий, составляющих обязательный каркас структуры значения глагольной лексики. К их числу, в частности, относятся категории реляционной семантики и компоненты, составляющие структуру самой семантической роли при предикате. Осмысление такой составляющей семантической роли, как, например, контролируемость, позволяет объяснять многие семантические процессы, в том числе и появление многозначности и контекстуальных вариантов значения глагольной лексики, представляющих значительную проблему в переводческой практике как с английского языка на русский, так и с русского языка на английский [Селиверстова 2004]. Появление дополнительных значений в лексико-семантической системе глагола основывается на определенных языковых процессах, правилах, в соответствии с которыми происходят семантические мутации. Эти правила, или закономерности, действуют таким образом, что в разных языках они влияют на появление далеко не соотносимых значений. При соотносимом прототипическом значении, например, в глаголах *учить что-то* (рус.) и *study* (англ.), могут развиваться значения, позволяющие им в одном языке входить в одну лексико-семантическую группу, а в другом языке — в совершенно другую. Например: “He studied a note for a minute”. В данном предложении значение глагола *study* связано с процессом зрения, а не освоения знания.

Выявление языковых механизмов, способствующих семантическим мутациям в глагольной микросистеме, и их типологизация позволяют бо-

лее глубоко осмыслить как язык-источник, так и язык-цель. Анализ стандартных языковых процессов, влияющих на появление новых значений в глагольной лексике в фокусе контрастивного подхода, составляет цель исследования и определяет его актуальность. В более широком лингвистическом контексте недостаточное понимание стандартных языковых процессов, лежащих в основе изменения лексического значения глагольных единиц, является причиной неправильного представления значения глаголов в лексикографических источниках, когда в качестве отдельных значений формулируется информация о вариативности денотативных ситуаций, т. е. лингвистическая информация о значении подменяется информацией о денотате, описываются знания о ситуации, а не ее представление в языке.

Ряд положений семантической теории, связанных с теорией грамматики конструкций, позволяют объяснять появление этих дополнительных, так называемых нетривиальных значений [Fillmore 1985; Kay, O'Connor 1988; Goldberg 1995; Jackendoff 1990, 1993, 2013]. В рамках данной теории появление нового значения связывается с попаданием глагола в иную когнитивно-семантическую и синтаксическую конструкцию. При этом механизм изменения значения зачастую называется когнитивная метафора или метонимия без раскрытия внутренних языковых механизмов, способствующих появлению этого нового значения. Еще в 2008 году Е.В. Рахилина отмечала, что «изменчивая природа конструкций дает возможность языку гибко и плавно изменяться (не теряя связи со своим предшествующим временным срезом)», и с лингвистической точки зрения важно знать, каким образом семантический тип предиката связан с явлениями когнитивной метафоры и метонимии [Рахилина 2008: 23].

На примере контрастивного анализа семантических мутаций в ряде лексико-семантических групп глагольной лексики будет рассмотрено действие этих внутренних языковых механизмов, связанных с изменением семантических ролей актантов предиката и рядом других стандартных языковых процессов.

Цель исследования. Целью исследования является выявление стандартных языковых процессов, лежащих в основе изменения лексического значения ряда лексико-семантических групп глагольных единиц современного английского языка, способных объяснить семантические различия в концептуализации внеязыковой информации единой тематики.

Проблема исследования. Одним из положений грамматики конструкций является тезис о том, что значение языковой единицы создается под влиянием контекста, и ведущим смыслообразовательным фактором формирования значения глагольной лексемы является не вербоцентрическая позиция глагола (по Л. Теньеру), а когнитивная конструкция, опреде-

ляющая истинное значение глагола [Fillmore 1985, Kay, O'Connor 1988; Goldberg 1995; Jackendoff 1990, 1993, 2013].

Термин «конструкция» в рамках данного направления понимается не только как формально-синтаксическая конструкция, но и как когнитивное образование, способное раскрыть системные связи между актантами ситуации, предсказать семантическую структуру глагола, его грамматические категории и сочетаемость. Значение конструкции напрямую влияет на семантические параметры встраиваемого глагола. При таком подходе к пониманию семантических процессов, способствующих изменению значения глагольной лексики, именно конструкция является центральной фигурой предложения, порождающей нетривиальные значения с метафорической семантикой. Значение глагола, встроенного в когнитивную конструкцию, определяется семантическими и синтаксическими параметрами этой конструкции в целом. Реальное значение глагола в конкретном высказывании является зависимым от семантики конструкции. При этом глагол может как реализовать свое прототипическое значение, так и модифицировать его для того, чтобы адекватно функционировать в данном речевом высказывании. Следовательно, не глагол, а сама конструкция будет определять, какие семантические роли будут заполнять слоты фрейма и каким образом будет происходить смена семантического типа предиката как стандартного языкового механизма появления нового значения [Шабанова 2015].

Методология исследования. Ведущим в проведении контрастивного исследования глаголов является гипотетико-дедуктивный метод, использование которого обеспечивает научно обоснованное построение хода исследования, отвечает его задачам, позволяет формулировать гипотезы, проводить их экспериментальную верификацию, анализировать полученные результаты и обобщать их. В рамках данного метода проводился анализ языкового материала, полученного методом сплошной выборки из оригинальных текстов русской, английской, американской классической и современной литературы, английских и русских рекламных текстов, а также национальных корпусов. В качестве инструментария исследования использовались методы семантического толкования и компонентного анализа.

Основная часть. Рассмотрим механизмы действия стандартных языковых процессов на ряде примеров. В лексико-семантической группе английских глаголов покидания (*leave*) глагол *depart* является одним из наиболее частотных. В его прототипическом значении предполагается наличие трех актантов ситуации: X — субъект действия, Y — объект, покидаемый субъектом действия и Y₁ — объект действия, к достижению пространства которого направлено действие со стороны X-а. Например: 1. “He departed Antwerp for London on the steamship”. В данном примере *depart* относится к гомогенному типу предиката, локализованному на оси времени в виде

«точки». Субъект *He* наделяется семантической ролью Деятеля, в которой присутствуют компоненты «приложение силы», «контролируемость» [Шабанова 2015: 26–29]. Следовательно, семантическим типом предиката в данном случае является действие и его подтип в соотношении с осью времени — разовое конкретное действие. Схема семантико-синтаксической конструкции глагола в данном лексико-семантическом варианте выглядит следующим образом:

depart + [D, $\text{Loc}_{\text{нач}}$ $\text{Loc}_{\text{конеч}}$], где D — Субъект Деятель, $\text{Loc}_{\text{нач}}$ — локативный падеж, указывающий на расположение субъекта до совершения действия, $\text{Loc}_{\text{конеч}}$ — локативный падеж, указывающий на направление движения субъекта.

При переводе данного предложения на русский язык семантика движения будет связана с глаголом *уезжать*, который не имеет такой парадигмы семантических изменений, как английский глагол *depart*: «Он уехал из Антверпена в Лондон». Как было установлено в исследовании, изменение значения глагола *depart* связано с передачей информации о покидании не конкретного физического трехмерного пространства, а о покидании пространства иного рода, пространства функциональных отношений, называемого пространством множеств [Селиверстова 2004: 357, 366, 741] и возникновение иного типа предиката в соотношении с осью времени — гетерогенного типа предиката [Шабанова 2015]. Ярким примером действия данных стандартных языковых процессов по изменению лексического значения глагола *depart*, может послужить следующий пример: 2. “George Washington, as we all know, advised strongly, as he departed his presidency, that we should avoid all entangling alliances with foreign nations” Первый стандартный семантический процесс связан с изменением типа пространства (разрыв функциональных отношений между X-ом (*he*) и Y-ом (*his presidency*)), вторым стандартным семантическим процессом является изменение типа предиката в соотношении с осью времени — из разового конкретного действия глагол *departed* переходит в гетерогенный тип предиката. Денотат предиката, выраженного глаголом *depart*, абстрагирован от оси времени и передает информацию о покидании пространства функциональных отношений между X-ом (*he*) и Y-ом (*his presidency*). Будучи гетерогенным семантическим типом предиката, глагол *depart* включает в себя ряд разнородных действий по разрыву функциональных отношений в рамках занимаемой должности (*presidency*). Результатом разрыва функциональных отношений является то, что субъект *he* перестает быть частью личностных и социальных отношений (*presidency*), теряя свой социальный статус президента. Таким образом, данное предложение иллюстрирует пример изменения личностных пространственных отношений субъекта X и его перехода в особый тип пространства множеств. X теряет статус члена некоторого социального функционального пространства мно-

жеств, при этом само социальное пространство множеств сохраняет свой статус. Эта семантическая информация является определенным основанием для выделения отдельного значения данного глагола, его перехода из лексико-семантической группы покидания (*leave*) в лексико-семантическую группу глаголов со значением *retire, resign*.

Семантико-синтаксическая схема глагола *depart* в данном лексико-семантическом значении будет выглядеть следующим образом:

depart + [D, O_{Func.Rel.Part of the Whole}], где D — Деятель, O_{Func.Rel.Part of the Whole} — локативный объект, представляющий собой пространство множеств, в котором возникают отношения между X-ом и Y-ом функционального характера (часть-целое).

Будучи локализованным на оси времени, денотат предиката глагола *depart* выражает конкретное гомогенное действие в качестве прототипического значения глагола. В этом случае глагол *depart* актуализирует информацию о покидании Субъектом физического трехмерного пространства.

Модуляции в значении глагола *depart* как глагола группы покидания связаны с переходом предиката из гомогенного типа в класс гетерогенных типов предиката, что сопровождается актуализацией семантики функциональных отношений, приводящих к осложнению семантической структуры глагола и появлению нетривиальных смыслов.

При переводе данного предложения на русский язык будет использован глагол *покидать*: «<...> когда он покинул пост президента <...>». Конечно, можно сказать: «<...> когда он ушел с поста президента <...>», но в последнем случае теряется стилистическая окраска более высокого стиля по отношению к президенту. Русский глагол *покидать* может выражать семантику движения в трехмерном физическом пространстве, но по частотности употребления он описывает ситуации, когда употребляется в значении другой лексико-семантической группы ухода на пенсию, потерю социального статуса: «Он покинул нас» = «Он умер».

Таким образом, изменения в значении глагольной семантики связаны со сменой типа пространства, актуализацией функциональных отношений, в данном случае — социальных отношений. Кроме того, изменение значения определяется таким стандартным семантическим процессом, как отвлечение денотата предиката от оси времени, переход из конкретного разового действия в прототипическом значении глагола *depart* в отвлеченный от оси времени гетерогенный тип предиката.

Рассмотрим, какие стандартные языковые процессы являются причиной изменения в глагольной семантике английской лексико-семантической группы «защита». К числу наиболее частотных глаголов данной группы относятся: *protect, defend, secure, preserve, guard, safeguard* и *shield*. Данные глаголы содержат в себе единый семантический компонент, ко-

торый выражен общей семантической доминантой, объединяющей их в синонимический ряд: Субъект X является Источником приложения Силы по созданию (сохранению) Препяды от негативного воздействия Y2 (Угрозы) на Y1 (Объект). Интегральной семантикой данных глаголов является наличие этой актантной рамки в семантической структуре всех глаголов группы «защита». В то же время каждый из этих глаголов содержит в себе дифференциальную информацию, отличающую конкретный глагол от глаголов данной группы наличием определенных дифференциальных семантических компонентов, накладывающих ограничения на употребление глаголов.

Были проанализированы словарные статьи глагола *shield* в англо-английских и англо-русских словарях. Анализ словарных статей показал, что глагол *shield* в значении защиты интерпретируется с помощью перечисления его синонимов: в англо-английских словарях глагол *shield* интерпретируется прежде всего с помощью глагола *protect*. Анализ словарных статей английского глагола *shield* выявил размытость и неточность представленной в словарях информации о параметрах денотативной ситуации, требующих употребления данного глагола, поскольку значение этого глагола интерпретируется через его синоним, а дифференциальная информация об особенностях параметров денотативной ситуации, определяющей употребление этого глагола, отсутствует.

Анализ примеров с этим глаголом показал, что фреймовая структура глагола *shield* в значении защиты предполагает наличие дополнительного участника ситуации, а именно средства защиты:

(а) “He shielded his eyes from sight with a raised arm” (H. Harrison).

Семантическая структура глагола *shield* может быть охарактеризована следующим составом: Субъект X (he), создавая преграду с помощью инструмента (a raised arm), является источником приложения силы по защите объекта Y1 (his eyes) от угрозы Y2 (sight). Семантическая модель глагола *shield* может быть представлена следующим образом:

Shield + [D, Oaff, Osource (threat), Instr], где D — семантическая роль Деятеля, характеризующаяся контролируемым приложением силы со стороны Субъекта (he), поскольку Субъект является носителем высшей психической деятельности [Shabanova et al. 2020]; Oaff — Объект с семантической ролью Объекта Аффекта, характеризующегося отсутствием изменений в самом объекте, поскольку каких-либо изменений в Объекте за счет приложения силы со стороны Субъекта не происходит; Osource (threat) — Объект, который представляет собой угрозу или потенциальную угрозу, Instr — семантическая роль Инструмента.

(б) “Mom knocks in and too late, I shield the page, cause up I glance at my sister’s wary eyes, hear the pause that won’t prod me when there’s nothing I want to confess” (R. Reema).

В данном предложении Субъект (I) является преградой для защиты Объекта Y1 (*the page*) от Угрозы Y2 (*Mom knocks in and too late*) с помощью предполагаемого Инструмента (*with my hand*).

Семантическая модель глагола *shield* в данном примере может быть представлена следующим образом:

Shield + [D, Oaff, Osource (threat)]

(в) “The body of the asteroid will shield us from the radiation!” (B. Bova).

В данном примере актуализируется информация о том, что Субъект (*The body of the asteroid*) сам представляет собой Инструмент по созданию преграды между Объектом Y1 (*us*) и Угрозы Y2 (*the radiation*). В данном примере наблюдается изменение в актантной рамке глагола *shield*. Субъект как носитель высшей психической деятельности отсутствует, но фокусируется внимание на том, что сам субъект является инструментом защиты объекта от угрозы. Семантическая модель глагола *shield* в данном примере может быть представлена следующим образом:

Shield + [Instr, Oaff, Osource (threat)]

(г) “The divine ones will shield your children” (R. Bowes).

В данном примере Субъект (*The divine ones*) является Инструментом, преградой для защиты Объекта Y1 (*your children*) от предполагаемой Угрозы Y2.

Семантическая модель глагола *shield* в данном примере может быть представлена следующим образом:

Shield + [Instr, Oaff]

Таким образом, семантическая структура глагола *shield* в значении «защищать», представленная в англо-английских словарях через глагол *protect*, имеет следующую прототипическую модель:

Shield + [D (Instr), Oaff, Osource (threat), Instr], где D — семантическая роль Деятеля, характеризующегося контролируемым приложением силы со стороны Субъекта, или Инструмента; Oaff — Объект с семантической ролью Объекта Аффекта, характеризующегося отсутствием изменений в самом объекте; Osource (*threat*) — Объект, который представляет собой угрозу или потенциальную угрозу; Instr — Объект с семантической ролью Инструмента.

Данные словарных статей также показали, что семантика глагола *shield* содержит информацию защиты не во всех его значениях, например: в словарной статье словаря Cambridge Dictionary под номером 2 (“in football, to keep your body between an opponent and the ball, with your back to the other player, to prevent them from getting the ball”) [CD], в словарной статье словаря Oxford English Dictionary под номером 1.1 (“prevent from being seen”) [OED], в слове Macmillan Dictionary под номером 3 (“in sport, to keep your body close to the ball and prevent an opponent from touching it”) [MD] и в словарных статьях словаря ABBYY Lingvo под номером 2.3 («тех.

экранировать») [ALD] присутствуют другие отношения между актантами, а не отношения защиты.

Рассмотрим ситуацию, когда в словарных статьях глагола *shield* выделяются отдельные значения, однако, с нашей точки зрения, они таковыми не являются. В этом случае имеют место вариации в денотативной ситуации, а не в самом значении глагола. Проанализируем примеры из словарных статей, иллюстрирующие данное положение.

Глагол *shield* представлен в словарях в следующих отдельных значениях:

- “to protect someone or something” [CD];
- “protect from a danger, risk, or unpleasant experience” [OED];
- “to protect something, usually from being hit, touched, or seen” [MD];
- “to protect someone from something unpleasant” [MD].

Семантическое моделирование этих значений глагола *shield* представляет собой реализацию базовой семантической модели:

- “to protect someone or something” [CD] — в данном значении представлен акцент на информацию о защищаемом объекте Y1;
- “protect from a danger, risk, or unpleasant experience” [OED] — в данном значении акцентируется семантика угрозы со стороны Y2;
- “to protect something, usually from being hit, touched, or seen” [MD] — в данном значении акцентируется семантика защищаемого объекта Y1 и угрозы Y2;
- “to protect someone from something unpleasant” [MD] — в данном значении акцентируется информация о защищаемом объекте Y1 и угрозе Y2.

Таким образом, нельзя сказать, что это отдельные значения, это одно и то же значение, представленное в различных вариантах. То, что подается в словарях как отдельные значения глагола *shield*, является вариантами денотативной ситуации, описанием знаний о мире, но не отдельным значением. В этом случае наблюдается стандартный языковой процесс осмысления денотативной ситуации в определенном ракурсе, фокусировке внимания на определенном параметре денотата и элиминации других аспектов ситуации. Однако этот процесс происходит на базе того же значения глагола, поскольку в фокусе внимания информация о средстве создания защиты. При этом прототипическая модель глагола *shield* изменяется за счет изменения актантной рамки, оставаясь при этом в рамках одного значения.

Обратный процесс наблюдается, когда при именовании ситуации в фокус внимания попадают такие параметры денотативной ситуации, которые требуют употребления иного глагола с семантикой защиты. Если глагол *shield* употребляется, когда подчеркивается средство защиты, то в других глаголах «выпячиваются» иные особенности денотативной ситуации. Так, глагол *secure* употребляется, если в первую очередь осмысляется такой

параметр денотативной ситуации, как сохранение статуса-кво (состояния неизменности) защищаемого объекта (Y1): “Happy days,” he laughed, pushing open the door to his quarters and rubbing his hands together with glee. The guard shoved Mikah in after him and locked the door. Jason secured it with his own interior bolt, then waved the two others over to the corner furthest from the door and the tiny window opening” (Harrison). В данном примере субъект X (*Jason*) прилагает усилия, совершает определенные действия по сохранению статус-кво объекта Y1 (*locked the door*) при предполагаемой (потенциальной) угрозе со стороны Y2 (*opening of the door*).

Прототипическое значение глагола *secure* под воздействием Бенефактивной конструкции может изменять свое значение:

“She really felt quite triumphant at the ease with which she had secured several valuable pieces of mahogany which she knew had always been favorites with Julia” (G.L. Hill).

В данном примере наблюдается изменение отношений между актантами ситуации. Семантика защиты если не элиминируется, то уходит в пресуппозицию. Во главу угла ставятся Бенефактивные отношения: субъект X, (*she*), находясь в отношениях Бенефактивности с инструментом Z (*several valuable pieces of mahogany*), создает препятствия для Y2 (*had always been favorites with Julia*), который находится в отношениях Бенефактивности с инструментом Z, чтобы Y1 (*Julia*) обладал Z при реальной или потенциальной угрозе Y2.

Таким образом, как прототипическое значение глагола *secure*, так и его производное с бенефактивной семантикой фокусирует внимание на создании препятствия воздействию угрозы Y2.

В семантике глагола *defend* акцентируется внимание на активности субъекта по отношению к угрозе Y2. Это могут быть физические или словесные действия субъекта с помощью некоего средства Z с целью сохранения объекта Y1. Хотя угроза не всегда эксплицирована, X активен и вступает в противоборствующий контакт с угрозой Y2 с возможной целью разрушения. Например:

“We defend our homeland against those who would destroy our freedoms and our way of life” (A. Irvine).

В данном предложении субъект X (*we*) взаимодействует с угрозой Y2 (*those who would destroy our freedoms and our way of life*) с целью сохранения объекта Y1 (*homeland*).

Таким образом, такой стандартный процесс, как фокусировка внимания на различных аспектах денотативной ситуации, может стать источником вариативности значения в рамках одного значения глагола, появления дополнительных значений у одного глагола или же «потребовать» употребления другого глагола в лексико-семантической группе «защита».

Дифференциальная семантика глаголов *secure*, *protect*, *shield* и *defend* заключается в характере отношений между актантами.

Показательным примером изменения значения глагольной лексики является попадание глагола в каузативную конструкцию. Это такая синтаксическая структура, которая выражает каузативную ситуацию. Обычным способом представления каузативной ситуации в языке являются предложения с каузативными глаголами. Данные глаголы отличаются от некаузативных транзитивных глаголов тем, что на более глубоком уровне семантического представления их актантами являются не субъект и объект, а субъект каузации (S1) — антагонист и субъект каузируемого состояния или действия (S2) — агонист [Недялков 1969: 47]. Схематично это можно изобразить следующим образом:

V + (S1, S2), где S1 — это субъект каузации, S2 — это субъект или объект каулируемого состояния или действия, а V — предикат с семантикой каузации, выраженный переходным так называемым «вспомогательным» глаголом и направленный на изменение состояния или действия S2. Например, “She caused the horse to walk”, где S1 — *she* (субъект каузации), V — *caused* (так называемый «вспомогательный глагол»), S2 — *the horse* (объект каулируемого действия).

Рассмотрим стандартные языковые процессы в различных типах каузативных конструкций. В английском языке современные исследователи выделяют несколько типов каузативной конструкции:

1. Аналитический тип

Аналитические каузативные конструкции содержат два отдельных лексических элемента, соответствующих двум событиям причинной ситуации. Первый лексический элемент — это связочный глагол (*let*, *make*, *have*, *get*), выражающий причину, способствующую выполнению субъектом определенного действия или процесса, например: “He made her cry”. В данном примере это глагол *made*. Необходимо отметить, что глагол *make* употребляется в данной конструкции с каузативной семантикой, которая не свойственна прототипическому значению глагола *make*. Будучи употребленным в каузативной конструкции, глагол *make* приобретает семантику каузативности. То же самое можно сказать и о других так называемых каузативных вспомогательных глаголах *let*, *get*, *have*, *make*, *cause*, *force*, *permit*, *allow*. Следовательно, стандартным языковым процессом, влияющим на изменение значения этих глаголов, является их употребление в аналитической каузативной конструкции.

Каузативные конструкции наиболее частотны в рекламных текстах. В тексте, рекламирующем продукцию *Sony PlayStation 4*, можно наблюдать разные типы аналитических каузативных конструкций: “Sony’s dominant console has been around for years, so give new life with some additions that **make** it even easier to get lost in a new experience”. Каузативной конструк-

цией в данном примере является конструкция с глаголом *make*: *make* + [S1, S2 (CO)], где S1— *Sony's dominant console has been around for years, so give new life with some additions* (субъект каузации), S2(CO) — *it even easier to get lost in a new experience* (объект каузируемого действия, выраженный в свою очередь сложным дополнением (CO)).

При образовании таких аналитических конструкций прототипическое значение «вспомогательного» глагола преобразуется: происходит фокусировка на типе интенции субъекта, проявлении его волеизъявления. Лексически однозначное прототипическое значение этих глаголов элиминируется или уходит в пресуппозицию, а акцентируется семантика волеизъявления в виде разрешительности (*allow, let, permit*), побудительности к действию (*get, make, have, force*), каузативности (*cause*).

2. Лексический тип

Основными выразителями лексического типа каузативных конструкций служат слова и словообразовательные аффиксальные морфемы. Слова, выражающие каузативность, по структуре могут быть:

— производными:

а) каузативные слова, образованные при помощи суффиксов *-en, -ize, -(i)fy –ate*. Например: “The gusto of her favour **frightened** him even a little” (Th. Dreiser); “The operation will **equalize** cerebral fluid to ease the strain on the vertebrae; The music **animates** us to feel; Every day they **clarify** some things that happens in this country”. Но не все глаголы с суффиксом *-fy (-ify)* являются каузативами. Производить действие не значит вызывать изменение, и многие глаголы с этим суффиксом не являются каузативами (*classify*). Это означает, что суффикс *-fy (-ify)* может образовывать каузатив только от определенных именных основ [Shabanova et al. 2020].

б) каузативные слова, образованные при помощи префиксов *dis-, un-, em-, en-*, например: *embelish* (украшать), *unbutton* (расстегивать), *discolour* (изменять цвет), *discourage* (заставить раздумать), *enslave* (заставить подчиняться, подчинить), *enliven* (оживлять, подбодрять), *encourage* (ободрять): “And although she knew he talked to **encourage** her to do what he had not the courage or skill to do himself, she was not angry” (Th. Dreiser), где субъектом каузации будет *he*, а субъект 2 каузируемого действия будет *her to do...* В слове *encourage* семантика каузации эксплицируется с помощью префикса *en-* ;

— сложными: *overcome*. Например: “It was a prelude to the blankness that often **overcame** him”, где S1 — *that (a prelude)* (субъект каузации), V — *overcame*, S2 — *him to be in blankness* (объект каузируемого действия);

— непроизводными: *set* (устанавливать, приводить в определенное состояние), *lay* (привести в определенное состояние), *raise* (поднимать). Например, “<...> the news **set** me thinking <...>”, где S1 — *the news* (субъект каузации), S2 — *me thinking* (объект каузируемого действия).

Отличием лексического способа выражения каузативности от аналитического является то, что при лексическом способе прототипическое значение глаголов сохраняется, изменяется только то, что добавляется сема каузации, акцент делается на данном аспекте денотата ситуации.

В реальном языковом функционировании позиция S1 и S2 может меняться. Например, в предложении “Mary stared at the corpse in disgust” позиция субъекта каузации меняется, так как *the corpse* будет тем субъектом, который вызывает у субъекта *Mary* действие *stare*. Это можно проверить на тестах [Шабанова 2015]. Например, на начальной стадии денотата предиката нельзя сказать **Stare at the corpse in disgust!*, но можно сказать *Don't stare at the corpse in disgust!* Поскольку императивная конструкция является тестом на контролируемость действия со стороны субъекта, то это доказывает, что каузатором действия, его источником является объект *the corpse*, но не сам субъект *Mary*, т. е. качество объекта *the corpse* вызывает сам процесс *stare*.

Ярким примером приобретения каузативной семантики некаузативного глагола является следующее предложение: “He stared him into action”. В этом предложении некаузативный глагол *stare* попадает в каузативную конструкцию и наделяется каузативной семантикой в силу того, что качественные параметры взгляда (сила, напряженность, интенсивность взгляда) осмысляются в аспекте каузативности. Смысловым ядром всей каузативной конструкции является вторая пропозиция (*him into action*). Глагол *stare* в этом случае можно рассматривать как контекстуальный синоним каузативных глаголов *make*, *get*, *have*. Таким образом, появление семантики каузативности у некаузативных глаголов рассматривается как стандартное языковое явление влияния каузативной конструкции на значение некаузативного глагола [Shabanova et al. 2020].

Выводы. Таким образом, исследование изменений в значении глаголов различных лексико-семантических групп показало, что в основе семантических модуляций заложены системные стандартные языковые процессы:

- смена типа пространства, элиминирование семантики физического пространства и актуализация функциональных отношений;
- отвлечение денотата предиката от оси времени, переход из конкретного разового действия в отвлеченный от оси времени гетерогенный тип предиката;
- фокусировка внимания на различных аспектах денотативной ситуации, что является причиной вариативности значения в рамках одного значения глагола, появления дополнительных значений у одного глагола или же именование той же самой ситуации другим синонимичным глаголом;
- изменения в характере отношений между актантами;

- приобретение глаголом новой семантики за счет попадания в иную лексико-семантическую конструкцию (семантический тип предиката, различного рода типовые семантико-синтаксические конструкции).

Полученная в результате исследования информация о стандартных языковых механизмах изменения значений глагольной лексики позволяет сопоставлять микросистемы английского и русского языков на основе контрастивного анализа представленности каждого из языковых процессов в сравниваемых лексических единицах. Выбор микросистемы как единицы контрастивного анализа и определение процессов, способствующих образованию отдельных значений делают возможным полное и верифицированное описание семантики исследуемых языковых единиц в лексикографических источниках, что при переводе позволяет снять проблему ошибочного восприятия содержания переводимого текста и подобрать соответствие в переводящем языке, содержащее все релевантные для данного акта коммуникации семы.

Источники

Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.

Недялков В.П. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. 311 с.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика // Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 537–718.

Филимонова Н.Г. Основные способы образования каузативов в английском языке // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 342–345.

Шабанова Т.Д. Семантические модуляции в глагольной лексике английского и русского языков в единстве семантического, когнитивного и конструктивного подходов: Монография / Шабанова Т.Д., Сулейманова Д.М., Швайко Я.В. [и др.]. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 230 с.

Fillmore Ch.J. Syntactic Intrusions and The Notion of Grammatical Construction // Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1985. P. 73–86. doi: <https://doi.org/10.3765/bls.v11i0.1913>

Fillmore Ch.J. Regularity and Idiomaticity in Gramatical Constructions: The Case of Let Alone / Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor C.M. // *Language*. Vol. 64. 1988. P. 501–538. <https://doi.org/10.2307/414531>.

Goldberg A.E. *Constructions: A construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: Chicago University Press. 1995. 265 p.

Jackendoff R. *Semantic Structures*. Cambridge: The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England. 1990. 322 p.

Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge: The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England, 1993. 283 p.

Jackendoff R. *Constructions in the Parallel Architecture* // *The Oxford Handbook of Construction Grammar* / T. Hoffmann and G. Trousdale [eds]. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 70–92.

Shabanova T. Processes That Underlie Modulation Of English Verb Meaning // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age* / Shabanova T, Dautova A., Garaeva I., Saubanova L. (HPEPA Vol. 93). London: European Publisher, 2019. P.1139–1148. doi: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.118>.

Словари

ALD — ABBYY Lingvo Dictionary. Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-ru/shield>.

CD — Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/shield>

MD — Macmillan Dictionary. Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/shield_2.

OED - Oxford English Dictionary. Режим доступа: <https://www.lexico.com/definition/shield>.

References

Istochniki

National Corpus of Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/>. (In Russ.).

Literatura

Apresyan Yu.D. (1974). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazy'ka* [Lexical semantics. Synonymous language means]. Moscow: Nauka. 367 p.

Nedyalkov V.D. (1969). *Tipologiya kauzativny'x konstrukcij. Morfologicheskij kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. L.: Nauka. 311 p.

Filimonova N.G. (2014). Osnovny'e sposoby' obrazovaniya kauzativov v anglijskom yazy'ke [The main ways of forming causatives in English]. *Sovremennyy'e problemy' nauki i obrazovanya* [Modern problems of science and education]. No. 5. Pp. 342–345

Raxilina E.V. (2008). *Kognitivny'j analiz predmetny'x imyon: semantika i sochetajemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and collocation]. Moscow: Russkije slovari. 416 p.

Seliverstova O.N. (2004). Kontrastivnaya sintaksicheskaya semantika [Contrastive syntactic semantics]. *Trudy' po semantike* [Works on semantics]. Moscow: Yazy'ki slavyanskoj kyl'tury'. Pp. 537–718.

Shabanova T.D., Suleymanova D.M., Shvayko YAV., Volkova N.V. (2015). *Semanticheskie modulyasziiv glagol'noj leksike anglijskogo i russkogo yazy'kov v edinstve semanticheskogo, kognitivnogo i konstruktivnogo podxodov* [Semantic modulations in the verbal vocabulary of the English and Russian languages in the unity of semantic, cognitive and constructive approaches: Monograph]. Ufa: Izd-vo BGPU. 230 p.

Shabanova T.D., Suleymanova D.M., Shvayko YAV., Volkova N.V. (2015). *Semanticheskie modulyasziiv glagol'noj leksike anglijskogo i russkogo yazy'kov v edinstve semanticheskogo, kognitivnogo i konstruktivnogo podxodov* [Semantic modulations in the verbal vocabulary of the English and Russian languages in the unity of semantic, cognitive and constructive approaches: Monograph]. Ufa: Izd-vo BGPU. 230 p.

Fillmore Ch.J. (1985). Syntactic Intrusions and The Notion of Grammatical Construction. *Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Pp. 73–86. doi: <https://doi.org/10.3765/bls.v11i0.1913>

Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor C.M. (1988). Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*. Vol. 64. Pp. 501–538. doi: <https://doi.org/10.2307/414531>.

Goldberg A.E. (1995). *Constructions: A construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: Chicago University Press. 265 p.

Jackendoff R. (1990). *Semantic Structures*. Cambridge: The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England. 322 p.

Jackendoff R. (1993). *Semantics and Cognition*. Cambridge: The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England. 283 p.

Jackendoff R. (2013). Constructions in the Parallel Architecture. *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press. P. 70–92.

Shabanova T., Dautova A., Garaeva I., Saubanova L. (2019). Processes That Underlie Modulation Of English Verb Meaning. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: Humanistic Practice in Education in a Postmodern*

Age (HPEPA Vol. 93). London: European Publisher. P. 1139–1148. doi: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.118>.

Dictionaries

ALD — ABBYY Lingvo Dictionary. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru/translate/en-ru/shield>

CD — Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/shield>

MD — Macmillan Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/shield_2

OED — Oxford English Dictionary. URL: <https://www.lexico.com/definition/shield>.

Статья поступила в редакцию 24.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 24.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Информация об авторах

Татьяна Дмитриевна Шабанова — доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа); сфера научных интересов: общее языкознание, когнитивная семантика, методология семантических исследований.

Юлия Рустэмовна Юсупова — кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода БГПУ им. М. Акмуллы (г. Уфа), сфера научных интересов: методология научного исследования, общее языкознание, когнитивная семантика, теория и практика перевода.

Information about the authors

Tatiana Dmitrievna Shabanova — PhD in Philology; Professor at the Department of Crosscultural Communication and Translation, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University: Ufa; research interests: general linguistics, cognitive semantics, methodology of semantic research.

Yulia Rustemovna Yusupova — PhD in Philology; Associate Professor at the Department of Crosscultural Communication and Translation, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University: Ufa; research interests: methodological framework of research, general linguistics, cognitive semantics, translation theory and practice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 81'367

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.17>

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ «ПЕРИФЕРИЙНЫХ» СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ольга Аркадьевна Сулейманова¹, Ксения Суфьяновна Карданова-Бирюкова²

^{1, 2} Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия,

¹ SouleimanovaOA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

² Kardanova-birukovaks@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6773-1129>

Аннотация. В работе анализируются английские «периферийные» синтаксические структуры: модель с инфинитивом последующего действия, абсолютный причастный оборот и условно-временная структура с причастием прошедшего времени. Данные структуры не имеют прямых коррелятов в русском языке, что заставляет переводчиков находить особые переводческие решения. Авторы анализируют существующие стратегии перевода, представленные в дидактической и научной литературе, сопоставляют их с практически реализованными стратегиями, используя материалы двуязычного подкорпуса НКРЯ. Выполнен контрастивный анализ исследуемых английских «периферийных» синтаксических конструкций и их коррелятов в русском языке, результаты которого верифицируются в эксперименте.

Ключевые слова: «периферийные» синтаксические структуры, вторичная предикативность, инфинитив последующего действия, абсолютный причастный оборот, условно-временная структура с причастием прошедшего времени, контрастивный анализ, перевод.

Для цитирования: Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксиче-

ских структур в переводческой перспективе // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 297–315. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.17>.

TRANSLATION SCIENCE

Original article

CONTRASTIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND RUSSIAN “PERIPHERAL” SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN TRANSLATION PERSPECTIVE

Olga Arkadievna Suleimanova¹, Ksenia Sufianovna Kardanova-Biryukova²

^{1, 2} Moscow City University, Moscow, Russia

¹ SouleimanovaOA@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

² Kardanova-birukovaks@mgpu.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-6773-1129>

Abstract. The paper focuses on “peripheral” syntactic constructions which include Continuative Infinitive, Absolute Participial Constructions, and Participle 2 Constructions of the type “If untreated, P” and their Russian counterparts. The above constructions do not have direct equivalents in Russian, which challenges the translators who cannot rely on conventional translation strategies. It explains the relevance of the research and determines the research objective. The authors analyze translation strategies suggested in didactic and academic literature, relate them to actual practices. The empirical data retrieved from the National Corpus of the Russian Language, and its Russian-to-English subcorpus feature fiction and media discourse which served as empirical data source. The research reveals that in Russian-to-English translation professional translators in practice “ignore” these constructions even in literary and mediatexts translation which is presumably prompted by the lack of clear algorithms of identifying such syntactic models in the original. The authors offer contrastive analysis of the above English “peripheral” structures and the Russian syntactic structures which correspond to the English ones. The method which the authors refer to as “reciprocal projection” was employed to analyze whether similar sentences built in the Russian language could be translated using similar patterns. The authors stage a longitudinal experiment involving 1st and 4th year bachelor students of the same university, trained within the same training programme, realized by the same teaching staff. The above specified conditions of the experiment

provided homogeneity of the experiment participants corpus. Students were asked to translate Russian sentences featuring the Russian counterparts of the English constructions, though not linked with a conventionally used translation pattern. The findings testify that, for example, such structures as *if untreated, N will ...* remain on the margins of the translation theory and practice, both professional and student translators “ignoring” them, relying instead on a “safer” conditional clause. The same hold true for the counterparts of the Absolute Participial Construction. As for the Continuative Infinitive Construction it is often translated into Russian as the Infinitive of purpose. The experiment shows that, if specially trained, the students master the translation patterns. Practical translation patterns and didactic guidelines to be relied on in training professional translators and interpreters are suggested.

Key words: “peripheral” syntactic constructions, secondary predicativity, continuative infinitive construction, absolute participle construction, participle 2 constructions, contrastive analysis, translation.

For citation: Suleimanova O.A., Kardanova-Biryukova K.S. Contrastive analysis of english and russian “peripheral” syntactic constructions in translation perspective. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev*. Vyp. XV. *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 297–315. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.17>.

© Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С., 2021

Введение. Исследование выполнено в рамках контрастивной лингвистики, основы которой закладывались в том числе в трудах представителей Пражского лингвистического кружка. В числе ее познавательных установок, оказавшихся со временем в высшей степени релевантными, оказывается направленность контрастивных исследований главным образом на «выявление особенностей сравниваемых языков (преимущественно родного), ускользающих при их “внутреннем” изучении» [Сулейманова 1985: 11].

В. Скаличка отмечал, например, что «истинное соотношение личных местоимений *я, ты, мы, вы* в европейских языках можно ... правильно понять только при сопоставлении с другими языками (в первую очередь с такими языками, в которых имеются так называемые эксклюзивные и инклюзивные формы)» [Скаличка 1967: 129]. Ср. также: «все языки — даже самые непохожие — очень близки друг другу. Своеобразие каждого из них отчетливо проявляется только при сравнении с другими языками» [Скаличка 1967: 131].

Особенно рельефны различия между языками в ключевом сегменте языковой системы — сфере реализации предикативных отношений. Под-

черкнем, что традиционная предикативность, связанная с видо-временными системами личных глагольных форм, неизменно находится в сфере интересов лингвистической науки и в целом хорошо описана [Найдич, Павлова 2015; Храковский 2015; Shabaev 2016; Mittwoch 2008; Meyer-Viol, Jones 2011 и др.], тогда как «периферийные» кластеры предикативных структур по-прежнему нуждаются в анализе в контрастивной и, безусловно, далее в переводческой перспективе. В настоящей работе рассматриваются именно такие «периферийные» структуры, а именно вторично-предикативные конструкции. В фокусе исследования находятся следующие структуры этого типа: модель с инфинитивом последующего действия, абсолютный причастный оборот и причастный оборот с причастием прошедшего времени (Participle 2). Это составляющие специфику английского языка «периферийные» и сравнительно низкочастотные структуры, которые, тем не менее, хорошо согласуются с его структурными особенностями и находятся в его общей типологической системе, составляя отличительную особенность английского языка. Напротив, номиноцентризм русского языка и преобладание развернутых синтаксических структур с полной предикативной парой не способствовало развитию системы таких «периферийных» структур. (Распространенные в русском языке причастные и деепричастные обороты, традиционно классифицируемые как вторично-предикативные, не идентичны рассматриваемым английским конструкциям по своим семантико-грамматическим характеристикам!) Именно такое своеобразие синтаксических систем английского и русского языков и делает **актуальным** их контрастивный анализ.

При этом контрастивная лингвистика в значительной степени ориентирована на решение практических задач и не теряет связи с методикой преподавания (из которых она возникла как специальное направление языкознания). В настоящем исследовании делается следующий шаг в усилении **практической направленности** контрастивных исследований — выявленные расхождения имеют ряд практических «выходов», в том числе в практике преподавания родного и иностранного языка, определена переводческая перспектива полученного знания.

Эмпирическая база исследования. В фокусе внимания настоящего исследования находятся три группы синтаксических структур. При этом две структуры представлены только в одном языке (английском) и не имеют прямого коррелята в другом (русском), а одна модель представлена в обоих языках, но ее функционал и прагматика различны в сравниваемых языках. В обоих случаях возникает проблема перевода, решение которой предлагается авторами на основе контрастивного анализа функционирования этих синтаксических структур в рассматриваемой языковой паре.

Таким образом, в эмпирическую базу исследования вошла синтаксическая структура английского языка с инфинитивом последующего дей-

ствия, например, “then he turned to go”, при переводе которой на русский язык сравнительно частотны ошибки — ср. «*он повернулся чтобы идти» вместо «он повернулся и вышел» (подмена инфинитива последующего действия инфинитивом цели).

Кроме того, рассматриваются две английские причастные структуры, которые переводчики с русского языка «не видят» при переводе и не воспроизводят, тогда как в обратном англо-русском переводе они получают отражение:

- абсолютный причастный оборот типа “he stood there, (with) his eyes (cast) down...”;
— английская причастная структура условно-временного типа “if untreated, the disease will spread”; “when asked, he will immediately respond to your needs”.

Эти структуры компактны, соответствуют тенденции английского языка к компактной предикативности и языковой экономии [Козлова 2019], делают русско-английский перевод более аутентичным. Однако они не всегда представлены в учебных пособиях по русско-английскому переводу (см., например, [Слепович 2001; Бреус 2002; Гарбовский 2007; Нелюбин 2009; Сдобников 2006] и др.). Абсолютный причастный оборот интерпретируется преимущественно как потенциальная трудность англо-русского перевода, при этом не предлагаются стратегии русско-английского перевода, возможно, по причине того, что остаются не вполне ясными критерии распознавания соответствующих исходных русских структур. Стратегия перевода английских высказываний с инфинитивом последующего действия также не получила исчерпывающего анализа (ср. фрагментарное описание в работе [Сулейманова 2012: 190–194]).

Эмпирическая база исследования формировалась на основе выборки примеров реализации выбранных единиц в двуязычном подкорпусе Национального корпуса русского языка [www.ruscorpora.ru], часть примеров подобрана при выполнении перевода через онлайн-систему автоматического перевода Google Translate [translate.google.com] (в единичных случаях была использована система онлайн-перевода Яндекс [translate.yandex.ru]). Для верификации выдвигаемой гипотезы был разработан эксперимент, участниками которого стали студенты «полярных» курсов (первого и четвертого), что позволило оценить навык распознавания и перевода исследуемых синтаксических структур. Было обработано всего 47 экспериментальных анкет.

Методология исследования. Для решения поставленных задач использовались вполне традиционные методы анализа переводческих решений, однако опора на современные информационные ресурсы, а именно: двуязычный подкорпус Национального корпуса русского языка, а также си-

стему Google Translate, позволила оптимизировать аналитическую работу и сравнить результаты, полученные на различных ресурсах. Результативность цифровых платформ не вызывает в настоящее время сомнений, они многократно использовались для получения нетривиальных результатов — см., например [Сулейманова, Петрова 2020].

Наряду с этим использовался метод «обратной проекции», когда гипотетически потенциальная переводческая стратегия проецировалась на русское высказывание, которое далее вводилось в онлайн-систему автоматического перевода Google Translate.

Таким образом формировался исходный корпус, что позволило в итоге сделать дидактически релевантный вывод об алгоритме распознавания высказываний, требующих применения в переводе анализируемых конструкций.

Основная часть

Конструкция с инфинитивом последующего действия

Как отмечается в работе [Сулейманова 2014: 316], конструкции с инфинитивом последующего действия, не имеющие аналога в русском языке, ошибочно воспринимаются/передаются — особенно начинающими переводчиками, причем в формате ограниченного времени — как корреляты конструкций с инфинитивом цели вместо структур для описания последовательности событий, например, предложения типа “I woke up to see that the sun was shining” могут переводиться как «*я проснулся, чтобы увидеть». Между тем, даже Яндекс.Переводчик предлагает вполне корректный перевод «Я проснулся и увидел, что светит солнце». Или “He returned to find them in a terrible mood” тот же переводчик передает как «Вернувшись, он застал их в ужасном настроении». Иными словами, можно заключить, что система автоматического перевода в целом успешно справляется с данной структурой. Однако попытка перевести с помощью данного ресурса предложение “We came in to discover that...” приводит к неприемлемому переводу: «*мы пришли, чтобы узнать, что...» или “they arrived to find that” — «они прибыли чтобы узнать, что...». Это означает, что на данный момент не разработан алгоритм системного машинного русско-английского перевода английской структуры, коррелята для которой нет в русском языке.

Анализ представленности корреляции русских и английских «периферийных» синтаксических структур в 14 известных работах по переводу (см., например, [Бреус 2002; Гарбовский 2007; Нелюбин 2009; Алимов 2017] и др.) выявил, в частности, отсутствие опоры на английскую структуру с инфинитивом последующего действия при переводе, она не фигурирует как переводческая модель.

В практическом анализе О.А. Сулейманова, рассматривая перевод романа Дж. Уиндема «День триффидов» (пер. А. Стругацкого, первоначально

опубликован под псевдонимом А. Бережков, 1966 г.), выявляет такие варианты перевода «*Я повернулся, чтобы идти» (при правильном «я повернулся и пошел...»); или «*...поехали дальше, чтобы забрать звонкую грудку кастрюлю и сковородок» (лучше: «... нашли и забрали...»); «*он вышел, чтобы обследовать наш взнос» (ср. более точное «и вышел осмотреть/и осмотрел то, что мы привезли (=взнос)»). В данном случае переводчик интерпретировал высказывания как вносящие информацию о целеполагании в силу полного формального совпадения конструкции с инфинитивом последующего действия с инфинитивной конструкцией цели, что и привело к неудачному переводу [Сулейманова 2014].

Таким образом, при англо-русском переводе от переводчика требуется определить семантику высказывания и установить наличие/отсутствие информации о целеполагании. Если речь идет о простой последовательности действий, осуществляется перевод с опорой на однородные сказуемые. В русско-английском переводе предполагается использование «зеркальной» стратегии перевода.

Условно-временная конструкция с английским причастием прошедшего времени

Обращение к работам по теоретической грамматике английского языка с целью найти описание выбранной для анализа условно-временной конструкции типа “if untreated” показало отсутствие интереса к ней (например, [Кверк 1982; Клоуз 1979; Есперсен 2006; Лич, Свартвик 1983] и др.). При этом на практике авторы грамматики современного английского языка для университетов [Кверк 1982] сами используют данную модель (найденно восемь примеров ее употребления) при объяснении правил. Ср. также использование данной модели Л. Виссон при описании особенностей двух лингвокультур: “If translated literally, these Russian expressions with ‘soul’ will sound quite odd and only reinforce the American stereotype of Russians as irrational, Dostoevskian characters” [Visson 2013: 10]. Иными словами, данная модель используется носителями языка, в частности, в определенных видах дискурса. Она компактна, что способствует языковой экономии, особенно в устной коммуникации, что определяет интерес к ней со стороны лингвистов. Переводчики вместе с тем «игнорируют» данную модель в русско-английском переводе все по той же причине, что и в двух других рассматриваемых в работе случаях, а именно: в русском языке нет прямых ее коррелятов, а в существующих пособиях по переводу ей не уделяется внимание.

В рамках курсовой исследовательской работы, выполненной на кафедре языкознания и переводоведения под руководством О.А. Сулеймановой, П.Ю. Картавова провела анализ корреляции английской модели с соответствующими структурами русского языка на базе эмпирического корпуса, сформированного из текстов газетного подкорпуса Националь-

ного корпуса русского языка и с помощью системы автоматического перевода Google Translate.

Поскольку проблема возникает исключительно при русско-английском переводе, когда переводчики не распознают и не воспроизводят данную структуру, при поиске материала в корпусе возникала сложность разработки алгоритма ее распознавания, и выбираемые конструкции с *если* требовали в каждом случае ручной фильтрации. При этом пришлось задать поиск и соответствующим предикатом. Одним из основных критериев ручного отбора была кореферентность подлежащего в главном предложении и в условном придаточном предложении, например, «Если (*меня*) попросят/попросить это сделать, *я* соглашусь», причем в конструкции референт может эллиптироваться, однако легко восстановим из контекста. В английском переводе такой вариативности нет, и в конструкции невозможно упоминание субъекта. Ср. «Если *болезнь* не лечить, *она* может вызвать осложнения» — “If untreated, *the disease* will lead to complications”, или «Если *их* пригласить, *они* с удовольствием к нам присоединятся» — “If invited, *they* will be happy to join us”.

В параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка найдено шесть примеров коррелятов конструкции типа “*if untreated*”, причем только два из них переведены через условно-временную конструкцию с английским причастием прошедшего времени, ср.: «Одно он решил нынче утром: **он** не будет ездить к ним и *скажет правду, если спросят его*» [Л.Н. Толстой. Воскресение]. — “One thing, however, he decided upon this morning — that he would not go there, and *would tell the truth when asked*”.

Остальные четыре предложения переведены с использованием «формального» местоимения *you / they*, ср.: «Но — *если спросят вас*, что *вы там делаете?*» [М. Горький. Мать]. — “But *suppose they ask you what you are doing there?*”.

Для выявления того, каким образом закодирована модель перевода в онлайн-системе автоматического перевода Google Translate, принято решение создать выборку из 107 высказываний на основе газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка и перевести их через систему Google Translate. П.Ю. Картавова обнаруживает, что всего 19% примеров переведены с использованием искомой синтаксической модели; при этом более половины примеров включают глаголы типа «попросить/спросить». Ср. «Если попросят, отказываться не буду». — “If asked, I will not refuse”. По всей видимости, алгоритм перевода заложен на лексическом уровне, что объясняет компактное переводческое решение именно в случае с этими глаголами: ср. «*Если спросят*, выскажу свою точку зрения» [С. Егоров. К. Сарсания: Не удивлюсь, если Кобелев вернется в «Динамо» // Советский спорт, 2011.04.21]. — “*If asked*, I will express my point of view”. Однако при заполнении модели другими глаголами ситуация иная.

18% высказываний переведены через пассивные конструкции, причем в придаточной части предложения подлежащее в ряде случаев восстанавливалось из контекста, ср.: «Глава МЧС Владимир Пучков заявил, что *Россия готова увеличить* число спасателей, *если поступит* соответствующая *просьба* от Индонезии» [Российские спасатели приступили к поискам самолета AirAsia // lenta.ru, 2015.01.03]. — “Emergencies Minister Vladimir Puchkov said that *Russia is ready to increase* the number of rescuers, *if requested* from Indonesia” или «Поэтому *если человека лишить* “быстрого” сна, *он не сможет* как следует усваивать информацию» [Пословица «Утро вечера мудренее» получила серьезное научное подтверждение // Известия, 2005.10.28]. — “Therefore, *if a person is deprived of* «REM» sleep, *he will not be able to properly assimilate* information”. В 56 % случаев исследуемая структура переведена активной конструкцией типа *If you / we / I do*, где подлежащее «восстанавливается» из широкого контекста, ср.: «*Если обратятся* из России, *буду думать*, но приоритеты, если честно, у меня другие» [Ляпин М. Сборная Словении. «Мы не повторим ошибок русских» // Советский спорт, 2010.06.08]. — “*If they apply* from Russia, *I will think*, but to be honest, I have different priorities”.

Подчеркнем, что результаты, полученные через систему Google Translate, хорошо коррелировали с результатами реальных переводов. При этом онлайн-система автоматического перевода «запрограммирована» переводить через структуру типа “If untreated” только конструкции типа «Если спросят/попросят» (в которых присутствуют соответствующие лексические маркеры), тогда как другие примеры синтаксической модели типа «*Если болезнь не лечить*» система Google Translate в большинстве случаев не распознает.

В целом, рассматриваемые условно-временные конструкции с английским причастием прошедшего времени в основном переводятся с использованием «формального» местоимения *you / we / I / they*, ср.: «*Могу помочь* любому тренеру, *если попросят* совет» [Р. Карманов. Ликуй, Соломбала! Народная трибуна приветствовала прекрасный хоккей в исполнении 17 бывших игроков «Водника» // Советский спорт, 2012.03.25]. — “*I can help* any coach *if they ask* for advice”. Или через пассивные конструкции, в которых в придаточной части предложения подлежащее дублировалось коррелирующим местоимением.

Эксперимент

Для оценки степени сформированности навыка использования «периферийных» синтаксических структур студентами переводческого профиля было проведено экспериментальное исследование. Участниками эксперимента стали студенты «полярных» курсов: первокурсники (поступление в 2020 году) и выпускники бакалавриата (поступление в 2017 году), обучающихся по направлению подготовки «Перевод и переводоведение (ан-

глийский язык)» на кафедре языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета. Для обеспечения валидности полученных результатов было важно, чтобы все испытуемые обучались по одной программе. Учитывая различия количества групп и численного состава первого и четвертого курса бакалавриата, авторы ориентировались на то, чтобы в эксперименте было задействовано не менее 50% студентов каждого потока. Это пороговое значение было достигнуто: 59% (32 человека) первокурсников и 50% (15 человек) четверокурсников заполнили экспериментальные анкеты.

Авторы исходили из того, что эти синтаксические структуры системно отрабатываются на занятиях по теории и практике перевода, поэтому на этапе планирования эксперимента была сформулирована гипотеза, согласно которой студенты старших курсов по понятным причинам должны системнее и в целом успешнее распознавать и применять в переводческой практике анализируемые структуры.

Однако следует учитывать, что даже профессиональные переводчики редко применяют «периферийные» синтаксические структуры в русско-английском переводе (при этом в англо-русском переводе исследуемые модели, как правило, не вызывают значительных трудностей). В связи с этим есть основания усомниться в способности студентов даже старших курсов распознать и применить требуемую «периферийную» синтаксическую модель в ряде коммуникативных контекстов.

В целях верификации этой гипотезы участникам эксперимента было предложено выполнить два задания: в первом требовалось выбрать наиболее приемлемый вариант перевода для ряда русских предложений (следует отметить, что оба варианта допустимы и различаются только тем, что в одном из них использована искомая синтаксическая структура, а в другом — нет, однако при общей грамматической корректности некоторые переводы могут звучать довольно непрофессионально); во втором задании надо было предложить собственный вариант перевода ряда русских высказываний на английский язык.

В качестве экспериментального материала были использованы предложения на русском языке, которые требовалось перевести на английский язык. В этих предложениях содержались русские эквиваленты анализируемых структур (ср. «Если задать преподавателю вопрос о правилах тестирования, он подробно их разъяснит (When asked...)»; «Если перевести инструкцию, можно уже сегодня устанавливать оборудование (With the manual translated...)»; «Если ковид не лечить, он может привести к серьезным осложнениям (If untreated...)» и др.). Все предложения моделировались на этапе подготовки эксперимента согласно сформулированным ранее критериям. Всего в экспериментальную анкету вошло десять контекстов (пять — на распознавание структуры на основе анализа уже вы-

полненных переводов; пять — на перевод и применение указанных структур в переводе).

В число предъявленных в эксперименте контекстов вошли и «провокационные» предложения, которые невозможно перевести с использованием указанных структур, либо перевод с использованием изучаемых «периферийных» синтаксических моделей является значительно менее удачным (ср. «Он стоял у окна, пока секретарь искала заявления среди бумаг»; «С тех пор, как она вошла в комнату, он не осмелился сказать ни слова»).

Таким образом, участникам эксперимента были предъявлены следующие контексты:

- в первом задании переводческие решения были предложены: «Он стоял у стола, пока секретарь искала заявления среди бумаг» (“He was standing by the desk while the secretary was shuffling the papers looking for the applications” / “He was standing by the desk, with the secretary shuffling the papers looking for the applications”); «Теперь, когда бумаги были подписаны, он мог сосредоточиться на письме» (“Now that the papers were signed he could turn to the letter” / “Now, with the papers signed, he could turn to the letter”); «С тех пор, как она вошла в комнату, он не осмелился сказать ни слова» (“With her in the room, he didn’t dare to say a word” / “As she entered the room, he didn’t dare to say a word”); «Когда на его счетах не осталось ни копейки, он был вынужден обратиться за финансовой поддержкой к своей бабушке» (“With his funds drained, he had to turn to his grandmother for financial support” / “Having drained his funds, he had to turn to his grandmother for financial support”); «Вернувшись домой, он обнаружил, что его дом был ограблен» (“Having come back home, he discovered that his house had been burgled” / “He came back home to find his house burgled”).
- во второй части анкеты были предложены задания открытого типа: «Если задать вопрос преподавателю о правилах тестирования, он подробно их разъяснит»; «Если перевести инструкцию, можно уже сегодня устанавливать оборудование»; «Если перевести инструкцию, ее можно сразу разослать во все отделы»; «Если ковид не лечить, он может привести к серьезным осложнениям»; «Если ковид не лечить, у больного может развиваться пневмония».

Эксперимент проводился в дистанционном формате на платформе www.surveymonkey.com. Участники эксперимента получали доступ к экспериментальной анкете по ссылке. В момент перехода по ссылке высвечивалась инструкция, в которой пояснялась специфика каждого задания. В анкетной части требовалось указать только год обучения в вузе (первый либо четвертый). Время выполнения экспериментальных заданий никак не ре-

гламентировалось (это представляется необоснованным, учитывая специфику экспериментальных заданий).

В результате анализа экспериментальных данных было выявлено, что конструкция с инфинитивом последующего действия в целом успешно распознается как студентами младших курсов, так и старшекурсниками. Из двух вариантов перевода предложения «Вернувшись домой, он обнаружил, что его дом был ограблен» абсолютное большинство испытуемых отдали предпочтение второму (“He came back home to find his house burgled”) — ср. 81,3% первокурсников vs. 92,9% четверокурсников. Несколько выше процент выбора искомого варианта среди четверокурсников, что, безусловно, можно связать с более обширным переводческим опытом. Однако нет никаких оснований говорить о том, что студенты младших курсов с этой синтаксической структурой малознакомы.

Несколько более интересная ситуация наблюдается в случае с абсолютным причастным оборотом. Студенты и младших, и старших курсов успешно распознают и делают выбор в пользу этой структуры, когда им предлагается готовое переводческое решение. Так, при предъявлении русского высказывания «Теперь, когда бумаги были подписаны, он мог сосредоточиться на письме» 100% студентов четвертого курса и 84,4% первокурсников сделали выбор в пользу варианта “Now, with the papers signed, he could turn to the letter”. Аналогичным образом отдавалось предпочтение варианту перевода “With his funds drained, he had to turn to his grandmother for financial support” (1 курс — 71,9%; 4 курс — 71,4%).

Однако значительно меньше испытуемых выбрали варианты “With her in the room, he didn’t dare to say a word” (1 курс — 34,4%; 4 курс — 28,6%) и “He was standing by the desk, with the secretary shuffling the papers looking for the applications” (1 курс — 31,3%; 4 курс — 7,1%). Что, безусловно, связано с низкой частотностью подобных синтаксических построений в английском языке. Иными словами, студенты даже младших курсов обладают достаточно сформированным языковым «чутьем», чтобы отказываться от использования низкочастотных и менее профессиональных переводов (варианты “As she entered the room...” и “...while the secretary was shuffling the papers...” звучат более аутентично).

Тем не менее, с этими данными контрастируют результаты второй части эксперимента, в которой участников просили выполнить переводы самостоятельно. «Провокационные» предложения, введенные во второе задание, в которых невозможно использование условно-временной конструкции с английским причастием прошедшего времени, могли, однако, быть переведены с использованием абсолютного причастного оборота. Так, при переводе предложения «Если перевести инструкцию, можно уже сегодня устанавливать оборудование» возможно использование конструкции типа “with the instructions translated...”. Первокурсники использовали

эту модель в 37,5% случаев (ср. “With the instruction (being) translated, we can install the equipment already today”; “With the instructions translated, we can install the equipment today” — везде сохранена авторская орфография и пунктуация). Гораздо более успешно выполнили перевод этого предложения студенты четвертого курса — 64,2% использовали абсолютный причастный оборот (ср. “With the instruction translated, you can install equipment today”; “With the instruction translated, we can put installing in place”; “With instruction translated, we can install the equipment today” и др.). В остальных случаях были применены придаточные предложения условия с *if* типа “if you translate the instructions...”.

Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с русским предложением «Если ковид не лечить, у больного может развиваться пневмония». 41,6% студентов четвертого курса и 6,2% первокурсников использовали конструкцию с абсолютным причастным оборотом типа “With COVID-19 left untreated...”. Следует отметить, что студенты как четвертого, так и первого курсов в ряде случаев перестраивали структуру предложения таким образом, чтобы было возможно встроить условно-временную конструкцию с английским причастием прошедшего времени (ср. “If left untreated, covid result in the pneumonia”; “if untreated, covid contributes to the pneumonia in the patient”; “If untreated, Covid 19 may result in pneumonia” и др.).

Суммируя данные, полученные при предъявлении участникам эксперимента заданий, ориентированных на распознавание и реализацию в переводе условно-временных конструкций с английским причастием прошедшего времени, можно говорить об аналогичных трендах. В силу высокой частотности и устойчивой воспроизводимости предъявленных в эксперименте синтаксических структур (ср. “If asked...”, “If untreated...”), они в целом использовались в студенческих переводах, однако были гораздо частотнее в переводах студентов старших курсов. Так, при переводе русского высказывания «Если перевести инструкцию, ее можно сразу разослать во все отделы» искомая модель была использована в переводах 6,2% первокурсников и 14,2% четверокурсников. Аналогичным образом: «Если ковид не лечить, он может привести к серьезным осложнениям» (1 курс — 50%; 4 курс — 71,4%). Однако при этом именно студенты первого курса более успешно применяли условно-временную конструкцию с английским причастием прошедшего времени в контексте: «Если задать вопрос преподавателю о правилах тестирования, он подробно их разъяснит» — “If asked, the professor will...” (1 курс — 15,6%; 4 курс — 7%).

В целом, результаты обработки экспериментальных заданий, направленных на распознавание и применение «периферийных» синтаксических конструкций, показали, что у всех участников эксперимента сформирован навык распознавания этих синтаксических структур, однако студенты

младших курсов чаще допускают ошибки при их использовании (ср. “*If the Covid-19 is not treated, the patient may develop pneumonia”, “*If untreated covid, the patient may develop pneumonia”, “*If untreated, the patient may develop pneumonia”, “*When translated, it is possible to install the equipment” и др.). При этом неопытные переводчики склонны отдавать предпочтение более «безопасным» придаточным предложениям: ср. “As she walked in...”; “If you ask your professor...”; “If COVID-19 is not treated...” и др. Эти результаты являются неопровержимым подтверждением сформулированных ранее тезисов о том, что переводчики в русско-английском переводе в целом игнорируют такие структуры и фактически их не используют (это наблюдается как в рассмотренных профессиональных, так и в студенческих переводах).

Выводы. Обращение к синтаксическим моделям в контрастивной перспективе позволило авторам выявить их особенности, которые оставались в значительной степени незамеченными в силу того, что один из членов пары отсутствует в одном из языков. В таком случае возникает проблема поиска коррелята, что послужило бы основой для создания адекватного перевода в рамках данной пары языков. Были рассмотрены английские конструкции с инфинитивом последующего действия (“she woke up to see that the sun was shining”); и две английские причастные структуры, которые переводчики с русского языка «не видят» и не воспроизводят в переводе: абсолютный причастный оборот типа “he stood there, (with) his eyes (cast) down” и условно-временная структура типа “if / when asked, he will immediately respond”.

При создании эмпирической выборки для анализа данной модели необходимо было разработать особый алгоритм поиска релевантных примеров — метод «обратной проекции», когда выявлялись потенциальные корреляты в системе языка, которые могли бы переводиться искомой моделью. Данный выбор верифицировался на практическом переводном материале на основе двуязычного подкорпуса Национального корпуса русского языка и далее соотносился с вариантами перевода на платформе Google Translate.

Исследование показало, что выбранные английские конструкции слабо представлены в пособиях по переводу, что, по-видимому, объясняет то, что переводчики практически не используют их в русско-английском переводе, несмотря на их компактность и естественную встроенность в английский синтаксис. На кафедре языкознания и переводоведения института иностранных языков Московского городского педагогического университета, где данные конструкции изучаются на первом курсе бакалавриата (направление подготовки «Перевод и переводоведение»), был поставлен эксперимент, в ходе которого были подтверждены многие из сделанных ранее наблюдений. В целом, навык применения «периферий-

ных» синтаксических структур в большей степени сформирован у студентов старших курсов (они допускают значительно меньше ошибок при их использовании), однако в собственной переводческой деятельности (без предварительно заданного шаблона) студенты как первого, так и четвертого курсов склонны применять более прозрачные и «безопасные» придаточные предложения.

В области контрастивного описания английских синтаксических моделей и их русских коррелятов на основе использования современных цифровых методологий, что потребовало, в том числе, выработки специальных алгоритмов поиска, установлены корреляции между единицами двух языков и предложены соответствующие переводческие стратегии.

Источники

Национальный корпус русского языка.

Литература

Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. Для учебных занятий и для самостоятельной работы: Учебное пособие. М.: ЛЕНАНД, 2017. 160 с.

Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, 2002. 207 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2007. 544 с.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 2006. 396 с.

Кверк Р. Грамматика современного английского языка для университетов / Р. Кверк, С. Гринбаум, Дж. Лич, Я. Свартвик. М.: Высшая школа, 1982. 391 с.

Козлова Л.А. Когнитивная экономия и ее манифестация в языке и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 37–45.

Лич Д. Коммуникативная грамматика английского языка: Пособие для учителя / Д. Лич, Я. Свартвик. М.: Просвещение, 1983. 304 с.

Найдич Л.Э., Павлова А.В. Русский глагольный вид в его связях с переводом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2015. № 12(3). С. 118–128.

Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода. М.: Флинта; Наука, 2009. 213 с.

Сдобников В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. М.: Восток–Запад, 2006. 444 с.

Скаличка В. О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 128–193.

Слепович В.С. Курс перевода. Минск: ТетраСистемс, 2001. 269 с.

Сулейманова О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы весь/целый и all/whole: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 1985. 188 с.

Сулейманова О.А. Грамматические аспекты перевода / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова, Н.Н. Беклемешева, Н.В. Лягушкина, В.И. Яременко. 2-е изд. М.: Академия, 2012. 235 с.

Сулейманова О.А., Петрова И.М. Использование эксперимента на основе больших данных в когнитивном и лингвокультурологическом исследовании русского и английского языка // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. № 13 (3). P. 385–393.

Храковский В.С. Несовершенный вид: опыт интерпретации частных значений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2015. № 12(3). С. 169–178.

Клоуз Р.А. Справочник по грамматике для изучающих английский язык: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1979. 352 с.

Mittwoch A. The English Resultative perfect and its relationship to the Experiential perfect and the simple past tense // Linguistics and Philosophy. 2008. № 31. Pp. 323–351. doi: <https://doi.org/10.1007/s10988-008-9037-y>

Meyer-Viol W.P.M., Jones H.S. Reference time and the English past tenses // Linguistics and Philosophy. 2011. № 34. P. 223–256. doi: <https://doi.org/10.1007/s10988-011-9100-y>

Shabaev V.G. Verb Nomination in the English Language: Analytical Lexemes // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. № 9 (10). P. 2490–2495.

Souleimanova O.A. English-to-Russian Translation: Traduttore. Traditore (The Day of the Triffids) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2014. № 7 (2). P. 312–319.

Visson L. Where Russians go wrong in Spoken English. М.: Valent, 2013. 132 p.

References

Istochniki

National Corpus of Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.).

Literatura

Alimov V.V. (2017). *Teoriya perevoda. Perevod v sfere professional'noj kommunikacii. Dlia uchebnykh zanyatiy i dlia samostojatel'noj raboty: Uchebnoje*

posobije. [Translation theory. Translation in the field of professional communication. For study sessions and for independent work. Tutorial.]. Moscow: LENAND. 160 p. (In Russ.).

Breus E.V. (2002). *Osnovy teoriji i praktiki perevoda s russkogo jazyka na anglijskij* [Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English.]. Moscow: URAO. 207 p. (In Russ.).

Garbovskij N.K. (2007). *Teorija perevoda* [Translation theory]. Moscow: Izdatel'stvo Moscovskogo universiteta. 544 p. (In Russ.).

Jespersen O. (2006). *Filosofija grammatiki* [Philosophy of grammar]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoju literatury. 396 p. (In Russ.).

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. (1982). *Grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka dlja universitetov* [A University Grammar of English]. Moscow: Vysshaja shkola. 391 p.

Kozlova L.A. (2019). Kognitivnaja ekonomija i ee manifestacija v yazyke i kommunikacii [Cognitive Economy and its Manifestation in Language and Communication]. *Voprosy Kognitivnoj Lingvistiki*. No 4. Pp. 37–45. (In Russ.).

Lich D., Svartvick Ya. (1983). *Kommunikativnaja grammatika anglijskogo jazyka: Posobije dlya uchitelya* [Communicative Grammar of English. Teacher's book]. Moscow: Prosveshchenije. 304 p.

Najdich L.E., Pavlova A.V. (2015). Russkij glagol'nyj vid v ego svyaziah c perevodom [Russian verb form in its connections with translation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature.]. 2015. No 12(3). Pp. 118–128. (In Russ.).

Neljubin L.L. (2009). *Vvedenije v tehniku perevoda* [Introduction to translation techniques]. Moscow: Flinta; Nauka. 213 p. (In Russ.).

Sdobnikov V.V., Petrova O.V. (2006). *Teorija perevoda* [Translation theory]. Moscow: Vostok—Zapad. 444 p. (In Russ.).

Skalichka V. (1967). O grammatike vengerskogo jazyka [About Hungarian grammar]. *Prazhskij lingvisticheskij kruzhok: Sbornik statej* [Prague linguistic club: collection of articles]. Moscow: Progress. Pp. 128–193. (In Russ.).

Slepovich V.S. (2001). *Kurs perevoda* [Translation course]. Minsk: TetraSistems. 269 p. (In Russ.).

Suleimanova O.A. (1985). *Nekotoryje semanticheskiye tipy substantivov i ih aktualizatory ves'/zely i all/whole* [Some semantic types of substantives and their actualizers ves'/zely and all/whole]: Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Moscow. 188 p. (In Russ.).

Suleimanova O.A., Kardanova K.S., Beklemesheva N.N., Lyagushkina N.V., Yaremenko V.I. (2012). *Grammaticheskiye aspekty perevoda* [Grammatical aspects of translation]. 2 izd. Moscow: Akademija. 235 p. (In Russ.).

Suleimanova O.A., Petrova I.M. (2020). Ispol'zovanie eksperimenta na osnove bol'shih dannyh v kognitivnom i lingvokul'turologicheskom issledovanii russkogo i anglijskogo jazyka [Using big data experiments in cognitive and linguo-

cultural research in English and Russian]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. No 13 (3). Pp. 385–393.

Hrakovsky V.S. (2015). Nesovershenny vid: opyt interpretacii chastnykh znacheniy [Imperfect View: Experience in Interpreting Particular Values]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*. [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature.]. No 12(3). Pp. 169–178. (In Russ.).

Close R.A. *A Reference Grammar for Students of English*. Moscow: Prosveshcheniye, 1979. 352 p.

Mittwoch A. (2008). The English Resultative perfect and its relationship to the Experiential perfect and the simple past tense. *Linguistics and Philosophy*. No 31. Pp. 323–351. doi: <https://doi.org/10.1007/s10988-008-9037-y>

Meyer-Viol W.P.M., Jones H.S. (2011). Reference time and the English past tenses. *Linguistics and Philosophy*. No 34. Pp. 223–256. <https://doi.org/10.1007/s10988-011-9100-y>

Shabaev V.G. (2016). Verb Nomination in the English Language: Analytical Lexemes. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. No 9 (10). Pp. 2490–2495.

Souleimanova O.A. (2014). English-to-Russian Translation: Traduttore. Traditore (The Day of the Triffids). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. No 7 (2). Pp. 312–319.

Visson L. (2013). *Where Russians go wrong in Spoken English*. Moscow: Valent. 132 p.

Статья поступила в редакцию 24.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 24.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Информация об авторах

Ольга Аркадьевна Сулейманова — доктор филологических наук; профессор; профессор кафедры языкознания и переводоведения; Московский городской педагогический университет; сфера научных интересов: общее языкознание, когнитивная семантика, методология семантических исследований, теория и практика перевода.

Ксения Суфьяновна Карданова-Бирюкова — кандидат филологических наук; доцент; доцент кафедры языкознания и переводоведения; Московский городской педагогический университет; сфера научных интересов: методология научного исследования, психолингвистика, социоллингвистика, общее языкознание, теория и практика перевода.

Information about the authors

Olga Arkadievna Suleimanova — Doctor of Philology; Full Professor; Professor with the Department of linguistics and translation studies; Moscow City University; research interests: general linguistics, cognitive semantics, methodology of semantic research, translation theory and practice.

Ksenia Sufianovna Kardanova-Biryukova — Doctor of Philology; Associate Professor; Associate Professor with the Department of linguistics and translation studies; Moscow City University; research interests: methodological framework of research, psycholinguistics, sociolinguistics, general linguistics, translation theory and practice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

Научная статья

УДК 81`22: 372.881.161.1

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.18>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ): К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Надежда Сергеевна Степанова¹, Ирина Олеговна Амелина²

^{1,2} Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

¹ ns-kursk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6834-5361>

² amelina.i.o@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3533-6263>

Аннотация. Статья посвящена вопросам репрезентации концепта «дом» в лингвокультурах русско-, англо- и испаноязычных стран. «Дом» рассмотрен как один из базовых концептов, входящих в национальную концептосферу и широко представленных в русских, английских и испанских пословицах. Определены возможности концепта «дом» для формирования коммуникативной и лингвокультурологической компетенций студентов в процессе изучения русского языка как иностранного в полиэтнических учебных группах.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, «дом», паремиологический фонд, русский язык как иностранный.

Для цитирования: Степанова Н.С., Амелина И.О. Репрезентация концепта «дом» в паремиологическом фонде различных лингвокультур (на материале пословиц на русском, английском и испанском языках): к вопросу о формировании коммуникативной компетенции при изучении русского языка как иностранного // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 316–335. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.18>

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Original article

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “HOUSE/HOME” IN THE PAREMIOLOGICAL FUND OF VARIOUS LINGUISTIC CULTURES (ON THE BASIS OF PROVERBS IN RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH): ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE STUDY OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Nadezhda Sergeevna Stepanova¹, Irina Olegovna Amelina²

^{1,2} Southwest State University, Kursk, Russian Federation

¹ ns-kursk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6834-5361>

² amelina.i.o@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3533-6263>

Abstract. The article is focused on identifying the features of the representation of the concept “house/home” in the linguocultures of different countries in which Russian, English and Spanish are the official languages (Russia, England, Spain), as well as the countries that integrated English and Spanish culture in the process of colonization, preserving cultural values of their own people (Zimbabwe, Nigeria, Venezuela, Guatemala, Colombia, Ecuador, etc.); and also on the study of the possibilities of the concept “house/home” for the formation of students’ communicative and linguoculturological competences in the process of mastering Russian as a foreign language in multiethnic study groups.

The concept “house/home” is one of the fundamental realities of culture, one of the most important linguistic and mental constants in any national concept sphere. As a material object, “house/home” serves as a man’s protection from the forces of nature and personifies his world; at the same time, it is an object for studying the spiritual life of the people, since all the most important categories of the picture of the world, recorded in various linguocultures, correspond to the concept “house/home”. Each nation has a special worldview and an inherent assessment of the world, however, due to the presence of universal values, the concept “house/home” has a similar representation in proverbs in Russian, English, Spanish.

The study of the culturally significant concept “house/home” as a semantic code that captures national and cultural experience, which belongs not only to the individual, but also to the collective consciousness, contributes to strengthening

of intercultural ties between peoples, as well as to stimulating interest in the educational process. Studying Russian as a foreign language, as a specific civilizational code of another people, systematic work with the paremiological fund of the Russian, English and Spanish languages allow foreign students to master information about the cultural specifics of Russian linguosociety, improve their understanding of universal values.

Key words: linguocultural linguistics, concept, “house/home”, paremiological fund, Russian as a foreign language.

For citation: Stepanova N.S., Amelina I.O. Representation of the concept “house/home” in the paremiological fund of various linguistic cultures (on the basis of proverbs in Russian, English and Spanish): on the issue of the formation of communicative competence in the study of Russian as a foreign language. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 316–335. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.18>.

© Степанова Н.С., Амелина И.О., 2021

Введение. Проблема изучения базовых концептов, представленных в паремиологическом фонде различных лингвокультур, является предметом постоянного внимания, поскольку она тесно связана с отражением в языке аксиологических представлений народа—носителя языка и национальной картины мира. Одним из базовых концептов, важных для человека любой национальности, безусловно, является «дом», в смысловое поле которого входят такие значения, как «особое строение для жизни, жилое помещение», «семья; люди, живущие вместе», «семейные отношения, атмосфера в семье» и др.

Цели исследования — выявление особенностей репрезентации концепта «дом» в лингвокультурах разных стран, в которых официальными языками являются русский, английский и испанский (Россия, Англия, Испания), а также стран, которые в процессе колонизации интегрировали английскую и испанскую культуру, сохранив культурные ценности своего народа (Зимбабве, Нигерия, Венесуэла, Гватемала, Колумбия, Эквадор и др.); изучение возможностей концепта «дом» для формирования коммуникативной и лингвокультурологической компетенций студентов в процессе изучения русского языка как иностранного в полиэтнических учебных группах, в том числе при выполнении проектных заданий. Опыт показывает, что это способствует продуктивному пониманию педагогами менталитета студентов-инофонов и организации более эффективной работы по усвоению учебного материала. Материал исследования — пословицы и поговорки на русском, английском и испанском языках, которые

содержат концепт «дом» («дом» / “house, home” / “casa, hogar”) [Пословицы и поговорки всех стран и народов мира, Туповер, Lingvister, Poslovic.ru, The List of World Proverbs].

В новейшее время концепт «дом» и его представленность в различных лингвокультурах не покидают зону исследовательского интереса, являясь объектом лингвистических, литературоведческих, культурологических изысканий. Репрезентация концепта «дом» рассматривается на примере английской, русской, казахской и турецкой картин мира [Мустафина, Никамбаева], французской и румынской лингвокультур [Моисеева], в китайской, американской и русской языковых картинах мира [Люляева, Кораблева], на примере пословиц русского и английского языков [Нургалина, Махмутова; Колесникова], фразеологизмов, пословиц, поговорок русского и китайского языков [Фоменко, Тун] и др.

Невозможно переоценить потенциал паремий с ключевым концептом «дом» при работе с иностранными студентами, изучающими русский язык в России в процессе получения высшего образования. Пословицы и поговорки «передают знания о культуре, отражают жизненный опыт человека» (“deliver cultural knowledge and express the life experiences of human beings”) [Wu: 12], менталитет нации, этические, художественные и воспитательные идеалы народа, передаваемые из поколения в поколение [Романова, Амелина, Гаранжа: 294] и при этом отличаются смысловой законченностью и поучительным характером, что делает их превосходным учебным материалом; они содержат в своей семантике ценностные идеалы, привносят эмоциональный компонент в изучаемый материал [Ковалева, Шаберт: 35]; способствуют «интеграции иностранных слушателей в образовательное поликультурное пространство университета; сокращению и более комфортному прохождению адаптационного периода» [Степанова, Ковалева, Амелина: 518]. Актуальность нашего исследования определена насущной необходимостью поиска средств языка, способствующих успешному, более комфортному прохождению инофонами адаптационного периода, что с учетом современных требований к развитию экспортного потенциала российской системы образования и в ситуации интенсификации дистанционного обучения является необходимым условием организации образовательного процесса для иностранных обучающихся.

Устойчивые выражения «играют ключевую роль в эффективной межкультурной коммуникации и способствуют более плавному переключению языкового кода» [Lavrova, Nikulina: 833]. Новизна предпринятого исследования — в представлении возможностей, которые предоставляет актуализация лингвокультурного концепта «дом» в процессе изучения русского языка как иностранного на основе сопоставления паремиологических единиц, объективирующих данный концепт в русском, английском и испанском языках. Изучение пословиц на занятиях готовит инофонов к восприятию живой русской речи в различных ситуациях, контекстах,

поскольку «данные выражения часто встречаются в разнообразных формах дискурса: в беседах, на лекциях, в фильмах, в радиопередачах и телевизионных программах» (“such expressions frequently take place in all forms of discourse: in conversations, lectures, movies, radio broadcasts, and television programs”) [Ababneh].

Методология исследования. Исследование базируется на комплексном подходе, включающем применение описательно-аналитического метода, метода компаративного анализа, семантической интерпретации материала, метода моделирования образовательного процесса, а также метода концептного анализа, предполагающего определение общекультурного наполнения концепта, анализ особенностей его репрезентации и ассоциативных связей, определение места в национальной картине мира. В рамках нашего исследования под термином «концепт» мы понимаем «сложное ментальное эмоционально-ценностное образование, которое отражает универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти», «обладает диалогической, коммуникативной природой, так как рассчитано на знания, память и воображение» реципиента [Степанова: 40].

Основная часть. Изучение репрезентации концепта «дом» в паремиях разных лингвокультур представляет интерес как с позиций компаративистики, так и с точки зрения педагогической практики в высшей школе. Как показывает опыт, в целях введения иностранных обучающихся в новую для них языковую среду российского вуза, понимания и осознания ими самобытности каждой нации возникает необходимость поиска универсальных ценностей с элементами сопоставительно-типологического описания контактирующих языков, направленное на установление межъязыковых сходств и различий на базе таких культурно значимых концептов, как, например, «время», «жизнь», «труд/работа», «хлеб», «правда», «друг, дружба», «дом», на компаративном анализе репрезентации которого и сосредоточено наше исследование.

В российских вузах получают высшее образование на русском языке иностранные граждане, которые являются представителями не только разных континентов и стран (в большинстве из которых официальным или одним из официальных языков являются английский и испанский), но и разных языковых семей и групп, различных наций, отличающихся национально-культурным своеобразием, мировосприятием, менталитетом. Сформированные для обучения на предвузовском этапе группы студентов многонациональны, поэтому преподавателю необходимо владеть знаниями о лингвокультурах стран, из которых приехали студенты, учитывать особенности восприятия мира их народами, чтобы помочь им в освоении русского языка, обеспечить эффективный и качественный образовательный процесс.

«Дом» — один из базовых концептов, входящий в национальную концептосферу; он широко представлен в паремиологическом фонде каждого языка, являясь сокровищницей мудрости народа. Как образ, формирующий пространственные представления, «дом» имеет особенное значение в создании картины мира, так как является членом оппозиции *внутренний — внешний*, определяющей положение человека в социуме и — шире — в мире в целом. Дом — это модель «микроуниверсума, отражающего макроуниверсум», «важнейшее промежуточное звено, связующее разные уровни в общей картине мира. С одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяя целостный вещный мир человека. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» [Цивьян: 65].

В паремиях разных народов «дом» выступает в следующих основных значениях: бытовом, или «житейском», — строение для житья, обозначающее материальную устроенность человека в жизни, укорененность в реальности обыденного и обычного; бытийном, или «жизненном», характеризующем место и самоопределение человека в мире, его мировосприятие; «духовном» значении, становящемся важнейшим нравственным и смысловым ориентиром; символом упорядоченности, устойчивого благополучия семьи, родового начала всех начал: бытовых, моральных, нравственных.

Основной лексемой-репрезентантом рассматриваемого концепта в русском языке является слово «дом», в английском языке используются две лексемы “house” и “home”, в испанском языке — “la casa”. “House” и “home” могут быть близки по смыслу, но чаще эти понятия разграничивают, определяя “house” как дом-строение, а “home” как теплое, уютное, комфортное место для жизни семьи. Для передачи этого нюанса значения лексемы «дом» в русском языке обращаются к словосочетаниям «домашний очаг», «домашний уют», а в испанском — “el hogar”.

В картине мира каждой нации дом представляется особым местом, которое характеризуется надежностью; в нем человек может чувствовать себя свободно, делать все по своему усмотрению, желанию. Это находит отражение в лингвокультурах как русско-, так и англо- и испаноязычных стран:

В своем дому не кланяются никому; В доме хозяин больше архиерея; В своем доме как хочу, так и ворочу;

Every dog is a lion at home (Дома каждый пес чувствует себя львом);

Mientras en mi casa estoy, rey me soy (Пока я дома, я король).

Дом является местом проживания семьи. Уклад жизни семьи отличается своеобразием, своими традициями, обычаями. Негласным правилом в разных культурах мира считается требование обсуждения домашних дел,

решения своих проблем только в семейном кругу, приоритет невмешательства в частную жизнь:

Всякая избушка своей крышей крыта; У всякой избушки свои поскрипушки; Из избы в избу сор не носят; Дом дому не указывает;

Wash your dirty linen at home (Грязное белье стирают дома);

La ropa sucia se lava en casa (Белье стирают дома).

Пословицы свидетельствуют о том, что человек ценит собственный дом превыше других мест, при этом «материальные» характеристики дома не имеют принципиального значения: даже если это скромное жилище, оно дорого владельцу, считается предпочтительным по сравнению с другими. Дом — это источник благополучия, теплоты. Связь с домом становится настолько крепкой, что во время путешествий или в гостях появляется ощущение тоски по родному «уголку», желание вернуться домой как можно быстрее:

В гостях хорошо, а дома лучше; Лучшие дома своего нет на свете ничего; Всякому мила своя сторона; Хорошо тому, кто в своем дому; Домой и кони веселей бегут;

Be it ever so humble, there's no place like home (Каким бы бедным ни было жилище, нет ничего лучше дома); The wider we roam, the welcomer home (Чем больше мы скитаемся, тем желанней родной дом); East or West — home is best (Восток ли, запад ли, а дома лучше всего); Every bird likes its own nest (Всякая птица свое гнездо любит);

Casa mía, casa mía, por pequeña que tú seas me pareces una abadía (Мой дом, мой дом, каким бы маленьким ты ни был, ты кажешься мне аббатством); Nada como el calor de hogar (Ничто не сравнится с домашним теплом); Todos los caminos van a mi casa. (Все дороги ведут к моему дому).

Паремиологический фонд лингвокультур мира подчеркивает восприятие дома не столько в качестве здания, строения, сколько места, неразрывно связанного с людьми, которые в нем живут, главными из которых являются хозяин и хозяйка. Задача хозяина (хозяйки) — заботиться о доме, благодаря чему возможно возникновение особой атмосферы комфорта, ощущения «обжитости». Хозяин должен быть трудолюбивым и разумным, хозяйка — домовитой и радушной. При этом в пословицах отмечается, что забота о домашнем уюте во многом лежит на женских плечах. Также указывается, что не дом, здание — показатель качеств человека, скорее, напротив — по хозяину следует судить о доме, он источник его благосостояния и репутации:

Дом красится хозяином; Дом невелик, да лежать не велит; Всякий дом хозяином держится; Дом вести — не лапоть плести; Дом вести — не рукавом трясти; Без хозяина дом — сирота; Каков хозяин — таков и дом; Не красна изба углами, а красна пирогами; Что оладушка в меду, то хозяйюшка в дому;

A house is not a home (Здание — это ещё не дом); You can build a house but you must make a home (Вы можете построить дом, но домашний уют вы должны создать); The house is a fine house when good folks are within (Дом становится прекрасным, когда в нем живут хорошие люди); Men make houses, women make homes (Мужчины строят здания, а женщины превращают их в дома); Grace your house, and not let that grace you (Делай честь своему дому, а не жди, что твой дом представит тебя в выгодном свете); Owner should bring honor to the house, not the house to the owner (Не дом хозяина красит, а хозяин дом);

El ama brava es llave de su casa (Отважная хозяйка — ключ к ее дому).

В паремиях на русском и испанском языках зафиксировано, что дом служит защитой человеку, он обеспечивает безопасность, помогает в ведении дел, является началом всех начал.

Мой дом — моя крепость; Дома и стены помогают;

La caridad bien entendida empieza por casa (Милосердие, хорошо понятое, начинается дома); Bien se está San Pedro en Roma (Сан-Педро преуспевает в Риме).

Английские пословицы также описывают дом как самое надежное место, как зону психологического комфорта, выход из которой может сопровождаться угрозами, опасностью: *My home is my castle (Мой дом — моя крепость); He that would be well needs not go from his own house (Тот, кто хочет, чтобы все было благополучно, не должен выходить из дома); Far from home is near the harm (Чем дальше от дома, тем ближе к беде).*

Русские пословицы свидетельствуют, что для создания ощущения «дома» важны семейные отношения, отношения близких людей, которые, несмотря на трудности, понимают друг друга и заботятся о членах семьи. Английские пословицы показывают, что конфликты, ссоры между членами семьи делают дом слабым, разрушают его:

Дом крепок не укладом, а ладом; Согласно семье и горе не берет; В семье согласно, так идёт дело прекрасно; Семья — печка: как холодно — все к ней собираются; Согласье в семье — богатство;

House divided against itself cannot stand (Дом, разделившийся сам в себе, не выстоит).

Пословицы на испанском языке подчеркивают важность совместного принятия решений и преодоления невзгод:

Al buen consejo no se halla precio (За хороший совет нет цены).

Для менталитета, образа жизни, стиля коммуникации русских всегда был характерен приоритет коллективного начала, когда важны тесные связи в группе, взаимозависимость и взаимопомощь, поэтому для создания хорошего дома большую роль играет и окружение — соседи. Благополучию дома способствуют дружеские отношения с соседями, которые при необходимости могут оказать услугу, быть полезными:

Не купи дом, а купи соседа; Соседство — взаимное дело; Сосед верен, во всём измерен; Сосед не захочет, так и миру не будет; Близкий сосед лучше дальней родни; Без брата проживу, а без соседа не проживу; Худое дело обидеть соседа.

Пословицы на испанском языке учат необходимости и важности дружбы и взаимного уважения в отношениях с соседями:

Más vale buen vecino que pariente ni primo (Хороший сосед лучше, чем родственник или двоюродный брат); Quien tiene buen vecino a su puerta, puede dormir a pierna suelta (Тот, у кого рядом есть хороший сосед, может спать спокойно); Quien tiene buen vecino, tiene buen matino (У кого есть хороший сосед, у того доброе утро); Cada uno en su casa y Dios en la de todos (Каждый в своем доме, а Бог в каждом из них); En cada tierra su uso y en cada casa su costumbre (В каждой земле свое использование и в каждом доме свой обычай).

Отметим, что в культуре стран Африки (например, Нигерии) эта идея также находит отражение:

Choose your neighbors before you buy your house (Перед тем, как купить дом, выберите соседей).

В силу различия реальных условий жизни, вызванных географическими, экономико-политическими и другими факторами, несовпадение языковых картин мира, моделей мира, воззрений этносов предопределяет наличие и отличительных особенностей в репрезентации концепта «дом» в паремических единицах разных лингвокультур.

В культуре испаноязычных стран дом выступает важным условием создания семьи: когда образуется новая семья, молодожены покидают дом родителей, потому что им нужен собственный семейный очаг:

El que se casa, casa quiere (Тот, кто женится, хочет иметь дом).

В ментальности народов, для которых английский язык является родным, ценится уединение; человек хочет быть уверен, что его не потревожат, что личное пространство неприкосновенно:

Curiosity is ill manners in another's house (Любознательство в чужом доме — проявление невоспитанности).

Безусловно, культура каждой отдельной страны также привносит национальную специфику в паремиологический фонд. Например, для Нигерии, как страны африканского континента, где природные условия не всегда благоприятны для жизни, характерны пословицы, отражающие необходимость заботы о доме из-за возможных опасностей, бедствий. Дом — это место, где человек может быть счастлив, и это лучше, чем самые высшие должности, титулы. Часто в доме проживает семья, состоящая из нескольких поколений, и когда старшие куда-то уезжают, забота о доме и своей жизни ложится на плечи молодых, что помогает им получить жизненный опыт:

The only insurance against fire is to have two houses (Единственная страховка от пожара — иметь два дома); It is the fear of what tomorrow may bring that makes the tortoise to carry his house along with him wherever he goes (Страх перед тем, что может принести завтрашний день, заставляет черепаху носить ее дом с собой, куда бы она ни пошла); Being happy in one's home is better than being a chief (Лучше быть счастливым дома, чем быть начальником); When the elderly ones in a house travel, the younger ones quickly grow in experience (Когда пожилые люди отправляются из дома в поездку, молодые быстро набираются опыта).

Для английской и американской культур, которым в известной мере свойственен индивидуализм, важно обособление, отгораживание от соседей; если каждый соблюдает рамки, то отношения хорошо складываются:

Good fences make good neighbours (За хорошим забором — хорошие соседи).

При этом дом, согласно английской пословице, находится там, где человеку хорошо, там, куда зовет его сердце. Так понятие «дом» может становиться большим, чем отношения между людьми, связанными кровными узами:

Home is where the heart is (Дом там, где сердце).

Согласно представлениям, зафиксированным в пословицах стран Латинской Америки, материальное благополучие играет важную роль для длительного счастья дома:

La alegría dura poco, en la casa del pobre (В доме бедных радость длится недолго).

Безусловно, язык как социокультурный феномен находится в тесной взаимосвязи с культурой народа — его носителя, более того, существует взгляд на язык как на «артефакт культуры» [Bilá, Kačmárová, Vaňková: 350]. Это обстоятельство «определяет направленность методики обучения русскому языку как иностранному на совершенствование лингвострановедческих знаний иностранных обучающихся в целях развития поликультурной языковой личности, на формирование социокультурной компетенции» [Степанова, Ломова, Ковалева, Амелина: 113].

Работа с концептом «дом» в полиэтнической учебной группе российского вуза — продуктивный и успешный педагогический прием, который способствует формированию коммуникативной и лингвокультурологической компетенций студентов в процессе изучения русского языка как иностранного.

Работа с паремиологическим фондом может являться составным элементом учебного занятия или ей может быть посвящен отдельный цикл занятий в зависимости от образовательных целей. Выстраивая систему занятий при работе с такими темами, как, например, «Моя родина», «Моя семья», «Биография человека, наши близкие люди», «Дом, где я живу», «Семья, друзья», «Характер русского народа», «Русский язык — зеркало

души народа», «Русская деревня», «Деревянная Россия», «Русские традиции», преподаватель может предлагать и комбинировать различные типы заданий: ознакомление с актуальными паремиями, в состав которых входит лексема-репрезентант концепта «дом»; подбор эквивалента на родном языке; соотнесение паремий с их объяснением; замену фраз в тексте подходящими по смыслу паремиями; пересказ текста или сюжета видеофрагмента, содержащего паремии; составление рассказа с употреблением в тексте актуальных паремий; инсценировку диалога с употреблением в нем актуальных паремий и др.

Одним из эффективных видов заданий в современной лингводидактике считается задание-проект, совмещающее в себе компетентностный, коммуникативный, личностно-ориентированный и метапредметный подходы [Филиппова: 82]. Рассмотрим пример задания-проекта с использованием пословиц, форма работы — групповая.

Задание

Прочитайте русские пословицы о доме. Есть ли эквиваленты этих пословиц в вашей культуре? Если есть, то приведите их.

Лучше дома своего нет на свете ничего. Дома и стены помогают. Дом красится хозяином. Дом невелик, да лежать не велит. Каков хозяин — таков и дом. Не красна изба углами, а красна пирогами.

Найдите другие русские пословицы о доме (можно использовать различные учебные пособия, словари, ресурсы в Интернете).

На основе полученных материалов разработайте брошюру «Прекрасный русский дом», в которой расскажите о том, как русский народ создает уют, комфорт в доме, как заботится о своем жилище.

Сделайте презентацию Вашей брошюры.

Работа выстраивается в соответствии с 4 этапами.

1) Этап ознакомления. Обучающиеся читают инструкцию к заданию, при необходимости задают преподавателю уточняющие вопросы, разрабатывают план работы в группе.

2) Этап реализации. Инофоны осуществляют поиск, анализ пословиц, оформляют брошюру, подготавливают презентацию.

3) Этап презентации. Обучающиеся выступают с презентацией своей брошюры.

4) Этап дискуссии и оценки. Инофоны отмечают сходства и различия в отношении к дому в их культурах. Обучающиеся и преподаватель проводят оценку выполненной работы по проекту.

Выводы. Концепт «дом» является одной из фундаментальных реалий культуры, важнейших языковых и ментальных констант в любой национальной концептосфере. Будучи материальным объектом, «дом» служит человеку защитой от сил природы и олицетворяет его мир; вместе с тем является объектом для изучения духовной жизни народа, поскольку с по-

нятием «дом» соотносятся все важнейшие категории картины мира, зафиксированные в различных лингвокультурах. У каждого народа существуют особое мировидение и присущая только ему оценка мира, однако, благодаря наличию универсальных ценностей, концепт «дом» имеет схожую репрезентацию в пословицах на русском, английском, испанском языках.

В паремиях различных лингвокультур «дом» представлен как самое дорогое для человека место, которое осмыслено не просто как здание, постройка. Обращается внимание на дом как укрытие от трудностей, невзгод, уголок уединения, спокойствия и надежности; «дом» характеризуется особой атмосферой тепла, уюта, комфорта. Благополучие дома во многом связано с заботой хозяина о нем, а также добрыми семейными отношениями и дружбой с соседями.

Исследование культурно значимого концепта «дом» как смыслового кода, фиксирующего национально-культурный опыт, который принадлежит не только индивидуальному, но и коллективному сознанию, способствует укреплению межкультурных связей между народами, а также стимулированию интереса к образовательному процессу. Изучение русского языка как иностранного, как специфического цивилизационного кода иного народа, систематическая работа с паремиологическим фондом русского, английского и испанского языков позволяет иностранным студентам осваивать информацию о культурной специфике российского лингвосоциума, совершенствовать понимание общечеловеческих ценностей.

Являясь отражением языковой картины мира, паремиологический фонд языка выступает целесообразным дидактическим средством в процессе лингвообразования иностранных обучающихся, способствует лучшему пониманию мировоззрения народа — носителя конкретного языка, динамики его ментальных свойств, а также благоприятной социокультурной адаптации в новой языковой среде. Особую значимость при этом имеет изучение, анализ пословиц, репрезентирующих общечеловеческие ценности, культурные архетипические символы, что позволяет иностранным студентам открывать новое в себе и окружающих людях, лучше понимать многогранный окружающий мир.

Источники

Английские пословицы о доме [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lingvister.ru/blog/a-house-is-not-a-home-angliyskie-poslovitsy-prodom>.

Пословицы и поговорки всех стран и народов мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://poslovica-pogovorka.ru>.

Туровер Г.Я. Словарь пословиц. Испанско-русский и русско-испанский. М.: Рус. яз. — Медиа; Дрофа, 2009. 208 с.

Все пословицы в одном месте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://poslovic.ru>.

The List of World Proverbs [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.listofproverbs.com>.

Литература

Ковалева Т.В., Шаберт С.В. Особенности изучения русской паремии в немецкоговорящей аудитории // Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве: Сборник науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 28–29 мая 2020 г.) / Н.С. Степанова (отв. ред.) [и др.]; ЮЗГУ. Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 34–41.

Колесникова К.Т. Концепт «дом» в русской и английской концептосферах // Наука сегодня: задачи и пути их решения. Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Вологда: ООО «Маркер», 2018. С. 152–153.

Люляева Н.А., Кораблева Е.Д. Мой дом — часть мой родины: концепт «дом» в русской языковой картине мира // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы IV Международной научной конференции. М.: Учреждение высшего образования «Московский художественно-промышленный институт», 2020. С. 181–186.

Моисеева С.А. Концепт дом/жилище во французской и румынской лингвокультурах // Проблемы лингвистики и лингводидактики: Международный сборник научных статей. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород: ООО Издательско-полиграфический центр «ПОЛИТЕРРА», 2016. С. 100–107.

Мустафина Г.К., Никамбаева С.С. Репрезентация концепта «дом» в английской, русской, казахской и турецкой картинах мира // Россия и Германия: взаимодействие языков и культур. Материалы докладов международной научно-методической конференции. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2013. С. 192–197.

Нургаллина Х.Б., Махмутова А.А. Реализация концепта «дом» в пословицах английского, русского языков // Научный альманах. 2017. № 3–2 (29). С. 453–455.

Романова Н.Н., Амелина И.О., Гаранжа А.А. Роль знаний о национально-культурной специфике пословиц в русском и английском языках для формирования социо- и межкультурной компетенций у российских студентов высших учебных заведений // Новый взгляд на проблемы современного

языкознания: Материалы VI Международной конференции школьников, студентов и аспирантов. Курск: ЮЗГУ, 2015. С. 294–303.

Степанова Н.С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья: к постановке вопроса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 38–42.

Степанова Н.С., Ковалева Т.В., Амелина И.О. Организация межэтнического взаимодействия в процессе социокультурной адаптации иностранных обучающихся на этапе предвузовской подготовки // III Международный конгресс преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ «Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. IV Всероссийская научно-практическая конференция “Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан”» (16–18 октября 2019 года, Москва): Сборник статей / отв. ред.: М.Н. Русецкая, Е.В. Колтакова. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 514–518.

Степанова Н.С., Ломова Л.А., Ковалева Т.В., Амелина И.О. Лингвострановедческий компонент как средство формирования коммуникативной компетенции иностранных обучающихся на этапе предвузовской подготовки // Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве: Сборник науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 28–29 мая 2020 г.) / Н.С. Степанова (отв. ред.) [и др.]; ЮЗГУ. Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 113–122.

Филиппова В.М. Применение метода проектов на элементарном уровне обучения РКИ // Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве: Сборник научных статей I Международной научно-практической конференции (Курск, 4–5 декабря 2019 года) / Н.С. Степанова (отв. ред.) [и др.]. Курск: ЮЗГУ, 2019. С. 261–265.

Фоменко И.Б., Тун И. Концепт «дом» в русской и китайской языковых картинах мира // Проблемы высшего образования. 2015. № 1. С. 284–287.

Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Семиотика культуры: Труды по знаковым системам: Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1978. № 10. С. 65–85.

Ababneh Sana. Proverbs teaching in EFL classes: “Where there is a will, there is a way” // Journal of Foreign Language Teaching and Applied Linguistics. 2015. No 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/288873918_PROVERBS_TEACHING_IN_EFL_CLASSES_

WHERE_THERE_IS_A_WILL_THERE_IS_A_WAY. DOI 10.14706/JFLTAL152316.

Bilá M., Kačmárová A., Vaňková I. The encounter of two cultural identities: The case of social deixis // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. No 2. P. 344–365. doi: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365>.

Lavrova N.A., Nikulina E.A. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. No 4. P. 831–857. doi: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857>.

Wu Qiling. A Comparative Study of English and Chinese Proverbs Using Natural Semantic Metalanguage Approach // *International Journal of English and Cultural Studies*. 2019. Vol. 2. No 1. doi: <https://doi.org/10.11114/ijecs.v2i1.3951>.

References

Istochniki

Anglijskie poslovice o dome [English proverbs about home]. URL: <https://lingvister.ru/blog/a-house-is-not-a-home-anglijskie-poslovitsy-pro-dom>.

Poslovice i pogovorki vseh stran i narodov mira [Proverbs and sayings of all countries and peoples of the world]. URL: <http://poslovica-pogovorka.ru>.

Turover G.Ya. (2009). *Slovar' poslovic. Ispansko-russkij i russko-ispanskij* [Dictionary of proverbs. Spanish-Russian and Russian-Spanish]. M.: Rus. yaz. — Media; Drofa. 208 s.

Vse poslovice v odnom meste [All proverbs in one place]. URL: <http://poslovic.ru>.

The List of World Proverbs. URL: <https://www.listofproverbs.com>.

Literatura

Kovaleva T.V., Shabert S.V. (2020). Osobennosti izucheniya russkoj paremii v nemeckogovoryashchej auditorii [Features of the study of the Russian paremia in a German-speaking audience]. *Otkrytie russkogo mira: prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo i obshcheobrazovatel'nyh disciplin v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: Sbornik nauch. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kursk, 28–29 maya 2020 g.)*. [Discovery of the Russian World: Teaching Russian as a Foreign Language and General Education Disciplines in the Modern Educational Space: Collection of Scientific. Articles of the Second Int. scientific-practical conf. (Kursk, May 28–29, 2020)]; YuZGU. Kursk: YuZGU, 2020. Pp. 34–41. (In Russ.).

Kolesnikova K.T. (2018). Koncept “dom” v russkoj i anglijskoj konceptosferah [The concept “house” in the Russian and English conceptual spheres]. *Nauka segodnya: zadachi i puti ih resheniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-h chastyah* [Science today: tasks and ways to solve them. Materials of the international scientific and practical conference. In 2 parts]. Vologda: OOO “Marker”. Pp. 152–153. (In Russ.).

Lyulyaeva N.A., Korableva E.D. (2020). Moj dom — chast’ moj rodiny: koncept “dom” v russkoj yazykovoj kartine mira [My home is part of that homeland: the concept of “home” in the Russian language picture of the world]. *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizaciya. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The image of the Motherland: content, formation, actualization. Materials of the IV International Scientific Conference.]. Moscow: Uchrezhdenie vysshego obrazovaniya “Moskovskij hudozhestvenno-promyshlennyj institut”. Pp. 181–186. (In Russ.).

Moiseeva S.A. (2016). Koncept dom/zhilishche vo francuzskoj i rumynskoj lingvokul’turah [House/dwelling concept in French and Romanian linguocultures]. *Problemy lingvistiki i lingvodidaktiki: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh statej. Belgorodskij gosudarstvennyj nacional’nyj issledovatel’skij universitet* [Problems of linguistics and linguodidactics. International collection of scientific articles. Belgorod State National Research University]. Belgorod: OOO Izdatel’sko-poligraficheskij centr “POLITERRA”. Pp. 100–107. (In Russ.).

Mustafina G.K., Nikambaeva S.S. (2013). Reprezentaciya koncepta “dom” v anglijskoj, russkoj, kazahskoj i tureckoj kartinah mira [Representation of the concept “house” in the English, Russian, Kazakh and Turkish pictures of the world]. *Rossiya i Germaniya: vzaimodejstvie yazykov i kul’tur. Materialy dokladov mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii* [Russia and Germany: Interaction of Languages and Cultures. Materials of reports of the international scientific and methodological conference]. Cherepovec: Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet. Pp. 192–197. (In Russ.).

Nurgalina H.B., Mahmutova A.A. (2017). Realizaciya koncepta “dom” v poslovicah anglijskogo, russkogo yazykov [Implementation of the concept “house” in the proverbs of the English, Russian languages]. *Nauchnyj al’mahh [Scientific almanac]. № 3–2 (29). Pp. 453–455. (In Russ.).*

Romanova N.N., Amelina I.O., Garanzha A.A. (2015). Rol’ znaniy o nacional’no-kul’turnoj specifikе poslovic v russkom i anglijskom yazykah dlya formirovaniya socio- i mezhkul’turnoj kompetencij u rossijskikh studentov vysshih uchebnyh zavedenij [The role of knowledge about the national and cultural specifics of proverbs in Russian and English for the formation of social and intercultural competence in Russian students of higher educational institutions.]. *Novyj vzglyad na problemy sovremennogo yazykoznanija: Materialy VI Mezhdunarodnoj konferencii shkol’nikov, studentov i aspirantov* [A new look at the problems of modern linguistics: Materials of VI International Conference

of Schoolchildren, Students and Postgraduates]. Kursk: YuZGU. Pp. 294–303. (In Russ.).

Stepanova N.S. (2014). Konceptosfera “put’ zhizni” v avtobiograficheskoy proze pervoy volny russkogo zarubezh’ya: k postanovke voprosa [The concept of “the way of life” in the autobiographical prose of the first wave of the Russian Diaspora: to the formulation of the question]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika* [Bulletin of the South-West State University. Series Linguistics and Pedagogy]. № 4. Pp. 38–42. (In Russ.).

Stepanova N.S., Kovaleva T.V., Amelina I.O. (2019). Organizatsiya mezhetnicheskogo vzaimodejstviya v processe sociokul’turnoj adaptatsii inostrannykh obuchayushchihsya na etape predvuzovskoy podgotovki [Organization of interethnic interaction in the process of socio-cultural adaptation of foreign students at the stage of pre-university training]. *III Mezhdunarodnyy kongress prepodavatelej i rukovoditelej podgotovitel’nyh fakul’tetov (otdelenij) vuzov RF “Dovuzovskij etap obucheniya v Rossii i mire: yazyk, adaptatsiya, socium, special’nost’*. IV Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Aktual’nye voprosy realizatsii obrazovatel’nyh programm na podgotovitel’nyh fakul’tetah dlya inostrannykh grazhdan” (16–18 oktyabrya 2019 goda, Moscow): *Sbornik statej* [III International Congress of Teachers and Heads of Preparatory Faculties (Departments) of RF Universities “Pre-university stage of education in Russia and the world: language, adaptation, society, peculiarity.” IV All-Russian scientific and practical conference “Topical issues of the implementation of educational programs on preparatory textures for foreign citizens” (October 16–18, 2019, state October 18, 2019, Moscow): Collection of articles]. Moscow: Gos. IRYA im. A.S. Pushkina. Pp. 514–518. (In Russ.).

Stepanova N.S., Lomova L.A., Kovaleva T.V., Amelina I.O. (2020). Lingvostranovedcheskij komponent kak sredstvo formirovaniya kommunikativnoj kompetencii inostrannykh obuchayushchihsya na etape predvuzovskoy podgotovki [Linguistic and regional component as a means of forming the communicative competence of foreign students at the stage of pre-university training]. *Otkrytie russkogo mira: prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo i obshcheobrazovatel’nyh disciplin v sovremennom obrazovatel’nom prostranstve: Sbornik nauch. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kursk, 28–29 maya 2020 g.)* [Discovery of the Russian World: Teaching Russian as a Foreign Language and General Education Disciplines in the Modern Educational Space: Collection of Scientific. Articles II Int. scientific-practical conf. (Kursk, May 28–29, 2020)]. YuZGU. Kursk: YuZGU. Pp. 113–122. (In Russ.).

Filippova V.M. (2019). Primenenie metoda proektov na elementarnom urovne obucheniya RKI [Application of the project method at the elementary level of teaching RFL]. *Otkrytie russkogo mira: prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo i obshcheobrazovatel’nyh disciplin v sovremennom obrazovatel’nom*

prostranstve: Sbornik nauchnyh statej I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Kursk, 4–5 dekabrya 2019 goda) [Discovery of the Russian World: Teaching Russian as a Foreign Language and General Education Disciplines in the Modern Educational Space: Collection of Scientific Articles of the I International Scientific and Practical Conference (Kursk, December 10, 2019)]. Kursk: YUZGU. Pp. 261–265. (In Russ.).

Fomenko I.B., Tun I. (2015). Koncept “dom” v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira [The concept of “home” in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *Problemy vysshego obrazovaniya* [Problems of higher education]. № 1. Pp. 284–287. (In Russ.).

Civ’yan T.V. (1978). Dom v fol’klornoj modeli mira (na materiale balkanskih zagadok) [House in the folklore model of the world (based on the Balkan mysteries)]. *Semiotika kul’tury: Trudy po znakovym sistemam: Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Semiotics of culture: Works on familiar systems: Scientific notes of the Tartu State University]. Tartu. № 10. Pp. 65–85. (In Russ.).

Ababneh Sana. (2015). Proverbs teaching in EFL classes: “Where there is a will, there is a way”. *Journal of Foreign Language Teaching and Applied Linguistics*. No 2. doi: <https://doi.ru/10.14706/JFLTAL152316>. URL: https://www.researchgate.net/publication/288873918_PROVERBS_TEACHING_IN_EFL_CLASSES_WHERE_THERE_IS_A_WILL_THERE_IS_A_WAY. Accessed: 14.10.2021.

Bilá M., Kačmárová A., Vaňková I (2020). The encounter of two cultural identities: The case of social deixis. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 24. No 2. Pp. 344–365. <https://doi.ru/10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365>.

Lavrova N.A., Nikulina E.A. (2020). Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 24. No 4. P. 831–857. <https://doi.ru/10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857>.

Wu Qiling. (2019). A Comparative Study of English and Chinese Proverbs Using Natural Semantic Metalanguage Approach. *International Journal of English and Cultural Studies*. Vol. 2. No 1. <https://doi.ru/10.11114/ijecs.v2i1.3951>.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Степанова Н.С. — научное руководство; концепция исследования, определение методологии и материала исследования, формулирование целей; подготовка теоретической базы исследования; обобщение результатов исследования; редактирование исходного текста, утверждение окончательного варианта статьи.

Амелина И.О. — сбор языковых данных (исследование паремииологического фонда лингвокультур русско-, англо- и испаноязычных стран), анализ

и интерпретация полученных данных; апробирование собранного материала в процессе преподавания русского языка иностранным студентам, обобщение результатов; формулировка выводов; подготовка и написание исходного текста статьи.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Stepanova N.S. — scientific management; research concept; determination of the methodology and research material, formulation of goals; preparation of a theoretical basis for research; generalization of research results; editing of the source text, approval of the final version of the article.

Amelina I.O. — collection of linguistic data (research of the paremiological fund of linguocultures of Russian, English and Spanish-speaking countries), analysis and interpretation of the data obtained; testing the collected material in the process of teaching Russian to foreign students, summarizing the results; formulation of conclusions; preparation and writing of the source text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2021; одобрена после рецензирования 09.09.2021; принята к публикации 14.10.2021.

The article was submitted 20.08.2021; approved after reviewing 09.09.2021; accepted for publication 14.10.2021.

Информация об авторах

Надежда Сергеевна Степанова — доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет, заведующий кафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан подготовительного факультета для иностранных граждан Института международного образования; сфера научных интересов: история и теория русского языка и литературы, педагогика высшей школы.

Ирина Олеговна Амелина — кандидат педагогических наук; Юго-Западный государственный университет; доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан подготовительного факультета для иностранных граждан Института международного образования; сфера научных интересов: история и теория русского языка, педагогика высшей школы, методика преподавания русского языка как иностранного.

Information about the authors

Nadezhda Sergeevna Stepanova — Doctor of Philology, Associate Professor; Southwest State University, Head of the Department of the Russian Language and

General Education Disciplines for Foreign Citizens at the Preparatory Faculty for Foreign Citizens of the Institute of International Education; research interests: history and theory of the Russian language and Literature, pedagogy of higher education.

Irina Olegovna Amelina — Candidate of Pedagogy; Southwest State University; Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Education Disciplines for Foreign Citizens at the Preparatory Faculty for Foreign Citizens of the Institute of International Education; research interests: history and theory of the Russian language, pedagogy of higher education, methods of teaching Russian as a foreign language.

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

Сборник научных трудов по филологии

Выпуск XV

Корректор *Кочемасова Т. В.*

ООО «Книгодел»

Подписано в печать 18.11.2021.

Формат 60×90/16. Печ. л. 21,0.

Тираж 300 экз.

Заказ № 1865